

Сэмюель ДИЛЕНИ

ДРАГОЦЕННОСТИ ЭПТОРА

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ НЕВА

Сэмюель ДИЛЕНИ

ДРАГОЦЕННОСТИ ЭПТОРА

Драгоценности Эптора. Баллада о Бете два. Стекляшки. Хомо Аструм

Сэмюель Дилени

Аннотация
Сэмюель Дилени. ДРАГОЦЕННОСТИ ЭПТОРА (сборник)
ЭТАПЫ БОЛЬШОГО ПУТИ. (вехи творчества Сэмюела Дилени)
ДРАГОЦЕННОСТИ ЭПТОРА
Пролог
Глава первая
Глава вторая
Глава третья
Глава четвертая
Глава пятая
Глава шестая
Глава седьмая
Глава восьмая
Глава девятая
Глава десятая
Глава одиннадцатая
Глава двенадцатая
БАЛЛАДА О БЕТЕ ДВА

Глава первая
Глава вторая
Глава третья
Глава четвертая
Глава пятая
Глава шестая
Глава седьмая
Глава восьмая
Глава девятая
Глава десятая
СТЕКЛЯШКИ
Глава первая
Глава вторая
Глава третья
Глава четвертая
Эпилог
ХОМО АСТРУМ
ЧАСТЬ
ПЕРВАЯ. ИЛИ РАСТЕШЬ, ИЛИ УМИРАЕШЬ
Глава первая
Глава вторая
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ЗОЛОТИСТЫЕ
Глава третья
Глава четвертая
Глава пятая
Глава шестая

Глава седьмая
Глава восьмая
Глава девятая
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ЛОВУШКА ДЛЯ ЗОЛОТИСТЫХ
Глава десятая
Глава одиннадцатая
Глава двенадцатая
Эпилог

Аннотация

Впервые на русском языке «Драгоценности Эптора» — роман одного из самых эксцентричных писателей-фантастов Америки — Сэмюеля Дилени. Лауреат множества литературных премий, Дилени хорошо известен российским читателям своими романами: «Пересечение Эйнштейна» (премия Небьюла), «Вавилон-семнадцать» (премия Небьюла), «Падение башен», «Нова».

В книгу также включены повести «Баллада о Бете два» (премия Хьюго, премия Небьюла, как лучшая повесть года) и «Хомо Аструм», а также рассказ «Стекляшки» (премия А. Кларка и премия Дж. Кэмпбелла, как лучший рассказ года).

Сэмюель Дилени
ДРАГОЦЕННОСТИ ЭПТОРА (сборник)

ЭТАПЫ БОЛЬШОГО ПУТИ
(вехи творчества Сэмюела Дилени)

...Я, может быть, смогу когда-нибудь проникнуть в смысл, найти во тьме разгадку того, что обнажает видимости суть и внешний образ разрушает без остатка. Вот мальчик. Сквозь него глядит старик, как сквозь скорлупку прорастает семя. Распилен надвое его мгновенный лик, и щепки без следа уносит время.

Мэрилин Хэкер.

«Пророки и линзы»[1]

...Сэмюел хороший парень... Хоть он и черный, но всегда пытался писать как мы, белые... Словечко «как» отделяло его от нас всегда... и даже голубым он был только наполовину...

Х. Эллисон.

«Почему я считаю себя расистом»

---

[1] Примечания: 1

Часть эпиграфа к Первой части романа С. Дилени «Вавилон-семнадцать». Перевод М. Крашениковой.

В начале шестидесятых в классической фантастике — детище дешевых журналов тридцатых — назрел кризис. Большинство авторов продолжало идти по проторенному, традиционному пути, лишь совершенствуя жанр, углубляя образы героев или окунаясь в хитросплетение социальных проблем, создавая и вовсе невероятные миры. Но часть, поднявшись на борт «желтой субмарины», ратовала за что-то новое, более литературное, более высокохудожественное, нежели набившие оскомину футурологические измышления Степлдона, одиссеи в духе Э. Р. Берроуза да космические оперы — перепевы Х. Гернсбека. Много позже Б. Олдисс писал о том времени:

«В середине шестидесятых метаморфозы стали жизненно необходимы. Англия свинговала, битломания, как эпидемия, охватывала всю страну, длина волос росла, а юбки укорачивались до естественного предела. В воздухе веяло новым гедонизмом. Империя растворилась, и римляне становились просто итальянцами... Шестидесятые остались в памяти мещанскикрасочными воскресными журналами, ростом влияния лейбористов, наркотиками, промискуитетом, подешевевшими авиабилетами, цветным телевидением, поп-музыкой, которая внезапно

заговорила человеческим голосом, — и постоянной опасностью того, что на Ближнем Востоке или во Вьетнаме, или в Южной Африке, или Где-то-там еще, рано или поздно произойдет нечто, что взорвет весь этот мир к чертовой матери, ныне и присно и во веки веков, аминь! Вот чем по-настоящему был Дивный Новый Мир, частью которого мы не переставали себя ощущать»[2].

И вот словно по мановению волшебной палочки тыква попыталась превратиться в роскошную карету. В Англии пышно расцвела Новая волна. Молодые авторы начали экспериментировать, создавая произведения, в корне меняющие представление о научной фантастике. Равняясь на модернистов начала века, они не только меняли форму своих творений, вводя новые слова и заполняя страницы странным «граффити», но и касались тем, раньше считавшихся для фантастики табу, в том числе секса и политики. Ставя на книги и свой программный журнал аббревиатуру «SF», они расшифровывали ее не как «Sience-Fiction», а как «Speculative-Fiction» — литература размышлений.

Молодые писатели США тоже присоединились

---

[2] Примечания: 2

Перевод Вл. Гакова из статьи «Бунтарский век, или фантастика, которую они обрели и вновь потеряли».

к «заморским революционерам». «Новая Волна дяди Сэма» (именно так называл своих американских коллег один из главных теоретиков Новой волны М. Муркок) писали менее вычурно, менее абсурдистски, чем англичане. Они не стремились к словотворчеству, работая в основном с сюжетом и внося в повествование разве что жаргонные и матерные словечки, что в те времена было не принято. Но прошло время, хиппи и их философия отошли на второй план. Новая волна пошла на убыль и выплеснула в океан литературы таких ныне всемирно известных фантастов, как Брайан Олдисс, Джеймс Боллард, Джон Браннер, Джон Гаррисон, Джон Слейдек, Кристофер Прист, Майкл Муркок, Томас Диш, Роджер Желязны, Роберт Сильверберг, Норман Спинрад, Харлан Эллисон и... Сэмюел Рэй Дилени.

Однако начнем с самого начала.

Сэмюел Рэй Дилени родился 1 апреля 1942 года в Нью-Йорке, в печально известном районе Гарлем, в привилегированной семье с достатком выше среднего. Его отец держал похоронное бюро (по крайней мере, так в начале века назывались подобные заведения в России). Детство, проведенное в Гарлеме, сильно отразилось на творчестве С. Дилени. Читая его прозу, порой начинаешь

ощущать некий внутренний ритм, завораживающую негритянскую скороговорку в духе «рэпа». Кроме того, в ряде его произведений встречаются обороты, присущие негритянскому жаргону. Только негр может назвать драгоценный камень родственником и обратиться к незнакомцу: «Эй, брат!»

Поступив в престижную Высшую школу Бронкса, Сэмюел Дилени отучился в ней всего один семестр и продолжил образование только в 1975 году. Уже будучи известным писателем, он закончил Университет Массачусетса и в 1988 году стал профессором литературы. Последнее время он наряду с романами опубликовал множество критических статей о фантастике и ныне считается в США одним из ведущих критиков жанра.

Первый роман Сэмюел Дилени опубликовал в возрасте двадцати лет. «*Драгоценности Эптора*» (1962) были благодушно встречены публикой. Дилени сразу заявил о себе как автор необычный, ловко переплетающий в своих произведениях элементы приключений и мифологические мотивы. Роман, начавшись как заурядный постъядерный фэнтези-квест [3] постепенно пре-

[3] Примечания: 3

Квест — поиск (англ.), термин для обозначения романов, описывающих длинные путешествия — одиссеи.

вращается в удивительную историю, где враги оказываются вовсе не врагами, а герои, чтобы победить, должны сначала заглянуть внутрь самих себя. Дилени не стал делить героев на плохих и хороших, не сделал из них (как было принято у большинства фантастов начала шестидесятых) картонных марионеток, а снабдил их глубокими образами, превратил поиски волшебных камней в путь становления героев, их осмысления окружающего мира и определение ими своего места в нем.

Три следующие книги как бы завершили начальный период творчества С. Дилени. Выходившие вначале по отдельности («*Пленники пламени*», 1963, «*Башни Торона*», 1964, «*Город тысячи солнц*», 1964), они значительно уступали дебютному роману. Связанные одними и теми же героями, эти романы представляют из себя мелодраматическую историю о войне, мутантах, безумных компьютерах и враждебном космическом разуме. Книги потерялись на фоне подобных произведений. В них не было ничего нового. Герои серии, а называлась она «*Падения башен*», как две капли воды походили на героев «*Драгоценностей Эптора*», и Дилени, единственный раз в жизни попытавшись создать

приключенческую серию, потерпел неудачу. В построении сюжета он использовал ряд штампов, отчего трилогия стала утомительной. Позже, в 1970 году, уже став известным, Дилени переделал эти романы, объединив их в один — *«Падение башен»*. На русском языке *«Башни»* выходили дважды, и, увы, перевод низкого качества ничуть не улучшил их падение.

Звездным же годом Сэмюела Дилени можно считать 1965, когда в издательстве «АЙС» увидела свет *«Баллада о Бете два»*. Именно с этой повести началось восхождение Дилени на

Олимп фантастической литературы. Небольшая повесть, удивительно поэтическая, написанная в строгих канонах Новой волны, обладала увлекательным приключенческим сюжетом. Она покоряла глубиной образов. На тему общества, развивающегося на космическом корабле, который путешествует между звездами с досветовой скоростью, писали многие авторы *(«Пасынки вселенной»* Р. Хайнлайна, *«Поколение, достигшее цели»* К. Саймака и так далее), но повесть Дилени яркой звездой вспыхнула на небосклоне фантастики. К тому же в этом произведении С. Дилени затрагивает тему противостояния человека и вселенского космического разума, своего рода

Бога, который, с одной стороны, помогает человечеству, желая подарить ему космос, с другой — может уничтожить многие тысячи ни в чем не повинных людей из-за простого непонимания.

Умело используя колоритные детали, автор часто поражает читателя поворотами сюжета, которые оказываются четко логически выверенными. На основе лишь одного стихотворения, смысл которого на первый взгляд совершенно непонятен, Дилени создал целую космогонию...

«Баллада о Бете два» была первой ласточкой. В 1966 году Дилени опубликовал две книги: *«Звезда Империи»* и *«Вавилон-семнадцать»* — роман, который получил одну из высших премий фантастики «Небьюла». В эпиграфах *«Вавилона...»* Дилени использовал стихи своей жены Мерилин Хэкер, тогда еще начинающей поэтессы. Надо отметить, что Мерилин оказала большое влияние на творчество Сэмюела. Почти во всех его произведениях в том или ином виде упоминаются *«Пророки и линзы»* — программная поэма Мерилин Хэкер. Лишь в 1980 году «несчастная дама, не в силах разделить бисексуальный образ жизни мужа» [4], развелась с Сэмюелом. Но вернемся к

[4] Примечания: 4

Именно так пишет о своем приятеле Х. Эллисон в скандально знаменитой статье «Почему я считаю себя расистом».

«Вавилону...». Неортодоксальная героиня должна расшифровать таинственный язык — Вавилон-семнадцать. Он сам по себе эффективное оружие... Роман о языке, о любви, о мифе... *«Многое в „Вавилоне-семнадцать" наводит на мысль, что форма языка напрямую контролирует мыслительный процесс человека, который в дальнейшем определяет направление развития науки»*[5].

«*...Слово, обозначающее на Вавилоне-семнадцать „союз", может быть переведено на английский как „тот, который захватывает". Теперь понимаете? И все программы подчинены этому слову. Когда мыслишь на Вавилоне-семнадцать, становится совершенно логичным постараться уничтожить собственный корабль, а потом при помощи самогипноза заблокировать этот факт, чтобы вы не могли раскрыть собственное действие и остановить себя»*[6].

«*Вавилон-семнадцать*» стал первым бестселлером Сэмюела Дилени. А. Будрис назвал этот роман «лучшим научно-фантастическим произведени-

---

[5] Примечания: 5

Цитата взята из послесловия С. Дилени к роману «Вавилон-семнадцать».

[6] Примечания: 6

«Вавилон-семнадцать», пер. Д. Арсеньева, сб. «Шестой дворец». М.: Пульсар, 1992.

ем года». Как писал сам автор в послесловии к этому роману:

«*В середине шестидесятых, когда у меня уже была опубликована пара крупных произведений* (Дилени, видимо, имеет в виду *„Драгоценности Эптора"* и *„Балладу о Бете два"), я подозревал, что все мои знакомые только и говорят о том, какие важные и значимые проблемы затрагивают мои книги. Теперь мне кажется, что в тот момент я на самом деле поверил им, хотя до сих пор не могу понять почему. „Теперь я — молодой писатель-фантаст", — сказал я себе».*

«Сэмюел в те времена возгордился, но это быстро прошло. Тогда, окрыленный, он много работал. Он писал, его печатали», — написала в своих воспоминаниях Мерилин.

Оказавшись на передовом фронте Новой волны, Дилени удается смешать воедино технологию, психологию и жесткую научную фантастику. Теперь подобную смесь называют «киберпанком». Что ж, если оценивать творчество С. Дилени, пользуясь эталонами Б. Стерлинга и У. Гибсона (сделав поправку на разницу технологий шестидесятых и начала девяностых), то можно с уверенностью сказать: «Да, С. Дилени был „киберпанком" своей эпохи».

В 1967 году Дилени получает премию «Небьюла» за рассказ *«Конечно, и Гоморра...»*, а в 1967 — «Хьюго» и «Небьюла» за повесть *«Время, как спираль из полудрагоценных камней»*. Повесть *«Время...»* издавалась, переиздавалась и входит во все антологии научной фантастики, претендующие на академичность. Эта повесть столь многократно выходила на русском языке, что нет смысла говорить о ней подробнее. Хочется разве что отметить, что из всех переводов, а их существует по крайней мере пять, наиболее адекватно передает дух произведения перевод Г. Корчагина (сб. *«Смерть Вселенной»*, серия КЛФ. «Васильевский остров», 1992).

«Сквозь вечерний сумрак течет река света. Большой Белый Путь. Я пересекаю его по пластиковым плиткам (по-моему, люди, утопающие в белом сиянии до подбородка, выглядят неестественно), прорываюсь сквозь людской поток, исторгаемый эскалаторами подземки, подподземки и подподподземки (после тюрьмы я восемнадцать с лишним недель шарил здесь по карманам у прохожих и ни разу не попался) и натыкаюсь на стайку смущенных школьниц с горящими лампочками в прическах. Они дружно жуют резинку и хихикают. Смущены они оттого,

что на них прозрачные синтетические блузки, только что вновь разрешенные. Я слышал, что вид обнаженной женской груди считается пристойным (как, впрочем, и наоборот) с семнадцатого века. Заметив мой одобряющий взгляд, школьницы хихикают еще громче. „Боже мой, — думаю, — а ведь я в их возрасте ишачил на проклятой молочной ферме...“ — и выбрасываю эту мысль из головы».

«Пересечения Эйнштейна» (1967) — другое название романа *«Удивительная, бесформенная темнота»*. Далекое будущее. Земля заселена различного рода мутантами, и герою (существу, во многом напоминающему героя *«Этого бессмертного»* Р. Желязны) предстоит совершить удивительное путешествие. Играя на пустотелой рукояти мачете, как на флейте, очаровательный чернокожий уродец — реальное воплощение Ринго Стара, Билли Кида и Христа в одном лице — смело идет навстречу всевозможным опасностям. Ему предстоит повторить путь Орфея, спустившегося в подземное царство.

«Мое мачете пустое внутри — цилиндрическая полость с отверстиями от рукоятки до самого острия. Когда я дую в него, звучит музыка. Когда я закрываю пальцами все отверстия, звук полу-

чается унылым — то мелодичным, то режущим слух. Когда все отверстия открыты, звук придает глазам блеск отражающегося в воде солнца и может расплавить металл. Всего в моем распоряжении — двенадцать отверстий. С тех пор, как я стал играть, меня чаще называют дураком и всякими производными от этого слова, чем Чудиком, то есть моим настоящим именем.

Как я выгляжу?

Уродлив, с постоянно оскаленными зубами. Всякое есть у меня: огромный нос, серые глаза, рот до ушей — и все это понатыкано на маленькое коричневое лицо. Оно обычно расцарапано и больше похоже на лисью мордочку. А вокруг — нечесаная шевелюра цвета желтой меди или латуни. Где-то раз в два месяца я ее подрезаю своим мачете: волосы быстро отрастают. Но вот что странно, мне двадцать три, а бороды еще нет. Фигура моя напоминает бочонок; ноги, икры ног, ступни вряд ли можно назвать мужскими (горилла?); они раза в два больше, чем должны бы быть (размер у меня пять футов девять дюймов), и бедра — под стать икрам. В тот год, когда я родился, у нас в деревне родилось много гермафродитов, и доктора полагали, что я тоже буду гермафродитом. В этом я как-то сомневаюсь».

Вот таким рисует своего героя С. Дилени.

Этот роман продолжал темы, развитые в *«Драгоценностях Эптора»*. Да и сами романы во многом созвучны. Та же постядерная одиссея. Но если «начинающий Дилени» еще осторожничал — и мутанты были у него или плохими, или человекообразными, и Земля не так уж сильно изуродована, общество и одежды героев наводили на мысли о гуманном средневековье, и с мифологией автор еще только начинал заигрывать, — то «Дилени зрелый» развернулся не на шутку. Словно желая подкрепить образ бунтаря, Дилени на вопрос о своем отношении к мифам отвечает:

«Так в чем же радикальная мудрость мифов?.. Можем ли мы понять ее? Конечно. Но мы должны помнить, что мифы — истории, которые общество рассказывает о себе. Их значение становится понятным, только когда мы понимаем, что любой миф всегда находится вне государства, всегда под давлением и в нем сокрыты какие-то истины, воспетые обществом, создавшим их. Эти истины часто противоречат тому, что провозглашает миф. Обычно это как раз те истины, которые противоречат устоям данного общества».

В своем следующем романе *«Нова»* (1968) Дилени продолжает работать с мифологией. Смешав воедино историю Прометея и Священного Грааля, Дилени создает космическую оперу. Главный герой должен нырнуть в кору взрывающейся звезды, чтобы добыть фантастический элемент, который станет источником питания галактической цивилизации. И все это на фоне поистине стэплдоновской панорамы будущего человеческой цивилизации:

«До того, как на Пелядах появились поселения, переселение из созвездия Дракона производилось национальными правительствами Земли, корпорациями, подобными Ред-шифт, — корпорациями и правительствами, которые устанавливали свою стоимость перевозок. Новые колонии субсидировались, управлялись и принадлежали Земле. Они становились частью Земли, а Земля становилась центром созвездия Дракона. Как раз тогда инженеры Ред-шифт Лимитед решили такую техническую проблему, как создание конструкции космических кораблей с высокочувствительным управлением, способных летать в таких областях космоса, как дрейфующие межзвездные туманности и звездные скопления наподобие Плеяд, с высокой концентрацией твердых тел.

Какая-нибудь спиральная туманность до сих пор является источником хлопот, когда ты идешь на своей маленькой [звездной] яхте. Но она была бы совершенно непроходима для корабля, построенного двести пятьдесят лет назад...»

И хотя роман *«Нова»* получил массу положительных откликов, самого С. Дилени он не удовлетворил. *«В этой книге нет истинного размаха и все слишком уж гладко, все предметы расставлены по местам и нет недосказанности, присущей истинному реализму»,* — признался он в одном из писем к Х. Эллисону. В повести *«Хомо Аструм»* (1968), последовавшей почти сразу за *«Новой»,* Дилени попытался исправить свои ошибки. *«Хомо Аструм»* стала одним из программных произведений Новой волны, хотя и получилась несколько путаной.

«Человек, пойманный в ловушку своей природой» и «ничто не может быть совершенно» — вот две основные мысли, которые внушает нам автор. Но юные гении — мальчики, которые с удовольствием спят с мужчинами, полисемьи, странные на первый взгляд поступки героев — все это слишком перегружает произведение. Однако несмотря на это, *«Хомо Аструм»* стала эпохальной для творчества С. Дилени.

Чуть позже С. Дилени вместе со своей женой М. Хэкер начинают выпускать антологию «*Кварк*», стараясь поднять ее уровень до скандально известных *«Новых миров»* М. Муркока. Они публикуют американских писателей Новой волны, а больше всего Томаса Диша. Кроме рассказов и повестей, в антологию входят и эссе, и графические работы, и стихотворения довольно фривольного содержания. Всего было опубликовано четыре выпуска «*Кварка*» (1970—1971), после чего альманах умер.

Как и большая часть писателей Новой волны, С. Дилени пробует писать в соавторстве с Дж. Саллисом, но небольшая повесть *«Они летели на Крион»* (1971), вышедшая в журнале «Фэнтези и научная фантастика», никакого успеха не имела.

Тогда, собрав все свои рассказы, С. Дилени в 1971 году выпускает сборник *«Стекляшки».* Увы, эта книга, появившаяся уже на спаде Новой волны, так и осталась почти незамеченной, хотя, надо сказать, многие из рассказов, опубликованных в ней, лишь условно можно назвать фантастическими. Это по большей части реалистические произведения, в которых смешались воедино реальность и фантастика, да так, что многие чисто фантастические элементы воспринимаются

совершенно обыденно.

Спад Новой волны, наступивший в начале семидесятых, и неудача с *«Кварком»* подтолкнули С. Дилени к ряду экспериментов. Повесть *«Прилив похоти»* (1973) можно скорее назвать порнографической, чем фантастической, а еще одна повесть — *«Безумный Человек»*, написанная в те же годы, так и не была напечатана до 1994 года. *«Прилив похоти»* вызвал у читателей шок, так как С. Дилени попытался романтизировать картины садомазохизма и гомосексуализма, которым позавидовал бы сам маркиз де Сад. Именно в это время, в середине семидесятых, стало известно, что С. Дилени — бисексуал. Много позже он не раз возвращается к теме группового секса, проводя параллели между своим творчеством и своей сексуальной ориентацией. Но книга *«Движение света в воде: секс и писатель научной фантастики из восточной деревушки, 1957— 1965»,* посвященная этому вопросу, вышла только в 1988 году, а потом не раз переиздавалась как в США, так и в более консервативной Англии. Однако написанная где-то в начале семидесятых, она концептуально легла в основу одного из величайших произведений С. Дилени — *«Дальгрен»* (1975).

Не так уж много фантастических романов можно назвать бестселлерами, а тем более — культовыми произведениями. Из фантастики это разве что романы У. Берроуза *«Обнаженный завтрак»,* Р. Хайнлайна *«Чужак в чужой стране»,* Дж. Р. Толкиена *«Повелитель колец»* и *«Дальгрен»* Сэмюеля Дилени. Этот роман буквально потряс Америку. Только в 1975 году *«Дальгрен»* выдержал более пяти изданий! А в 1977 вышло откорректированное автором издание, поскольку в первоначальном наборе издательства «Бантам» было очень много опечаток, особенно в отрывках, посвященных художественной литературе конца шестидесятых. В общей сложности только в США в 1995—1997 годах вышло более миллиона экземпляров *«Дальгрена»!* Роман посвящен мытарствам юноши, странствующего по Америке завтрашнего дня, в небе которой по совершенно непонятной причине висят две Луны. Герой попадает в город Беллонну, где жизнь пропитана духом нигилизма, — утрированный портрет Гарлема. Юноша становится артистом и пишет книгу. Возможно, когда-нибудь он назовет ее *«Дальгрен».* В романе много внимание уделяется писательскому труду, становлению молодого писателя как личности, его осознанию литературы

и своего положения в ней. «*Это книга об исканиях молодежи, о сексе и о том, как писать книги*» — так охарактеризовал этот том (а в книге более восьмисот страниц) знаменитый американский писатель-фантаст Федерик Пол. Кроме того, надо сказать, что *«Дальгрен»* написан в присущем только С. Дилени романтизированном стиле Новой волны, отчего особенно пикантные сцены, например описание секса втроем и интимных подробностей жизни гомосексуалистов и лесбиянок, совершенно лишены пошлости. Борис Моисеев научной фантастики, да и только.

«Я знаю, что все вы: занятые делом астронавты и банковские клерки, глазеющие на часы в ожидании обеденного перерыва; актрисы, кривляющиеся перед подсвеченными зеркалами в уборных, и лифтеры, работающие на грузовых лифтах, ухмыляясь сжимающие стальные рычаги; бунтующие студенты, даже эти темнокожие женщины в винных погребках, качающие головами всю неделю, потому что за последние шесть месяцев цены поднялись просто запредельно, — все вы знаете, какой вкус у кофе, после того как вы подержали его во рту, охладив, скажем минуту.

Вот такую минуту он и провел, сидя на корточ-

ках, так что камешки впились в его левую босую ногу. Он прислушивался к звуку, с которым дыхание вырывалось из его легких.

Гобелены листвы сверкали в серебристом лунном свете.

Он потер пальцами свое достоинство. Все напряглось. Где-то далеко-далеко что-то шептал ветер.

Листва мерцала.

Там возникло какое-то едва уловимое движение. Он оперся руками о твердую скалу.

Девушка стояла всего в двух десятках шагов от него, одетая лишь в тени, которые луна набросила на ее тело, разузорив его. Когда она двигалась, тени скользили по ее коже...»

Не будем смущать читателя дальнейшим переводом предельно откровенного отрывка, но, смею заверить, дальше все точно в таком же духе. Могучие предложения о чем-то совершенно отвлеченном, и поэтические, короткие, недвусмысленные описания.

Забавно так же и то, что в одном из посвящений романа упоминается Томас Диш. Как говорят, в начале семидесятых писатели были близкими друзьями, если не более...

Сразу после «*Дальгрена*» свет увидел «*Тритон*»

(1976). Видимо, окрыленный успехом С. Дилени попытался создать еще одно произведение о сексуальности и свободе выбора. Но успеха *«Дальгрена»* ему было не повторить. Научно-фантастический роман переносил читателя на Тритон — одну из лун Нептуна. Освоенная человечеством Солнечная система, нестабильная политика, сложности, встающие перед каждым человеком, который должен не только придерживаться определенных политических взглядов и выполнять свою социальную роль, но и придерживаться изначальной сексуальной ориентации. Все это ведет к развитию невероятного консерватизма, клановости и, в свою очередь, к войне, которая грозит выжечь в Солнечной системе все живое... А главная героиня романа, долго выбирая, кем же ей стать, в финале так и остается женщиной... Такая вот история!

Многие критики, в частности Х. Эллисон, расценили этот роман, как уступку Дилени своей жене. Ведь именно в 1976 году начался разлад между супругами, который в 1980 привел к разводу.

После неудачи *«Тритона»* С. Дилени на некоторое время отходит от художественной литературы. Отдыхая на лаврах *«Дальгрена»,* а надо сказать, он заключил очень выгодный контракт

с издательством «Бантам», писатель выпускает пару сборников критических статей: *«Искусственные челюсти с драгоценными камнями: записка о языке научной фантастики» (1977), «Американский берег*[7]*: медитация при помощи Истории научной фантастики Томаса М. Диша — Ангулем» (1987).* Критические статьи С. Дилени зачастую попахивают постструктурализмом и постмодернизмом, но писатель с убеждением продолжает отстаивать свой взгляд на научную фантастику, который наиболее характерно проявился в *«Вавилоне-семнадцать»*, *«Нове»* и *«Пересечениях Эйнштейна»*. Вот как оценил его первые критические работы Ф. Пол в одном из интервью журналу «Локус»:

«Дилени — глубокий критик... В его статьях есть некая въедливость, дотошность. Уцепившись за какую-то одну деталь, он начинает буквально выкручивать руки, углубляясь в переплетение сложных литературных терминов, напластование названий и понятий... Из-за этого его порой тяжело понять, хотя я не устаю повторять всем его афоризм, ставший в нашей среде (видимо, имеются в виду американские

[7] Примечания: 7

Название созвучно названию одной из самых известных повестей Т. Диша «Азиатский берег».

писатели

учную фантастику как научную фантастику"». (Должен признаться, на английском это высказывание звучит намного изящнее.)

Вторая же книга критических статей *«Американский берег...»* целиком посвящена лишь одному рассказу Томаса Диша *«Ангулем»*, который в дальнейшем вошел в знаменитую книгу *«334»* (1972). Но, если честно, хоть рассказ Диша и довольно глубокое произведение, анализировать его на протяжении 275 страниц дело довольно утомительное. Хотя статьи С. Дилени по-своему интересны, но скорее предназначены для литературоведов, занимающихся изучением научной фантастики, чем для обычных читателей...

А потом наступает пора творческих поисков. Писатель в недоумении. Он мечется. Новая волна, окончательно сникнув, уступает место настоящему хаосу. *«Если раньше еще имело смысл подразделять американскую и английскую фантастику на различные „отряды", „школы" и „направления" (как ни схематичны подобные классификации)... теперь все смешалось»*[8]. *Познакомившись с аме-*

[8] Примечания: 8

Вл. Гаков. «Век сытых». Честно говоря, эта цитата относится к началу восьмидесятых, но я считаю, что процесс этот начался уже в 1978 году, а в 1980 Хаос уже победил.

риканским художником Говардом В. Чайкиным, С.Дилени пробует себя в новом, только что зарождающемся жанре графического романа. У нас и во Франции подобные произведения иногда называют «литературный комикс»[9]. В 1978 году выходит графический роман «Империя», текст которого написал С. Дилени. Г. Чайкин роман прославил, чего нельзя сказать о С. Дилени, от которого все ждали «чего-то другого» — по выражению Ф. Пола...

Но если уж говорить о комиксах, то многие великие художники брались создавать рассказы в картинках по мотивам произведений С. Дилени. Наибольшей известностью пользуется графический роман *«Вавилон-семнадцать»* Пата Мебиуса (настоящее имя Пат Жиро — французский ху-

---

[9] Примечания: 9

В России очень странное отношение к комиксам, увы, навеянное коммунистической пропагандой. Почему-то у нас считается, что комикс — это история в картинках для умственно отсталых, да притом еще нарисованная в духе дешевого мультфильма. Должен вас разуверить. Комиксы, и в частности графические новеллы, порой обладают очень глубоким содержанием, и то, что автор попытался придать своему роману «зрительный ряд», на мой взгляд, порой улучшает, а не ухудшает произведение. Судить же о комиксах по тонким и дешевым брошюркам о приключениях Человека-паука или Супермена то же самое, что судить о фэнтези по многотомным сериям американского издательства ТСР и многочисленным «Волкодавам» всех мастей, которые заполонили наш рынок благодаря Санкт-Петербургскому издательству «Азбука».

дожник, который вместе с Бобом Друллетом считается одним из основателей «литературного комикса»).

И уже с 1978 года выходят первые рассказы фэнтези в неожиданном для С. Дилени жанре «меча и колдовства». А в 1979 году писатель объединяет их в одну книгу — «*Истории Невериона*». Однако книга остается незамеченной. Видимо, дело в том, что это все-таки был цикл рассказов, а не единый роман.

Чуть отступив от фантастики, С. Дилени продолжает экспериментировать. В 1979 году выходит книга *«Эссе о зиме любви».* Это странное, во многом автобиографическое, произведение, не имеющее никакого отношения к фантастике. Я не стану приводить здесь целиком рецензию Х. Эллисона на эту книгу, ограничусь лишь несколькими фразами: *«Пожалуй, в этой книге Сэм слишком разоткровенничался... Читая его „творения", поражаешься обилию мальчиков, но тут... Я бы и сам мог поставить диагноз, но, пожалуй, лучше меня это сделает профессиональный психотерапевт».*

В 1980-м он вновь пробует себя в качестве редактора, подготовив один из знаменитых сборников «*Лауреаты премии „Небьюла 13».* А в 1981 году

появляется «новый» авторский сборник С. Дилени *«Далекие звезды»*, куда входит значительно сокращенная повесть *«Империя звезд»*, а также три ранних рассказа, не вошедших в сборник *«Стекляшки»*.

Вдохновленный успехом первой книги *«Маджипурских хроник»* — *«Замком лорда Валентина»* (1980) Роберта Сильверберга и первой *«Геликонией»* Б. Олдисса, С. Дилени продолжает работать над серией фэнтези. В 1983-м выходит вторая книга, которая так и называется *«Невериона»*. Этот роман неожиданно вновь вынес С. Дилени на вершину славы. Первые две книги сериала, как и *«Дальгрен»* были выпущены тиражами в миллион экземпляров каждая. Издатели заключили с ним контракт еще на две книги об удивительном волшебном мире. И в 1985 году вышел сборник рассказов *«Бегство из Невериона»*, а в 1987-м — *«Последнее желание невесты»*. В 1989 году появилась новая редакция всего цикла, в которой были убраны отдельные нестыковки. Несмотря на то что произведения этой серии изобилуют описаниями всевозможных достижений инопланетных наук, это все же фэнтези, уносящее читателя в далекое доиндустриальное прошлое человечества, обитающего совершен-

но в ином мире. В произведениях о загадочном мире Невериона С. Дилени наряду с проблемами, которые затрагивало его творчество в прошлом, рассматривает пути развития культуры, цивилизации, и пути, которые порой предлагает автор, совершенно неожиданны. Тут есть все, от эротики до экономики. Писатель подробно останавливается на самой концепции рабства, а в последнем томе затрагивается даже проблема СПИДа: на Неверион обрушивается эпидемия похожего заболевания. Представьте себе романы Дж. Нормана (я имею в виду серию *«Гор»),* написанные в духе Новой волны, с изрядной долей философии, и вы получите более-менее точное представление о сериале С. Дилени. Приведу один отрывок:

«... Развитие цивилизации в какой-то момент предполагает определенную пресыщенность мужской части населения. Но в то же время женщины еще не сняли с себя рабского клейма, и такое понятие, как феминизм, существовать не может. Это время истинных удовольствий. Время мужчины с узкими плечами и широкими бедрами. Время, когда мальчики становятся предметом вожделения, а женщины — рабочим скотом, станками для производства потомства и

мишенью для кнута...»

Конечно, не все так мрачно. Есть в этой серии и возвышенная любовь, и нежность, но в целом же от четырех книг остается гнетущее впечатление.

В перерыве между Неверионами Дилени выпускает еще две книги: научно-фантастическую повесть о судьбах межгалактической цивилизации «*Звезды, словно песчинки, в моем кармане*» (1984) и сборник критических статей «*Вино звездных кораблей: новые записки о языке научной фантастики*» (1984), который во многом дополнял первую книгу на ту же тему, вышедшую в 1977 году.

С 1985 года С. Дилени все больше отдаляется от фантастики, занимаясь литературоведческой работой. Книга «*Игры критики XIX—XX веков*» (1988) как бы подвела итог творчеству С. Дилени в середине восьмидесятых. «*В статьях, собранных в этой книге, С. Дилени пытается анализировать тенденции развития жанра, но слишком уж он отстранен... Создается впечатление, что он застрял где-то в начале семидесятых и не может перебороть себя, изменить свои взгляды в соответствии с переменами, происходящими в жизни... Некоторые из тех, кто начинал вместе с нами в шестидесятые, изменились, другие, на-*

пример я, пошли на компромисс и создают как коммерческие, так и „высокохудожественные“ (с нашей точки зрения) произведения. И лишь единицы не изменили себя. В том числе... и С. Дилени»[10]. Тем не менее, несмотря на отрицательную оценку одного из классиков жанра, Дилени получил за эту книгу степень профессора литературы в университете Массачусетса.

Но С. Дилени, видимо, не удовлетворен пассивной ролью наблюдателя. Девяностые принесли в научно-фантастическую литературу новые идеи, новые имена. Попытку вернуться в художественную литературу С. Дилени предпринял в 1993 году. Реанимировав повесть, которую когда-то написал совместно с Дж. Саллисом, заменив устаревшие технологии новыми, расписав несколько второстепенных сюжетных линий, С. Дилени издал роман *«Они летят на Крион».* Однако книга особого успеха не имела и прошла совершенно незамеченной.

В одной из последних жанровых книг — сборник статей *«О языке, расе, сексе, научной фантастике и некоторых комиксах»* (1994) — С. Дилени подробно описал свое понимание жанра научной

---

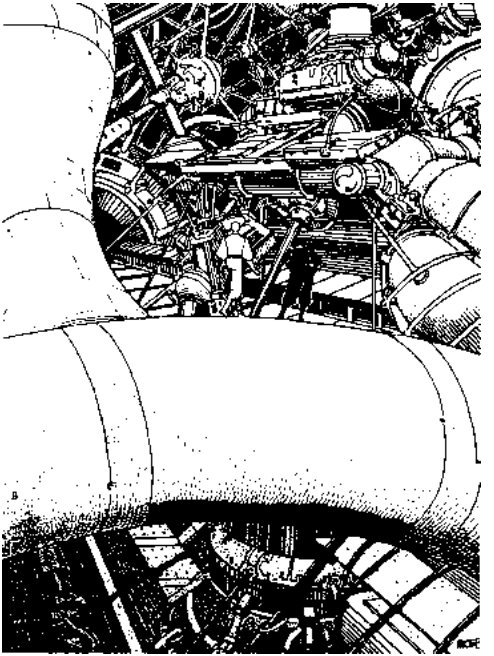
[10] Примечания: 10

Отрывок из интервью Майкла Муркока журналу «Сверхъестественные истории». (1995, январь)

фантастики. Несмотря на довольно «патриархальные» взгляды, С. Дилени считают одним из ведущих критиков научной фантастики...

Как сложится дальше судьба этого мастера, куда дальше заведут его искания, напишет ли он новые фантастические романы, которые вновь вынесут его на вершину популярности? Кто знает...

Александр Тишинин



ДРАГОЦЕННОСТИ ЭПТОРА

Бессонницу, страшней которой нет,
Ночные страхи, поглощающие явь,
Я встречу, гордо голову подняв,
И мне блеснет тогда надежды свет.
Преодолев свой страх,
Пройдя сквозь тьму ночи,
Увижу небосвод, сияющий вдали.

Начальные строки эпической поэмы о войне Лептара и Эптора, сочиненной одноруким поэтом Гео

Пролог

Потом жрец привел девушку на берег моря.

Ей было не по себе. Ссутулившись, она присела на огромный камень и большим пальчиком ноги стала чертить линии на мокром песке. Ее взгляд скользил по водной глади.

— Отвратительно! Ужасно! — Голос ее звучал отстраненно. — Жутко! Зачем ты мне это показал?.. Бедный юноша. Почему они так поступили с ним?.. Как они могли так поступить!? Он ведь

был почти ребенком!

— Это лишь фильм. Учебный фильм.

— Но фильм о том, что происходило на самом деле!

— Да. Так все и было. Но это случилось года три назад на противоположном берегу острова.

— Но ведь это случилось на самом деле! Вы выследили их с помощью лазера, а потом сняли фильм, и... О боже! Зачем ты показал его мне?

— Подумай сама... Ты помнишь, чему мы хотим тебя научить?

Но девушка потеряла способность рассуждать. Перед ее глазами все еще стояла жуткая картина.

— Он был совсем юным, — бормотала она. — Лет двенадцать, не больше!

— Ты сама еще ребенок. Тебе нет и шестнадцати.

— Ну так что же я должна почерпнуть для себя из этого фильма?

— Оглядись... Подумай...

Но картина, запечатленная в памяти девушки, заслоняла все вокруг. Слишком живая, слишком яркая. Этюд в багровых тонах...

— Ты способная девушка и сама найдешь причину моего поступка здесь, на этом пляже, среди

деревьев, среди прибрежных скал, в ракушках, омытых волнами... Пока ты смотришь на мир и ничего не видишь. — Голос мужчины зазвучал еще мягче. — Однако ты прекрасная ученица. Быстро учишься... Припомни что-нибудь из навыков телепатии...

— Телепатия — метод, аналогичный радиосвязи... Прием... Передача... — пробормотала она. — Навыки телепатии позволяют считывать узор сознательной мысли с коры головного мозга одного человека и дублировать его в коре мозга другого, что приводит к дублированию сенсорных впечатлений... Ну и что?.. При чем здесь это!.. Я ничего не могу с собой поделать!..

— Тогда обратимся к истории... Ты великолепно ответила на все вопросы. Возможно, тебе поможет знание истории мира до и после Великого Огня?

— Да, это... это интересовало меня...

— Фильм, который ты смотрела, — тоже своего рода история. Он ведь показывает нам прошлое.

— Но это было так... — взгляд девушки блуждал, словно она хотела что-то найти в сверкающих волнах, — ...ужасно!

— История нравится тебе только потому, что она интересна? А тебе никогда не хотелось до-

копаться до причин, которые скрываются за поступками людей?

— Ну конечно, хотелось! Я хочу знать, зачем бога наших предков пригвоздили к дубовому кресту... Я хочу знать, что заставило одних людей причинить невероятные мучения своему соплеменнику.

— Хороший вопрос... Кстати, примерно в то же время, когда Иисуса распяли на кресте, в Китае додумались изобразить две противоборствующие силы Вселенной запертыми в круге, наполовину черном, наполовину белом. Однако, чтобы не создавалось впечатление, что силы однородны — только черные или только белые, — на черном фоне поставили белую точку, а на белом черную... Тебе интересно?

Девушка нахмурилась, удивленная таким неожиданным переходом. А ее спутник продолжал:

— Помнишь тот фрагмент из мемуаров ювелира эпохи Возрождения?.. Ну, тот, где ювелир вспоминает, как в возрасте четырех лет ему довелось вместе с отцом наблюдать в очаге у огня сказочную саламандру. Тогда отец внезапно отпустил ему затрещину настолько сильную, что мальчик пролетел через всю комнату и врезался

в полку с посудой. Свой поступок отец объяснил тем, что Челлини слишком маленький и не запомнит чудо, если его не сопроводить болью.

— Я помню этот рассказ, — кивнула девушка. — Челлини в зрелые годы долго сомневался, была ли затрещина причиной того, что он запомнил саламандру, или саламандра послужила причиной того, что он запомнил затрещину.

— Да, да! — воскликнул учитель. — Ты начинаешь понимать меня!

В возбуждении жрец откинул капюшон, и девушка увидела его лицо, багровое в свете заходящего солнца.

— Разве ты не видишь закономерности? — Изрезанный морщинами лоб, паутина красных сосудов в белках глаз... Девушке стало неловко разглядывать следы Времени на лице учителя, и она опустила взгляд.

— Я не знаю, что такое саламандра.

— Она напоминает голубых ящериц, которые поют в нашем саду, — объяснил учитель. — Только та саламандра была не голубая и не пела.

— Тогда зачем помнить о ней? — с вызовом проговорила юная ученица и усмехнулась.

Жрец не обратил на это внимания. Он продолжал, словно не расслышал:

— А еще художник из Флоренции, который, как ты помнишь, был другом Челлини. Он создал портрет таинственной девушки — Джоконды. Между прочим, чтобы писать с нее портрет ему приходилось выкраивать время, отрываться от работы над другой картиной. Эта, другая, картина — предупреждение о большом несчастье, несущем в себе много горя для всего человечества. Ее название «Тайная вечеря», и изображает она того самого человека, которого распяли на дубовом кресте, вместе с его учениками. Кстати, один из учеников и предал несчастного, выдав солдатам. Какие чувства терзали художника, когда он брал кисть, чтобы изобразить Грядущую Муку?.. А вспомни портрет Джоконды! Художник нарисовал улыбающуюся девушку, но улыбка ее не столько радует, сколько удивляет. И уже не одно столетие зрители в недоумении спрашивают: «Почему она так странно улыбается?» А причина понятна... Ты только внимательней отнесись к окружающему и сразу найдешь ответ.

— А Великий Огонь? — спросила девушка. — Когда с неба обрушилось пламя и закипела вода в море... Невероятно! Что вызвало это? По-моему, невозможно объяснить то, что тогда случилось... Тем более оправдать виновников... как и в случае

с тем мальчиком.

— Нет, — возразил учитель. — Ничего невероятного тогда не произошло. Действительно, когда Великий Огонь начал уничтожать мир, люди закричали: «За что? За что?» Так и ты сейчас спрашиваешь: «Как может один человек поступать так с другим человеком?» А надо спросить: «Почему?» — и ответить самой прямо сейчас, прямо здесь! Здесь, на пляже ты найдешь причину всем этим ужасным событиям!

— Не могу, — грустно ответила девушка. — Перед моими глазами тот распятый юноша... Ужасно!

— Хорошо. — Жрец вздохнул и поправил капюшон. — Возможно, ты поймешь причину человеческой жестокости, когда немного успокоишься... А теперь нам пора возвращаться.

Девушка соскользнула с валуна и пошла рядом со своим учителем, босиком ступая по холодному песку.

— Тот мальчик, у которого вырвали язык... Я не обратила внимания — он был связан? Кажется, у него было четыре руки, так ведь?

— Так.

Девушка вздрогнула, словно ее коснулся порыв ледяного ветра.

— Знаешь, я не могу вот так запросто, между делом говорить об этом. Ведь это было ужасно... Я должна что-то сделать. Написать стихи, что-нибудь разрушить или построить... Иначе я сойду с ума!

— Неплохая идея, — пробормотал жрец, когда они уже подходили к деревьям. — Очень даже неплохая...

А несколько дней спустя за несколько сот миль от этого пустынного пляжа...

Глава первая

На берег с шорохом накатывали волны. В синеве вечера тускло мерцали огни. Это корабли плавно скользили мимо замшелых причалов в сторону доков.

Грязные воды омывали подножие каменного города.

С корабля, только что вставшего на якорь, спустили трап.

Матросы, вслед за медлительным капитаном и высоким боцманом, устремились по скрипучему трапу. Доски прогибались под их тяжестью... Наконец босые ноги тяжело зашлепали по грязной набережной. Шумными компаниями, парами

и поодиночке разбрелись моряки по портовым улицам. Их тянуло к желтым огням таверн, манил запах опиума, текущий из прокуренных, полных дыма помещений. Заманчиво поблескивали фонари над дверями публичных домов.

Когда последние матросы растаяли в темноте, капитан, положив ладонь на рукоятку сабли, спокойно сказал своему боцману:

— Вот они и ушли... Следовало бы набрать новых матросов на место тех, кого мы потеряли на Эпторе. Нам нужно десять надежных матросов, Джорде. Мне не по себе, когда я вспоминаю ту мясорубку... Ужасная участь.

— Десять надежных матросов. Достойная замена тем, кто погиб, — съязвил боцман. — И еще двадцать на место тех, кого нам больше не видать... Сомневаюсь, что кто-то из экипажа захочет еще раз побывать на Эпторе. Хорошо, если хоть кто-то вернется на борт.

В отличие от капитана, боцман был невероятно худ. Любой костюм висел на нем мешком.

— Никогда не прощу ей путешествия на этот ужасный остров, — проворчал капитан.

— Я бы поостерегся говорить так громко, — пробормотал боцман. — Да Воплощение Арго и не нуждается в вашем прощении. К тому же она

поплыла с ними и разделила все опасности... Просто чудо, что она уцелела!

— Скажи, а ты-то сам веришь слухам в ее сверхъестественные способности? — понизив голос, спросил капитан.

— Странный вопрос! — пожал плечами боцман. — А вы верите?

— Я — нет, — поспешил заверить его капитан. — И все же из тринадцати остались в живых только трое. И из трех лишь жрица не получила ни единой царапины...

— Возможно, все дело в том, что она — женщина, — предположил Джорде.

— Возможно, — согласился капитан.

— А теперь она ведет себя очень странно. Ночью бродит по палубе... Я сам видел, как она ходила вдоль борта и подолгу смотрела то на воду, то на звезды...

— Десять здоровых мужчин изрублены на кусочки, разорваны в клочья, — задумчиво проговорил капитан. — Я бы не поверил в такое варварство, если бы сам не видел руку одного из наших матросов, плавающую в воде... Мороз по коже, когда вспомнишь, как наши люди столпились у борта, пораженные этим зрелищем. А рука поднялась, как шлагбаум, и исчезла в набежав-

шей волне.

— Да хватит вам! — не выдержал боцман. — Лучше подумайте, где набрать столько людей.

— Интересно, жрица сойдет на берег? -- словно не слыша слов Джорде, продолжал капитан.

— Если захочет, сойдет. Это не наше дело. Наше дело управлять кораблем и точно исполнять ее приказы.

— Не согласен я с этим.

Капитан еще раз окинул взглядом свой корабль. Боцман похлопал его по плечу:

— Если хотите выговориться, то хоть говорите тише и только со мной.

— Я не согласен, — повторил капитан. Затем резко повернулся и зашагал прочь. Боцман поспешил следом. На пристани стало тихо.

Однако вскоре тишину нарушил грохот скатившейся откуда-то бочки. За ней мелькнула чья-то фигура.

* * *

А в это время по улице, ведущей к порту, шли двое мужчин. Один из них — настоящий гигант — отбрасывал на тесно прижавшиеся друг к другу здания огромную тень, по-обезьяньи повторявшую его живую жестикуляцию. Он шлепал по

мостовой босиком, голени были обернуты кусками кожи и обмотаны ремнями. Свою речь он сопровождал резкими взмахами одной руки, а тыльной стороной другой поглаживал короткую бороду цвета красного дерева.

— Значит, хочешь наняться на корабль? Думаешь, там нужен умник, слагающий вирши и подбирающий рифмы? Нет. В море ценят мускулы и сноровку в работе со снастями.

Его спутник, хрупкий юноша в белой рубахе, перехваченной кожаным поясом, только усмехнулся в ответ:

— Четверть часа назад мое предложение казалось тебе неплохой идеей, Михайло. Ты же сам говорил, что именно плавание на корабле поможет мне окрепнуть духом.

— Да, такая жизнь либо превращает юношу в мужчину, либо... — рука Михайло взметнулась вверх, — либо ломает ему судьбу, — рука резко опустилась.

Молодой человек остановился, откинул со лба прядь черных волос и посмотрел на корабли, выстроившиеся вдоль причала.

— Ты так и не объяснил, почему за последние три месяца не смог наняться ни на один корабль. — Молодой человек рассеянно разглядывал чер-

ные силуэты мачт на фоне темно-синего неба.

Гигант вдруг перестал жестикулировать, обнял друга за талию и, сорвав с его пояса кошелек, подбросил высоко вверх.

— А ты уверен, друг Гео, что нам нельзя истратить хотя бы часть твоего серебра на вино, прежде чем мы выйдем в море? Если хочешь соблюсти обычай, то следует поступить именно так. Когда нанимаешься на судно, подразумевается, что у тебя в кармане пусто. Это главное доказательство того, что ты готов терпеть лишения долгого плавания.

— Михайло, убери свои лапы! — Гео поймал кошелек.

— Ну-ка... ну-ка! — возмутился Михайло, пытаясь вырвать кошелек из рук приятеля. — Отдай!

— Слушай, я поил тебя пять дней подряд... Пора протрезвиться. Если нас не возьмут на судно, кто будет...

Но Михайло, смеясь, сделал еще один выпад. Гео с кошельком отскочил назад.

— Хватит, прекрати! — Но при этих словах молодой человек налетел на лежавший на боку бочонок и, взмахнув руками, повалился на мокрую мостовую. Кошелек, подняв тучу брызг, со звоном отлетел в сторону.

Пока юноша поднимался с земли, мимо него стрелой промелькнула маленькая фигурка. Кто-то бросился вперед, подхватил кошелек одной рукой, оттолкнулся от бочки другой и, пустив в ход еще две руки, бросился наутек.

— Что за черт, — начал было Михайло, пытаясь понять, что случилось. — Что за черт!

— Эй... ты! — Гео с трудом поднялся на ноги. — Стой!

Михайло уже сделал два прыжка вслед за удирающим чудовищем, которое почти скрылось из вида, и тут случилось неожиданное. Откуда-то раздался голос, напоминающий звон хрусталя:

— Стой, воришка... Остановись!

Бегущий неожиданно замер, словно наткнулся на невидимую преграду.

— Теперь назад... Назад... Вернись...

Вор повернулся и покорно побрел назад. Его движения, раньше такие ловкие, стали механическими, словно невидимая сила заставляла его переставлять ноги.

— Да он еще ребенок! — воскликнул Михайло.

Действительно, вор оказался темноволосым мальчишкой. Рваные штаны были его единственной одеждой. Его взгляд замер на ком-то, находившемся позади рассерженных друзей.

Четыре руки воришки нелепо подергивались в воздухе, словно он пытался освободиться. Мужчины разом обернулись.

На трапе одного из судов стояла женщина. Ее силуэт четко вырисовывался на фоне темнеющего неба. Одной рукой она придерживала какое-то устройство, висевшее у нее на шее, и только ветер, играя вуалью, нарушал каменную неподвижность незнакомки.

Воришка с явной неохотой приблизился к ней.

— Отдай мне кошелек, мальчик, — негромко приказала женщина.

Воришка протянул кошелек. Незнакомка взяла его. Затем опустила руку. И как только она сделала это, мальчик отпрянул, повернулся и попал прямо в объятия Михайло.

— Ага! Попался, проклятый ворюга! — взревел гигант.

Мальчик исступленно вырывался, но не издавал при этом ни звука. Он не молил о пощаде, а Михайло не выпускал его.

— Ты никуда не уйдешь... Уффффф!.. Ну, я тебя и взгрею... Прямо здесь... Сейчас же...

Михайло обхватил мальчика одной рукой. Другой рукой он поймал все четыре запястья и, крепко сжав, приподнял воришку. Худое тельце

дрожало, как натянутая струна, но мальчик по-прежнему молча и отчаянно сопротивлялся.

Женщина, пленившая его, спустилась с трапа и подошла к приятелям.

— Кошелек принадлежит вам? — поинтересовалась она, протягивая кошелек Гео.

— Спасибо, — буркнул Михайло, пытаясь одновременно дотянуться до кошелька и не выпустить из рук вора.

— Он мой! — выкрикнул Гео, перехватив кошелек. И через мгновение, улыбнувшись, прочитал нараспев:

Над каждою душою есть хранитель.
Так оглядись, найди свою обитель.

— Благодарю вас, — добавил он, изящно кивнув незнакомке.

Брови под вуалью изогнулись, выражая изумление.

— Тебя обучали ритуалам вежливости? Уж не учишься ли ты в Университете?

Гео улыбнулся:

— Учился, до недавнего времени. Но у меня возникли денежные проблемы, поэтому пришлось временно оставить ниву науки... Я решил наняться матросом на один из этих кораблей.

— Похвальное... но довольно глупое решение.

— Я поэт... Говорят, все поэты — глупцы. Кроме того, мой друг утверждает, что море сделает из меня мужчину. Чтобы стать хорошим поэтом, надо быть настоящим мужчиной. По крайней мере, я так считаю!

— Еще более похвальное заявление. Как я погляжу, ты не так уж глуп. А что за человек твой друг?

— Меня зовут Михайло. — Гигант, продолжая бороться с воришкой, шагнул вперед. — Я был лучшим матросом на всех кораблях, где мне доводилось плавать.

— Михайло?.. Имя для медведя? А я-то думала, медведи не любят воды. За исключением белых, разумеется. Всех остальных брызги способны довести до бешенства...

— Но, если я не ошибаюсь, сохранилось древнее заклинание, которое усмиряет их... — И Гео начал читать нараспев:

Спокойнее, медведь,
Усни же сном зимы.
Ничто не обожжет
Тебя в твоей берлоге.

Умерь свирепый пыл,
Усни, мой друг, усни,
Забудься до весны,
Оставь свои тревоги.

— Э-э, — сказал Михайло. — Я-то не медведь!

— Твое имя ассоциативно связано со словом «медведь», — успокаивающе пояснил Гео и, обращаясь к незнакомке, продолжал: — Как видите, я неплохо учился.

— В отличие от меня, — улыбнулась незнакомка. — Я изучала всевозможные науки и поэзию, когда была моложе, но скоро мое увлечение прошло...

И тут она снова посмотрела на мальчика.

— Как вы похожи! Темные глаза, темные волосы. — Она засмеялась. — А что еще есть общего между поэтами и ворами?

— Многое, вы уж мне поверьте, — подхватил Михайло. — Этот тип — мой спутник, любитель поэзии, никогда не пожертвует ни одной серебряной монетки, чтобы его друг смог промочить горло хорошим вином. А это, если хотите знать, тоже воровство!

— Я спрашивала не тебя, — остановила гиганта женщина.

Михайло обиженно надулся.

— Воришка, — продолжала незнакомка. — Маленький четверорукий чертенок. Как тебя зовут?

Ответом было молчание. Темные глаза воришки сузились.

— Ну-ка, отвечай. Иначе я заставлю тебя говорить силой. — Она снова поднесла руку к амулету.

Глаза мальчика в ужасе широко раскрылись, и он подался назад, вжавшись в живот Михайло.

Гео протянул руку к кожаному ремешку на шее мальчика. На ремешке висел керамический диск: на белой эмали — черная волнистая линия с маленькой зеленой точкой на одном конце, вроде глаза.

— Вполне сойдет за имя, — примиряюще предложил он. — Очень похоже на змею.

— Змей?.. Забавно. — Женщина усмехнулась. — Ты хороший вор? — Затем, не глядя на Михайло, приказала: — Отпусти его!

— А как же порка?! — возмущенно фыркнул гигант.

— Мальчишка не убежит.

Михайло отпустил мальчика.

Освобожденный пленник принялся растирать запястья одной пары рук пальцами другой па-

ры. Его темные глаза продолжали неотступно следить за незнакомкой, и она повторила свой вопрос:

— Ты хороший вор?

Мальчишка порылся в лохмотьях брюк и выудил что-то, зажатое в кулаке. Ремешок, подобный тому, что висел у него на шее, высовывался между пальцами. Воришка вытянул кулак и медленно разжал ладонь.

— Что это? — Михайло заглянул через плечо Змея.

Женщина нагнулась над раскрытой ладонью мальчишки и вдруг резко выпрямилась.

— Ты... — в замешательстве произнесла она. Кулак Змея сжался. — Ты и в самом деле хороший вор, — овладев собой, уже спокойно проговорила женщина.

— Что там у него? — спросил Михайло. — Я и не рассмотрел.

Змей снова разжал кулак. На грязной ладони, опутанный ремешком, лежал молочно-белый камень величиной с человеческий глаз, в грубой проволочной оправе.

— Искусный вор, — подтвердила незнакомка голосом, который звучал надтреснуто по сравнению с прежней звенящей звонкостью. Потом

откинула вуаль, снова поднесла руку к горлу, и Гео увидел, что кончиками своих изящных пальцев она сжимает точно такой же камень, но только в платиновой оправе и на золотой цепочке. Женщина подняла голову и встретилась взглядом с поэтом. На губах ее появилась легкая усмешка. — Нет, — вздохнула она. — Не такой искусный, как я предполагала. Сначала я подумала, что этот воришка обокрал меня. Но я ошиблась... Поэт, обученный премудростям древних ритуалов Лептара... ты знаешь предназначение этих безделушек?

Гео отрицательно покачал головой.

Вздох облегчения вырвался из груди незнакомки, напряженный взгляд потеплел, стал задумчивым, и она, по-прежнему глядя в глаза Гео, сказала:

— Да, ты не можешь это знать. Все забыто, уничтожено жрецами Древности. Послушай:

Пусть зернышко станет прахом,
И песня летит над землей.
И женщина крепнет духом
Рядом с мужской добротой...

— Тебе знакомы эти стихи? Можешь сказать, откуда эти строки?

— Только одна строфа кажется мне знакомой, — пробормотал Гео. — Да и то в слегка измененной форме. По-моему, она звучит вот так:

Пусть капелька станет льдинкой
И песня летит над землей.
И женщина станет тростинкой
Рядом с мужской добротой...

— Молодец! — удивилась незнакомка. — Ты справился с задачей лучше, чем все жрецы и жрицы Лептара. Откуда этот отрывок?

— Это строки из преданных забвению ритуалов Древних богов, из тех, что ныне запрещены. Староверы были уничтожены пятьсот лет назад. Остальная часть стихотворения утрачена, — объяснил Гео. — Вполне понятно, почему жрецы и жрицы наших времен не знают этих строк. Я же наткнулся на них, когда менял бумажную обложку на одной старинной книге. В качестве обложки использовали страницу из еще более древней книги. Смешно! Но благодаря человеческой глупости я прочел эти стихи! Не сразу я догадался, что это фрагмент ритуала Древних времен, когда Лептар еще не провел чистку своих библиотек. По крайней мере, я знаю, что мой

вариант относится к тому времени. Возможно, до вас дошла искаженная версия? За подлинность своего варианта я ручаюсь.

— Нет, — снисходительно вздохнула незнакомка. — Это моя версия подлинна. Я в этом уверена...

Потом она снова повернулась к мальчику:

— Мне нужен хороший вор. Пойдешь со мной?.. И тебя, Поэт, я тоже приглашаю. Мне нужен человек, который может мыслить не так, как все, и способен погружаться в сферы, недосягаемые для жрецов и жриц... Ты пойдешь со мной?

— Куда?

— Вначале на борт этого корабля. — Незнакомка загадочно улыбнулась и кивнула в сторону судна.

— Хороший корабль, — вмешался Михайло. — Я был бы счастлив отправиться в плавание на таком корабле, Гео.

— Я наняла капитана этого красавца-парусника, — продолжала незнакомка, обращаясь к Гео. — Он примет тебя в экипаж. Надеюсь, ты увидишь мир и станешь настоящим мужчиной. Ведь ты стремишься именно к этому?

Гео заметил растерянный вид Михайло, после того как в очередной раз на его слова не обратили

никакого внимания.

— Мой друг должен отправиться со мной, на какой бы корабль я ни нанялся. Мы пообещали друг другу не расставаться. К тому же он хороший моряк, а я совсем не знаю морской науки.

— Ну что ж... Во время нашего последнего путешествия мы потеряли много людей, - тяжело вздохнула незнакомка. — Думаю, твой друг без труда получит место на нашем судне.

— Это большая честь для нас, — начал Гео, но замялся. — Скажи, кому мы будем служить? Мы до сих пор не знаем вашего имени...

Вуаль снова упала на лицо таинственной женщины.

— Я верховная жрица богини Арго... А твое имя?..

— Гео, — ответил поэт.

— Я приветствую тебя на борту своего корабля.

В этот момент из переулка вышли капитан и Джорде. Капитан внимательно вглядывался в далекий горизонт.

В вечерней полутьме его лицо казалось моложе и мягче. Жрица повернулась к нему:

— Капитан, вот три человека, которых я нашла для замены потерянных по моей глупости.

Михайло, Гео и Змей переглянулись между со-

бой и посмотрели на капитана, который молчал, внимательно разглядывая их. За него ответил Джорде:

— Вы справились с этим не хуже, чем мы, госпожа.

— Да и те, кого нам все же удалось завербовать... — капитан покачал головой. — Ваши матросы не обладают сноровкой, необходимой для далекого путешествия...

— Я! Я гожусь для любого путешествия, — вмешался Михайло. — Я готов отправиться хоть на край земли!

— Похоже, ты сильный и опытный моряк. Но этот... — Капитан взглянул на Змея. — Он же из Странных...

— Совершенно с вами согласен! Не стоит брать его на корабль! Такие, как он, приносят несчастье! — горячо заговорил боцман. — Зачем он нам? Ни один капитан не возьмет такую тварь на борт. А этот к тому же еще совсем мальчишка. Он хоть и жилистый, но не сможет натянуть канат или зарифовать парус. Ни к чему он нам! Разве мало несчастий свалилось на наши головы?

— Он поплывет с нами не для того, чтобы натягивать канаты, — проговорила жрица. — Маленький Змей — мой гость. А эти двое станут

работать наравне с остальными... Я знаю, что людей вам не хватает. Но на этого молодца у меня другие виды...

— Как прикажете, госпожа, — вздохнул капитан.

— Но, Ваше Высочество... — никак не мог успокоиться Джорде.

— Как прикажете, — обреченно повторил капитан, и боцман молча отступил. Капитан же тем временем повернулся к Гео. — А ты кто?

— Я — Гео, был и остаюсь поэтом. Но я готов выполнять любую работу, какую мне поручат.

— На сегодня, паренек, мы ограничимся беседой. Проходите на борт. Койки внизу... Пустых много...

— А ты кто такой? — спросил Джорде Михайло.

— Я — настоящий морской волк! Могу отстоять три вахты подряд, не падая от усталости... и многое другое могу! Так что, я уже принят? — С этими словами Михайло вопросительно взглянул на капитана.

— Как тебя зовут? — поинтересовался Джорде. — Мне кажется, я тебя уже где-то видел. Может быть, ты уже плавал со мной?

— Я отличный матрос... Я самый ловкий, когда дело касается канатов... Я лучше всех натягиваю

линь, проворнее всех подбираю рифы...

— Имя! Назови свое имя!

— Ну... Некоторые зовут меня Михайло...

— Да, да! Это имя! Я слышал его раньше! Правда, тогда у тебя не было бороды. Ты что же, думаешь, я снова возьму тебя в море? После того, как собственноручно занес твое имя в черный список и предупредил всех капитанов в этом порту? Я еще не спятил, чтобы надеть себе на шею такой хомут!.. Ты без работы уже месяца три?.. И славно!.. Будет справедливо, если ты не получишь ее еще триста лет! — Джорде повернулся к капитану: — Это смутьян! Он постоянно затевает драки. Да, он силен, как сто воинов, и несгибаем, как мачта. Однако в человеке главное — сила духа... А этого малого, хоть он и хороший матрос, я поклялся не брать к себе на корабль. Он едва не убил несколько человек... Ни один боцман, знающий моряков этой гавани, не возьмет его на борт своего судна.

Жрица Арго рассмеялась:

— Возьмите его, капитан. Он уже выслушал слова, укрощающие бешеного медведя... Теперь-то, Гео, мы узнаем, чего ты стоишь как поэт, и проверим силу заклинания, — улыбнувшись, жрица повернулась к Михайло: — Ты действительно можешь убить человека?

Гигант молчал.

— Я хочу знать — ты убил кого-нибудь за свою жизнь или нет?

— Да, убил, — с трудом разлепил губы Михайло.

— Если бы ты сказал мне это раньше, я бы взяла тебя первым, — вздохнула жрица. — Капитан, мне нужен такой головорез. Вы должны принять его в команду. Если он хороший матрос, мы не можем упустить его. Что касается его... особых талантов, то я займусь ими сама... Гео! Поскольку ты произнес заклинание и, к тому же ты друг Медведя, я поручаю тебе присматривать за ним. А когда ты устроишься на корабле, зайди ко мне знаток древних ритуалов. Идем... Капитан! Завтра утром мы поднимаем паруса.

Жрица жестом приказала всем следовать за собой. Они поднялись по сходням на палубу. Когда таинственная женщина высказала желание говорить с Гео, Михайло, Змей и Джорде обменялись многозначительными взглядами. Но теперь, поднимаясь по трапу, все молчали.

Глава вторая

Тусклая масляная лампа едва освещала крошечный кубрик.

Гео неприятно поразил запах несвежих простыней и пота. Он поморщился, но тут же независимо дернул плечом.

— Ладно тебе, — проворчал Михайло. — Нора-то ничего себе.

Он забрался на верхний ярус койки и похлопал по матрасу.

— Для себя я выбираю эту лежку... Многорукий! Тебе качка нипочем, ты займешь среднюю койку. А ты, Гео, шлепайся на самую нижнюю. Вон туда!

Потом Михайло тяжело спрыгнул на пол.

— Чем ниже лежишь, тем лучше спишь. Меньше укачивает, — объяснил он поэту. — Ну, как тебе наш кубрик?

Поэт молчал. Глаза его на мгновение сверкнули в желтом свете лампы.

— Я не случайно отвел тебе место внизу, мой друг! Если слегка заштормит, а ты лежишь под самым потолком — у тебя с непривычки скоро вывернет желудок, — продолжал Михайло, по-

ложив тяжелую руку на плечо приятеля. — Я обещал присмотреть за тобой... Так ведь?

Но Гео молчал. Казалось, его мысли заняты совсем другим.

Михайло посмотрел на Змея, который внимательно наблюдал за ним, прислонившись к стене. Во взгляде великана появилось недоумение. Мальчик молча отвел глаза.

— Послушай, давай-ка прошвырнемся с тобой по кораблю да осмотримся хорошенько, — снова обратился Михайло к Гео. — Бывалый матрос всегда начинает с этого, конечно, если не слишком пьян. Тогда капитан с боцманом сразу видят, что глаз у матроса наметан. Кроме того, всегда можно подметить что-нибудь полезное для себя... Что скажешь...

— Не сейчас, Михайло, — покачал головой Гео. — Ты иди один.

— Не будешь ли ты так любезен объяснить, с каких это пор моя компания вдруг стала тебя тяготить!? Молчание — не лучший способ обращаться с человеком, который поклялся сделать все, чтобы ты вернулся живым из своего первого плавания. Лично я...

— Ты правда убил человека?

В кубрике воцарилась тишина, еще более гне-

тущая, чем плеск волны за бортом. Михайло замер, сжав кулаки. Потом его кулаки безвольно разжались.

— Год назад, — ответил он мягко. — А точнее, год, два месяца и пять дней тому назад... в четверг, в восемь часов утра, в каюте, переделанной под карцер... Тогда была сильная качка...

— Значит, это правда?.. Как ты мог находиться рядом со мной все это время и молчать, а потом ни с того ни с сего признаться первому встречному! Мы ведь были друзьями, укрывались одним одеялом, пили вино из одной кружки... Ну что ты за человек после этого?

— А ты что за человек, — разозлился гигант. — Любопытный рифмоплет-ублюдок, которому я переломал бы все кости, если бы... — Тут Михайло набрал в легкие побольше воздуха. — ...Если бы не пообещал, что от меня не будет неприятностей. Я еще ни разу не нарушил своего слова.

Кулаки его снова сжались и разжались.

— Михайло, я не собираюсь судить тебя. Пойми... Расскажи мне об этом. Мы же как братья. Нельзя утаивать такое от...

Михайло продолжал тяжело дышать.

— Надо же, как хорошо ты знаешь, что мне следует делать и чего не следует! — с издевкой от-

ветил он. Резко подняв руку, он отвел ее в сторону, словно собираясь ударить Гео, а потом опустил и плюнул на пол. Развернувшись к выходу, он собрался было вылезти из кубрика, как вдруг...

Раздался крик.

Это был не какой-то отдаленный звук. Ужасный вопль разрывал барабанные перепонки. Гео закрыл уши руками и повернулся к Змею. Мальчик удивленно посмотрел на Михайло, а потом снова на Гео и опять на Михайло.

Странный крик повторился, на этот раз намного тише. Теперь можно было разобрать слово «помогите». Странный крик. Рожденная внутри их черепов потрясающая гамма чувств и понятий не нуждалась в традиционном способе передачи посредством звуков. Друзья замерли, пытаясь осмыслить непривычное, странное ощущение — словно затихающее звучание камертона доносило до них боль, надежду, просьбу.

«Вы... помогите... мне... вместе...» — услышали они слова, непонятно откуда возникающие в их головах.

— Эй, — оторопев, пробормотал Михайло, с подозрением глядя на Змея. — Это ты, что ли?

«Не... сердитесь...» — мысленно ответил им воришка.

— Мы не сердимся, — пробормотал Гео. — Только объясни, как ты это делаешь?

«Я... думаю...»

— Как ты можешь думать так, чтобы всем было слышно? — проворчал Михайло.

Лицо у мальчика напряглось и он ответил:

«Не... всем... Я... обращаюсь... только... к... вам... Вы... думаете... а... я... слышу... мысли... Я... думаю... вы... слышите... меня...»

— Да уж слышим, — буркнул Михайло себе под нос. — Только непонятно, как ты говоришь с нами, — добавил он чуть громче.

— Он хочет сказать, что слышит наши мысли так же, как мы слышим его. Правильно, Змей? — помог Гео мальчику.

«Когда... вы... думаете... громко... я... слышу...»

— Хм! А я что, очень громко думал? — фыркнул Михайло. — Но если я подумал чего не так... извиняйте!

Змей, казалось, оставил без внимания слова гиганта и снова взмолился:

«Вы... помогите... мне... вместе...»

— Какая помощь тебе нужна? — удивился Гео.

— Интересно, в какую передрягу ты попал, если просишь помощи у первых встречных? — добавил Михайло.

«У... вас... много... плохих... мыслей...» — ответил Змей.

— Еще чего выдумал! — возмутился Михайло. — Наши мысли ничуть не хуже мыслей прочих лептарцев... Ты слышал, как уважительно говорила жрица с моим другом-поэтом?

— Мне кажется, он имеет в виду что-то другое, — предположил Гео. — Может, мы сами вовсе не считаем эти мысли плохими.

«Вы... думаете... лишь... о себе...»

— Ты считаешь нас эгоистами?

Змей кивнул.

— Ах, вот в чем дело! — вздохнул Михайло. — Ладно, потерпи немного... Нам тоже надо попривыкнуть к твоим штучкам!

Змей затряс головой:

«Мысли... злые... когда... кричите... о... себе... так... громко...»

Потом, чтобы сделать свою мысль яснее, он подошел к койкам:

«Вы... слышите... лучше... видите... лучше... если... спите... Если... бы... вы... уснули... я... бы... говорил... с... вами...»

— Да у меня сна ни в одном глазу, — возмутился Михайло, потирая бороду тыльной стороной запястья.

— Мне тоже сейчас не уснуть, — признался Гео. — Может, придумаешь что-нибудь другое?

«Усните...» — попросил Змей.

— Это все, конечно, забавно, но почему бы нам не поговорить, как нормальным людям? — предложил Михайло, все еще недоумевая.

«Раньше... я... мог... говорить...» — уловили друзья ответ Змея.

— Так ты раньше мог разговаривать? А теперь не можешь? — удивился Гео. — Что же с тобой случилось?

Мальчик открыл рот и указал пальцем внутрь. Гео шагнул к мальчику, взял за подбородок и заглянул в рот.

— Матерь Божья!

— Что там у него? — спросил Михайло.

Гео отступил. Лицо его скривилось от отвращения.

— Ему отрезали язык, — объяснил он великану. — Причем довольно грубо.

— Кто, во имя семи морей и шести континентов, посмел так надругаться над тобой, мальчик? — возмущенно спросил Михайло.

Бедняга не ответил, лишь отрицательно покачал головой.

— Нет, ты скажи, Змей! — настаивал на своем

гигант. — Нельзя утаивать такое от друзей и надеяться, что они спасут тебя от неведомой беды... Так кто же отрезал тебе язык?!

«Помнишь... как... ты... убил... человека?..» — вместо ответа спросил у него мальчик.

Михайло засмеялся.

— А-а-а-а-а, — протянул он. — Понял... — Затем заговорил снова, но в этот раз намного громче: — Почему я должен отвечать тебе вслух? Если ты можешь слышать мысли, то уже знаешь ответ. И знаешь причину убийства... А вот имя твоего мучителя мы из тебя вытащим, ради твоей пользы!

«Вы... знаете... этого... человека...»

Гео и Михайло недоуменно переглянулись.

«Усните... — попросил Змей. — Вы... усните... сейчас... Тогда... я... буду... говорить... с... вами... дальше...»

— Может, и в самом деле попробовать уснуть? — засомневался Гео. — Тогда мы выясним, в чем тут дело.

Он подошел к койке и скользнул в нее. Михайло вскарабкался наверх.

— Долго же придется ждать, прежде чем я усну, — проворчал он. — Ты, Змей, из Странных, — засмеялся он. — И откуда вы только беретесь?

Потом гигант высунулся и, перегнувшись через

край своей постели, взглянул на Гео.

— Их встречаешь по всему городу. Одни с тремя глазами, другие с одним. Знаешь, говорят, в Доме Митры держат женщину с восемью грудями и двумя... для мужчин... — Тут он расхохотался. — Ты знаешь ритуалы и понимаешь в колдовстве... Странный народ... Они ведь такие из-за колдовства?

— В древних книгах я нашел лишь одно упоминание о них. Там говорится, что они — пепел Великого Огня. Но все эти записи были сделаны задолго до чисток в библиотеках, поэтому до нас почти ничего не дошло.

— У моряков тоже есть предания о Великом Огне, — вздохнул Михайло. — Рассказывают, что море вскипело, когда огромные стальные птицы плевались с неба пламенем. А из пучин поднялись металлические звери. Они-то и уничтожили все гавани... Чистки говоришь? А что это такое?

— Около пятисот лет назад культ Древних богов был уничтожен, — стал в свою очередь рассказывать Гео. — В храмах воцарились Новые боги. Все ссылки на прежние обряды тоже были уничтожены, а с ними и большая часть истории Лептара. Говорят, в ритуалах и заклинаниях Древних заключалась огромная сила. Но это лишь догадки.

Мало кто из жрецов согласится говорить об этом.

— Это было после Великого Огня? — поинтересовался Михайло.

— Да, почти тысячу лет спустя, — ответил Гео.

— Велик же был тот огонь, если его пепел все еще сыплется из чрева здоровых женщин! — Гигант внимательно посмотрел на Змея. — Это правда, что капля вашей крови излечивает подагру? А если один из вас поцелует новорожденную девочку, у нее родятся только девочки?

— Ты же знаешь, что это сказки, — сказал Гео.

— Я знал одного коротышку с двумя головами, — никак не унимался Михайло. — Он весь день сидел у входа в «Голубую таверну» и крутил волчок. Полный идиот... А вот карлики и безногие, что колесят по городу и показывают фокусы, — хитрые бестии. Но, как правило, держатся особняком и по большей части молчат.

— Ишь ты, какой умный! — отмахнулся от приятеля Гео. — А вдруг ты тоже один из них?.. Прикинь — много ли найдется людей, обладающих таким ростом и силой, как ты. Откуда они взялись?

— Да ну тебя! Ну, ты и скажешь! — шутливо отмахнулся Михайло. Но, нахмурив брови, все же задумался. — Как бы там ни было, а я впервые

слышу, чтобы кто-то мог читать мои мысли... Ничего приятного в этом нет, скажу я тебе. — Потом гигант посмотрел на Змея. — Эй! А вы, Странные, все так можете?

Змей покачал головой.

— Ну что ж... Это меня утешает, — вздохнул Михайло. — У нас на корабле тоже был один такой. Хотя капитаны обычно Странных не берут. А у того парня была маленькая головка, размером с мой кулак или даже меньше. Но во-о-от такая мощная грудная клетка, и вообще он был мужик что надо, во всех отношениях... Ха-ха-ха!.. А глаза у него, нос, рот — ну, лицо — было не на наросте, который-то и головой не назовешь, а на груди. Вот где... Однажды он подрался, и голову ему разрубили фомкой. Кровь хлещет, а он ничего... Сам пошел к корабельному хирургу, и тот ему эту штуку... голову... и вовсе отрезал! Когда этот парень вернулся, на том самом месте, где должна быть шея, огромная повязка, а зеленые глазища моргают из-под ключиц.

Михайло лежал, растянувшись на спине, но тут вдруг перегнулся через край койки и посмотрел на поэта.

— Послушай, Гео, а что за безделушка висела на шее у жрицы? Что это за штука?

— Не знаю... Но жрица тряслась над ней!.. Змей, дай-ка мне взглянуть на твой сувенир!

Змей протянул Гео камень на ремешке.

Гео вытянул руку к камню, но пальцы Змея сомкнулись, а три других руки обхватили кулак с камнем со всех сторон.

— Что ты! Я и не собирался отбирать его у тебя, — обиделся Гео. — Я только хотел посмотреть...

Неожиданно дверь кубрика распахнулась, и в дверном проеме на фоне ночного неба вырос темный силуэт высокого боцмана.

— Поэт! — позвал он. — Госпожа хочет видеть тебя.

Гео посмотрел на товарищей, пожал плечами и, спрыгнув с койки, поднялся по трапу.

На палубе царила ночь. Только по ярким огонькам звезд можно было понять, где кончалось небо и начиналось море. Кроме небесных светил в кромешной ночной тьме слабо светились окна каюты жрицы. Гео заглянул в первое, но ничего не смог разглядеть и направился ко второму.

На полпути перед ним распахнулась дверь, и луч света рассек темноту, очертив на палубе светлый прямоугольник. От неожиданности Гео вздрогнул.

— Входи, — раздался голос жрицы.

Поэт вошел в каюту и остановился у порога. Стены украшали ярко-зеленые и алые гобелены. Золоченые жертвенники на сужающихся кверху треножниках благоухали, окутанные голубым дымом. Каюту наполнял тонкий аромат, от которого кружилась голова. Свет отражался на полированных деревянных спинках большой кровати, убранной шелком, дымчатым атласом и парчой. На огромном столе с деревянными орлами по углам были разложены бумаги, картографические инструменты, секстанты, линейки, компасы. В углу возвышалась стопка потрепанных фолиантов. К потолку на толстых цепях был подвешен причудливый фонарь. По углам каюты стояли витиеватые лампады-скульптуры, изображавшие демонов, обезьян, нимф и сатиров. У демонов огонь горел в чаше сложенных ладошек, у обезьян — в широко раскрытых ртах. Нимфы светились изнутри, а у сатиров язычки пламени играли между крошечными рожками.

— Входи, — повторила жрица. — И закрой за собой дверь.

Гео повиновался.

Женщина села за стол и сплела пальцы перед закрытым вуалью лицом.

— Поэт! — снова заговорила она. — У тебя было

время подумать. К какому выводу ты пришел? Согласен ли ты совершить со мной путешествие, не требуя никаких объяснений?.. Я скажу тебе лишь то, что дело это огромной важности и касается всего Лептара. Осознаешь ли ты значение нашей миссии? — спросила она.

— Видимо, дело и впрямь важное. А раз так, оно не оставит равнодушным ни мужчину, ни женщину, ни ребенка в Лептаре... от верховной жрицы до последнего калеки из Странных.

— До сих пор твоим миром был мир слов, эмоций и логики... Но что ты знаешь о реальном мире за пределами Лептара?

— То, что там много воды, мало земли и царит невежество.

— Какие истории ты слышал от своего друга Медведя? Он ведь много путешествовал и должен знать кое-что из того, что происходит вокруг.

— Если верить рассказам матросов, то в дальних странах обитают звери, которых никто не видел, существуют земли, которых нет на картах, и живут люди, с которыми никто не встречался...

Жрица улыбнулась:

— Да... С тех пор как я поднялась на борт этого корабля, я выслушала много сказок от матросов и узнала от них больше, чем от всех моих жре-

цов. Но в отличие от пьяных матросов, с трудом припоминавших старые небылицы, ты сегодня вечером был единственным, кто загадал мне еще одну загадку. — Она замолчала, словно собираясь с духом. — Что ты знаешь о драгоценных камнях, которые увидел сегодня вечером?

— Ничего, госпожа моя.

— Один такой камень есть у меня, другой у воришки, а если бы третий оказался у тебя, ты, возможно, с легкостью променял бы его на поцелуй какой-нибудь девки из портовой таверны. А что ты знаешь о Темном Хаме? — И, видя недоумение на лице Гео, она добавила: — Есть такой бог.

— Я не знаю такого бога.

— Ты, — сказала она, — который впитал в себя все ритуалы и заклинания Белой богини Арго, не знаешь даже имени Темного бога Хама! А об острове Эптор ты что-нибудь слышал?

— Ничего не слышал, моя госпожа.

— Наш корабль уже побывал у берегов Эптора и снова отправляется туда. Попроси своего друга Медведя рассказать тебе сказки об Эпторе. И ты, слепой поэт... ты рассмеешься. Но я скажу тебе: сказки, легенды и небылицы твоего друга не составят и десятой доли истины. Странно, но почему-то мне кажется, что ты понадобишься в

этом плавании. Хотя, возможно, от тебя не будет толку... Может, не стоит брать тебя с собой?

— Разрешите мне отправиться с вами, госпожа...

Жрица подняла голову и внимательно посмотрела на Гео.

— Извините, а вы не можете рассказать мне что-нибудь еще? — продолжал поэт. — Вы лишь намекнули о том, что всегда интересовало меня. Я кое-что знаю из древней поэзии и колдовства. Я знаю пару заклинаний... Думаю, все это имеет прямое отношение к вашему путешествию. Поделитесь со мной своими знаниями, и тогда я смогу наконец в полной мере воспользоваться своим опытом... За свою жизнь я выслушал немало матросских баек. Правда, я ничего не знаю ни об Эпторе, ни о Хаме, но наверняка то, что я знаю, как-то связано с тем, что рассказываете вы! Я бы попробовал соединить фрагменты воедино. Я молод, но повидал достаточно... Мне знакома жизнь мира воров, их язык и нравы... Как знать, это может оказаться полезней, чем мудрость всех жрецов, вместе взятых... Я читал книги, которые боялись открыть мои учителя. И у меня хватит мужества взвалить на свои плечи и вашу тайну. Если в опасности весь Лептар, то каждый граж-

данин имеет право сделать все возможное для спасения своих братьев. Я прошу вас разрешить мне попробовать сделать то, что в моих силах.

— Хорошо, что ты не испугался, — благосклонно произнесла жрица. — Ты благороден, глуп... и к тому же поэт... Надеюсь, первое и третье качество со временем вытеснят второе. Тем не менее я не стану ждать и расскажу тебе кое-что прямо сейчас.

Жрица немного поразмышляла, с чего начать, потом встала и достала карту.

— Вот Лептар, — указала она на один остров. Затем ее палец пересек море и остановился у другого острова. — Это Эптор. Пока ты знаешь о нем ровно столько, сколько положено знать любому жителю Лептара... Это нецивилизованная, варварская страна. И все же там существует своего рода цивилизация... Скажи, какие легенды о Великом Огне ты слышал?

— Я слышал, что из моря вышли звери и разрушили гавани, а металлические птицы плевались огнем с неба.

— Самые старые из матросов расскажут тебе, что это были звери и птицы Эптора, — тяжело вздохнула жрица. — Разумеется, надо помнить, что легенды эти передаются из уст в уста уже

пятнадцать столетий и сильно искажены... Эптор просто стал синонимом Зла. И все же эти рассказы дают некоторое представление о событиях седой древности. В записях, к которым ныне имеют доступ лишь трое-четверо, говорится, что когда-то, пятьсот лет назад, воины Эптора действительно попытались захватить Лептар. Упоминания о вторжении слишком туманны. Я даже не знаю, как далеко продвинулись враги и насколько удачливы были... Известно лишь одно — их методы ведения боевых действий отличались редким вероломством. Поэтому Эптор и предали забвению. Упоминания о нем нет даже в летописях... И вот недавно я сама убедилась в жестокости и вероломстве обитателей этого острова. У меня есть все основания полагать, что правители Эптора вновь собирают армии. Огромная и ужасная армада готова всей своей мощью обрушиться на наш остров... Пока правители Эптора собирают силы, но совсем скоро они нападут на нас, и остановить их будет невозможно. Уже давно с этого острова к нам тянутся щупальца, незримо проверяя нашу силу, прощупывая нас и выжидая подходящий момент... Мы ничего не можем сделать, а они уже причинили ощутимый ущерб и власти и религии Лептара... Но помни,

поэт, все это — строжайшая государственная тайна... Мы не решаемся обнародовать факты, чтобы не явить наше полное бессилие. Меня же послали на Эптор в надежде сбросить хотя бы часть покровов с тайн, словно паутина оплетающих этот остров... Если ты считаешь, что можешь помочь мне, то отправляйся вместе с нами...

— А какая связь между этими камнями и Хамом? — поинтересовался Гео. — Хам что, бог Эптора, и под его знаменами собираются зловещие силы?.. А камни — они их святыни?

— И то, и другое верно, но не совсем, — ответила жрица.

— И еще. Вы говорите, последняя попытка вторжения Эптора в Лептар была предпринята пятьсот лет назад. Именно пятьсот лет назад религия Эптора претерпела существенные изменения. Есть ли какая-нибудь связь между вторжением и великой чисткой?

— Я уверена в этом, — ответила жрица. — Связь есть, но не знаю какая... Я хочу рассказать тебе историю камней. Их всего три. Тот, который я ношу на шее, был захвачен у воинов Эптора во время битвы... Возможно, в том, что он у нас, и есть причина многолетнего мира... Хранился он всегда в храме богини Арго. Его тщательно

оберегали, и никто не знал о его свойствах... Мы же скрывали записи о вторжении, которое, кстати, закончилось провалом буквально за месяц до первых чисток... И вот, примерно год назад, немногочисленные силы врагов достигли берегов Лептара. Сама я тех событий не видела и не могу описать. Знаю только, что они пробрались в глубь острова и ухитрились похитить саму Арго.

— Вы имеете в виду Воплощение Арго? Верховную жрицу? Но вы же сами сказали, что вы...

— Да... Как известно, этот божественный сан передается по материнской линии. Дочь верховной жрицы объявляется живым Воплощением Белой богини Арго. Ее воспитывают и обучают мудрейшие жрицы. Ее окружают роскошью... Поклоняются ей... Она олицетворяет собой Арго до тех пор, пока не выйдет замуж и не родит дочь, которая станет новым Воплощением Арго... И так продолжается бесконечно. Так вот, дочь верховной жрицы похитили. Одного из похитителей убили в стенах монастыря, и он тут же, прямо на глазах, начал разлагаться. Когда от него почти ничего не осталось, мы увидели второй камень. По-видимому, он был спрятан где-то внутри тела твари. Именно он помог врагам пробраться так далеко вглубь нашего острова. Но это не все. С

последним вздохом это гнусное существо прочитало строки стиха, которые ты недавно услышал от меня. Теперь мне необходимо побывать на острове Эптор. Если мы не сможем остановить наших врагов, то хотя бы узнаем о судьбе юной Арго.

— Я сделаю все, что в моих силах! — воскликнул Гео. — Все, что поможет спасти Лептар и найти вашу сестру-жрицу.

— Она мне не сестра, — мягко сказала женщина. — Она моя дочь, так же как и я — дочь предыдущей Арго. Вот почему выбор пал на меня... А до тех пор, пока она не найдена, живой или мертвой, — тут она поднялась со скамьи, — я снова стала живым Воплощением Белой богини Арго.

Гео опустил глаза, когда Воплощение Арго приподняла вуаль. Ее рука бережно дотронулась до украшения на шее.

— Камня должно быть три, — пояснила жрица. — Знак Хама — черный диск с тремя белыми глазами. Каждый глаз сделан из драгоценного камня. Во время первого вторжения наши враги, вероятно, несли с собой все три камня, так как в них заключена их главная сила. Без камней они беззащитны и слабы. Только с ними они чувствуют себя непобедимыми. Не так давно мы

разгадали секреты нашего трофея. Ты видишь, со мной нет охраны. Пока этот камень у меня, я неуязвима. Должна сказать тебе, этот камень способен не только защищать, но и разрушать! Я могу уничтожить любое препятствие на своем пути! Второй камень мы получили год назад, как я уже говорила, когда слуги Хама явились похитить мою дочь. Наверняка они прихватили с собой оба оставшихся у них камня в надежде вернуть третий. Во всяком случае, у них было два против нашего одного. Но теперь у нас два камня, а у врагов остался один... Мальчик воришка сумел украсть у меня один камень два месяца назад, когда я собиралась отправиться в первое плавание. Сегодня он, видимо, узнал меня и решил получить за камень выкуп... Наивный юнец... Но теперь перед ним стоит задача, достойная хорошего вора. Он должен украсть для меня третий, последний священный камень Хама... Тогда Эптор окажется в нашей власти и его правители больше не смогут причинить нам зло.

— А где этот третий камень? — спросил Гео.

— Наверное, сияет во лбу статуи Темного бога Хама, которая находится в храме в сердце Эптора... Как ты думаешь, мальчишка примет мои условия?

— Думаю, да, — чуть помедлив, ответил Гео.

— Где-то в том же самом дворце находится моя дочь или ее останки. Вы — ты и твой приятель — должны разыскать ее следы и, если повезет, привезти ее живой на борт нашего судна.

— Но... вы научите нас пользоваться камнями? Иначе нам не под силу будет пробраться в храм Хама.

— Да, конечно. Я покажу вам их возможности, — сказала Воплощение Арго, широко улыбаясь.

Одной рукой она подняла карту, которая лежала перед ней. Другую поднесла к камню и постучала по нему бледным ногтем. Карта вдруг начала чернеть с одного конца, а потом вспыхнула. Арго подошла к жертвеннику и бросила туда горящую бумагу. Жрица повернулась к Гео.

— Я могу влиять на разум людей — помнишь, как я поймала Змея?.. Я могу подчинить своей воле сотню воинов. И так же легко, как подожгла старую потертую карту, я могу стереть с лица земли город.

— С такими штучками у нас неплохие шансы добраться до статуи Хама и вернуться обратно, — улыбнулся Гео.

Но ответная улыбка оказалась печальной. А затем лицо жрицы стало суровым.

— Не думаешь ли ты, что я вложу в ваши руки такое искушение? — высокомерно заговорила она. — Вас могут схватить, и тогда камни снова вернутся в лапы Эптора.

— Но с камнями мы были бы неуязвимы...

— Однажды камни уже сменили владельцев, попав в наши руки. Мы не можем рисковать потерять их. Вы сами доберетесь до храма, украдете третий камень и спасете мою дочь, если она жива... — Тут верховная жрица замялась, но, быстро подобрав нужные слова, продолжала: — Моя дочь сможет воспользоваться силой третьего камня. Она поможет вам вернуться на корабль. Но если хотя бы одно из условий не будет выполнено, все предприятие окажется бессмысленным. Тогда вам лучше умереть. Ведь, если враги захватят наш корабль, погибну не я одна. Вы тоже умрете в мучениях более страшных, чем может подарить самая жестокая пытка.

Гео не проронил ни слова.

— Почему ты так изменился в лице? — спросила Арго. — У тебя ведь есть оружие — твоя поэзия, твои заклинания, твоя мудрость.... Черпай силу оттуда. Я сообщила все, что считала нужным. Можешь идти... И пришли ко мне вора.

Тон верховной жрицы не допускал возраже-

ний.

Гео молча вышел из каюты во мрак ночи. Свежий ветерок пахнул в лицо. На мгновение поэт остановился, оглянулся на дверь, перевел взгляд на море и поспешил в кубрик.

Глава третья

Гео спустился в кубрик, где, кроме Михайло и Змея, все еще никого не было.

— Ну? — спросил Михайло, поудобнее устраиваясь на краю койки. — Что она тебе сказала?

— Почему ты не спишь? — угрюмо поинтересовался Гео, словно не слышал вопроса приятеля. Потом тронул Змея за плечо:

— Теперь она хочет видеть тебя.

Змей встал и уже направился было к двери, но потом вернулся.

— Что-то забыл? — поинтересовался Гео.

Маленький воришка порылся в лохмотьях и вытащил

ремешок с драгоценным камнем. В нерешительности он подошел к Гео и повесил ремешок поэту на шею.

— Хочешь, чтобы я сохранил его для тебя? — удивился Гео.

Но Змея в каюте уже не было.

— Ну, вот, — вздохнул Михайло. — Теперь и у тебя есть такой камешек. Интересно, зачем они нужны?.. Или ты уже это выяснил?.. Давай, Гео, выкладывай, что тебе рассказала жрица.

— Змей ничего тебе не говорил, пока меня не было?

— Ни словечка, — вздохнул Михайло. — Да я же предупреждал, что не хочу спать. Ну, рассказывай, о чем ты говорил со жрицей?

Гео все рассказал Михайло. А когда закончил, гигант тяжело вздохнул:

— Ты, наверное, сошел с ума. И ты, да и Воплощение Арго тоже.... Вы оба сошли с ума.

— Не думаю, — возразил Гео и в завершение поведал, как жрица Арго продемонстрировала ему силу камня.

Михайло взялся за подарок Змея, который висел на груди у Гео, и повертел его в руке, внимательно разглядывая.

— И такая сила скрыта в крошечном камешке? Послушай, а ты бы не смог сам разгадать, как он действует?

— Сомневаюсь, — сказал Гео. — Не по душе мне все это.

— Иди ты к черту! «Не по душе ему это»! — пере-

дразнил его Михайло. — Что толку посылать нас на остров и надеяться, что мы сделаем то, чего не сможет и целая армия. А если мы откажемся, жрица натравит на нас весь Лептар?

— Сомневаюсь, — повторил Гео, вновь покачав головой. — Михайло, а какие истории об Эпторе ты знаешь? Жрица сказала, ты должен их знать.

— Я знаю, что с Эптором у нас нет торговых отношений. Ныне даже само слово звучит как проклятие... А все остальное — чепуха, не стоящая внимания.

— Например?

— Поверь мне, это всего-навсего бабушкины сказки, — настаивал Михайло. — А как ты думаешь, сможешь ли ты овладеть силами, сокрытыми в этом камешке, если он пробудет у тебя достаточно долго? Воплощение ведь говорила, что жрецы смогли это сделать, а тебя она, по-моему, считает таким же умным... Наверняка, ты сам мог бы во всем разобраться.

— Сначала расскажи мне сказки об Эпторе, — настаивал Гео.

— Говорят, там живут каннибалы, женщины, пьющие кровь, существа, не похожие ни на человека, ни на животного. Города на Эпторе — обители смерти... Да, это местечко не назовешь

дружелюбным, судя по тому, с каким усердием избегают его матросы. Но что бы там ни рассказывали, все это глупости.

— Ты ведь знаешь еще что-то?

— Тут и знать нечего. — Михайло пожал плечами. — Эптор считается родиной всех человеческих пороков и чудовищ, вызвавших Великий Огонь... Я ни разу не был на этом острове. Но всегда хотел побывать и все увидеть своими глазами, чтобы при случае пресечь глупую болтовню.

— Еще жрица говорила, что твои рассказы не составят и десятой доли всей правды...

— Наверное, она имела в виду то, что в них не содержится и десятой доли правды... Уверен, она права. Ты просто неправильно ее понял.

— Я все отлично понял, — настаивал Гео.

— Тогда я просто отказываюсь тебе верить. Во всей этой истории концы с концами не сходятся... Во-первых, мне непонятно, как это наш четырехрукий приятель ровно два месяца назад оказался на пирсе именно в тот момент, когда жрица поднималась на корабль. И за это время он не променял камень, не продал...

— Возможно, в момент кражи он прочитал мысли жрицы, так же как наши, — высказал предположение Гео.

— Если так, то он должен знать, как обращаться с этими вещичками. Говорю тебе, давай выясним все, что ему известно, когда он вернется. И еще меня интересует, кто отрезал ему язык. Кто-нибудь из Странных или нет? Мне от всего этого как-то не по себе, — проворчал гигант.

— Кстати, ты помнишь? Мальчишка сказал, что ты знаешь человека, отрезавшего ему язык.

— Я многих знаю, — уклончиво ответил Михайло. — Но кого он имел в виду?

— Ты и в самом деле не знаешь? — удивленно спросил Гео.

— Странный вопрос, — нахмурившись, ответил Михайло.

— Тогда я напомню тебе слова маленького воришки, — продолжал Гео. — Скажи, кого ты убил?

Михайло посмотрел на свои руки так, будто видел их впервые. Он положил их на колени ладонями вверх, распрямил пальцы и стал рассматривать, словно изучая. Затем, не поднимая глаз, начал рассказывать...

* * *

Это случилось давно, друг мой.

Но та сцена стоит у меня перед глазами, как

будто все случилось вчера...

Да...

Я должен был рассказать тебе раньше. Но слишком болезненны для меня эти воспоминания. Они твердые, как металл, горькие, как морская соль.

Мне кажется, что сквозь шорох ветра откуда-то издалека доносится мой голос, и тот человек, которого я убил, отвечает мне. Наш разговор звучит так отчетливо, что я дрожу, как сверкающая поверхность зеркала, по которой одновременно колотят кулаками человек и его отражение.

История эта началась, когда мы брали рифы на парусах под дождем, от которого на коже вскакивают волдыри.

Того парня звали Кут. Мы двое были самыми сильными на корабле, и то, что нас обоих отправили на ванты, означало, что работа предстоит тяжелая. Вода заливала лица, мокрые канаты скользили в руках. Неудивительно поэтому, что с порывом ветра парус вырвался из моих рук, провис под напором дождя и забился в переплетения канатов, сломав при этом два штага.

— Неуклюжий ублюдок! — завопил с палубы боцман. — Ты что, хочешь отправиться за борт кормить рыбу, сукин сын?

И еще сквозь шум дождя до меня донесся смех

Кута, который работал на другой рее.

— Не везет, так не везет, — закричал он, придерживая свой угол паруса, который тоже грозил вот-вот вырваться из рук.

Я натянул свой парус и крепко его привязал. Состязание между двумя отличными матросами само по себе не содержало ничего плохого, но породило ярость в моей душе. Я готов был разродиться крепким словечком или ответной колкостью. Но шквал все равно унес бы мои слова, и поэтому я боролся с парусом молча.

Конечно, я спустился с мачты последним. И тогда-то я понял, почему мой парус вырвался. Стертое мачтовое кольцо сломалось и выпустило главный канат. Но это же кольцо ко всему прочему скрепляло расколотую надвое кормовую мачту. Трещина длиной в две моих руки то и дело раскрывалась и с грохотом захлопывалась на ветру, словно детская хлопушка. Поблизости от меня оказался свернутый в бухту канат толщиной в дюйм. С трудом удерживаясь на вантах, я закрепил канат и обвязал основание сломанной мачты. Каждый раз, когда трещина закрывалась, я набрасывал петлю и крепко затягивал мокрый канат.

Это называется «стегать» мачту...

И в ту ночь я простегал ее снизу доверху, пока фланец каната не достиг трех футов в высоту, так что трещина не могла больше раскрыться. Затем я повесил сломанное кольцо на крюк, оказавшийся под рукой, чтобы потом показать корабельному кузнецу и заставить его заменить канат цепью.

Вечером того же дня, когда я, уже обо всем позабыв, уплетал в кают-компании горячий суп и смеялся, слушая рассказ одного матроса о любовных похождениях другого матроса, вошел боцман.

— Эй, вы, морские негодяи! — прорычал он. Наступило молчание, а боцман продолжал: — Кто из вас перевязал сломанную кормовую мачту?

Я хотел крикнуть: «Да это я!»

Но кто-то опередил меня:

— Это сделал Большой Матрос, господин!

Так на нашем судне часто называли и меня, и Кута.

— Что ж, — проворчал боцман. — Капитан считает, что такая сообразительность в трудную минуту должна быть вознаграждена.

Он достал из кармана золотую монету и швырнул ее через стол Куту.

— Держи, Большой Матрос. Хотя на твоем месте

каждый должен был бы сделать то же самое. — С этими словами он вышел из кают-компании.

Все шумно поздравляли Кута. Я не видел выражения его лица, когда он клал монету в карман.

Меня охватил гнев, но я не знал, куда его выплеснуть. На кого я должен был его обрушить? На матроса, который выкрикнул имя героя?.. Нет, ведь он мог спутать меня с моим соперником, тем более в такую погоду... На Кута? Но он уже вставал из-за стола. А боцман, наш боцман! Должен сказать тебе, дружок, для меня мало удовольствия снова плыть с ним на одном корабле... Так вот, когда я пришел в себя, его тяжелые шаги уже раздавались где-то далеко на палубе.

Может, поэтому меня и прорвало на следующее утро, когда погода немного успокоилась. Чья-то небрежная острота так подействовала на меня, что я буквально взорвался. Я схватился с одним из матросов. Мы тузили друг друга, чертыхались, повалились на палубу и подкатились прямо под ноги боцману, который в это время спускался по трапу. Он стал пинать нас сапогами и осыпать проклятиями, а когда узнал меня, с ухмылкой сказал:

— А, это тот неуклюжий болван!

Так я заработал себе репутацию драчуна. А дра-

ка на корабле — нарушение, которое потерпят немногие капитаны. У меня же это оказалась третья по счету провинность. По настоянию боцмана, у которого сложилось обо мне определенное мнение, капитан приказал меня высечь.

И вот на рассвете следующего дня меня вывели и привязали к мачте, чтобы располосовать, как кусок мяса, на виду у всей команды. Мне казалось, что нет на свете человека хуже нашего боцмана. Белое в моих глазах стало черным. Мне хотелось рвать и метать, когда боцман швырнул хлыст и крикнул:

— Ну, Большой Матрос, ты уже сделал одно доброе дело для своего корабля. Не спи на ходу и поработай еще. Пусть на спине у этого мерзавца останется десяток полос, достаточно глубоких, чтобы легко пересчитать их пальцем, смоченным в соленой воде.

Пока сыпались удары, я не дышал. Десять ударов — это порка, от которой отходят неделю. Обычно матрос падает на колени после первого удара, если позволяет веревка. Я не упал, пока веревки на руках не обрезали. Более того, я не проронил ни звука до тех пор, пока не услышал, как вторая золотая монета брякнулась о палубу. А потом боцман обратился к команде:

— Смотрите, как богатеет хороший матрос.

Мой стон потонул в ликующих криках.

Кут с кем-то вместе уволок меня в карцер. Когда я упал, зарывшись в солому, я услышал голос Кута:

— Да, приятель... не везет, так не везет.

И тогда я потерял сознание от боли.

На следующий день я смог лишь доползти до оконной решетки. Выглянув на кормовую палубу, я понял, что мы попали в жестокий шторм. Такого я никогда не видел ни до, ни после того плавания. Раны на спине лишь усугубляли мои страдания. А волны с такой силой били в корабль, что гвозди готовы были выскочить из гнезд, а палубные надстройки — развалиться. Волной смыло за борт четверых, а когда остальные бросились их спасать, новая волна смела еще шестерых. Шторм налетел так неожиданно, что не успели спустить ни одного паруса, и теперь вся команда повисла на вантах.

Из окна карцера я увидел, как упала мачта, и завыл, словно зверь, пытаясь вырвать прутья решетки. Но в окне мелькали лишь ноги бегущих. Ни один матрос не остановился, чтобы выпустить меня. Я взывал к ним снова и снова, надрываясь от крика. Корабельный кузнец так и не заменил

мой импровизированный крепеж на кормовой мачте цепью. Я не успел сказать ему об этом...

Бризань не выдержала и десяти минут. Когда она поддалась, раздался треск, подобный громовому раскату. Разлетелись на клочки наполовину убранные паруса, канаты лопнули, как ниточки.

Людей разметало в разные стороны.

Мачта накренилась, описав в небе дугу, и упала на грот, обрывая канаты и сбивая людей с рей, как муравьев с дерева. Численность команды уменьшилась наполовину, а когда мы кое-как выползли из шторма, у нас осталась лишь одна мачта, и та сломанная. А искалеченных моряков, в жилах которых еще теплилась жизнь, насчитывалось одиннадцать.

Корабельный лазарет вместил десятерых. Одиннадцатого уложили в карцере. Боцман долго выбирал, кого поместить со мной: матроса, который более других подавал надежду выжить, — ему легче было бы перенести суровые условия карцера, чем другим; или матроса, который обречен, — ему было уже все равно, где провести свои последние часы. И боцман отдал предпочтение умирающему.

На следующее утро, когда я еще спал, ко мне в карцер втащили Кута. Его положили рядом со

мной. Позвоночник несчастного был сломан у основания, а в боку зияла такая дыра, что в нее можно было засунуть руку.

Очнувшись, бедняга заплакал. Его плач ничуть не походил на звериный рык, который я издавал пару дней назад, увидев падающую мачту. Скорее он напоминал тихое поскуливание пса, рыдание сквозь стиснутые зубы. Кут напоминал ребенка, который не хочет показать, что ему больно.

Он не прекращал плакать ни на минуту. Его муки длились многие часы. Тихие стенания несчастного раздражали меня больше, чем дикие вопли других раненых, то и дело доносившихся из лазарета.

Восход солнца затянул окно медною фольгой, и красная полоска света упала на солому и грязное одеяло, в которое завернули Кута. Плач сменился стонами. Несчастный задыхался и очень громко стонал. Я думал, он без сознания, но когда наклонился над ним, глаза умирающего оказались открыты. Он уставился на меня.

— Ты... — произнес он. — Больно... Ты...

— Тише, — попытался я его успокоить. — Ну, тише!

Мне показалось, Кут попросит у меня воды, но в карцере не было ни капли. Я догадывался, что

корабельные припасы по большей части пошли за борт. Поэтому, когда в семь утра нам наконец-то принесли ломоть хлеба и воду в жестяной кружке, я, голодный и изнывающий от жажды, воспринял это не иначе как шутку.

Тем не менее я открыл рот несчастному и попытался влить немного жидкости ему в глотку. Говорят, от лихорадки и жажды губы и язык чернеют. Неправда. Они становятся темно-багровыми — цвета гнилого мяса. Каждый вкусовой пупырышек покрывается отвратительным белым налетом, точно как после двухдневного запора.

Кут не мог проглотить воду. Она вытекала из уголка его губ, покрытых коростой запекшейся крови.

И вот веки задрожали, и он снова выдавил из себя:

— Ты... ты прошу... — Он снова заплакал.

— Чего тебе? — спросил я.

Несчастный вдруг заворочался, с трудом засунул руку в нагрудный карман разорванной рубашки и вынул оттуда что-то. Он протянул руку мне и сказал:

— Возьми... прошу...

Пальцы разжались, и я увидел три золотые

монеты. Истории двух из них всплыли в моей памяти.

Я отшатнулся как ужаленный, затем снова наклонился над несчастным.

— Чего ты хочешь? — спросил я.

— ...Прошу... — сказал он, пододвигая ко мне руку. — Убей... убей... меня, — и снова заплакал. — Так больно...

Я встал. Отошел к противоположной стене камеры. Вернулся обратно. А потом я сломал ему шею о колено.

Я взял предложенную мне плату. Через некоторое время я съел хлеб и выпил остатки воды. Затем уснул. Труп Кута унесли, и меня ни о чем не спросили. А через два дня, когда снова принесли еду, я подумал, что если бы разделил с Кутом хлеб и воду, то давно умер бы с голоду. В конце концов меня выпустили, потому что им были нужны рабочие руки...

* * *

— И единственное, о чем я иногда задумываюсь... единственное, о чем позволяю себе размышлять: заслужил ли я свою плату? Думаю, две из этих монет так или иначе предназначались мне. Но иногда я достаю их и разглядываю,

гадаю, как ему досталась третья. — Михайло засунул руку в карман рубашки и достал три золотых. — Я так и не смог их потратить. — Он подкинул монеты, поймал их на лету и засмеялся. — Я так и не смог расстаться с ними.

— Извини, — вздохнул Гео после минутного молчания.

Михайло взглянул на приятеля.

— За что? Будем считать, это мои драгоценные камни. Разве нет? Может быть, у каждого из нас должны быть свои неразменные золотые?.. Быть может, Кут заработал третью монету, вырезав язык этому маленькому четырехрукому ублюдку? Но что-то я сомневаюсь...

— Михайло, я же сказал, извини.

— Да слышал я, — отмахнулся гигант. — Понял... За свою беспокойную жизнь я встречал много людей и думаю... язык Змею мог отрезать кто угодно. — Он вздохнул. — Хотел бы я знать, кто именно. Но где ответ? — Михайло поднес руку ко рту и стал грызть ноготь на большом пальце. — Надеюсь, парнишка не такой нервный, как я. — Он засмеялся. — Иначе много же ногтей ему придется грызть разом!

И в этот момент они снова услышали мысленный крик.

— Эй, — воскликнул Гео, — это Змей!

— Похоже, он в беде! — Михайло спрыгнул с койки и рванулся к трапу.

Гео помчался следом.

— Пусти меня вперед! — крикнул он. — Я знаю, где Змей.

Приятели выскочили на палубу, промчались мимо кают.

— Отойди! — потребовал Михайло и всей тяжестью своего тела навалился на дверь каюты жрицы. Она распахнулась.

Жрица, стоявшая возле стола, резко обернулась. Руку она держала на своем камне.

— Что за...

Но, воспользовавшись моментом, когда ее концентрированная воля изменила направление, Змей, прижатый к стене неведомой силой, прыгнул через скамью к Гео. Поэт подхватил мальчика, и одна из рук Змея быстро протянулась к груди Гео, где висел камень.

— Глупцы... — прошипела жрица Арго. — Неужели не понимаете? Этот мальчишка — шпион Эптора!

Наступила гробовая тишина.

— Закройте дверь, — приказала жрица.

Михайло повиновался. Змей все еще обнимал

Гео, сжимая рукой камень.

— Увы... — неожиданно тяжело вздохнула жрица. — Теперь уже поздно.

— Что вы хотите этим сказать? — удивился Гео.

— Если бы вы не ворвались, еще один шпион Эптора раскрыл бы свои карты и превратился в пепел. — Жрица тяжело дышала. — Но теперь у него свой камень, а у меня свой. Ну, воришка, ничья. Силы равны. — Женщина осуждающе посмотрела на Гео. — Как, по-твоему, он узнал, когда я сойду на берег? Он действительно хитер, раз за его спиной стоит весь разум Эптора. Возможно, это именно он незаметно для вас решил помешать нам...

— Нет, он... — начал было Михайло.

— Мы проходили мимо вашей двери, — перебил приятеля Гео, — услышали шум и решили, что здесь что-то случилось.

— Ваша забота может стоить всем нам жизни...

— Если воришка — шпион, то знает, как обращаться с этой штукой, — сказал Гео. — Позвольте нам с Михайло забрать его...

— Забирайте, если хотите! — прошипела жрица. — Вон!

Но в это время открылась дверь, и вошел боц-

ман.

— Я слышал шум и подумал, что вы, госпожа, в опасности.

Жрица Арго глубоко вздохнула.

— Опасности нет, — объявила она ровным голосом. — Пожалуйста, оставьте меня. Все могут идти.

— А что здесь делает Змей? — вдруг удивился Джорде, увидев Гео и мальчика.

— Я сказала — все могут идти!

Гео отвернулся от Джорде и вышел на палубу. Михайло последовал за ним. Пройдя шагов десять, поэт оглянулся и, когда убедился, что Джорде вышел из каюты и направился в другую сторону, опустил Змея на палубу.

— Ладно, малыш, возвращаемся в кубрик!

По пути Михайло спросил своего приятеля:

— Послушай, я не понимаю, что происходит?

— Так вот: во-первых, наш маленький друг не шпион.

— Откуда ты знаешь?

— Жрица не знает, что он может читать мысли.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Михайло.

— Я начал догадываться, что происходит что-то неладное, когда вернулся от жрицы. Ты ведь

тоже догадывался. И мы рассуждали примерно одинаково. Почему наше путешествие обернется полным провалом, если мы не выполним все, что она просит? Разве возвращение и восстановление в правах ее дочери, законной властительницы Лептара, само по себе не имеет значения?.. А то, что узнала девушка в плену, можно использовать против Эптора! Разве этого мало, даже если бы мы не нашли камня? Как-то не по-матерински — бросать на произвол судьбы свою дочь, если не будет найден какой-то там драгоценный камень. И тон, с каким жрица называет камень своим... Недаром гласит поговорка, ходившая в народе еще до Великого Огня: «Власть развращает, а полная власть развращает полностью»... Мне кажется, у жрицы не божественная жажда власти. Похоже, власть для нее значит больше, чем достижение мира.

— Но это еще не доказательство того, что Змей не шпион Эптора, — возразил Михайло.

— Минутку. Я доберусь и до этого. Видишь ли, я и сам вначале думал, что он шпион. Эта мысль впервые пришла мне в голову, когда я разговаривал со жрицей на берегу и она обмолвилась о существовании шпиона из Эптора. То, что Змей ухитрился стащить камень, а потом показать

его ей таким образом, — выглядело весьма подозрительно. Видимо, жрица пришла к такому же выводу... Но она не знала, что Змей может читать мысли и передавать их. Неужели ты, Михайло, не понимаешь? Неосведомленность о его способности к телепатии и породила ее подозрения... Михайло, скажи, ведь если бы он был шпионом, разве он оставил бы камень нам, когда пошел к жрице?

— Может, он думал, что жрица попытается отнять его единственную драгоценность?

— Правильно. Когда она велела мне позвать воришку, я сразу понял, что он ей нужен именно для этого. Но если бы он был шпионом и знал, как обращаться с камнем, то непременно взял бы его с собой, чтобы предстать перед Арго во всеоружии. Потом, отразив нападение жрицы, он мог бы спокойно вернуться в кубрик, а мы бы продолжали оставаться на его стороне. Тогда Змей раскрыл бы себя как шпион, и жрица стала бы следить за ним тщательнее, чем прежде.

— Ну, ладно, — перебил его Михайло. — Почему он все-таки оставил камень тебе?

— Потому что Змей не шпион и не знал, как использовать камень, хотя однажды испытал на себе его действие. Возможно, он хотел сделать

вид, что камень спрятан где-то на нем. Но не хотел, чтобы жрица отправила его на тот свет, руководствуясь какой-то корыстной целью... Итак, Змей, — Гео повернулся к мальчику, — теперь ты знаешь, как управлять камнем, не так ли?

Воришка кивнул.

— Вот он, твой камень... Что ж ты его не берешь?

Гео снял камень с ремешком с шеи и протянул его мальчику. Змей отшатнулся и неистово замотал головой.

— Так я и думал.

Михайло с удивлением уставился на воришку.

— Змей следит за мыслями людей, Михайло. Он почувствует, что ты хочешь сделать, до того, как ты шевельнешься. Воришка знает, что эта бусинка очень опасная штука, особенно для ее владельца.

— Ну, что ж, пока жрица думает, что парнишка — шпион, у нас будет одна из этих бусинок и человек, который знает, как ее использовать... — подвел итог Михайло.

— Не думаю, что жрица по-прежнему считает его шпионом... Как только она обнаружила, что у мальчишки нет с собой камня, она поняла, что он ни в чем не повинен. Но ее целью было заполу-

чить камень любым способом. Мы вошли как раз в тот момент, когда она собиралась обработать Змея с помощью своего камня. Чувство вины заставило ее ухватиться за первое попавшееся логичное объяснение, чтобы оправдаться перед нами. Зло любит скрываться под маской Добра...

* * *

Приятели спустились в кубрик. К этому времени там уже стали собираться матросы. Почти все они были пьяны и храпели на койках у стены. Один, завернувшись в одеяло, лежал на койке, которую Михайло выбрал для Змея.

— Ну, похоже, тебе придется переезжать, — вздохнул Михайло, с сочувствием посмотрев на мальчишку.

Змей вскарабкался на верхнюю койку.

— Э, нет, это моя!

Воришка жестом позвал гиганта.

— Не понял?.. Двое на одной? — возмутился Михайло. — Послушай, если боишься замерзнуть, иди вниз к Гео. Там больше места, и он не расплющит тебя о стенку... Я пинаюсь и храплю.

Змей не двинулся с места.

— Может, лучше сделать так, как он хочет? — предложил Гео. — У меня есть одна идея...

— Еще одна? — недовольно проворчал Михайло. — Черт с ним! Я слишком устал, чтобы спорить.

Он залез наверх и вытянулся на койке, полностью скрыв худенькое тельце Змея.

— Эй, убери-ка локти, — услышал Гео ворчливый шепот Михайло.

А вскоре с верхней койки донесся громкий храп великана...

* * *

Туман окутал корабль. Все предметы на палубе светились фосфоресцирующим серебром. Небо стало бледным, как лед, но на чаше небосвода по-прежнему сияли драгоценные гвоздики звезд. Зеленоватая водная гладь тоже поблекла, превратившись в море молока. Пепельно-серая дверь отворилась, и налетевший порыв ветра вырвал из темноты каюты тонкую вуаль, а затем на палубу вышла жрица Арго. Стройный силуэт, укутанный в серебристое сияние рассвета. И всю эту сцену скрывал полупрозрачный занавес тумана, чуть вздрагивающий под порывами игривого ветерка. Темная точка — драгоценность на шее жрицы — пульсировала, как сердце, то и дело вспыхивая черным пламенем. Женщина

— воплощение богини подошла к фальшборту, перегнулась через него и стала вглядываться в воду. Из белой пучины высунулась рука скелета. Согнувшись в локте, она снова ушла под воду. Чуть поодаль поднялась другая рука, изгибаясь и жестикулируя.

Прозвучал голос, такой же обесцвеченный, как вся сцена:

— Я иду... Я иду... Мы отплываем через час. Боцман приказал сниматься с якоря до рассвета... Теперь вы должны все рассказать мне... Вы должны все рассказать...

Из моря выросли еще две светящиеся руки, а потом из молочной бездны поднялось безобразное лицо. Вынырнув по грудь из воды, ужасное создание опрокинулось на спину и исчезло в воде.

— Вы служите Эптору или Лептару? — продолжала задавать вопросы призрачная фигура Воплощения Арго. Она говорила странным, безжизненным голосом. — Кому вы служите? Арго или Хаму?.. Я проделала большой путь... Вы должны ответить мне, прежде чем я отправлюсь дальше.

Откуда-то издалека донесся странный звук, словно кто-то неразборчиво и приглушенно бормотал:

— ...море... море... море...

А в это время открылась дверь в кубрик, но на палубу никто не вышел. С того места, где стояла жрица, было видно, что в глубине коридора стены из мореного дуба приобретают цвет березовой коры или платана. Масляная лампа в кубрике искрилась подобно светильнику с горящим магнием.

Еще с палубы видна была трехъярусная койка. В самом низу лежал... Гео — поэт с изможденным, бледным лицом. Копна его волос казалась белой, словно он полностью поседел за одну ночь. На груди у него пульсировала точка, то и дело вспыхивая черным пламенем.

Наверху, словно раздувшийся труп, возлежало чье-то тело. Михайло! С койки свесилась рука, дряблая, отекшая. В ней не было даже намека на нечеловеческую силу великана.

На средней койке под грудой одеял лежал какой-то матрос. Но шло время, и таинственное очарование этой сцены постепенно развеялось...

* * *

Гео сел и протер глаза.

Свет горящей лампы разогнал предрассветную тьму, и теперь клочки ее жались в углах кубрика.

Выглянув из-под нависающей над ним койки, поэт увидел посреди кубрика сухопарого боцмана.

— Эй, ты, — обратился Джорде к одному из матросов, — подъем! Пора за работу!.. Снимаемся с якоря.

Матрос с неохотой поднялся со смятой постели.

Боцман подошел к следующему.

— Подъем, пес паршивый!.. Подъем, кому говорю!.. Отплываем.

Повернувшись, боцман встретился взглядом с Гео.

— А ты чего ждешь? Особого приглашения? — спросил он у поэта. — Отплываем. Не слышал, что ли?.. Хотя, нет, ты как раз спи. До тебя очередь еще дойдет, а сейчас мне нужны опытные матросы.

Джорде ухмыльнулся и стал будить следующего бедолагу.

— Э... Да от тебя несет, как из винной бочки!.. Ну-ка, очнись... Отплываем! Отплываем!

Глава четвертая

Странный я видел сон, — сказал, обращаясь к Михайло, Гео, как только боцман вышел из кубрика. — Жрица... Туман... Молочная вода...

Гигант, свесившись со своей койки, посмотрел вниз.

— Ты тоже это видел?

Оба приятеля повернулись к Змею.

— Твои проделки, а? — спросил Михайло у маленького воришки.

Змей слез с верхней койки.

— Ты что, собираешься и по ночам морочить нам голову? — спросил Гео.

К этому времени большинство матросов в кубрике было уже на ногах. Один из них — негр — стал будить моряка, спавшего над Гео.

— Эй, Вайти, вставай... Не может быть, чтобы прошлой ночью ты так нализался... Вставай, а то проспишь завтрак. — Молодой матрос снова потряс спящего спящего за плечо. — Эй, Вайти!

Закутавшийся в одеяло Вайти не отвечал. Матрос еще раз тряхнул его хорошенько, но тот даже не пошевелился, только одеяло сползло с лица. Глаза Вайти были раскрыты и давно уже остекленели, рот широко открыт.

— Вайти! — снова позвал чернокожий матрос и, наконец поняв, что произошло, медленно отступил от койки с мертвецом.

* * *

Через три часа после выхода из порта корабль попал в сильный туман. Михайло поставили на вахту сразу после завтрака, но никто в первое утро плавания не побеспокоил ни Змея, ни Гео. Маленький четверорукий воришка куда-то ускользнул, и Гео не оставалось ничего другого, как бродить по кораблю в одиночестве. Когда он проходил под шлюпками, раздался тяжелый топот босых ног по мокрой палубе. К поэту подбежал Михайло.

— Эй, — ухмыльнулся гигант. — Что ты здесь делаешь?

— Да я и сам не знаю, — пожал плечами Гео.

Михайло тащил на плече бухту каната. Он надел ее на руку. Сейчас, переводя дыхание, он прислонился к фальшборту и вгляделся в клубы белого тумана.

— Плохое начало плавания... С кем ни говорил, никому это не нравится.

— Михайло, ты знаешь, что убило этого малого?

— Может, да, а может, и нет, — ответил гигант. — А как ты считаешь, что это могло быть?

— Помнишь сон?

Михайло поежился, словно за шиворот ему попала огромная капля ледяной воды.

— Да.

— Такое впечатление, будто все это мы видели чьими-то глазами.

— Наш маленький четырехрукий друг видит мир довольно странно, если ты об этом.

— Михайло, Змей здесь ни при чем. Я спрашивал его перед тем, как он ушел осматривать корабль. Это кто-то другой. Воришка лишь воспринимал образы и передавал их в наши головы. Что ты видел в самом конце?

— Если честно, — Михайло поправил бухту каната, — мне кажется, я смотрел на койку Вайти.

— А кто должен был спать на койке бедного Вайти?

— Змей?

— Правильно. Как думаешь, может, Вайти убили по ошибке вместо Змея?

— Возможно. Но зачем и кто это сделал?

— Тот, кто хотел убить Змея... Не исключено, что он же и вырезал ему язык.

— По-моему, мы так и не выяснили, кто это.

— Человек, которого ты знаешь, Михайло, — продолжал Гео. — Тот, с кем ты раньше плавал на этом корабле...

— Думаешь, я не присматривался? Кроме боцмана я никого не знаю, — покачал головой гигант. — Лица все незнакомые, кроме одного, которого я вроде бы видел в одном из прибрежных кабаков. Я ни одного матроса не знаю по имени.

— Вспомни, Михайло, с кем из команды этого корабля ты плавал раньше, — снова спросил Гео более настойчиво.

— Джорде! — Михайло резко повернулся. — Значит, ты имеешь в виду боцмана?

— Вот именно, — кивнул Гео.

— Ты думаешь, он пытался убить Змея? Почему же мальчишка ничего нам не сказал?

— Потому что боялся вовлечь нас в неприятности... Возможно, он прав.

— Как это? — удивился Михайло.

— Послушай, вначале я решил, что убийца — жрица. Но чем больше я об этом думаю, тем больше сомневаюсь. Но раз боцман вызывает подозрение, то, может быть, они заодно? Зачем он заходил в каюту к жрице Арго вчера вечером, когда там были мы?

— Он мог поступить точно как мы: проходил мимо и услышал шум. Если ночью мы смотрели его глазами, то надо сказать, он видит мир ужасно забавно.

— Или он тоже из Странных, как Змей, который «забавно» слышит? Не всякая странность лежит на поверхности и сразу видна, — задумчиво проговорил Гео.

— Может быть.... Может быть... — Михайло задумался, а потом, словно вспомнив что-то, заторопился. — Ладно, у меня работа, не могу же я стоять здесь весь день. А ты подумай еще, друг мой, и я с радостью выслушаю твои рассуждения... Пока. — Гигант снова поправил бухту каната на плече и растаял в тумане.

Гео еще немного побродил по палубе, а потом решил отыскать Змея. Лестница вела на верхнюю палубу, и, поднимаясь по ней, он увидел смутные очертания высокой фигуры, скрытой туманом.

На мгновение поэт замер, а потом двинулся дальше.

— Эй, — позвал он.

Человек, стоящий у фальшборта, повернулся, и Гео узнал капитана.

— Доброе утро, — обратился Гео к капитану. — Я думал, это боцман.

Не сразу капитан ответил:

— Доброе утро... В чем дело?

— Я не стану вас беспокоить, если вы...

— Говори. Что там у тебя?

— Сколько времени нам понадобится, чтобы доплыть до Эптора?

— Две с половиной недели. А может, и меньше, если ветер не изменит направление.

— Понятно, — кивнул Гео. — У вас есть какое-нибудь представление о географии Эптора?

— Боцман — единственный человек на борту, который побывал на этом острове и вернулся живым... Если не считать жрицы Арго.

— Боцман?.. Неужели?

— Во время кораблекрушения его выбросило на берег Эптора. Но он сделал плот, долго дрейфовал в открытом море, где ему улыбнулось счастье — его подобрал корабль из Лептара.

— Значит, он и поведет отряд в глубь Эптора?

— Только не он, — вздохнул капитан. — Он поклялся, что ноги его не будет на берегу проклятого острова... Даже не заикайся об этом при нем. Вообрази, что это за местечко, если почти неминуемая смерть в море кажется более привлекательной, чем жизнь на этом острове. Нет, он проведет наше судно через рифы к устью реки, но не более... Были еще двое, кто отправился туда и вернулся... Первый раз на остров вместе со жрицей Арго высадилось двенадцать человек. Десять матросов постигла страшная участь: они были

разорваны на куски и сброшены в море. Лишь те двое, кто остался сторожить лодки, выжили. Они и переправили жрицу назад. Одного матроса звали Вайти... Сегодня утром его нашли в кубрике мертвым. А второй матрос всего полчаса назад выпал за борт и утонул... Плохое предзнаменование. Нельзя терять людей, как монеты в игре. А ведь мы далеко от Эптора.

— Печально, — согласился Гео. — Спасибо за то, что уделили мне время.

— Пожалуйста. — Капитан отвернулся.

Гео спустился по лестнице и медленно пошел по палубе. Кто-то тронул его за плечо, и поэт резко повернулся.

— Змей, черт возьми, больше не делай так!

Мальчик смутился.

— Я не хотел кричать на тебя, — попытался оправдаться Гео, положив руку на плечо воришки. — Ну, выкладывай. Что тебе удалось выяснить? Обменяемся новостями.

«Ты... спи...» — передал ему Змей.

— Извини, друг, — улыбнулся Гео. — Я не смог бы уснуть сейчас ни за какие деньги. Тебе придется постараться. Пусть даже твои признания навлекут на наши головы неприятности, отвечай честно. Во-первых, чье видение ты передавал нам

ночью? Капитана?

Змей покачал головой.

— Боцмана?

Маленький воришка кивнул.

— Так я и думал. Он хотел убить... минуточку, — сказал Гео. — Боцман может читать мысли? Поэтому ты не хочешь говорить со мной начистоту?

Змей пожал плечами.

— Ну-ка, растолкуй мне, в чем дело, — приказал Гео.

«Не... знаю... — громко подумал Змей. — Я могу...

видеть... что... он... видит... Слышу... что... он... слышит... но... не... слышу... мысли...»

— Понятно... Предположим на свой страх и риск, что он не может читать мысли. Только скажи мне: это он убил моряка на той койке, где должен был лежать ты?

После секундного молчания Змей кивнул.

— Думаешь, он пытался убить тебя?

Змей снова кивнул.

— И еще один вопрос... Тебе известно, что человек, которого убили утром вместо тебя, был одним из тех двоих, что побывал на Эпторе вместе со жрицей во время предыдущей экспедиции?

Лицо Змея вытянулось от удивления.

— ...А другой моряк, побывавший на Эпторе, утонул сегодня утром... Упал за борт и утонул.

Мальчишка аж подпрыгнул.

— Что такое?

«Ищу... его... все... утро... Он... не... мертвый... Слышу... мысли... смутно... плохо...»

— Кто не мертвый? — в свою очередь удивился Гео. — Который из них?

«Второй... моряк...»

— Ты нашел его? — спросил Гео.

«Не... могу... найти... — печально ответил Змей. — Но... он... живой... я... знаю...»

— Тогда еще один вопрос. — Гео приподнял камешек, висевший у него на груди. — Как ты управляешь этой дурацкой штукой?

«Думаю... через... нее... я... слышу...» — ответил Змей.

Гео нахмурился.

— Что это значит? Можешь сказать, как она действует?

«У... людей... нет... подходящих... слов... — начал объяснять Змей. — Радио... электричество... транзистор...»

— Радио, электричество, транзистор? — повторил Гео, тщательно выговаривая непривычные

слова. — Что это? Какое-то заклятие?

Змей пожал плечами.

В тридцати футах от них открылась дверь каюты Воплощения Арго, и оттуда вышла сама жрица. Лицо ее было закрыто вуалью. Увидев Гео и мальчика, она машинально поднесла свою руку к шее и... безвольно уронила ее. Змей и Гео не двигались.

На верхней палубе, над каютами, показалась фигура боцмана, но Гео не мог с уверенностью сказать, смотрел ли Джорде на них или стоял к ним спиной.

Наконец жрица, так и не решившись что-либо предпринять, вернулась в свою каюту.

Боцман отошел от фальшборта.

* * *

Гео рассказал Михайло все, что узнал, только вечером. Гигант был озадачен.

— Ты-то сам ничего не замечал? — спросил Гео.

— Я только и делал, что работал, — проворчал Михайло.

Они стояли у фальшборта, за которым сплошной стеной поднимался туман, море и небо сливались в единое целое.

— Эй, четверорукий, — позвал вдруг Михайло. — Что ты там увидел?

Змей уставился на воду. Он не ответил гиганту.

— Не трогай его. Может, он услышал чьи-то мысли, — предположил Гео.

— Мне кажется, для подслушивания можно найти более подходящий объект. О чем могут думать рыбы? — удивился Михайло. — Делать вам нечего... Наверное, жрица приказала не привлекать вас двоих к работам... Тихо... Кто-то идет сюда... Заглянем в кают-компанию.

Приятели присоединились к группе матросов и вместе с ними нырнули через узкий проход в кают-компанию.

* * *

Бессонные ночи недолго беспокоили их. Скоро судно вышло из тумана.

Рассвет нового дня оказался серым, но ясным. Еще до завтрака на горизонте показался неровный клочок земли. В разгар трапезы вода плеснула из кувшинов сначала в одну сторону, оставляя темные пятна на столе, а затем, повторяя движение судна, в другую.

На нижней палубе матросы сгрудились у

фальшборта. Они разглядывали скалы, торчавшие из воды, словно обломки гнилых зубов. Медведь нацепил ожерелье из трех золотых монет и присоединился к Змею и Гео.

— Ого! Вот будет потеха, когда мы попробуем проскочить через эти клыки.

Вдруг все матросы дружно обернулись — по ступенькам на капитанский мостик поднималась жрица Арго. Темная вуаль вздулась колоколом вокруг ее лица. Она медленно прошла сквозь расступившуюся толпу матросов и остановилась у фальшборта, обхватив рукой канат, вглядывалась в темную полоску земли.

Капитан, стоя у штурвала, приказал:

— Джорде, распредели людей и смени меня.

— Есть, — ответил боцман. — Ты, ты и ты — на стеньги.

Он показал на выбранных им матросов.

— Еще ты и ты... Эй, ты что, не слышишь?

— Я? — удивился Гео.

— Да, ты... На стеньги! Быстро!

— Его нельзя посылать наверх! — встрял Михайло. — Он первый раз в море. Он даже не знает...

— А тебя кто спрашивает?! — заорал на гиганта боцман.

— Никто, — пожал плечами Михайло. — Но...

— Тогда убирайся вниз, пока я не арестовал тебя за нарушение субординации и не отобрал три твои золотые побрякушки. Думаешь, я не узнал золото мертвеца?

— Слушай, ты!.. — проревел Михайло.

Гео недоуменно переводил взгляд со жрицы Арго на капитана и обратно. Капитан был озадачен, это верно, но замешательство жрицы поразило поэта.

Вдруг Джорде схватил фомку и закричал, замахнувшись на Михайло.

— Убирайся вниз, пока я не проломил твой череп!

Михайло приготовился защищаться.

— Спокойно, брат Медведь, — начал было Гео.

— Помолчи! — прорычал Михайло.

Кто-то прыгнул Джорде на спину. Змей! Фомка просвистела всего в нескольких дюймах от плеча Михайло. Кулак гиганта пришелся боцману прямо в живот, и тот согнулся вместе со Змеем, который все еще висел у него на спине. Тогда боцман приблизился к фальшборту, резко наклонился, и ноги Змея мелькнули в воздухе. Потом боцман резко выпрямился...

Гео бросился к фальшборту и увидел голову Змея, показавшуюся из морской пены. Сзади

закричал Михайло:

— Берегись!

Гео нырнул в сторону, и фомка Джорде на три дюйма вошла в толстую доску, о которую только что опирался поэт.

— Только не его! — воскликнула жрица Арго. — Нет, нет! Только не его!

Джорде схватил Гео за плечо и отшвырнул на фальшборт. Поэт видел, как Михайло ухватился за свисающий трос и качнулся вперед, намереваясь на лету сбить боцмана с ног. Но тут вперед шагнула жрица Арго и, подняв руки, оттолкнула Михайло в сторону, так что он, исполнив невероятный кульбит, рухнул у фальшборта в нескольких ярдах от дерущихся.

В это мгновение ноги Гео заскользили на мокрых досках, и он, не удержавшись, шлепнулся спиной в воду.

Когда поэт вынырнул на поверхность, Михайло закричал ему:

— Держись, друг Гео, я иду!

Михайло взмахнул руками и прыгнул.

Теперь Гео видел только жрицу Арго и Джорде, замерших у фальшборта. Они боролись!

Михайло и Змей были рядом с ним, в воде.

Дальше произошло следующее: Джорде сорвал

цепочку с камнем с шеи жрицы и бросил ее в море. Женщина завизжала, попыталась поймать цепочку. Это было последнее, что увидел Гео. В тот же миг тело его обхватили чьи-то руки. Поэт извернулся в воде и увидел, как Змей исчез в пучине. Потом он услышал крик Михайло. Те же самые руки подхватили Гео под локти, когда он пытался набрать воздуха. Теперь и Михайло исчез под водой.

Чьи-то руки тянули поэта вниз.

* * *

Гео почувствовал, что лежит на жестком песке. Нестерпимо палило солнце. Затем повеял ветерок. Поэт открыл глаза и зажмурился от яркого света. Он перевернулся на живот. На ум пришла мысль о подушках и жесткости новых простыней.

Потянувшись, он зачерпнул рукой песок.

Потом Гео приподнялся. Его руки утонули в теплом песке. Над ним возвышались скалы, а за ними виднелась густая растительность. Поэт поднялся на колени, под ногами заскрипел песок. Гео удивленно уставился на свою руку, облепленную песчинками, прикоснулся к груди. Рукой он нащупал странную бусинку, чуть-чуть подвинул

руку и обнаружил еще одну! Теперь на шее у него висели ремешок с проволочной оправой и цепочка с платиновой клешней. В замешательстве Гео поднялся на ноги. Но ему пришлось сесть снова, потому что кровь застучала в висках и весь мир на мгновение окрасился красным. Через какое-то время поэт снова встал. Теперь он двигался очень осторожно. Песок был едва теплым — это означало, что тучи, густо нависавшие над морем на рассвете, рассеялись совсем недавно.

Гео побрел по пляжу, настороженно поглядывая в сторону суши. Взгляд, брошенный на море, заставил его остановиться.

На горизонте, за скалами, стояло судно со спущенными парусами. Значит, они еще не отплыли. Гео снова посмотрел на пляж — в пятидесяти футах от него на солнце лежал человек.

Поэт побежал вперед, загребая ногами песок, увязая в нем. Это напоминало замедленный бег во сне. На расстоянии десяти футов от человека он остановился.

Перед Гео лежал юноша с кожей цвета черного дерева. Вытянутый череп был обрит наголо. Как и Гео, он оказался почти голым. К его запястью прилип сгусток водорослей, а серые пятки и перевернутая ладонь были такими сморщенными,

как будто он слишком долго сидел в ванне, — так показалось Гео.

Поэт нахмурился и надолго замер. Потом еще раз окинул взглядом пляж. Больше тут никого не было. В этот момент негр пошевелил рукой, как делают спящие.

Гео тут же опустился перед ним на колени, перевернул и приподнял ему голову. Негр открыл глаза, но сразу зажмурился от яркого света. Затем он спросил:

— Кто ты?

— Меня зовут Гео.

Незнакомец сел и, чтобы по инерции не упасть вперед, уперся руками в песок.

Он потряс головой и снова открыл глаза.

— Да, — пробормотал он. — Я тебя помню. Что случилось? Мы затонули? Корабль пошел ко дну?

— Помнишь меня? Откуда? — спросил Гео.

— Мы плыли на корабле... Ты же был на корабле вместе с нами, да?

— Был, — согласился Гео. — Но меня вышвырнул за борт проклятый боцман. А с кораблем ничего не случилось. Он стоит на прежнем месте, можешь убедиться сам.

Негр молчал, Гео подождал какое-то время, а

потом сказал:

— Ты тот самый парень, который первым обнаружил, что Вайти умер!

— Верно. Меня зовут Ями. — Негр снова потряс головой и задумчиво посмотрел на корабль за рифами. — Вижу их. Вот корабль. Но где же тогда находимся мы?

— На пляже Эптора.

Лицо Ями скривилось от суеверного ужаса.

— Нет... — тихо произнес он. — Не может быть. Мы же были в нескольких днях пути от...

— Как случилось, что ты упал за борт?

— Когда я был на вантах, подул легкий ветерок. Вдруг меня как будто что-то толкнуло в спину, и я полетел вверх тормашками. Я решил, что какой-то рангоут ослаб и сбил меня со снастей. Я был уверен, что в таком тумане меня не заметят, да и течение слишком сильное, и...

Негр осекся и стал оглядываться.

— Ты ведь бывал на этом пляже и раньше? — спросил Гео.

— Один раз, — ответил Ями. — Да, один раз...

— Ты понимаешь, сколько времени ты пробыл в воде? — спросил Гео.

Ями закатил глаза.

— Больше двух недель! — удивленно пробор-

мотал Гео. — Поднимайся, посмотрим, сможешь ли ты идти. Я постараюсь тебе все объяснить, как сумею, а потом мы отправимся на поиски воды.

— Здесь есть вода? — удивился Ями. — У меня такое чувство, будто я высохший листок и меня вот-вот унесет ветром.

Он встал на ноги, покачнулся, выпрямился.

— Надо найти воду, — объявил Гео. — Прекрасная идея. Может, даже посчастливится найти большую реку. А когда мы найдем ее, мне бы хотелось держаться к ней как можно ближе, потому что где-то там должны быть наши друзья.

Ями поплелся по пляжу следом за поэтом.

— Что ты высматриваешь? — поинтересовался Ями.

— Друзей, — ответил Гео.

В двухстах футах пляж обрывался. Скалы, поросшие чахлой растительностью, подходили к самой воде. Карабкаясь по валунам и продираясь сквозь лианы, Гео и Ями поднялись на вершину одной из них, которая с противоположной стороны пятнадцатифутовой стеной уходила в воду. Изгибы реки хорошо просматривались со скалы — река, змеей петляя среди джунглей, уходила в глубь острова. Поверхность воды была футов на двадцать ниже, и Гео с Ями, вернувшись, обошли

скалу и, выбравшись на песчаный берег, стали пить прохладную влагу, рассматривая голубые камешки, поблескивающие под толщей прозрачной воды.

Послышался шорох. Гео и матрос отскочили от воды и залегли в камнях.

— Эй, — позвал из зарослей Михайло. — Я-то все гадал, когда найду вас.

Проникавший сквозь ветви свет искрился на золотом ожерелье на его волосатой груди.

— Видели Змея? — спросил он.

— Я был уверен, что он с тобой, — ответил Гео. — Да, Михайло, это Ями, второй матрос, который утонул две недели назад!

И Ями, и Михайло — оба выглядели озадаченными.

— Попей воды, — предложил Гео, — а я в меру своих способностей постараюсь вам все объяснить.

— Не возражаю, — согласился Михайло.

Пока Медведь пил, лежа на животе, Гео начал рассказывать Ями об Эпторе и Лептаре. Когда он закончил, чернокожий матрос спросил:

— По-вашему, нас перетащили сюда какие-то существа, живущие в воде, как рыбы? На чьей они стороне?

— Этого не знает даже жрица Арго, — пожал плечами Гео. — Возможно, они придерживаются нейтралитета.

— А боцман? — спросил Ями. — Ты думаешь, это он спихнул меня за борт после того, как убил Вайти?

— Ты ведь говорил, что он хотел убить Змея, — напившись, сказал Михайло.

— Так оно и было, — начал объяснять Гео. — Он хотел избавиться от всех троих. Вероятно, в первую очередь от Змея, а затем от Вайти и Ями. Но он не принял в расчет наших подводных друзей. Я думаю, только по счастливому стечению обстоятельств он убил Вайти вместо Змея. Если он не умеет читать мысли, в чем я совершенно уверен, то, наверное, подслушал, как мы распределяли койки. Когда выяснилось, что убит Вайти, боцман поспешил убрать с дороги Ями.

— Наверное, кто-то и впрямь пытался избавиться от меня, — согласился Ями. — Но я все равно не понимаю, зачем это нашему боцману.

— Если на корабле и есть шпион Хама, то это Джорде, — продолжал Гео. — От капитана я узнал, что боцман тоже побывал на Эпторе. Скорее всего, тогда его и завербовали. Ями, вы с Вайти тоже были на берегу Эптора. Неважно, что это

продлилось всего лишь несколько часов... На этом острове Джорде узнал нечто такое, что могли узнать и вы. Этого он и боялся. Видимо, это представляет большую опасность для Эптора, и увидеть это можно даже на пляже. Возможно, вы просто не распознали истину, не поняли значения того, что увидели. Но, вероятно, это было что-то совершенно очевидное.

Вопрос задал Михайло:

— Что случилось, когда вы оказались на Эпторе? Как погибли ваши спутники?

По телу Ями, несмотря на зной, пробежала дрожь. Он помолчал и начал рассказывать:

— Мы спустили шлюпку на воду и каким-то образом перебрались через прибрежные рифы. Когда мы высаживались на остров, уже смеркалось. Луна, помнится мне, только поднялась над горизонтом, хотя небо было еще голубым. «Полнолуние благоприятно для Белой богини Арго», — сказала нам жрица, стоя на носу шлюпки. Когда мы пристали, небо за ее спиной уже стало черным, а пляж казался серебряным. Вайти и я остались охранять шлюпку. Мы сидели на планшире, потирая руки от холода, и наблюдали, как остальные моряки поднимаются по прибрежным скалам: две группы по пять человек. Жрица Арго

шла сзади всех... И вдруг раздался дикий визг. Чудовища налетели на них, как стервятники. Луна уже стояла высоко над головой, и своими крыльями стая тварей заслонила белый диск. Они устремились вслед за убегающими людьми, скользя по воздуху низко над землей. Потом началась свалка на серебряном песке. В белом свете луны сверкали сабли. Дикий визг и вой оглушали. Мы не замедлили стащить лодку в воду. Жрица Арго и горстка оставшихся в живых моряков побежали к нам. Но чудовища гнались за ними до самой воды — кто прыжками, кто бегом, кто паря над землей. Моряки гибли один за другим. Я видел, как один матрос упал и его голова откатилась от туловища, а кровь брызнула фонтаном футов на десять, оставляя черные пятна на песке, очень отчетливые в лунном свете. Одной твари удалось даже ухватить за вуаль жрицу Арго, и та, взвизгнув, скользнула в воду. Но вскоре верховная жрица, тяжело дыша, забралась в лодку. Мы думали, она вот-вот потеряет сознание, но нет. Пока мы гребли, жрица, как статуя, стояла на носу. Твари не полетели за нами. Кое-как мы ухитрились довести шлюпку до корабля, не разбив ее о скалы.

— Возможно, наши подводные друзья имеют

к этому отношение, — удивился Гео. — Ями... Ты говоришь, жрица потеряла вуаль. Вспомни, на ней были украшения?

— Нет, — ответил Ями. — Она стояла на носу лодки в темном одеянии, и ее шея была гладкой, как слоновая кость.

— Значит, она не захотела брать камень с собой на Эптор. Ведь чудовища могли снова наложить на него свою лапу, — встрял в разговор Михайло. — Но, Гео, если Джорде шпион, то зачем он бросил камень в море?

— Из каких бы соображений он ни сделал это, наши друзья отдали мне оба камня, — вздохнул Гео.

— Ты говоришь, жрица Арго не знает, на чьей стороне морские существа — за Эптор выступают они или за Лептар, — задумчиво проговорил Ями. — А Джорде, пожалуй, знает, поэтому он и бросил им камень... Гео, я думаю, ты допустил ошибку. Ты говоришь, что ты поэт, и это твоя поэтическая ошибка. Ты делаешь вывод, что Змей не шпион только потому, что сомневаешься в искренности жрицы Арго. Она дала вам почти невыполнимое задание, лишив защиты, да еще потребовала, чтобы все было выполнено в точности. Разве честная женщина, рассуждал ты, может пожертвовать

жизнью дочери ради камня?

— Не просто дочери, — перебил его Гео. — Жизнью Воплощения богини Арго.

— Но выслушай меня, — продолжал Ями. — Ты рассуждал так: раз она ставит передо мной невыполнимую задачу, то хочет вернуть себе былую власть. В том, что ты говоришь, может быть доля истины. Но ведь сама она тоже не взяла камень на берег Эптора, даже ради собственной безопасности. Теперь все три камня на Эпторе, и, если верить жрице, Лептар в большой опасности... У тебя два камня, и ты не можешь ими воспользоваться. И Змей, и Джорде могут оказаться шпионами, а вражду между собой они разыграли, чтобы, пока вы подозреваете одного, другой обвел бы вас вокруг пальца. Вы утверждаете, что Змей может передавать слова и образы в головы других людей?.. Так вот, я думаю, он запудрил вам мозги...

С минуту они сидели молча.

— Возможно, жрицу Арго раздирали противоречия, — продолжал Ями. — А пока вы наблюдали за ней, вас сбили с толку другие.

Солнечные лучи, отражаясь от поверхности воды в реке, отбрасывали искрящиеся зайчики...

Теперь заговорил Михайло:

— По-моему, чернокожий приятель говорит убедительнее тебя, Гео.

— Что же нам делать? — тихо спросил поэт.

— То, о чем просила нас жрица, если, конечно, это окажется в наших силах, — сказал Ями.

— Значит, нам нужно найти храм Хама, украсть камень, освободить юную жрицу Арго. Умереть, но не допустить, чтобы камни снова перешли к повелителям Эптора.

— Судя по твоему описанию этого местечка, ждать придется недолго, — пробормотал Михайло.

— И все же здесь что-то не сходится, — задумчиво протянул Гео. — Зачем подводным обитателям спасать тебя, Ями? Зачем нас вообще сюда перенесли? Почему Джорде решил убить тебя и другого матроса?

— Непонятно, — вздохнул Ями, — Бог Хам обладает странным чувством юмора и разрешает нам отнести волшебные камни к воротам своего храма. Может, он хочет, чтобы мы сами возложили их к его ногам... А потом нас казнят. — Тут моряк улыбнулся. — С другой стороны, возможно, ты и прав, Гео, а я шпион, которого послали, чтобы направить тебя по ложному пути.

Михайло и Гео переглянулись.

— Для объяснения всех фактов можно привести бесконечное число теорий, — пробормотал поэт. — Правило номер один: для начала выбирайте простейшую теорию, включающую в себя все известные условия, и придерживайтесь ее до тех пор, пока не появятся противоречащие ей факты... Правило номер два: только если факты опровергают вашу теорию ищите другую...

— Хватит философствовать. Пора в путь, — объявил Ями.

— Я только за, — согласился Михайло.

Гео встал.

— Подводные существа спасали нас от смерти. Давайте отправимся в глубь острова по берегу реки. Этот путь не хуже других, к тому же, он кажется мне более безопасным.

— Возражений нет, — согласился Ями.

— А как же камни? — спросил Михайло. — Может, закопать их, чтобы никто не нашел. Ведь если они...

— Возможно, я допускаю еще одну ошибку, но я бы оставил их у себя, — возразил Гео. — Хоть мы и не умеем обращаться с ними, но вдруг с их помощью удастся испугать наших врагов.

— Я согласен с поэтом, — объявил Ями.

— Однако я не уверен в непогрешимости своих

выводов, — честно признался Гео.

— Давай-ка без этих штучек, — проворчал гигант. — Раз уж на нашу долю выпала эта работенка, мы должны действовать, а не сомневаться. Посмотрим, сможем ли мы повесить еще один такой камешек тебе на шею... — Он показал на два камня, мерцающих на груди Гео, а потом усмехнулся. — Еще один, и мы с тобой сравняемся по числу сувениров, — тут Михайло побренчал своим ожерельем из трех монет.

Глава пятая

Солнце спускалось все ниже, пока путники шли вдоль реки.

Двигаясь в глубь острова, они держались скалистого берега. Им то и дело приходилось пробираться через заросли лиан, которые тянулись к воде, зацепившись за нависающие над рекой ветви деревьев. Михайло отломил ветку толщиной с руку. Играючи он шлепнул ею по воде.

— Вот этой штукой можно вздуть любого, кто осмелится заступить нам дорогу, — объявил он.

— Скоро нам придется либо свернуть в лес, чтобы найти что-нибудь съестное, либо устроить засаду и подождать, пока на водопой придут

животные, — сказал Гео.

Михайло с силой рванул ветку, загораживающую дорогу, и она поддалась его неуемной силе, обнажив белые древесные волокна.

— Держи. — Гигант вручил ее Гео. — Сейчас вооружим и тебя, Ями.

— А заодно попробуем кое-что разведать, пока не стемнело, — предложил моряк.

Михайло вручил ему третью ветвь.

— Глаза бы мои не видели этих мест, — пробормотал он.

— Но нельзя же спать на берегу. Надо найти укромное местечко среди деревьев.

— Смотрите, что это там? — удивился Гео.

— Где? — спросил Ями.

За прибрежными деревьями маячила какая-то тень.

— Это скала или утес?

— Может быть... — задумчиво произнес Михайло и с удивлением пожал плечами.

— Но слишком удивительной формы. — Гео шагнул в заросли и остальные последовали за ним.

Странное образование оказалось много дальше и было много больше, чем предполагали путники. Двигаясь в его сторону, они наткнулись на

участок, где большие камни были подогнаны друг к другу, образуя мостовую. Кое-где между камнями проросли маленькие деревца. Но расстояние в тридцать футов, пока плиты окончательно не скрылись под натиском подлеска, путники преодолели без труда.

Через некоторое время лес снова поредел. Гео и его спутники оказались на опушке. А перед ними возвышалось разрушенное здание. Первоначально оно состояло из восемнадцати-двадцати этажей. Одна стена обвалилась полностью, и ее обломки усеяли землю. Открывшиеся комнаты и коридоры напоминали разбитый бетонный улей. Путники медленно приблизились к зданию.

С одной стороны возле здания на куче мусора валялся большой металлический цилиндр. Поперек него лежала плоская стальная полоса, одним концом вросшая в землю. Здесь же из-под сорванных листов обшивки торчали фермы каркаса... Окошки, словно темные глазницы, рядами располагались вдоль корпуса, а посередине зиял овал входа.

Когда завороженные путники подобрались поближе, из-за двери странного металлического сооружения донеслось шуршание. Они остановились и взяли дубинки наизготовку. В тени за

дверью на уровне десяти футов от земли шевельнулась какая-то тень. Постепенно она приобрела форму звериной морды, серой, вытянутой. Потом показались передние лапы. Животное, подобно собаке, сжимало в пасти какого-то мелкого зверька, явно мертвого. Завидев людей, животное замерло, внимательно наблюдая за ними.

— Нам нужно поймать кого-то себе на обед, — тихо напомнил своим спутникам Михайло. — Пошли!

Они сделали еще несколько шагов и остановились.

Зверь выпрыгнул из дверного проема. Тени и большое расстояние не позволили путникам точно оценить размеры твари. Но по дуге прыжка можно было определить собачье тело длиной почти в пять футов. Михайло ударил существо дубиной еще в воздухе. Животное с визгом упало на землю. Ями и Гео принялись колотить его палками по голове и плечам. После шестого или седьмого удара тварь зашаталась и повалилась. Когда он попытался приподняться, Михайло нанес своей импровизированной дубиной страшный колющий удар прямо в грудь. Кости существа захрустели, разрывая коричневую шкуру, хлынула кровь. Животное завыло, лягнуло задними

ногами, пытаясь сбить Михайло с ног. Гигант же, действуя дубиной, как копьем, прижал тварь к земле. Движения странного существа стали вялыми, оно вытянуло лапы и задрожало всем телом. Передние лапы замерли, а торс стал сжиматься в предсмертной агонии. Животное замотало головой и раскрыло длинную пасть, выпустив добычу. Из пасти, судорожно сокращаясь, вывалился розовый язык.

— Боже мой! — охнул Гео.

Острая морда стала плоской, когтистые лапы с подушечками разжались, превратившись в пальцы. Казалось, волосы втягиваются в безволосое тело существа. Задние ноги зверя удлинились и приобрели форму человеческих, потом согнулись в коленях и заскребли по коричневому настилу из листьев. Но вот правое бедро его дернулось в последний раз и застыло, одна нога снова вытянулась. На земле перед путниками лежал человек с растрепанными черными волосами и кровавой раной в груди. В агонии он сделал последнее усилие вырвать кол из груди, но ослабевшие руки соскользнули вниз. Губы его разжались, обнажив безупречно белые плоские зубы.

Ошеломленный Михайло сделал шаг назад, потом еще один. Человек-медведь поднял руку

к груди и потрогал талисман из трех золотых монет.

— Святая Богиня! — наконец прошептал он.

Гео подошел поближе, поднял тело маленького зверька и отвернулся.

— Что ж, обед будет не таким обильным, как мы предполагали, — угрюмо проговорил он.

— Пожалуй, — согласился Ями.

Они вернулись к разрушенному зданию, отойдя подальше от трупа оборотня.

— Эй, Михайло, — прервал молчание Гео. Великан все еще держался за свои монеты. — Очнись, что с тобой?

— Однажды я уже видел человека, тело которого было так искалечено, — медленно произнес гигант. — Ему проткнуло бок корабельной мачтой.

* * *

Они решили устроиться на ночь среди развалин в углу, образованном двумя разрушенными стенами. Камнем они высекли огонь из секции ржавой фермы. Воспользовавшись зазубренным металлическим шипом, торчащим из кучи мусора, путники долго пилили тушку и наконец четвертовали ее. Нанизав мясо на тонкие ве-

точки, с которых предварительно сняли кору, путники поджарили добычу оборотня. И хотя мясо местами подгорело, местами осталось сырым, они съели его без приправ. Голод отступил. Пока путники сидели у огня рядом со стеной, обгладывая кости неведомой твари, ночь обрушилась на джунгли, заточив людей в клетку оранжевого мерцания костра.

— Будем поддерживать огонь? — спросил Михайло. — Костер отгонит хищников.

— Если здесь есть хищники и они голодны... что ж, они смогут поживиться трупом неподалеку, — ответил Гео.

Путники устроились на куче листьев у стены. Стояла тишина. Не жужжали насекомые, не щебетали неведомые птицы. Только тихо журчала река за деревьями.

Гео проснулся первым, весь мир вокруг отливал серебром. Ему приснился тот же странный сон, что он видел раньше... Нет, не совсем тот. От неожиданности поэт сел. Все свободное пространство возле здания заливал белый свет огромного диска луны, зависшего над верхушками деревьев. Оранжевое пламя костра побледнело рядом с ним. В этом призрачном свете Ями и Михайло до ужаса походили на мертвецов. Гео уже хотел

потянуться и дотронуться до вытянутой руки Ями, но в это время за его спиной послышался странный звук. Шорох ткани на ветру? Гео резко обернулся и уставился на серую стену. Он вглядывался в бетонные руины, казавшиеся неопрятно грязными в ночном свете. Но, кроме камней и зубчатых обломков стен, он не увидел ничего. Давала знать усталость. Неожиданно внутри у поэта все перевернулось... Такое ощущение нельзя было объяснить лишь усталостью. Гео вытянул руку, лег и прижался щекой к прохладной коже плеча.

Через несколько секунд снова раздался странный звук. Гео повернул голову и уставился в небо. Что-то промелькнуло на фоне лунного диска. Еще раз послышалось хлопанье ткани. Поэт задрал голову. Какая-то тень... нет, несколько теней расположились на уступе разрушенной стены. Одно из неведомых созданий зашевелилось и сделало несколько шагов по стене, расправило крылья и вновь сложило их за спиной.

Поэт похолодел, по коже побежали мурашки. Гео протянул руку, зашуршав листьями, и схватил Ями за черное плечо. Матрос заворчал, вздрогнул, перекатился на спину и открыл глаза, — Гео видел, как опустилась в выдохе его грудь. И

только несколько секунд спустя грудь поднялась, наполняя воздухом легкие.

Ями повернулся лицом к Гео, поэт приложил палец к губам, боясь нарушить ночное безмолвие. Краем глаза Гео увидел, как Ями всем телом дрожит от страха.

Поэту показалось, что прошло несколько лет...

Вдруг стая разом спрыгнула со стены, метнулась к путникам. Вначале крылатые существа устремились к земле, но потом, забив крыльями по воздуху, выровняли полет и зависли в небе на фоне лунного диска. Сделав круг, они вернулись на стену и через некоторое время повторили маневр. Некоторые из них спустились в свободном падении футов на двадцать, прежде чем паруса их крыльев наполнились, и они снова начали подъем. На этот раз круги были шире. Не успели последние крылатые твари вернуться на свои места, как стая пошла на новый круг.

Тогда Гео схватил Ями за руку. Он не сводил взгляда с ужасных существ. Силуэты продолжали снижаться, как рваные воздушные змеи: шестьдесят футов над землей, сорок, тридцать. Раздался пронзительный визг. Гео вскочил на ноги. Ями встал рядом с ним. В руках они сжимали свои дубинки. Тени надвигались с криками... Но вдруг

бешено захлопали крыльями и снова поднялись в воздух, удаляясь от стены. Потом повернули назад...

— Непонятно, — прошептал Гео.

Он пнул ногой Михайло, но гигант уже приподнялся на коленях, собираясь встать. Крылья забили над головами путешественников. Таинственные твари приблизились к людям, но на расстоянии пяти футов вновь повернули назад.

— Кажется, они боятся закрытого пространства, — медленно проговорил Гео.

— Надеюсь, это так, черт побери! — воскликнул Михайло.

В двадцати футах от людей твари стали снова приземляться, складывая крылья в лунном свете. Во все увеличивающейся массе теней блеснул стальной клинок.

Две твари отделились от остальных и бросились вперед. Над их головами неожиданно взметнулись серебристые сабли.

Михайло выхватил дубинку из рук Гео и метнул ее изо всех сил. Оба чудовища получили страшный удар в грудь. Они упали навзничь, взмахнув крыльями, как будто запутались в простынях из черного холста.

Трое других с криками прыгнули вперед, чтобы

занять место павших. Пока они были далеко, Михайло взглянул вверх и воткнул свою дубинку в живот четвертому, который бросился на людей сверху. Одно из созданий увернулось от дубинки Ями, и Гео поймал мохнатую руку. Он дернул тварь в сторону, лишив ее равновесия. Колдовское создание выронило саблю и упало на спину, силясь встать. Гео подхватил клинок и прямо от земли нанес удар в живот еще одной крылатой бестии. Расправив крылья, раненое чудовище попятилось. Тогда Гео выдернул клинок и вонзил его в тело обезоруженного противника. При этом раздался звук, характерный для сдавливаемой губки. Выдернув лезвие, поэт рубанул тень слева. И вдруг в голове его раздался знакомый голос:

«Отдай… мне… камни…»

— Змей! — рявкнул Гео. — Черт побери, где ты?!

Михайло все еще держал в руках посох и теперь метнул его, как копье, в лицо очередного подступающего чудовища. От удара крылья твари раскрылись словно черный шелковый парашют, и, падая, она сбила с ног троих своих собратьев. На мгновение пространство перед Гео очистилось, и он увидел мальчика — белый силуэт в лунном свете. Змей выбежал из джунглей… Тогда, после-

довав совету маленького воришки, Гео сорвал с шеи цепочку и ремешок с камнями, собрал их в кулак и швырнул через головы визжащих чудовищ. В самой верхней точке траектории бусины сверкнули двумя огненными точками и исчезли в листве за спинами нападавших. Змей бросился за ними, подобрал и поднял высоко над головой.

Из рук мальчика вырвалось две молнии. Они ударили в гущу темных тел. Раздался пронзительный визг, запахло жженой шерстью. Еще одна молния пронзила темную орду. Крыло одной из тварей загорелось. Чудовище попыталось взлететь, но упало, рассыпая во все стороны искры. Пламя из тени вылепило коричневое лицо, выхватило испуганные красные бусины глаз, осветило пару клыков.

Обгоревшая тварь повалилась на землю, тут же вспыхнули опавшие листья, и по поляне перед руинами побежали языки пламени. Чудовища отступили, а люди, тяжело дыша, замерли у стены. Вдруг двое крылатых тварей упали сверху на Змея, который все еще стоял с поднятыми руками.

— Берегись! — крикнул Ями.

Змей взглянул вверх, но крылья уже окутали его и скрыли от чужих глаз. Внутри живой тем-

ницы полыхнуло пламя, и обгорелые клочья крыльев разлетелись в разные стороны. Твари отступили. Они взвились в небо, сделали круг на фоне сверкающей луны и исчезли.

— Давайте убираться отсюда! — предложил Михайло.

Но сначала они подбежали к Змею.

— Рад тебя видеть, как никогда! — воскликнул Гео.

Михайло с опаской посмотрел вслед исчезающим тварям.

— Пошли отсюда.

Оглянувшись, люди увидели, что огонь пожара уже гаснет. Пламя сожрало сухую листву, наткнулось на стену и отступило. Путникам ничего не оставалось, как скрыться под навесом деревьев.

— Змей, — позвал Гео, когда они остановились. — Познакомься, Змей, это Ями.

Матрос протянул руку воришке:

— Рад познакомиться.

— Послушай, — продолжал Гео, на сей раз обращаясь к Ями, — Змей читает мысли, так что, если ты считаешь его шпионом Эптора...

Ями широко улыбнулся:

— Помнишь, что ты сам говорил?.. Если мальчишка шпион, будет слишком сложно объяснить,

почему он нас спас.

Михайло почесал затылок.

— Если выбирать между Змеем и кем-то еще, лучше пусть будет этот маленький прохиндей.... Эй, четверорукий, я должен задать тебе трепку... — Гигант мгновение молчал, а потом засмеялся. — Надеюсь, у меня еще появится такая возможность. Иногда ты доставляешь больше хлопот, чем того стоишь.

— Кстати, где ты был? — сурово спросил Гео и положил руку на плечо Змея. — Ты весь мокрый.

— Снова наши подводные друзья? — удивился Михайло.

— Возможно, — неопределенно протянул Гео.

Змей протянул что-то Гео.

— Что такое? А... Ты не хочешь держать камни у себя?

Воришка быстро закивал.

— Ладно, — согласился поэт. Он взял камни и снова повесил себе на шею.

— Так вот какая сила заключена в этих камнях, — благоговейно произнес Ями.

— Гораздо большая, чем все мы подозреваем, — тяжело вздохнул Гео. — Почему бы тебе не взять один из камней, Ями? Лучше хранить их порознь.

Матрос пожал плечами.

— Пожалуй, для тебя хранить два камня — слишком большая ответственность. Раз ты просишь, я возьму один из них.

Гео снял с шеи цепь с платиновой клешней и повесил на шею Ями.

Теперь каменный глаз мерцал на черной груди моряка. Путники еще немного задержались, чтобы подобрать сабли крылатых тварей. Когда же друзья обогнули угол разрушенного здания, Гео поискал глазами труп оборотня, который они там оставили, но тот исчез.

— Куда идем? — спросил Михайло.

В ответ Змей кивнул, приглашая всех следовать за ним. Они приблизились к сломанному цилиндру, и Змей вскарабкался по куче мусора к черной дыре, той самой, из которой выпрыгнул оборотень. Остальные с опаской последовали за мальчишкой.

У двери Змей приподнял камень с шеи Гео и подержал его на весу. Камень засветился. Зелено-голубой свет залил мир вокруг. Войдя внутрь цилиндра, они оказались в коридоре с рядами металлических остовов двойных сидений, обивка которых давным-давно сгнила. Клочья ткани свисали со стен, большинство окон было раз-

бито. На металлическом полу валялись ветки и прочий мусор. Друзья прошли между сиденьями в дальний конец цилиндра и оказались возле еще одной двери. На стенах кое-где сохранились полустертые надписи. В одном месте Гео различил несколько букв на белой эмали изъеденной ржавчиной таблички:

«Н — ку — ь!»

— Тебе знаком этот язык? — спросил Ями.

— Не могу понять, — ответил Гео.

Дверь, у которой они остановились, была приоткрыта, и Змей распахнул ее.

Какая-то мелкая тварь выскочила сквозь разбитое окно. Свет волшебного камня проник в соседнее помещение, и друзья увидели два сиденья, выдернутые из креплений. Лианы затянули переднее окно, в раме которого сохранилось лишь несколько осколков стекла. Два скелета лежали на полу. Их одежда давно истлела, но сохранились серебристые шлемы и металлические кольца на ногах и запястьях... Интересно, сколько лет назад настигла их смерть? Пятьсот или больше... Змей обратил внимание своих спутников на ряд разбитых стеклянных дисков в стене перед сломанными сидениями.

«Радио...» — услышали они телепатический

голос маленького воришки.

Змей нагнулся и извлек из груды мусора кусок ржавого металла.

«Пистолет...» — пояснил он, показывая его Гео.

Спутники Змея стали внимательно изучать непонятную штуковину.

— Для чего он нужен? — наконец, не выдержав, спросил Михайло.

Воришка пожал плечами.

— Здесь есть электричество и эти... транзисторы? — спросил Гео, вспомнив слова, которые раньше слышал от Змея.

Мальчишка снова пожал плечами.

— Зачем ты показываешь нам все это? — снова спросил его Гео.

Змей не ответил. Повернувшись, он направился к выходу.

У овального отверстия входного люка, перед тем как спуститься на землю, Ями показал на руины здания, лежащие перед ними:

— А ты знаешь, как называлось это сооружение?

«Казармы...» — ответил Змей.

— Мне знакомо это слово, — обрадовался поэт.

— Мне тоже, — вторил ему Ями. — В казармах живут солдаты. Это слово принадлежит одному

из старых языков.

— Правильно, — подтвердил Гео. — Тогда еще существовали армии.

— Так это там скрываются армии Эптора? — удивился Михайло. — Никогда бы не подумал, что там...

— Там? — переспросил Гео. Неровные края стен теперь посветлели, окрашенные бледнеющей луной. — Возможно... Похоже, крылатые твари появились именно оттуда.

— Куда нам теперь идти? — спросил Змея гигант.

Мальчик повел их в густой лес, где россыпи светящихся пятен облепили стволы деревьев. Из леса они вышли к реке, — широкая лента серебра исчезала среди скал.

— Да, вначале мы были на верном пути, — заметил Гео. — Надо было и дальше идти вдоль реки.

Журчание и плеск воды, шорох листьев на опушке леса вновь окружали их. Наконец путники решили устроить привал и улеглись на сухой мох под защитой огромных валунов. Ветви, поросшие мхом и увитые лианами, скрывали их от посторонних наблюдателей. С чувством облегчения, словно камни в колодец, провалились они в туманный мир снов...

* * *

...Туманный мир сна...

Безграничный, непрестанно расширяющийся.

Но вот уже ясно проступили из тумана мачта, фальшборт, белое, как пудра, море за бортом. На палубе появилась фигура, костлявая, как скелет. Черты, искаженные белизной и превращенные голодом в карикатуру, принадлежали капитану.

— А, боцман, — сонно протянул капитан.

Последовал ответ Джорде, недосягаемый для слуха наблюдателей.

— Да, — ответил капитан. — Я тоже не понимаю, чего она хочет.

Его голос звучал гулко и был лишен оттенков, словно цветок, выросший в темноте. Капитан постучал в дверь каюты жрицы Арго. Дверь отворилась, и моряки вошли.

Рука жрицы, открывшей дверь, казалась такой тонкой, что напоминала зимнюю ветвь. Стены были задрапированы тканью, ветхой, словно слой пыли. Бумаги на столе вздымались огромными стопками и грозили рассыпаться от одного выдоха. От едва горящей свечи в канделябре тянулся вялый белый дым, а сухие ветви в вазах и резные чаши с маслом походили на скопище

пауков.

Бесцветный голос жрицы Арго прозвучал, как звук раздираемой паутины.

— Итак, — заговорила она. — Мы остаемся у берегов Эптора по крайней мере еще семь дней.

— Но почему? — удивился капитан.

— Я получила добрый знак.

— Не хотелось бы подвергать сомнению ваше право отдавать приказы... — начал было капитан.

— И не надо, — прервала его жрица Арго.

— Мой боцман считает...

— Ваш боцман однажды уже поднял на меня руку, — грубо отрезала жрица. — Только из снисходительности, — здесь она сделала многозначительную паузу, когда же она продолжила, голос ее звучал неуверенно, — я не... убила его на месте.

Ее скрытое вуалью лицо походило на череп.

— Но... — снова начал было капитан.

— Мы будем ждать здесь, у острова Эптор, еще семь дней, — повелительным тоном объявила жрица Арго.

Она отвернулась от капитана и встретилась взглядом с боцманом. Сквозь вуаль из черных глазниц жрицы ключом била ненависть.

Моряки повернулись к выходу.

Оказавшись на палубе, они остановились и долго молча смотрели на море. Волны бежали прочь, словно серый дым. Вдали, у самого горизонта, острый язык суши лизал пики гор. Издали прибрежные утесы казались белыми, как мел, с одной стороны, и мраморными с красно-голубыми прожилками — с другой. За одним из пиков виднелось красноватое свечение, напоминающее вспышки вулкана. И даже в ночи, несмотря на значительное расстояние, джунгли за серебряным полумесяцем пляжа выглядели густыми, зелеными, пьянящими, полными жизни...

И вдруг до моряков донеслись слабые крики...

Глава шестая

Гео перевернулся на другой бок и проснулся. Камешки и мох кололи плечо.

Он схватил саблю и вскочил на ноги. Ями уже стоял рядом с клинком наготове. Сквозь верхушки деревьев проглядывало предрассветное небо. От реки веяло прохладой. Было слышно, как плещутся о берег холодные волны.

Снова послышался слабый визг, напоминающий шипение раскаленной проволоки,

опущенной в лед. Теперь уже проснулись и Змей с Михайло.

Звуки доносились со стороны разрушенных казарм. Гео осторожно прошел вперед, движимый любопытством.

Остальные последовали за ним. Так они дошли до опушки леса, откуда открывался вид на разрушенное здание и площадку перед ним. Как по команде, люди пригнулись к земле и стали наблюдать.

Существо, нечто среднее между обезьяной и человеком, рыскало среди теней, отбрасываемых полуразрушенной стеной здания. Ростом создание было со Змея, а сложением напоминало Михайло. У него были толстые ступни и огромные ладони. Через его плечо была переброшена шкура животного, прикрывающая бедра, так что выглядело оно более одетым, чем любой из наблюдавших за ним людей. Существо прошлось по площадке, пронзительно завизжало и набросилось на тело одного из крылатых чудовищ. Мотая головой туда-сюда, чудовище стало рвать труп зубами. На мгновение распрямившись с пастью, полной мяса, оно снова согнулось и продолжало пожирать свою добычу.

Вдруг из леса выскочило еще одно точно такое

же существо. Буквально в десяти футах от того места, где укрывался Гео, оно остановилось и присело над трупом еще одной ночной твари. Людям было хорошо видно, как огромные пальцы, увенчанные острыми когтями, то и дело вонзались в тело, а клыкастые зубы отрывали огромные куски мяса. Вскоре из леса не торопясь вышел еще один пожиратель падали. Размерами он был меньше других. При виде мертвого тела, оставшегося после ночной схватки, он остановился, наклонился и, оскалившись, впился в шею. И в это время — был ли тому виной легкий ветерок или остаточный рефлекс — полотнище одного из крыльев распрямилось и сильно ударило двуногое чудовище.

— Хватит, — прошептал Михайло. — Пошли отсюда.

И тут тонкий вскрик заставил людей вздрогнуть.

Первое из появившихся на площадке существ по-обезьяньи присело перед людьми, склонив голову набок и моргая глубоко посаженными под нависающими бровями глазками. Во всклокоченной шерсти запутались комочки грязи и мелкие веточки. Когтистые пальцы сжимались и разжимались в такт свистящему дыханию,

вырывавшемуся сквозь неплотно сжатые толстые губы.

Рука Михайло потянулась к сабле, но Гео прошептал:

— Не надо.

Поэт вытянул руку и медленно шагнул вперед. Неуклюжая человекоподобная обезьяна отступила назад и мяукнула.

И тут Ями понял... Он встал рядом с Гео, защелкал пальцами и заговорил голоском, каким обычно успокаивают детей:

— Ну... ну... ну...

Гео тихо рассмеялся и попытался успокоить Михайло:

— Эта тварь нас не тронет.

— Если мы его не тронем, — добавил Ями. — Это какая-то разновидность некрофагов.

— Что? — переспросил Михайло.

— Он ест мертвечину, — объяснил Гео. — О таких существах упоминают древние легенды. После Великого Огня их было великое множество. Правда, на нашем острове они давным-давно вымерли.

— Иди ко мне, крошка, — позвал Ями. — Хорошенький... миленький... красивенький...

Существо мяукнуло, склонило голову, подошло

и потерлось головой о бедро Ями.

— Ну и запах, — сморщился чернокожий матрос, почесывая тварь за ухом.

— Эй, осторожнее, парень! — воскликнул он, когда зверь потерся сильнее, чуть не сбив моряка с ног.

— Оставь свою зверюшку в покое, — попросил Михайло. — Пора в дорогу.

Гео потрепал пожирателя падали по холке:

— Пока, красавчик.

И люди не торопясь направились к реке.

* * *

Когда они вышли на каменистый берег, Гео сказал:

— По крайней мере, теперь мы знаем, что у нас есть еще семь дней, чтобы добраться до храма Хама и вернуться обратно.

— А? — удивился Ями.

— Помнишь сон про корабль?

— Ты его тоже видел?

Гео обнял Змея за плечи:

— Наш друг подарил нам вещий сон...

— А чьими глазами смотрели на мир мы? — спросил Ями.

— Боцмана Джорде.

— У него все люди выглядят мертвецами... Это какой-то кошмар... Я едва узнал нашего капитана.

— Это еще одно доказательство того, что именно Джорде шпион Эптора.

— Из-за особенностей его мироощущения? — Ями снова улыбнулся. — Боюсь, в тебе снова говорит поэт. Но я все понял.

За их спинами раздался тонкий визг, и, обернувшись, путники увидели на скале, нависшей над ними, неуклюжую фигуру своего нового знакомого.

— Ого, — удивился Михайло. — А вот и ваш красавец.

— Надеюсь, он не пойдет следом за нами, — озабоченно сказал Гео.

«Красавец» запрыгал по камням и остановился прямо перед людьми.

— Что это у него? — удивился Ями.

— Не знаю, — пожал плечами поэт.

Сунув руку под шкуру, переброшенную через плечо, человекообезьяна достала большой кусок мяса серого цвета и протянула путникам.

Ями засмеялся, а потом объяснил:

— Он предлагает нам позавтракать.

— Есть это! — возмутился Михайло.

— Можешь предложить на обед что-нибудь получше? — поинтересовался Гео. Он принял мясо из когтей получеловека. — Спасибо.

Пожиратель падали повернулся, оглянулся на прощание и затопал по берегу обратно в лес. Гео повертел в руках кусок мяса.

— В нем совсем нет крови, — озадаченно сказал он. — Мясо высушено.

— Так оно дольше сохранится, — сказал Ями.

— Я такое не ем, — категорично заявил Михайло.

— Как, по-твоему? Это можно есть, Змей? — спросил Гео маленького воришку.

Змей сначала пожал плечами, а затем кивнул.

— Будешь?

Мальчик потрогал живот и снова кивнул.

— Значит, меня это мясо тоже устраивает, — вздохнул поэт.

С помощью драгоценных камней они развели огонь, подобрали палки для вертелов и стали жарить мясо. Скоро оно зашипело и зарумянилось. Жир начал пузыриться и с шипением стал капать на раскаленные камни, которыми путники обложили костер. Михайло, сидя в стороне, повел носом, потом придвинулся поближе и наконец, запустив большие пальцы в растительность,

покрывавшую его брюхо, проворчал:

— Черт с ним... Я хочу есть.

Остальные потеснились.

Рассвет подкрасил верхушки деревьев, а через мгновение лучи солнца засверкали на водной глади.

— Надо идти дальше. Время не ждет, — вздохнул Михайло, отрывая жирный кусок мяса. Он даже наклонил голову, чтобы слизать жир, текущий по руке.

— Но теперь мы, по крайней мере, знаем, что у нас есть два друга, — с удовлетворением сказал Гео.

— Кто же это? — удивился Михайло.

— Один остался там, в лесу, — Гео махнул рукой в сторону опушки, где скрылся обезьяночеловек. — Другой — под водой. — Он показал на реку.

— Похоже на то, — согласился Михайло.

— Кстати, где ты был до того, как очутился здесь прошлой ночью? — продолжал Гео, повернувшись к Змею. — Ну-ка расскажи нам.

«Пляж...» — мысленно ответил им Змей.

— И наши подводные друзья из рыб отнесли тебя вверх по реке следом за нами?

Змей кивнул.

— Как же случилось, что мы не нашли тебя на

пляже раньше, когда Михайло, Ями и я собрались вместе?

«Я... еще... не... попал... туда...» — ответил Змей поэту.

— Да, где же ты был?

«Море...»

— Тебя подняли на корабль?

«Не... на... корабле... — Змей затряс головой. — Слишком... сложно... объяснить...»

— Но не настолько, чтобы вовсе невозможно, — продолжал расспрашивать мальчика Гео. — К тому же, несмотря на то что ты помог нам, на тебе все еще лежит подозрение.

Вдруг Змей встал и жестом пригласил остальных следовать за ним. Все поднялись и пошли за мальчиком, гигант же так и не перестал жевать. Когда они вскарабкались на крутой берег и снова оказались в лесу, Михайло поинтересовался:

— Куда мы идем?

В ответ Змей едва заметно кивнул и знаком попросил гиганта помолчать. Через минуту они вернулись на площадку у казарм. От убитых тварей не осталось даже костей.

На мгновение на глаза Гео попалась дубинка Михайло, с одного конца обагренная кровью крылатых тварей.

Воришка подвел своих спутников к разрушенным казармам. Солнце уже стояло достаточно высоко и успело позолотить длинные стебли трав, колеблющихся на ветру у стены. Тут Змей остановился, снял драгоценный камень с шеи Ями и зажег свет. Еще раз он показал, что следует хранить молчание, и переступил порог казармы.

Они прошли по растрескавшемуся цементному полу к черному прямоугольнику проема, ведущему в следующее помещение, недосягаемое для солнечных лучей. Змей шагнул туда первым. Остальные последовали за ним. Сразу за порогом при свете камня они увидели огромные черные мешки, тесными рядами свисающие с потолка вдоль голых труб водопровода. Путники не пошли дальше, а остановились у мешка, висящего чуть в стороне от других. Змей поднес к нему светящийся камень и помахал им.

— Он что, хочет сказать, что эти твари ничего не видят? — прошептал Михайло.

Змей резко повернулся к гиганту, прижав пальцы к губам. В тот же момент в мешке началась возня, напоминающая шуршание мокрой бумаги... расправилось одно крыло, и показалась морда крылатой твари. Моргнул слепой красный глаз... и закрылся. Потом крыло сложилось, и

люди на цыпочках вышли из комнаты на солнечный свет. Они не проронили ни слова до тех пор, пока снова не оказались на берегу.

— Что ты... — начал Гео, его голос прозвучал неприятно громко. Откашлявшись, он заговорил много тише. — Что ты нам хотел сказать?

Мальчишка ткнул пальцем в Михайло.

— Что сказал он? Что они не видят, только слышат?

Змей кивнул.

— Спасибо, — протянул Гео. — Это я понял еще ночью.

Воришка пожал плечами.

— Это все равно не ответ, — заметил Ями.

— Но он порождает еще один вопрос, — медленно проговорил Гео. — Зачем ты показал нам все это? Кажется, ты неплохо знаешь окрестности. Ты раньше бывал на Эпторе?

Змей замер на мгновение, затем кивнул.

После такого признания все замолчали.

Наконец Ями, набравшись храбрости, нарушил молчание:

— Почему ты спросил его об этом?

— Такой вывод вытекает из моей первоначальной теории, — снова заговорил Гео. — Я долго думал об этом. Но Змей знал о моих мыслях.

Джорде хотел избавиться от Ями, Вайти и Змея и только по чистой случайности первым добрался до Вайти, а не до нашего приятеля Змея. Он хотел избавиться от Вайти и Ями, потому что они видели что-то или могли видеть, когда были на Эпторе со жрицей Арго... И тогда я подумал, что, возможно, он хотел избавиться от Змея по той же причине. Значит, мальчишка тоже побывал на Эпторе.

Все снова посмотрели на Змея.

— Думаю, не следует больше задавать ему вопросы, — задумчиво протянул Гео. — Его ответы ничего нам не дадут, и что бы мы ни выяснили, у нас есть задание и семь... нет, шесть с половиной дней, отпущенных на него.

— Пожалуй, вы правы, — согласился Ями.

— Ты и в самом деле доставляешь больше хлопот, чем того стоишь, — сказал Михайло мальчику. — Пошли.

Змей вернул цепочку с подвеской из драгоценного камня матросу. Чернокожий юноша снова повесил ее себе на грудь, и путники отправились дальше вверх по реке.

* * *

К полудню солнце расплавило небо. Путники сделали привал, чтобы освежиться в водах реки... Их тела легко скользили в прохладной воде. Они даже ныряли в надежде столкнуться со своими подводными друзьями, но не видели ничего, кроме каменистого дна, и выныривали, сжимая в руках ветки и камни. Вскоре путники затеяли соревнование по плесканию, в котором, надо отдать ему должное, легко победил Змей.

Потом они долго лежали на замшелых камнях, загорали и отгоняли различных жучков и мошек. Солнце золотыми монетами ласкало их веки.

— Я снова хочу есть, — проворчал Михайло, переворачиваясь.

— Мы ведь ели совсем недавно, — садясь, сказал Ями. — Но я тоже хочу...

— Мы ели всего пять часов назад, — укоризненно объявил Гео. Солнечный свет разлился жидким металлом по водной ряби. — Но нельзя же лежать здесь весь день, — продолжал он через какое-то время. — А не поймать ли такого зверька, какой достался нам вчера от... от одного из наших друзей?

— Или какого-нибудь милого дружелюбного

могильщика, — размечтался Ями.

— Фу, ну у тебя и мысли, — передернуло Михайло.

— Эй, — повернулся Ями к Гео, — если Змею нельзя задавать вопросы, то, значит, его нельзя спросить, где находится этот храм?

Гео пожал плечами.

— Мы либо доберемся туда, либо нет. Если бы мы двигались не в том направлении и он знал об этом, он бы поправил нас.

— Не нравятся мне все эти заумные рассуждения, — проворчал Михайло. — Эй, ты, маленький четырехрукий ублюдок, скажи-ка, ты был когда-нибудь в том месте, куда мы идем?

Змей закивал.

— А знаешь, как туда попасть?

Мальчишка снова закивал.

— Прекрасно! — Михайло прищелкнул пальцами, лицо расплылось в улыбке. — Вперед, друзья, мы идем дальше...

Он ухмыльнулся и стал собираться, подавая пример остальным. Хотя особо собирать им было нечего. А потом гигант бодро зашагал вдоль берега, и все последовали за ним.

Когда еще одна миля осталась позади, голод снова запустил когти в кишки путешественников.

— Наверное, надо было оставить часть мяса на обед, — проворчал Михайло. — Ты говорил, что без крови оно бы не испортилось.

Гео свернул с берега в лес.

— Пошли, — позвал он. — Найдем что-нибудь съедобное.

Лианы здесь оказались еще толще, чем в лесу возле казарм, и людям приходилось прорубать себе дорогу саблями. Там, где лианы высушило солнце, пробираться сквозь джунгли было легче. Близ реки воздух раскалился, а тут царили прохлада и сырость. Мокрые листья то и дело задевали руки и плечи людей. Болотистая почва мягко пружинила под ногами.

Но вот путники вышли к какому-то зданию. Языки мха футов в двадцать пять длиной лизали покосившиеся каменные стены. В этом месте джунгли от воды отделяла полоса пляжа ярдов двадцать шириной, и река подбиралась прямо к фундаменту здания. С одной стороны строение слегка осело, погрузившись в болотистую почву. Оно выглядело более прочным и примитивным, чем казармы. Гео и его спутники расчистили путь к входу, туда, где две каменные колонны поддерживали свод. Толщина колонны у основания равнялась шести футам, а высота достигала

пятидесяти.

Колонны казались грубыми, плохо отесанными.

— Это храм! — с удивлением воскликнул Гео.

Ступени храма были завалены мусором, а свет, проникавший сквозь свод джунглей, не мог разогнать тени, укутавшие стены. Черная щель над одной из створок базальтовой двери говорила о том, что та неплотно прикрыта. Люди, не торопясь, стали подниматься по ступеням, под ногами шуршали листья. То и дело им приходилось убирать с дороги мелкие камни, выкрошившиеся из потрескавшихся стен. Гео и Ями шли впереди. Следом за ними пробирался Змей, а позади всех топал Михайло. Поднявшись, путники протиснулись в двери храма.

Их глазам открылась следующая картина: балки храма давно обрушились с высокого потолка, и теперь в столбах солнечного света, бьющего через многочисленные дыры в крыше, медленно плавала пыль.

— Думаете, это и есть храм Хама? — спросил Михайло.

Его многократно усиленный голос загудел под каменными сводами.

— Сомневаюсь, — прошептал Гео. — Нет, это

точно не тот храм, который мы ищем.

— Выглядит как заброшенный, — вставил Ями. — Может, нам удастся узнать тут что-нибудь интересное.

Вдруг что-то большое и темное захлопало крыльями и пронеслось сквозь столб света в дальнем конце храмового зала. Путники подняли сабли и отступили. После непродолжительного молчания Гео вручил Змею свой драгоценный камень.

— Зажги свет. Быстро.

Камень в руке Змея нежно засветился зеленоголубым.

Теперь стали видны ряды колонн, вытянувшихся вдоль стен храма. Они поддерживали обвалившийся потолок. Когда свет разгорелся ярче, путники увидели, что крыльями хлопала безобидная птица, нахально рассевшаяся на одной из рухнувших балок между колоннами. Она склонила голову набок, рассматривая людей, потом громко каркнула и вылетела через отверстие в потолке. Шум крыльев отозвался эхом, которое еще долго гуляло по храму.

Алтарь едва можно было разглядеть. Над ним между колоннами темнела дыра. Когда глаза путников привыкли к темноте, они увидели, что часть стены не выдержала натиска времени.

Но огромное отверстие почти целиком оплели лианы.

Местами сквозь листву пробивался зеленоватый свет.

Люди подошли к алтарю.

Возле него на каменных ступенях возвышалась огромная, сильно разрушенная статуя. Из цельного куска черного камня была высечена фигура человека, который, скрестив ноги, восседал на возвышении. Рука и плечо его давным-давно отвалились и разбились вдребезги о ступени алтаря. Кисть с пальцами такой толщины, что каждый мог сравниться с бедром Михайло, валялась неподалеку. И еще у идола не было головы. Уцелевшая рука, лежащая на ступенях, была согнута так, словно раньше удерживала какой-то предмет.

Гео прошел к стене за алтарем, вдоль которой стояли каменные сундуки.

— Подойди-ка сюда, Змей, — позвал он. — Посвети-ка.

Змей повиновался, и тогда Гео с помощью Михайло и Ями сдвинул крышку одного из сундуков.

— Что там? — Михайло заглянул в сундук через плечо поэта.

— Книги, — спокойно ответил Гео, вынимая пыльный том.

Ями протянул руку и перелистал несколько страниц пыльного тома.

— Древние ритуалы, — пораженно пробормотал Гео. — Посмотрите-ка. — Он отодвинул руку Ями. — Эти книги вполне пригодны для чтения.

— Дай-ка мне взглянуть, — попросил моряк. — Я когда-то учился у Эдна в Университете Олкса Олвна.

Гео взглянул на него и рассмеялся.

— Значит, ты, ко всему прочему, человек образованный... Я был учеником Уэлиса. Наши учителя даже слышать не хотели друг о друге... Вот это сюрприз.

— Ага, — согласился Ями, переворачивая страницу. — Я нанялся на корабль только на лето. Хотел подзаработать. Если бы я знал, где мы окажемся, ни за что бы не отправился в плавание.

Все позабыли о голоде. Поэт и студент-моряк принялись листать ритуальные книги Хама.

— Они совсем не похожи на ритуалы богини Арго, — пробормотал Ями.

— Разумеется, нет, — согласился Гео. — Подожди!

Ями уже собирался перевернуть следующую

страницу, но Гео остановил его.

— Посмотри сюда! — показал поэт.

— Что это? — удивился Ями.

— Стихи, — ответил Гео. — Те самые, что цитировала жрица Арго...

Он прочитал вслух:

Печали стальные оковы
Стиснули душу кольцом.
Там, где прошелся глаз Хама,
Земля полыхала огнем...
Пусть капелька станет льдинкой,
И песня летит над землей,
Пусть женщина станет тростинкой
Рядом с мужской добротой...

— Это другая версия стиха, который я обнаружил в ныне забытых ритуалах Арго. Интересно, существовали ли еще стихи в древних ритуалах Лептара, имеющие аналоги в ритуалах Эптора?

— Возможно, — пожал плечами Ями. — Особенно, если принять во внимание, что первое вторжение Эптора произошло незадолго до чисток, а может, и вызвало их.

— А как же обед? — неожиданно спросил Михайло. Забытый всеми, понурив голову, он сидел

на ступеньках алтаря. — Вы, два умника, можете спорить всю оставшуюся жизнь. Но мы же умрем с голода, прежде чем вы чего-нибудь решите.

— Михайло прав, — согласился Ями. — Нам нужно идти дальше.

— Минутку... — попросил Гео. — Вот отрывок рассказа о похоронном обряде... Да, так я и думал. — И, сделав краткую паузу, поэт громко и выразительно прочитал:

Мертвых земле предайте.
Ныне удел их — сон.

— Что это значит? — недоуменно спросил Михайло.

— Это значит, что мертвых хоронят со всеми атрибутами живых. Я так и знал, но хотел удостовериться. Это значит, они клали в могилы пищу.

— Во-первых, где мы найдем эти могилы, а во-вторых, с меня довольно мертвечины. — Разозлившись, Михайло поднялся на ноги.

— Гробницы у них где-то рядом, — воскликнул Гео.

За колоннами вдоль стены шел ряд плотно закрытых дверей. Гео подошел к одной из них, а остальные отправились следом.

Змей топтался чуть сзади, высоко подняв руку

с камнем. В его призрачном свете Гео взглянул на надпись над дверьми.

— Могилы, — довольный собой, объявил он, потом взялся за две ручки в виде сдвоенных колец. — Думаю, я не ошибся, если, конечно, эти склепы напоминают древние захоронения Лептара. В таком древнем запущенном храме механизмы замка могли и заржаветь

— Ты изучал древние могилы? — взволнованно спросил Ями. — Профессор Эдн всегда считал это пустой тратой времени.

— Уэлис тоже, — ухмыльнулся Гео. — Ну-ка, Михайло, приложи-ка сюда свою руку да надави посильнее.

Гигант с ворчанием подошел к дверям, взялся за кольца. Одно осталось у него в руке. Другое со скрипом повернулось.

— Вот и все, — выдохнул Гео.

Потом путники все вместе потянули дверь на себя, и она поддалась, отворившись всего лишь на дюйм, а затем, при следующем рывке, распахнулась настежь.

Змей первым вошел в каменную келью.

На каменном столе посреди небольшой сводчатой комнаты лежало ссохшееся тело с лысым черепом. Под коричневой кожей на руках и ногах

топорщились сухожилия. В некоторых местах сохранились клочки ткани. На полу вокруг мертвеца стояли запечатанные кувшины, лежали груды пергаментов, кучи украшений.

Гео прошелся среди этих богатств.

— Кажется, в этом кувшине зерно, — сказал он. — Помогите-ка мне.

Ями вместе с поэтом дотащили большой глиняный кувшин до двери.

И в этот момент тонкий визг наполнил заброшенный храм. Гео и Ями как будто споткнулись на ровном месте. Кувшин ударился оземь, разбился, и зерно посыпалось на пол... Снова раздались крики.

На пятнисто-зеленом фоне растительности Гео увидел силуэты пяти обезьяноподобных существ, восседающих на вершине разрушенной стены. Одна из обезьян спрыгнула вниз и с воплями побежала по усеянному мусором полу прямо к двери могилы. За ней бросились две другие, затем еще две. А на развороченной вершине стены их место сразу же заняло множество их собратьев.

Добежав до дверей кельи, трое странных существ ворвались в склеп. Когтями и зубами вцепились они в сморщенную кожу трупа.

Другие остались у входа. Как же громко они

верещали! Оказавшись в лапах пожирателей падали, тело мертвеца тут же распалось на части. Одна рука взлетела вверх над склоненными головами и спинами ужасных тварей, упала на край каменного стола и переломилась на середине предплечья. Кисть шлепнулась на пол и рассыпалась в пыль.

Люди попятились к выходу, пораженные зрелищем осквернения усыпальницы. Затем повернулись и бросились прочь из храма. Они бежали, не останавливаясь, и вздохнули с облегчением только у реки. Молча побрели они вдоль берега... Постепенно вернулось чувство голода. Время от времени путники поглядывали друг на друга, чтобы удостовериться, что пережитый ужас остался позади.

Глава седьмая

Неожиданно на их тропу выскочил какой-то зверек. Змей в мгновение ока схватил острый камень и запустил им в существо. Ему повезло, он угодил зверьку прямо в голову. Путники разделали добычу саблей Ями, поджарили мясо на огне и поели. А потом молча отправились дальше.

— Посмотрите на тот берег, — первым нарушил

молчание Михайло.

Река здесь становилась шире, и течение ее замедлялось. На противоположном берегу путники разглядели набережную, созданную руками человека.

Через несколько сотен метров Ями увидел шпили над деревьями за рекой. Но пока джунгли на другом берегу не поредели, путники не могли найти этому объяснения. Неожиданно деревья совсем исчезли. Небо взломали здания и башни огромного города. Многие из них были разрушены или сильно повреждены. Воздушные эстакады петляли между башнями. Они отчасти осыпались, и обломки устрашающе нависали над улицами. Набережные города казались пустынными.

— Возможно, именно там храм Хама, — высказал предположение Гео. — Ведь самый большой храм богини Арго расположен в самом большом городе Лептара.

— Но разве самый большой город на Лептаре может сравниться с этим гигантом? — в изумлении проговорил Михайло.

— А как мы переберемся на тот берег? — удивился Ями.

Но Змей уже направился к реке.

— Думаю, надо идти за ним, — сказал Гео, спускаясь по камням.

Змей первым нырнул в прохладную воду. Ями, Гео и Михайло последовали его примеру. Не успел Гео сделать и двух гребков, как почувствовал знакомые руки, подхватившие его снизу. Ему показалось, что он всплывает на поверхность, на этот раз он не сопротивлялся. Неожиданно появилось ощущение скорости. Змей и Михайло вынырнули справа, а секундой позже Ями — слева.

С одной стороны поднималась каменная набережная, с другой стороны простиралась водная гладь. Гео откинул мокрые волосы с глаз и поплыл к набережной.

Гео перешел с баттерфляя на кроль, раздумывая, как взобраться наверх. И тут он увидел ржавую металлическую лестницу, спускающуюся к воде. Он ухватился за ее концы и подтянулся. Первая перекладина обломилась под тяжестью его тела, и поэт снова по пояс ушел в воду, больно проехавшись руками по ржавому железу. Но Гео снова подтянулся, поставил ногу на обломок перекладины, и она выдержала. Добравшись до верха, он повернулся к своим спутникам:

— Поднимайтесь, но будьте осторожны.

За Гео стал подниматься Змей, за ним Михайло. Еще одна перекладина сломалась под босой ногой гиганта, когда он находился уже на середине лестницы. Он качнулся назад, затем восстановил равновесие. Крепления лестницы при этом вышли из своих гнезд на целый дюйм, но выдержали. Ями присоединился к ним, когда они уже стояли на парапете набережной. И вот путники вошли в город.

Перед ними во всей своей красе предстала картина разрушения. Ближние здания выглядели так, будто их сбросили с неба и они разбились об асфальт. Искореженная арматура с торчащими ржавыми остриями поднималась из плит раскрошившегося бетона.

Путники вышли на проспект, затем свернули в узкую улицу и стали пробираться между нагромождениями обломков двух зданий. Через несколько кварталов стены поднялись, улица превратилась в настоящее ущелье.

— Как вы собираетесь отыскать здесь Храм? — спросил Михайло.

— Может, заберемся на крышу какого-нибудь дома и осмотрим город с высоты, — предложил Гео.

Люди посмотрели вверх и увидели, что небо

затянуто желтыми тучами. В просветах проглядывало сумеречное небо.

Они свернули к выбранному наугад зданию. Металлическая плита вывалилась из его стены. Гео со своими спутниками пролез через дыру в пустую комнату с высоким потолком. Белые трубки вдоль стен излучали тусклый свет. Только четвертая часть их еще работала. Одна лампа беспрерывно мигала. Под потолком поперек комнаты висел плакат:

«КОМПАНИЯ НЬЮ-ЭДИСОН ЭЛЕКТРИК».

А ниже, буквами помельче было написано:

«СВЕТИСЬ ВСЕГДА, СВЕТИСЬ ВЕЗДЕ».

Огромные цилиндры в четыре или пять раз выше человека уходили под потолок. У их оснований сплетались трубы, провода. Через них были проложены мостки. Четыре человека прошли по одному из них к спиральной лестнице, ведущей на следующий этаж.

— Слышите? — неожиданно остановился Михайло.

— Что? — удивился Гео.

Громко загудел один из цилиндров.

— По-моему, вот этот, — ткнул пальцем в одни из них Михайло.

Люди послушали и пошли дальше. Когда они

поднимались по лестнице, большая комната словно вращалась вокруг них, уплывая вниз. Наконец, они очутились в темном коридоре, в конце которого горела красная лампа с надписью:

«ВЫХОД».

В красноватой полутьме прямоугольники дверей казались черными пятнами. Гео открыл одну из дверей, и навстречу им хлынул поток естественного света. Путники вошли в комнату с обвалившейся внешней стеной. В полу темнели пробоины, под некоторыми поблескивали несущие балки.

— Что здесь произошло? — поинтересовался Михайло.

— Видишь ли, — начал объяснять Ями, — скорее всего эстакада упала на здание и разрушила стену.

Лента дороги в двадцать футов шириной оказалась вывернута под безумным углом. Она обрывалась прямо в комнате. Ограждение дороги было покорежено, но столбы уличных фонарей уцелели.

— Как, по-вашему? Сможем мы туда забраться? — спросил Гео. — Вроде бы не очень сложно.

— Зачем? — удивился Михайло.

— Чтобы добраться до такого места, откуда

можно посмотреть, нет ли поблизости чего-нибудь похожего на храм.

— А-а, — протянул Михайло, удовлетворившись ответом.

Когда они сделали несколько шагов по комнате, Гео, вдруг заметив что-то, громко крикнул:

— Бежим!

И как только они запрыгнули на перекошенную бетонную плиту, в полу, на том месте, где они только что прошли, появилась трещина. Цемент и кафельные плитки посыпались на улицу с высоты третьего этажа. Край дороги, на котором они стояли, закачался вверх и вниз с амплитудой в добрых три фута.

Когда качка прекратились, Гео с облегчением вздохнул и посмотрел вниз. Там в воздухе плавало облако пыли.

— Нам надо подняться повыше, — напомнил ему Михайло.

Они полезли наверх.

В целом дорога не пострадала. Были повреждены лишь отдельные участки ограждения, но сама дорога упорно тянулась между зданиями, убегая навстречу закату. Путники дошли до развилки и свернули налево. На следующей развилке они снова пошли влево.

На здании, которое теперь нависало над ними, была покосившаяся вывеска в половину длины трехмачтового корабля, гласившая:

«ЦБИР

ЦЕНТРАЛЬНОЕ БЮРО ИНФОРМАЦИИ И РАЗВЛЕЧЕНИЙ».

Когда путники обогнули угол здания, Змей вдруг остановился и прижал руку к голове.

— Что такое? — в свою очередь остановился Гео.

Змей сделал шаг назад и показал на «ЦБИР».

«Больно...»

— Почему больно? — удивился Гео.

Змей снова показал на здание.

— Что, там кто-нибудь слишком громко думает?

«Свет... — ответил Змей. — Радио...»

— Радио — это какая-то машина прошлого, и из-за нее у тебя болит голова? — удивился Гео, ожидая от Змея подтверждения.

Мальчик кивнул.

— Да? — спросил Михайло.

— Там есть радио, и от него у Змея болит голова, — сказал Гео.

— Почему же раньше, когда он нам что-нибудь показывал, ему не было больно? — поинтересо-

вался Михайло.

Ями посмотрел на внушительное здание «ЦБИР».

— Может, имеют значение размеры?

— Послушай, оставайся здесь, а если мы что-нибудь увидим, то вернемся и расскажем тебе, хорошо? — сказал Гео Змею.

— А может, он как-нибудь перетерпит? — не унимался Михайло.

Змей взглянул на «ЦБИР», закусил губу и решительно зашагал вперед. Остальные посмотрели ему вслед: через десять шагов мальчик сжал голову руками и покачнулся, едва сохранив равновесие. Гео и Ями бросились к нему. Когда они отошли подальше от «ЦБИР», лицо Змея стало смертельно бледным.

— Оставайся здесь, — приказал ему Гео. — Мы вернемся. Не беспокойся.

— Может быть, если пройти чуть дальше, боль прекратится, — продолжал настаивать на своим Михайло. — Пусть промчится бегом на другую сторону. Может, это напасть прекратится футов через сто.

— Что ты так беспокоишься за него? — осадил друга Гео.

— А камни-то! — воскликнул Михайло. — Кто

нас вызволит из переделки, если мы столкнемся с врагами?

Все замолчали. Их тени постепенно растворились в незаметно подкравшихся сумерках.

— Это решать Змею, — наконец объявил Гео. — Как, по-твоему, нам поступить, малыш? Ты хочешь оставить камни себе?

Змей подумал и отрицательно покачал головой.

Тогда Гео обратился к остальным:

— Пошли.

Вдруг раздался щелчок, и вдоль дороги зажглись фонари. Светилось всего треть фонарей. Две линии огней убегали вдаль и там, у самого горизонта, сливались воедино.

— Пошли, — повторил Гео.

В свете фонарей тени людей на дороге удвоились, а потом утроились. На следующем повороте дороги, уходящей все выше и выше, Гео оглянулся. Миниатюрная фигурка Змея смутно виднелась в отдалении. Мальчишка сидел на ограждении, поставив ноги на нижнюю перекладину. Одну пару рук он сложил на груди, а другой уперся в колени — и так сидел, склонившись над лужей тени.

— Надеюсь, кто-то запоминает, куда мы идем,

— сказал Гео, когда они прошли еще несколько сотен ярдов.

— Я могу привести вас обратно к Нью-Эдисон, - уверенно сказал Ями. — Если от этого будет толк, — добавил он, немного подумав.

— Просто считай повороты, — сказал Гео.

— Считаю, — уверил его Ями.

— Пока мы доберемся до самого верха, окончательно стемнеет, и мы уже ничего не увидим, — проворчал Михайло.

— Так давайте поторопимся, — предложил Гео.

Закат окрасил башни в медно-красный цвет с одной стороны, а синие тени окутали их с противоположной. Ответвления дороги вели к близлежащим зданиям. По крытой пластиком лестнице путники поднялись еще на восемьдесят футов и вышли на более широкую магистраль. Перед ними раскинулись ожерелья огней магистралей. «Нью-Эдисон» и «ЦБИР» нависали за спиной. А впереди поднималось еще более высокое здание. Скоро крыши остальных домов остались далеко внизу...

Чем выше поднимались путники, тем реже встречались горящие фонари. Часто попадалось пять-шесть погасших фонарей подряд, и тогда они осторожно пробирались в темноте... И вот,

когда они собрались пересечь очередной затемненный участок, на другом конце его показался человеческий силуэт.

Путники остановились.

Неизвестный исчез.

Решив, что их подвело воображение, приятели пошли дальше, всматриваясь в полутьму. Немного погодя Гео вдруг остановился.

— Там...

Впереди, на расстоянии двухсот футов, появилась фигура обнаженной женщины. Она удалялась и скоро скрылась из виду, нырнув в тень.

— Вы думаете, она убегает от нас? — засомневался Ями.

Михайло притронулся к камню на груди моряка.

— Хорошо, если бы здесь было побольше света.

— Да, — согласился Ями, и они пошли дальше.

И тут они неожиданно наткнулись на человеческий скелет. Он валялся посреди дороги. Ребра четко вырисовывались на темном бетоне. Руки были вытянуты над головой, а одна нога, согнутая под неестественным углом, переброшена через другую.

— Что за чертовщина? — удивился Михайло.

— И как эта штука здесь оказалась?

— Похоже, он пролежал здесь уже довольно долго, — заметил Ями.

— Повернем назад? — проворчал Михайло.

— Скелет тебя не тронет, — успокоил его Гео.

— А та баба, которую мы только что видели?

— ...А вот и она, — прошептал Гео.

И в самом деле это была она. Но на сей раз она появилась не одна. К путникам приближались две фигуры. Когда Михайло, Гео и Ями в свою очередь сделали несколько шагов навстречу незнакомцам, те остановились. И вдруг фигуры исчезли. Гео не понял, упали ли они или быстро легли на дорогу.

— Вперед? — спросил Михайло, готовый уже сорваться с места.

— Подождем.

Путники медлили.

— Вперед, — наконец решился Гео.

* * *

На том месте, где с минуту назад исчезли из виду фигуры, теперь лежали два скелета.

— Кажется, они не слишком опасны, — сказал Гео. — Но что тут происходит? Они умирают всякий раз, когда нас видят, что ли?

— Эй, — воскликнул Ями. — Что это? Послушайте.

До их слуха донеслись неприятные звуки. Создавалось впечатление, будто кто-то бросает с неба жидкой грязью.

Что-то и в самом деле падало с неба. Нет, не с неба, а с верхней дороги, которая пересекала их путь, но проходила выше футов на пятнадцать. Перед путниками, всего в десяти футах от них, стала расти какая-то студенистая масса округлой формы.

— Пошли дальше, — уверенно сказал Гео.

Путники обошли эту жижу и пошли дальше. На дороге им попалось еще четыре скелета. Капель позади превратилась в хлюпанье.

Когда они оглянулись, то увидели в сиянии белых ламп создание вовсе невообразимое. Оно скользило вперед, к скелетам, потряхивая прозрачными пузыристыми внутренностями. Навалившись на кости, оно обволокло их, затянуло и стало обретать форму. Последнее волнообразное движение — и из бесформенной массы появились руки, голова, ноги. Наконец что-то напоминающее человека поднялось на колени, встало во весь рост. На лице чернели провалы глазных впадин. На черепе обозначился

рот, грудь начала подниматься и опускаться. Во время дыхания из груди странного существа вырывались булькающие звуки.

Потом создание стало приближаться к людям, расставив руки в стороны. А сзади к нему присоединилось много других, подобных ему.

— Ого! — протянул Михайло. — Что это оно?..

— Понятия не имею, — пробормотал Гео, отступая. — Чем больше масса, тем больше костей.

— Ух ты, — только и сказал пораженный Ями. — А сзади-то!

И действительно, за его спиной выстроилось еще семеро человекоподобных тварей, а те существа, что были впереди, все приближались. Михайло вытащил из-за пояса саблю. Отблески фонарей пробежали по лезвию. Вдруг он бросился к передней фигуре, рубанул по поднятой руке и отскочил назад. Из раны, нанесенной у локтя, потекла, скатываясь по бедру, густая масса. Отрубленная рука шлепнулась на асфальт, словно пузырь, наполненный водой. Дрожащая, желеобразная масса стекла с кости. Когда Михайло отбежал, другая фигура, сзади напиравшая на раненую, вступила ногой в отвалившийся комок, и тот прилепился к лодыжке, всосался в тело другого создания.

Рядом с путниками темнел вход на лестницу, ведущую на следующий уровень дороги. Они нырнули туда и побежали вверх по ступенькам. Только раз Гео оглянулся. В этот момент передняя фигура достигла входа. Гео и его спутники уже довольно долго бродили по странному городу и имели некоторое представление об его устройстве.

За прозрачными стенами крытой лестницы раскинулась паутина огней. Каждая ниточка светлячков далеко внизу обозначала дорогу. Все они поднимались, петляли, опускались, как американские горки... Теперь же внимание поэта привлекли два иных источника свечения: одно, мерцая в красноватой дымке, отражалось в реке среди джунглей; другое, бледно-оранжевое, исходило от источника, скрытого между зданиями.

Гео успел окинуть город одним взглядом, пока бежал по ступенькам. Странные существа догоняли. Булькающие звуки, которые они издавали, превратились в рев водопада. Как только путники выскочили на верхнюю площадку, Гео крикнул:

— Бежим!

Но им не оставалось ничего другого, как отскочить в сторону, так как в этот момент студенистая

масса размерами с двухэтажный дом ударилась об асфальт рядом с ними. Они проскочили мимо огромной пульсирующей глыбы. При свете уличного фонаря отлично был виден человеческий череп, скрытый под полупрозрачной оболочкой. Он, вертясь волчком, приблизился к поверхности, но потом снова исчез в глубине горы студня.

— Ах... будь ты проклята, — выругался Михайло.

— Не вздумай рубить эту тварь снова, Михайло, — предупредил Гео. — Она проглотит нас!

А между тем масса затряслась. Что-то происходило в ее передней части. И вот десяток человекоподобных фигур оторвался от родителя и двинулся вперед.

— По-моему, они не могут быстро бегать... — догадался Гео.

— Сматываемся отсюда, и как можно быстрее! — воскликнул Михайло.

Они побежали вверх по дороге и неожиданно оказались на затемненном участке. Впереди горело несколько ярких фонарей.

— Осторожно! — завопил Михайло.

Дорога обрывалась. Люди замедлили бег и приблизились к краю. Покрытие дороги в этом месте разрушилось, и несущие части, лишенные опо-

ры, провисли над разрушенным зданием, где и находился источник оранжевого свечения. Одна стена этого дома сохранилась. На ее вершине сходилось несколько балок. Концы их исчезали в темноте. Казалось, свечение исходит из самого сердца руин.

— Что там находится, как ты думаешь? — спросил Гео.

— Не знаю, — пожал плечами Ями.

Живая масса неотступно приближалась. Оглянувшись, люди увидели бесчисленное множество приближающихся фигур... Неожиданно все они повалились на дорогу, и с теми же булькающими звуками плоть скатилась с костей, стала заметно уплотняться и поднялась, дрожа на свету. Видно, тварь искала добычу...

Гео первым начал спускаться по искореженным фермам, уходящим в светящуюся воронку.

— С ума сошел, — прошептал Ями, глядя ему вслед. Но когда масса приблизилась еще на метр, забеспокоился. — Скорее...

Матрос пропустил Михайло вперед.

Люди стали спускаться по двадцатидюймовой балке. Эта балка защищала их от света, и только руки, вытянутые в стороны для равновесия, пылали, подсвеченные бледно-оранжевым огнем.

На разрушенной стене была надпись с символом в виде трилистника:

«АТОМНАЯ ЭНЕРГИЯ ДЛЯ БЛАГА ЧЕЛОВЕКА».

Впереди балки изгибались в разные стороны и концами соединялись с другими балками. Гео прошел поворот и, опустившись на четвереньки, перелез на пятачок бетона, расположенный чуть пониже. Мельком он глянул назад, увидел что-то, присвистнул, но продолжал спускаться, чтобы встать на неискривленную балку. Когда Михайло понял, в чем дело, его рука рванулась к груди Ями и ухватилась за камень. Моряк отстранил ее.

— Сейчас камень нам не поможет, — сказал он. — Что там такое?

Михайло резко выдохнул и, не проронив ни слова, снова стал осторожно спускаться. Ями на мгновение оглянулся и тоже увидел...

Все балки, оставшиеся у них за спиной, были покрыты толстым дрожащим слоем студня. Гигантские капли, свисающие со стальных столбов, были подсвечены снизу. Они дымились, и огромные ошметки студня то и дело летели в темноту. То здесь, то там масса приобретала человекоподобную форму, чтобы осмотреться. Но затем снова опадала, растекалась и двигалась дальше. Пыхтящая, жирная, она провисала между

балками, горела бледным пламенем, дымилась. Ее оболочка морщилась. То и дело от нее отваливались целые куски. Гео уже собрался пойти дальше, но задержался:

— Минутку.

Масса больше не двигалась вперед. Она докатывалась до определенной точки, провисала, дымилась и опадала.

Дымилась...

И опадала...

— Значит, эта штука не может двигаться дальше? — удивился Михайло.

— ...Вроде бы да, — ответил Гео.

Из массы поднялся скелет. С него ручьями стекла оранжевая плоть. Он зашатался и, дымясь и издавая чмокающие звуки, упал в темноту, сорвавшись на сотни футов вниз. Гео обнял рукой ближайшую балку. Его рука до локтя оказалась освещенной, но сам он оставался в тени.

От того, что произошло после, поэта бросило в пот, и он вцепился в балку еще сильнее: огромная масса, которая до сих пор лишь выпускала отдельные щупальца, стала пульсировать на неровной поверхности и переползать на металлические переплетения. Тварь почти добралась до людей, но в последний момент остановилась.

Она кипела, бурлила, корчилась и дымилась. Куски ее соскальзывали с металлических ферм. Потом чудовище попыталось отползти назад. Человекоподобные фигуры прыгали назад, к дороге... но безуспешно. Словно налитые свинцом, они падали вниз подобно дымящимся снарядам. Наконец, тварь выбросила огромную ложноножку в сторону подвесной дороги, но не дотянулась и, содрогаясь, сорвалась вниз. Пролетая, она старалась задержаться на балках, скользила щупальцами по стальным и бетонным конструкциям. Но, рассеченная балками, развалилась на десяток частей, а потом люди потеряли ее из виду.

Гео убрал руку с балки, пробормотав:

— Рука болит.

Люди вернулись на дорогу.

— Что это было? — спросил постепенно приходящий в себя Ями.

— Какая разница. Я рад, что оно погибло, — с облегчением вздохнул Михайло.

Где-то далеко внизу, в темноте, раздался страшный грохот.

— Что это еще? — удивился Михайло, останавливаясь.

— Я случайно задел ногой камень и спихнул

его вниз, — объяснил Гео.

Через пятнадцать минут они вернулись к лестнице, ведущей на нижнюю дорогу. Память не подвела Ями, и в течение часа путники шли не останавливаясь: моряк уверенно вел их от поворота к повороту.

— Боже, — пробормотал Гео, растирая предплечье. — Кажется, я растянул руку. Болит чертовски.

Михайло посмотрел на свои руки и потер ладони.

— Какое-то странное ощущение в ладонях, — сказал Ями. — Как будто они обветрены.

— Подумаешь, обветрены, — фыркнул Гео. — Вот у меня болит так болит.

А через двадцать минут Ями объявил:

— Ну, теперь я, кажется, начинаю понимать, каково тебе.

— Смотрите, — радостно воскликнул Михайло. — А вот и Змей!

Они пустились бегом, а Змей спрыгнул с ограждения. Он обнимал их и широко улыбался. А потом мальчишка потащил их назад, к реке.

— Счастливчик ты эдакий, — сказал Михайло. — Хотел бы я видеть тебя там рядом с нами.

— Возможно, он и был с нами, но только мыс-

ленно, а не физически, — засмеялся Гео.

Змей кивнул.

— Куда ты нас ведешь? — продолжал Михайло. — Ты бы лучше научил нас обращаться с этими бусинками. — Он показал на камни, раскачивающиеся на груди у Ями и Гео. — Вдруг у тебя снова в самый неподходящий момент начнется мигрень.

Но Змей тянул их все дальше.

— Он хочет, чтобы мы поторопились, — догадался Гео. — Думаю, это неспроста. Нужно последовать совету маленького воришки.

Из-за обрушившегося пола пройти через здание «Нью-Эдисон» оказалось невозможно. Но дорога вела все дальше вниз, и люди пошли по ней. В двух местах им встретились огромные дыры, поэтому пришлось пробираться по ограждениям.

Фонари на этих участках дороги не горели, зато ярко светила луна, и путникам хорошо было видно реку в просветах между зданиями. В конце концов дорога оборвалась. Внизу была улица, выходившая на набережную. Расстояние до земли не превышало четырех футов.

Змей, Ями и за ними Михайло спрыгнули вниз. Очутившись на земле гигант потряс руками, морщась от боли.

— Подай руку, а? — попросил его Гео. — Моя,

кажется, совсем отказала.

Михайло помог другу слезть на землю.

И в этот момент что-то забулькало совсем рядом. Тотчас же из-под разрушенной дороги выкатилась слизистая масса. Но теперь она выглядела ссохшейся, словно таинственное свечение иссушило ее. Свет фонарей играл на складках сморщенной мембраны — странном подобии кожи.

— Бежим! — завопил Михайло.

Люди припустили по улице. Неожиданно здания отступили, и перед беглецами открылась набережная, освещенная луной.

Гео и его спутники видели, как, расползаясь на всю улицу, переваливая через обломки разрушенных зданий, за ними ползло странное создание.

У самой воды люди еще раз оглянулись: теперь студенистая масса тряслась, разбросав свои щупальца влево и вправо. Одно из щупальцев преобразилось в человекоподобную фигуру. В лунном свете хорошо было видно, как эта пародия на человека шагнула вперед, призывно махая рукой.

Гео прыгнул в воду, где его подхватили верные спутники. В сознании поэта запечатлелось два момента. Во-первых, с его шеи сдернули ремешок.

Во-вторых, руку пронзила такая боль, как будто нервы и жилы на ней превратились в стальные струны, раскаленные добела. Каждая жилка, каждый капилляр стал частичкой огненной паутины.

* * *

Прошло много времени, прежде чем сознание вернулось к поэту. Почувствовав, что его куда-то поволокли, он открыл рот и испугался, что захлебнется, но лишь вдохнул прохладный воздух, а открыв глаза, увидел, как белая луна проплыла над ним к верхушкам деревьев и скрылась в них. Значит, его несут? Но кто? Куда?

И рука... Вернулось сознание и с ним резкая боль. Поэт открыл рот, чтобы закричать, но язык не слушался. Онемение проникло во все клетки тела и мозга. И название этому онемению было сон...

* * *

Размотанные кольца медной проволоки на черных плитах...

Поскорее смотать ее. Боже, как бы мне выбраться отсюда. Бегом, скрываясь за черными

колоннами...

Мимолетный взгляд в дальний конец бескрайнего зала на черную статую — огромную, поднимающуюся в полумраке до потолка. Вокруг ходят люди в черных рясах. Как не хочется молиться сегодня! Остановиться перед дверью — над ней диск с тремя белыми глазами. Дверь открывается, и ступени из черного камня ведут вниз. А вдруг там кто-то есть?.. Еще одна дверь с черным диском.

Толкайте ее, и она медленно откроется. В комнате стоит человек и смотрит на широкий экран. На экране движутся фигурки. Невозможно разглядеть, что именно там происходит — незнакомец заслоняет большую часть изображения. Ого, в комнате еще один человек. Ах, черт возьми!

— Не знаю, считать это успехом или провалом, — говорит первый.

— Камни... в сохранности или пропали?

— Как сказать, — отвечает первый. — Я даже не знаю. — Вздыхает. — Я наблюдал за ними, не отрываясь, в течение двух часов, с того момента, как они оказались на пляже. И по мере того как они шли все дальше, миля за милей, кровь стыла у меня в жилах.

— Что же мы доложим Воплощению Хама?

— Было бы глупо рассказывать ему о случившемся. Мы ведь сами ничего толком не знаем.

— Но, по крайней мере, мы теперь можем войти в Город Новой Надежды, раз уж они избавили его от этой сверхамебы, — сказал второй.

— А ты уверен, что они ее прикончили?

— После того, как она получила такие ожоги над открытым реактором? Да она едва доползла до берега. Она поджарилась на радиоактивном костре и развалилась на куски при падении.

— А люди уже в безопасности? — спросил второй.

— Сейчас?.. Нет, конечно...

На столе у двери лежал какой-то блестящий предмет. Да, вот он. В куче каких-то странных приспособлений лежал U-образный кусок металла. Как раз то, что надо. Ах черт, еще бы кусочек изоляции. Быстро, пока они не видят... Прекрасно...

Закроем дверь, медленно. Оп! Щелкнул замок. Теперь быстрей отсюда, примем невинный вид на случай, если они выйдут. Надеюсь, Блаженный ничего не узнает. И снова по ступенькам вниз... Мимо проносятся черные каменные стены... Через другую дверь в сад, где темные цветы, пурпурные, темно-красные, с голубым отливом, и

большие каменные вазы. Вон жрецы спускаются по тропе, и с ними Блаженный. Он заставит меня идти на молитву.

Спрячемся за вазу... Вот так... Что делать, если он меня поймает?.. Выглянем.

Еле слышный вздох облегчения. Здесь нельзя громко дышать... Ушли.

Теперь изучим добычу...

У вазы есть ручка на самом верху. Ее высота около восьми футов. Раз, два, три — и прыжок, и... держись, и... подтягивайся.

Попробуем забраться наверх... Вот так. Пальцы ног уже на холодном камне вазы, уже на самой кромке, а в вазе земля. Уф, уф, уф.

Где-то здесь, если мне не изменяет память. Приятно зарыться руками в сырую землю. А!.. Вот оно. Коричневый бумажный мешок под слоем земли.

Поднимаем. Все здесь? Откроем, посмотрим. На самом дне, завернутые в бумагу, — мелкие кусочки меди, несколько длинных железных стержней, дощечка, штифты. К содержимому мешка добавим катушку медной проволоки и U-образный кусок металла. Теперь прячем все за пазуху и... как же теперь отсюда спуститься?.. Всегда забываю.

Повернуться, спустить ноги, вот так, и повис-

нуть... Черт, платье зацепилось за ручку.

Прыжок.

Снова ободрана кожа на голени. Когда-нибудь научусь. Охо-хо, у Блаженного все диоды выгорят, когда он увидит дыру на платье. Ну, что ж, чему быть, того не миновать. Теперь посмотрим, можно ли все это собрать воедино. Присядем — и за работу. Вот так. Открываем сумку, вываливаем содержимое в подол и начинаем рыться грязными руками.

U-образная железка, медная проволока, прекрасно. Прикрепим конец проволоки к железному стержню и будем вращать вокруг него катушку. Один оборот, другой, третий.

А все-таки она вертится...

вертится...

вертится...

А все-таки она вертится...

Ура!

Неожиданно над самым ухом строгий голос:

— Что ты тут делаешь?

Это Блаженный!

— Ничего, господин, лихорадочно сметаем металлические предметы и проволоку в бумажный мешок.

Блаженного так не проведешь:

— Все послушники до двадцати лет, без исключений, должны присутствовать на дневной службе.

— Да, господин... Иду, господин. — Так же поспешно прячу бумажный мешок в складках платья.

Ни минуты покоя. Ни минуты!..

С опущенными глазами через сад, мимо жреца с суровым видом и мягким брюшком. В зеркалах вестибюля отражаются желто-голубые витражи. Я гляжу в зеркало: вот проходит суровый жрец, за ним детская фигурка с коротко остриженными рыжими волосами и брызгами веснушек вокруг носика. Когда мы шествуем в молельню, сводит с ума еле слышное побрякивание металла, слегка приглушенное складками темного платья...

* * *

Когда Гео проснулся, все вокруг сверкало белизной...

Глава восьмая

Над ним склонилась женщина с бледным лицом. Ее волосы струились по плечам тяжелыми

белыми прядями.

— Ты проснулся? Ты слышишь меня? — спросила она.

— Где я? В храме Хама? — медленно проговорил Гео. Он с трудом приходил в себя после тяжелого забытья. — Мои друзья... где они?...

Женщина рассмеялась:

— За них не беспокойся. С ними все в порядке. Тебе не повезло больше всех.

Гео опять услышал негромкий смех.

— Ты спрашиваешь, где ты... Но у тебя есть глаза. Разве ты не узнаешь цвета Белой богини Арго?

Гео осмотрел комнату. Стены ее были сложены из белого мрамора, и нигде не было видимого источника света. Стены светились сами по себе.

— Мои друзья... — снова заговорил Гео.

— С ними все в порядке. Нам удалось полностью вылечить их. Видимо, они подставили руки под прямое излучение лишь на несколько секунд. Но твои руки, наверно, пробыли под облучением несколько минут... Тебе повезло меньше...

Теперь Гео подумал о другом.

— Камни... — Он хотел спросить о волшебных драгоценностях, но вместо этого потянулся к горлу обеими руками.

Левая упала на голую грудь, а с правой было что-то не так. Поэт быстро сел в кровати и посмотрел вниз.

— Моя рука...

Забинтованная в белое, его рука была гораздо короче, чем должна быть.

— Моя рука?.. — спросил он снова с каким-то детским удивлением. — Что стало с моей рукой?

— Я пыталась сказать, но ты, видимо, не понял меня, — мягко ответила женщина. — Нам пришлось ампутировать предплечье и большую часть бицепса. Иначе бы ты не выжил.

— Моя рука... — простонал Гео, рухнув на спину.

Он лег и закрыл глаза.

— Я понимаю, насколько тебе тяжело... Мы все прошли через подобное. Возможно, тебе станет легче, если ты узнаешь, что все, обитающие здесь, слепы? То, что сожгло тебе руку, отняло у нас зрение... Много поколений назад радиация была гораздо сильнее... Сейчас мы не так беспомощны и умеем бороться со многими ее последствиями, но мы не всесильны. Пробудь ты в реке чуть дольше, и все наши усилия были бы напрасны. Успокойся. Ты служишь Богине Арго и верен ей. Так будь же благодарен, что снова попал под

крыло Богини-Матери. Помни, нас окружает враждебная страна... — Женщина сделал паузу, а потом продолжала: — Ты хочешь еще что-то сказать? — Гео помотал головой. — Я слышу, как шуршит простыня, — с улыбкой сказала женщина. — Это значит, ты покачал головой или кивнул... Из истории древних обычаев я знаю, что одно движение означает — «нет», другое — «да»... Но, извини, я не могу видеть твоих движений и, значит, не могу понять. Так ты хочешь что-то сказать? — повторила она.

Гео застонал:

— Нет. Не хочу. Верните мне руку!

— Это невозможно. — Женщина встала, все еще улыбаясь. — Я зайду попозже.

Дверь бесшумно скользнула в сторону и так же неслышно закрылась за незнакомкой. Гео долго лежал не двигаясь. Потом осторожно подтянул обрубок к груди и здоровой рукой потрогал повязку. Испугавшись нахлынувших чувств, он сжался, ощупывая то, что когда-то было его рукой, и снова замер. Успокоившись, поэт отпустил культю и с ужасом стал рассматривать ее. Когда чувства немного притупились, он осторожно прикрыл обрубок белой простыней и больше его не трогал.

Прошло немало времени, пока обессиленный Гео нашел в себе силы сесть в кровати и еще раз оглядеть комнату.

Она была совсем пустой, без окон. Непонятно, где находилась дверь, через которую вышла женщина. Гео встал и подошел к тому месту, откуда она выходила, но все равно не увидел ни замка, ни щели.

В изголовье кровати лежала его рубаха, выстиранная и выглаженная. С трудом, помогая себе одной рукой, он надел ее.

Затянуть пояс оказалось трудней, но поэт зацепил пряжку одним пальцем и протолкнул через нее конец пояса остальными пальцами. Так же трудно оказалось приладить к поясу опустевший теперь кожаный кошель. Сабли нигде не было.

Чувство нереальности не покидало его. Он снова обошел комнату в поисках двери. Неожиданно Гео почувствовал, что в комнате кто-то есть. Обернувшись, он увидел треугольный проем в стене. Рядом стояла женщина в белых одеяниях.

— Ты встал, — улыбнулась она. — Хорошо. Как ты себя чувствуешь? Сможешь пойти со мной, чтобы поесть? В столовой ты увидишь своих друзей. Но если ты слишком слаб, еду принесут сюда.

— Я пойду, — ответил Гео.

Они вышли в коридор, стены и потолок которого светились неярким приятным светом. Женщина двигалась совершенно бесшумно, поэтому Гео казалось, что он сам слишком громко шлепает. Прислушиваясь к своему топоту, поэт и не заметил, как они оказались в большой комнате со скамьями. По-видимому, это был храм богини Арго. Но алтарь в дальнем конце комнаты выглядел непривычно. Он показался поэту слишком простым, как и следовало ожидать. В комнате совершенно отсутствовали радующие взгляд цвета и украшения.

— Жди здесь. — Гео услышал за спиной голос незнакомки и почувствовал, что снова остался один...

Вскоре женщина вернулась, но не одна, а со Змеем. Пока Гео и четырехрукий мальчик молча смотрели друг на друга, женщина вышла. В груди у Гео, как живое существо, пульсировало желание, чтобы мальчик что-нибудь сказал. Сам поэт не мог выдавить из себя ни слова.

Женщина снова вернулась, на этот раз с Михайло. Гигант, увидев Гео, воскликнул:

— Друг! Ты очнулся! Наконец-то! — И он замотал головой, глядя на перевязанный обрубок.

— Как же...

Гео усмехнулся и погладил культю здоровой рукой.

— Похоже, этот слизняк все же достал меня.

Михайло взял здоровую руку Гео и стал внимательно ее рассматривать. Затем вытянул свою и сравнил. Обе руки удивляли своим нездоровым цветом.

— Думаю, ни один из нас не вышел из этой передряги невредимым. Один раз я проснулся, когда мне удаляли коросту. Гнусное зрелище, скажу я вам! Поэтому я поторопился снова уснуть.

В комнату стремительно вошел Ями.

— Ну вот, а я-то гадал... — оживленно начал он, увидев Гео, и остановился, упершись взглядом в забинтованный обрубок.

— Похоже, тебе на самом деле здорово досталось, — пробормотал он.

Его собственные руки выглядели тоже очень странно — словно их окунули в белила до середины предплечья. Дальше, постепенно розовея, цвет восстанавливался и переходил в нормальный где-то у локтей.

— Как это случилось? — спросил Михайло, кивая на бинты.

— Когда мы, как канатоходцы, бродили по бал-

кам, тела наши оказались под их прикрытием и только руки, которыми приходилось размахивать, попали под смертоносное облучение, — объяснил Ями. — По-видимому, там была очень сильная радиации, которую может остановить металл вроде стали...

— Сильная... что?.. — переспросил Михайло, но ему никто не ответил.

— Мне тут прочитали целую лекцию, — усмехнулся Ями. — И я узнал одну вещь, которая заинтересует и тебя, Гео...

— Ради бога, скажи, где мы?! — перебил его Михайло.

— Мы в монастыре, посвященном богине Арго, — ответил ему Ями. — Город Новой Надежды находится на противоположном берегу. Я имею в виду те руины, по которым мы бродили.

— Знакомое название... — начал было Михайло, но осекся, встретив напряженный взгляд Змея.

— Мы знали о том, что вы направились в Город Новой Надежды, — спокойно сказала слепая жрица. — Не случайно мы нашли вас у берега после того, как вы переплыли реку. Мы думали, вы умрете, но, очевидно, ваши тела крепче, чем у жителей Эптора. Вы цеплялись за жизнь достаточно долго, чтобы мы успели доставить вас в

монастырь и вылечить ожоги от смертоносных лучей.

Посмотрев на шею Ями, где тоже не было драгоценного камня, Гео вновь ощутил, как чьи-то руки срывают ремешок с шеи в воде.

Заметив взгляд поэта, Ями бессознательно поднял руку к горлу.

— Господа, — обратилась к ним слепая жрица Арго, — в течение двух дней вы питались только внутривенно. Теперь вы можете поесть обычной пищи... Пойдемте со мной.

Она свернула в другой коридор, путники последовали за ней. Вскоре их взору открылся большой зал.

— Это главная столовая монастыря, — объяснила провожатая. — Для вас приготовлен специальный стол. Есть вы будете отдельно.

— Почему? — удивленно спросил Ями.

По слепому лицу пробежала гримаса недовольства. Видимо, вопрос моряка задел женщину за живое.

— Вы мужчины, — сухо объявила она.

Гео и его спутники остановились у стола с вином, мясом и чашами, наполненными незнакомыми плодами. Мужчины сели к столу, и женщина опять исчезла. Видимо, мужское обще-

ство тяготило ее.

По привычке Гео хотел протянуть руку, чтобы взять нож. На мгновение за столом воцарилась тишина, когда обрубок повис над пустой тарелкой.

— Наверное, мне придется долго привыкать, — неловко признался Гео и взял нож левой рукой.

После долгой паузы первым заговорил Михайло:

— А как насчет волшебных камней? Их забрали жрицы?

— Они потерялись где-то в воде, — ответил Ями. Гео подтвердил его слова кивком.

— Ну вот! Глупее ситуации не придумаешь! — воскликнул Михайло.

— Да, жаль... Жрицы подскажут нам, как добраться до храма Хама. А там мы могли бы достать недостающий камень, чтобы вернуться на корабль! Но вместо этого мы потеряли даже то, что уже имели.

— Кроме того, стало ясно, что наши речные знакомые на самом деле — друзья Хама, — задумчиво произнес Гео.

— Нас попросту использовали, чтобы доставить камни обратно в храм Хама! — добавил Михайло. — Когда они увидели, что мы гибнем, то просто

забрали камни и бросили нас на берегу!

— Да, так, наверное, все и было, — согласился Ями.

— Ну что ж, — вздохнул Гео. — Выходит, Хам вернул себе камни, а мы выбыли из игры. Может быть, он и отдал нас жрицам Арго в благодарность за то, что мы вернули драгоценности.

— Да нет!.. Думаю, он был уверен, что мы все равно умрем, поэтому и позволил нам спастись!

— Это может означать лишь одно... — сказал Гео, пристально глядя на Змея.

— А? — Вопрос замер на губах Михайло, но, подумав, он перевел взгляд с Гео на Змея. — Да, пусть парень сам все расскажет! Ну ладно, четверорукий, признавайся — ты шпион Хама или нет?

Гео не понял выражения, появившегося на лице Змея. В ответ на вопрос поэта мальчик помотал головой. Видно, он не ожидал такого выпада.

А потом он вскочил из-за стола и выбежал из столовой. Михайло поглядел на своих спутников.

— Только не говорите, что я оскорбил его своим вопросом!

— Ты — нет, виноват, наверное, я, — успокоил гиганта Гео. — Всегда забываю, что он умеет читать мысли!

— Что... что? — переспросил Михайло.

— Когда ты спрашивал Змея, мне вспомнилось нечто, очень обидное для него.

— М..м..м... — обдумывая объяснения поэта, протянул гигант.

— Кажется, я знаю, что ты имел в виду, — сказал Ями.

— Да. Все говорит за то, что он шпион Хама. И среди прочего солгал там, в городе, насчет радио... Это стоило мне руки.

Путники молча завершили трапезу. Михайло впервые за много дней почувствовал себя сытым. Он тут же захотел спать и отправился в свою комнату. На выходе из столовой их встретила слепая жрица.

— Скажите, пожалуйста, я могу показать своему другу то, что вы показывали мне? — спросил ее Ями. — Он тоже изучает различные ритуалы и обычаи.

— Ну конечно, — улыбнулась женщина, — однако сам ты продемонстрировал удивительное невежество, недопустимое для знатока древних обрядов истории.

— Я же объяснял вам: мы прибыли из страны, где ритуалы совсем другие!

— Но не настолько же! — мягко возразила

жрица.

— Я боюсь, вы поднимаете слишком много шума из-за каких-то пустяков! То, о чем мы с вами поспорили, — наши ежедневные, самые обычные молитвы. Они не затрагивают вопросов колдовства.

Ничего не ответив, женщина повела их по коридору. Лишь у самой двери, которая бесшумно растворилась при их приближении, она задумчиво сказала:

— Вы удивляете меня столь бурным проявлением чувств. Ваш народ, должно быть, молод и полон энтузиазма.

Видя, что жрица собирается уйти, Ями остановил ее:

— Подождите. Не могли бы вы показать, как нам самим выйти отсюда?

— Зачем вам выходить?

— Мы хотели бы прогуляться, — пояснил Гео. — У нас, видите ли, есть такая привычка. Кроме того, нам интересно понаблюдать за жизнью монастыря. Поверьте нам! Мы верные последователи религии богини Арго.

— Нажмите на стену рукой на уровне пояса, и дверь откроется. Но я не советую вам бродить по монастырю. Здесь проводятся обряды, которые

вам не стоит видеть... Да, не стоит... — задумчиво повторила она. — Странно, эта фраза не исчезла из нашей речи. Только встретившись со зрячими, я поняла, что эти слова как-то... — Жрица замялась, но закончила фразу обычным ровным голосом: — Ну что ж, как выйти из комнаты, вы теперь знаете. — И шагнула в коридор.

Дверь за ней закрылась.

Ями тут же повернулся к поэту.

— Смотри, вот что я хотел тебе показать... Больше всего меня удивили книги. Они, конечно, очень старые, но читать их можно. — И он вручил Гео десяток томов. Поэт перелистнул несколько страниц и удивленно взглянул на Ями: — Слушай, а откуда у них печатные книги?

— Вопрос номер один, — согласился Ями. — А теперь перейдем к вопросу номер два... Гляди! — Он протянул руку через плечо Гео и ткнул пальцем в страницу.

— Но это же... — начал Гео.

— Вот именно! «Гимн богине Арго», — продолжил Ями.

Гео начал читать вслух:

— Гимн богине Арго:

Сердца стальные оковы

Стиснули душу кольцом,
Вдребезги сердце разбилось,
Дым и огонь лишь кругом.

Пусть зернышко станет прахом,
И песня летит над землей.
И женщина крепнет духом
Рядом с мужской добротой....

— Да это же полный вариант стихотворения, которое я нашел в библиотеке Лептара! — воскликнул Гео.

— Что и требовалось доказать, — удовлетворенно согласился Ями. — Итак, вопрос номер два: какая связь между ритуалами Хама и древними обычаями Арго? Очевидно, это направление религии богини не претерпело никаких изменений, в отличие от ритуалов Лептара!

— Если бы библиотекарь Олкс Олвн увидел этот текст, он бы, скорее всего, взял книгу длинными щипцами и, закрыв глаза рукой, отправил бы ее в печку.

Ями удивился:

— Почему?

— Не помнишь?.. Эх ты! Ведь древние книги на Лептаре запрещены. Никто не должен знать о

том, что в них написано.

— Но почему? — изумился Ями.

— Это уже вопрос номер три... Как ты догадался, что они тут хранятся?

— Ну, — протянул Ями, — я почему-то сразу подумал, что они должны быть здесь, и просто попросил показать их.

— Мне кажется, я смогу ответить на эти вопросы, — задумчиво проговорил Гео.

— Прекрасно. Выкладывай.

— Начну с третьего вопроса, потом отвечу на первый, и затем вернемся ко второму. Значит, так... Почему никому нельзя знать о древних ритуалах? Просто потому, что они и в самом деле очень похожи на ритуалы Хама. Помнишь, что мы нашли в брошенном храме? Ну же! Ритуалы обоих божеств проходят почти одинаково, меняется только имя и цвет одежд, с черного на белый, а также растительная символика. По-моему, когда силы Хама вторглись на Лептар пятьсот лет назад, схожесть обрядов обеих религий открылась сразу. Судя по Городу Новой Надежды, когда-то давно, ну пусть пятьсот лет назад, Эптор был более развитой страной, чем Лептар, и легко победил бы его... Так что, когда Лептар овладел первым камнем и ухитрился отразить натиск Эп-

тора, жрецы Лептара оградили свою религию от влияния захватчиков. Они выбрали самый простой путь — изменили ритуалы Арго настолько, чтобы о схожести не было и речи. Кроме того, на Лептаре до вторжения существовали небольшие группы последователей Хама, но всех их уничтожили вместе с ритуалами.

— Откуда ты это взял?

— Здесь, на Эпторе, есть небольшая группа мирных последователей богини Арго. Между островами когда-то даже велась торговля. С тех времен дошли до нас рассказы матросов. Пожиратели трупов, летающие существа, — слишком уж точны рассказы моряков, чтобы быть случайным совпадением. Много ли несчастных выбросило на берег Эптора? Пытались ли они пробраться достаточно далеко в глубь острова, чтобы увидеть то, что видели мы? Да ведь им еще предстояло вернуться на Лептар, чтобы все это рассказать!

— Я могу назвать двоих таких счастливчиков. Это Змей и Джорде, — ответил Ями. — Помнишь, жрица Арго говорила, что и раньше жрецам удавалось ловить шпионов Эптора. Джорде, без сомнения, шпион, да и Змей, по-видимому, тоже.

— Ну что ж. — Гео встал с кровати. — Пойдем прогуляемся. Хочу вновь увидеть солнечный

свет.

Они подошли к стене. Гео нажал на нее, как показывала жрица, и треугольная панель скользнула вбок. Перед ними открылся новый коридор. Пройдя четыре или пять поворотов, поэт спохватился и спросил Ями:

— Слушай, а мы найдем дорогу назад?

— Не волнуйся, у меня хорошая зрительная память, и я отлично ориентируюсь.

Очередной поворот неожиданно вывел их на галерею большого зала. Мраморные ступени вели вниз. По ним, друг за другом, неестественно подняв слепые лица, несколькими цепочками спускались жрицы. Правая рука каждой женщины лежала на плече идущей впереди. Их было больше ста, но цепочки ни на секунду не сталкивались. Один ряд пропускал другой и продолжал плавно продвигаться вперед. Необычайная тишина и белизна движущихся фигур поражали своей нереальностью.

В глубине зала было возвышение с колоссальной статуей женщины из мерцающего камня.

— Слушай, откуда взялись все эти женщины? — прошептал Ями. — Куда они дели своих мужчин?

Гео пожал плечами. Зал пересекла женщина,

одетая, как и все, в белое. Когда она достигла нижних ступеней, мужчины узнали свою провожатую. Она поднялась к Гео и Ями, остановилась и сказала, глядя куда-то в пустоту.

— Господа, вы нарушаете нашу медитацию... Я просила вас не бродить по монастырю... Прошу вас, возвращайтесь в свои комнаты. Я провожу вас.

Она неслышно проскользнула мимо них. Гео и Ями мрачно переглянулись и последовали за ней. Некоторое время все шли молча. Первым заговорил Гео:

— Извините нас, госпожа, мы не хотели бы показаться невежливыми, но дело в том, что нам тяжело так долго находиться в закрытом помещении. Мы привыкли к естественной смене дня и ночи. Нам необходимы свежий воздух, солнце и хоть какая-то растительность. Эта подземная белизна угнетает нас. Не могли бы вы показать выход наружу?

— Нет, — спокойно ответила жрица. — К тому же скоро наступит ночь, а вы вовсе не ночные создания.

— Ночной воздух и вечерний покой освежат нас, — возразил Ями.

— Что вы знаете о ночи Эптора? — проговорила

жрица с оттенком презрения в голосе. К этому времени они достигли помещения, где впервые встретились после спасения.

— Возможно, вы и правы, — согласился Гео. — Но тогда сами расскажите нам побольше! Мы хотели бы многое узнать.

Жрица обернулась, вздохнула и спросила:

— Ну хорошо. О чем вы хотите узнать?

— Например, о Темном боге Хаме! Вы можете что-нибудь рассказать о нем?

Пожав плечами, слепая жрица присела на одну из скамеек.

— О чем тут говорить? Его уже нет, он превратился в вымысел, канул в прошлое. Есть только Арго, Единственная Белая богиня.

— Но мы слышали, что...

— Вы были в его заброшенном храме, — сказала жрица. — Вы видели все, что осталось от него. Трупоеды пожирают прах его святых.

Ями и Гео удивленно переглянулись.

— Вы уверены в этом? — хором спросили они.

— Не исключено, что где-то за горящей горой и остались его последователи. Но культ Хама мертв. Вы видели остатки его города, Города Новой Надежды. Вы были первыми за пятьсот лет, кто увидел этот город и вернулся назад живым.

— Значит, город лежит в развалинах уже пять веков?

— Да.

— Расскажите нам о нем.

Жрица снова вздохнула.

— Много поколений назад Хам был высшим божеством на Эпторе, — начала она. — У Темного бога было много храмов и монастырей. У нас же, последователей богини Арго, не было святилищ на поверхности. За пределами этих святых пещер любого поджидала смерть. Никто не мог жить вдали от других в этих опасных землях... Когда-то, еще раньше, на Эпторе существовали и другие города, но Великий Огонь уничтожил их. Все, что мы знаем о том времени, мы почерпнули из записей, хранившихся в монастырях. Древние легенды рассказывали об удивительной жизни наших предков, которые достигли колоссальной мощи благодаря разумному применению науки. Они создали могущественную империю... А после Великого Огня за стенами монастырей царил хаос. Дети рождались либо мертвыми, либо неполноценными. Вид этих мутантов подсказал нам, что в записях древних скрыто колдовство и нельзя выпускать их за пределы монастыря. Однако жрецы Хама считали по-другому. Они

думали, что, открыв народу древние тайны, избегнут ошибок, вызвавших когда-то Великий Огонь... Служители Хама открыли древние книги, и с их страниц восстала мечта, материализовавшаяся в виде Города Новой Надежды... Да-да!.. Именно этот город лежит теперь в развалинах на другом берегу реки. Многого смогли достичь эти мечтатели. Они создали гигантские летательные машины, построили огромные подводные корабли, которые могли нырнуть в море в одном месте, а вынырнуть в сотне миль в какой-нибудь гавани другой земли. Эти безумцы даже покорили огненный металл уран...

— Но они сделали ту же ошибку, что и люди до Великого Огня? — зачарованно проговорил Ями.

— Не совсем, — ответила жрица. — Они не были так глупы, чтобы использовать не по назначению огненный металл, который так беспощадно опустошил мир, залив его Великим Огнем. История — циклический процесс, а не повторяющийся. Была открыта новая энергия, которая свела на нет значение огненного металла. Она могла все, что мог огненный металл, и даже больше того. Кроме того, она влияла на людей, на их мысли и настроения. Уран никогда не был так послушен... Говорят, люди до Великого Огня боялись ходить

по улицам городов... Они легко поддавались панике и постоянно ожидали смерти. Можете себе представить, как это было ужасно... Но намного ужаснее идти по улице и знать, что в любой момент ваш разум могут похитить, вмешаться в ваши мысли и заставить делать то, что вам и не снилось!.. Вообще, за всю историю Города Новой Надежды существовали только три инструмента воздействия на разум человека. Но когда благодаря публичным демонстрациям об их существовании стало известно народу, Город Новой Надежды стал на путь самоистребления. Общий психоз длился десятилетия, но этого хватило, чтобы от дерзкой мечты остались одни руины. За эти десять лет последователи Хама ограбили отсталые народы, живущие за морями. Внутри города началась гражданская война, и чтоб остановить ее, пришлось отозвать войска из завоеванных стран. Это внесло еще больший беспорядок. Волшебные приборы были утеряны. А потом летающие машины одной из армий уничтожили сам Город Новой Надежды. Во время атаки на город был разрушен Дом Огненного Металла, и смерть вырвалась из него. Даже через сто лет после гибели город странно светился по ночам. И по сей день мерцают фонари мерт-

вого города, заряженные страшной энергией Древних. Мы рождались слепыми из-за этого проникающего повсюду света... Когда мы решили переселиться под землю, было уже поздно...

Женщина встала.

— Итак, теперь вы понимаете — Хам уничтожил сам себя. Сегодня богине Арго верны все существа воздуха, земли...

— И вод, — подхватил Ями.

Собеседница улыбнулась:

— Опять-таки не совсем... У нас были неприятности с подводными жителями, как, впрочем, и с невежественными трупоедами. Сразу после Великого Огня эволюционные процессы пошли вкривь и вкось. Многие существа мутировали — то есть изменились, — пояснила жрица, видя недоумение на лицах Гео и Ями. — Эти твари не подчиняются нам. Исследователи пришли к выводу, что их разум примитивен и не реагирует даже на боль. Так что они неподвластны нам. Но все остальные — верны и послушны, — торопливо добавила она. — Все! Все до одного, — уверенно объявила женщина.

— А как насчет таинственных приборов? — спросил Гео. — Что с ними случилось?

Слепая жрица повернулась к поэту:

— Нам остается только гадать об их судьбе, так же как и тебе, — проговорила она и вышла из комнаты.

Когда они осталось одни, Гео сказал своему приятелю:

— Здесь что-то не так.

— Что тебе не нравится?

— Во-первых, мы-то знаем, что на острове есть действующий храм Хама. И, судя по сну, я бы сказал, что его размеры примерно такие же, что и этого храма.

— А насколько велико это святилище?

— Хочешь опять заняться исследованием?

— Ну, этого наверняка хочешь и ты!.. И вообще, мне показалось, что жрица все прекрасно знает о Хаме, но, говоря с нами, почему-то скрыла часть правды.

— Возможно... возможно... — задумчиво протянул Гео.

Переговариваясь таким образом, приятели вышли в коридор.

— А как тебе сообщение о воздействии на мозг людей с помощью камней?

— Да... просто мороз по коже!

— Мы же видели это. Помнишь, Воплощение Арго продемонстрировала их силу на Змее! Ока-

зывается, сделать из человека автомат — раз плюнуть.

— Да, слепая жрица говорила именно о наших камнях!

В боковом проходе неожиданно открылись ступени, ведущие вверх, в белый туннель. Поднявшись, приятели оказались в новом, незнакомом коридоре, по обе стороны которого располагались самые обычные двери.

— О! — воскликнул Гео. — Может быть, одна из них ведет наружу!

— Было бы прекрасно. Это местечко начинает действовать мне на нервы, и я с радостью распрощаюсь с ним! — Ями толчком открыл дверь, но вместо открытого пространства перед ними оказалась миниатюрная копия цокольного этажа в здании «Нью-Эдисон».

Жужжали динамо-машины, как две капли похожие друга на друга, а по стенам змеились провода и трубы.

— Здесь ничего нет. Пойдем дальше, — позвал Ями.

За дверью налево находился белоснежный стол и шкафы, до потолка заставленные сверкающими инструментами.

— Могу поспорить, здесь тебе руку и оттяпали.

— Не исключено.

Следующая комната отличалась от первых двух. Стены ее излучали совсем слабое мерцание, везде лежал толстый слой пыли. Гео провел пальцем по стене и посмотрел на испачканный палец.

— Сердце радуется. Наконец-то мы нашли комнату, куда жрицы не заходят!

— Уединиться здесь ты все равно не сможешь. — Ями показал на стену напротив.

С металлической панели на них смотрели два экрана. Матовые стекла тоже покрывал толстый слой пыли. Под каждым из экранов находилось несколько переключателей в форме дисков и рукояток. Чуть ниже, на специальном столике, лежали наушники и очки.

— Держу пари, что этой комнатой жрицы не пользовались с тех пор, как ослепли!

— Похоже на то, — согласился Ями.

Гео шагнул к экрану, под которым было меньше ручек, и повернул выключатель.

— Стой, зачем ты это делаешь... Зачем! — Ями схватил друга за плечо.

— А почему бы и нет? — Гео не отрывал взгляда от экрана, по которому пробежали спирали мигающих цветных огоньков: синие, зеленые,

красные кривые. — Здорово! Наконец-то цветные картинки. Я устал от стерильной белизны этого склепа!

Разноцветные вспышки стали реже, поблекли, и на экране появилось изображение пустой белой комнаты. Гео щелкал переключателем, а на экране одна пустая комната сменяла другую...

Вдруг на экране появилось изображение столовой. Сто или больше женщин сидели за столами, склонив белые лица над тарелками. В углу пустовал стол, за которым не так давно ели путники.

— Думаю, отсюда можно наблюдать за тем, что происходит в любой комнате! — Он снова переключил диск. — Может, поищем Михайло и Змея?

Еще две необитаемые комнаты... Пустой зал с коленопреклоненной статуей богини Арго... Когда появилось изображение третьей комнаты, Гео воскликнул:

— Ты только посмотри!..

В помещении находились три женщины. На одной стене был небольшой экран, подобный тому, на который смотрели сейчас Ями и Гео. Слепые жрицы стояли спиной к нему, хотя он работал и лицо на экране активно открывало рот. Звука не было. Одна из женщин, с наушниками на голове,

что-то говорила в маленький металлический стержень, но ее слов тоже не было слышно.

— Лицо! Смотри на экран! Неужели не узнаешь? — возбужденно проговорил Гео.

— Да это Джорде!

— Наверное, они связались с кораблем и договариваются о нашем возвращении.

— Ага!.. Но неплохо бы послушать, о чем они говорят! — Гео нерешительно взял в руки наушники. — Кажется, с помощью этой чертовой штуки она слышит слова боцмана. — Поэт надел их и замер, прислушиваясь.

* * *

— Да... Мы согласны, — сказала жрица.

— Она приказала остаться в гавани еще три дня... до конца недели, — доложил Джорде. — Я уверен, что дольше она не задержится. Воплощение Арго еще не раскусила меня, но моряки могут поднять бунт, если корабль останется у берегов Эптора.

— Мы избавимся от пленников этим же вечером, можешь не опасаться. Они не вернутся назад.

— Задержите их всего на три дня. Меня не волнует, как вы это сделаете... У Воплощения

нет камней, она не знает моих... наших возможностей. Так что в конце недели корабль точно уплывет.

— К сожалению, камней нет и у нас, несмотря на все наши старания, — ответила жрица. — Утешает лишь то, что все три камня находятся на Эпторе и рано или поздно попадут к нам в руки.

Джорде засмеялся:

— Похоже, Хам просто не в состоянии удержать камни больше, чем на десять минут!..

— Не тебе судить ни Хама, ни Арго, — строго перебила его жрица. — Все, что требуется от тебя, — хорошо выполнять свою работу. Докладывай нам о том, что происходит, и не обременяй ни себя, ни нас своими рассуждениями. Они ничего не стоят...

— Да, госпожа, — ответил Джорде.

— В таком случае, прощай до следующего доклада. — Женщина щелкнула выключателем, и экран погас.

Гео отвернулся от своего экрана и уже собирался снять слуховой аппарат, когда услышал слова одной из жриц:

— Когда взойдет луна, пленники должны быть готовы к жертвоприношению. Они видели слишком много...

* * *

Когда жрицы вышли из комнаты связи, Гео снял наушники. Ями, вытаращившись, смотрел на поэта.

— В чем дело?

Гео повернул выключатель, и экран потемнел.

— Когда матросы с корабля придут за нами? — поинтересовался Ями.

— Не скоро, — с горечью ответил Гео и наскоро пересказал приятелю все услышанное. Ями выглядел растерянным.

К концу рассказа недоумение сменилось вспышкой ярости.

— Почему?.. Почему они хотят принести нас в жертву?.. Что такого мы увидели, что узнали?! Второй раз меня хотят убить, и я хочу знать, за что?

— Надо срочно найти Михайло и удирать отсюда! — Неожиданно Гео замер, закрыв глаза и сжав зубы.

— Эй, не пугай меня! Что с тобой?

Так же неожиданно Гео расслабился.

— Я мысленно сконцентрировался и попытался передать сообщение Змею. Я попросил его найти Михайло и идти сюда.

— Но ведь Змей — шпион Хама!

— Мне все равно. У нас нет выхода. — Гео снова закрыл глаза. — Если он услышал меня, значит, уже идет сюда... Да и нам пора.

— И все-таки скажи, почему ты позвал этого... — начал было Ями.

— У меня предчувствие. То, что он умеет читать мысли, может нам очень пригодиться.

Они поспешили, быстро спустились и побежали по нижнему коридору. Завернув за второй угол, они вошли в маленькую комнату для молитв одновременно с Михайло и Змеем.

— Значит, ты услышал мое сообщение, — обратился поэт к Змею. — Куда нам идти дальше? Где тут выход?

— Господа!.. — В комнату неожиданно вошла слепая жрица.

«Сюда!.. Сюда!..»

Змей бросился в один из проходов, и приятели поспешили за ним. Михайло двигался как во сне, с выражением полного недоумения на лице.

Жрица торопливо погналась за беглецами, мягко взывая:

— Друзья мои, пожалуйста, вернитесь! Вы нужны нам, господа!

— Узнай у нее, как выбраться отсюда! — рявк-

нул Гео на Змея.

Крик словно подтолкнул четырехрукого мальчика, и он пулей рванулся по коридору, повернул за угол и, не останавливаясь, побежал по другому коридору. Беглецы не отставали от него ни на шаг.

Четыре руки мальчика метнулись к ручке одной из дверей в конце коридора, осторожно повернули ее в одну сторону, затем в другую.

Секунды тянулись мучительно долго.

Гео оглянулся и увидел, что жрица уже завернула за угол и огромными шагами догоняет их. Ее белые одежды вздувались, задевая стены.

Дверь распахнулась, беглецы выскочили на свежий воздух и оказались на широкой поляне, окруженной лесом. На небе ярко сверкала луна.

Метрах в ста пятидесяти от края поля высилась белая статуя богини Арго. Но у поэта и его спутников не было времени любоваться природой. Они со всех ног помчались по серебристой траве. А тем временем в основании пьедестала открылась дверь, и оттуда выскочила толпа женщин. Они бросились наперерез бегущим. Гео оглянулся. Слепая жрица, гнавшаяся за ними, замедлила бег, повернув лицо к луне. Ее руки метнулись к горлу. Она стала отстегивать что-то из одежды. Складка

материи, получившая свободу, затрепетала за ее спиной. На ходу развернулся второй слой одежд, влажный, упругий, плотно сросшийся с руками. Взмах, и за спиной затрепетали кожистые крылья. Раздался пронзительный крик, жрица оттолкнулась от земли и поднялась в воздух, молотя белыми крыльями.

Беглецы бежали без оглядки.

Темные силуэты заслонили луну. Остальные жрицы тоже взлетели. Одна из них обогнала бегущих мужчин, развернулась в воздухе и устремилась вниз. Лунный свет блеснул на оскаленных клыках вампира. Ветерок играл в густой шерсти на белой груди, раздув паруса ослепительно белых крыльев. Только крохотные слепые глазки сверкали во тьме красными угольками, словно рубины на снегу.

Змей круто развернулся и побежал к лесу. Гео мчался за ним следом, но ему было тяжело удерживать равновесие. Дважды он чуть не упал. Потом он добежал до кустов и с треском вломился в них. Крылатые существа не могли преследовать беглецов в густых зарослях.

Ветки хлестали Гео по лицу, пока он метался в поисках товарищей. В какой-то момент ему показалось, что он потерял их, но секундой позже

налетел на Ями, который, переводя дыхание, стоял рядом со Змеем и Михайло. Над верхушками деревьев парили десятки тварей.

Они издавали неприятные звуки — словно кто-то хлопал влажной материей по камню. Когда беглецы отправились дальше, крылатые твари последовали за ними.

— Боже... — вздохнул Ями через минуту.

— Теперь кое-что прояснилось, — объявил Гео. Он с трудом стоял на ногах, держась за плечо Ями. — Помните того человека-волка и слизняка в городе?.. Единственными существами, которые не меняют облика, оказались трупоеды. Я думаю, большинство созданий на Эпторе подвержены подобным превращениям.

— А как же летающие твари на берегу? — удивился Михайло. — Они тоже ни в кого не превращались!

— Просто теперь мы побывали в гостях у самок этого вида, — ответил Гео. — Наверное, об этом-то и предупреждал нас Змей, когда показывал этих чудовищ. Он пытался сказать, что мы можем встретить их снова.

— Хочешь сказать, самцы тоже могли бы превратиться в людей, если бы захотели? — продолжал расспросы Михайло.

— Если бы захотели, — подтвердил Гео. — Но, возможно, их женщинам удобней оставаться в человеческом облике в стенах монастыря... Скорее всего, самки и самцы сходятся только для спаривания...

— Может, церемония Восходящей Луны и существует для этого, — заметил Ями.

— Я тоже так подумал, — подхватил Гео. — Первый раз я решил, что тут что-то не так, когда жрицы не позволили нам есть вместе с женщинами.

В просветах между деревьями засверкала лента реки. Через несколько минут беглецы прижались к земле у опушки, глядя на мерцающую реку.

— Прыгнем в воду? — спросил Гео у своих спутников.

Змей помотал головой.

«Ждите...» — раздалось у них в голове.

Из воды поднялась рука. Мокрая и зеленая, она призывно помахала беглецам. Путники увидели, что на запястье поблескивает цепочка и мокрый кожаный ремешок, а на нем покачиваются две яркие бусины.

Ями и Гео застыли. Михайло растерянно протянул:

— Камни... — и через секунду гигант спрыгнул

со скалы и побежал к берегу.

Три тени — одна белая и две темные закружились над ним, закрывая лунный свет. Если Михайло и видел их, то все равно не остановился. Ями и Гео привстали, не отрывая взгляда от бегущей фигуры.

Михайло достиг берега, бросился в воду, подняв тучу брызг, потянулся к зеленой руке. В то же мгновение крылатые твари камнем метнулись вниз, и гиганта накрыло крыльями. Перепончатые крылья били по воде. Раздался пронзительный визг, потом еще один. Все смешалось в единый клубок. Через две секунды Михайло выскользнул из-под яростно хлопающих по воде крыльев, встал на четвереньки, потом с трудом поднялся и, шатаясь, побрел к зарослям.

Несколько раз чуть не упав, он все же добрался до Гео и Ями.

— Камни, — выдохнул он.

А борьба у берега продолжалась. Что-то тянуло чудовищных белых птиц вниз, в воду, не давало им взлететь. Неожиданно шум борьбы стих. Как огромные распластанные по воде листья лилий три белые фигуры заскользили вниз по течению. А на том месте, где только что кипел бой, тяжело колыхались на волнах две зеленые фигуры. Они

неподвижно застыли в воде лицом вниз и только волны слегка приподнимали и опускали тела.

— Но это же те, которые... — начал Гео. — Они мертвы? — Он вдруг почувствовал легкое пощипывание в носу, на глаза навернулись слезы.

Змей кивнул.

— Ты уверен? — с подозрением спросил Ями. Его голос прозвучал непривычно глухо.

«Их... мысли... прекратились...» — передал четырехрукий мальчик.

Михайло, сидящий на земле, казалось, ничего не заметил. Медленно разжал исцарапанные кулаки. На ладони блеснули шарики. Цепочка и мокрый ремешок свисали до земли.

— Они у меня... — прошептал гигант. — Камни...

Глава девятая

Взяв драгоценные бусины с мозолистой ладони, Змей повесил одну на шею Гео, другую на шею Ями. Михайло внимательно следил за движениями мальчика. Стояла тишина. Шума крыльев не было слышно даже вдалеке.

— Куда мы теперь пойдем? — спросил Михайло.

— Последуем правилу номер один, — ответил Гео. — Поскольку мы знаем, что у Хама есть здесь храм, попробуем найти его, забрать третий камень и спасти Воплощение Арго. Потом вернемся на корабль.

— За три дня? — недоверчиво протянул Михайло. — Ну и где же мы будем искать?

— Жрица что-то говорила о кучке последователей Хама за огненной горой. Это, наверное, вулкан, который мы видели из Города Новой Надежды. — Гео повернулся к Змею: — Ты читал мысли крылатой жрицы. Она говорила правду?

Мальчик кивнул.

— Если река там, нам надо идти в том направлении. — Гео повернулся и показал рукой. А потом путники стали пробираться сквозь джунгли, залитые лунным светом.

— Я до сих пор не понял, что же произошло в монастыре, — не останавливаясь, проговорил Ями. — Эти чудовища действительно были жрицами богини Арго? Какое отношение имел к ним боцман Джорде?

— На первый вопрос я отвечу — да, а на второй... Предположим, Джорде — их шпион.

— Но как же жрица Арго... то есть Воплощение Арго на корабле? — не унимался Ями. — Да и роль

Змея мне непонятна.

— Воплощение Арго на корабле ничего не знает о крылатых жрицах Арго на Эпторе, — ответил Гео. — Именно это Джорде и имел в виду, когда докладывал чудовищам, что Воплощение Арго на корабле не может понять, кто он такой. Но она, вероятно, считает его, как и мы, шпионом Хама. А Змей... Даже не знаю, что и сказать.

Вскоре беглецы решили отдохнуть. Они легли на землю, прижавшись друг к другу, и попытались уснуть. Очень скоро белый диск луны окончательно исчез за горизонтом. Тогда Гео разбудил своих спутников. На фоне темного неба ясно вырисовывался конус вулкана.

Отдых решили отложить. Змей заставил волшебные камни светиться, и путники отправились дальше. Джунгли поредели, и вскоре лишь хилые искривленные деревья торчали между огромными валунами.

Путники то и дело спотыкались о языки застывшей лавы. В воздухе носились едкие частички пепла.

Скоро красный обод кратера оказался совсем рядом.

— Мы уже близко к цели? — поинтересовался Михайло.

— По-моему, мы у самого подножия вулкана, — ответил Гео. — Давайте остановимся и дождемся утра?

— Здесь нельзя спать, — с дрожью в голосе проговорил Михайло, разбрасывая ногой куски шлака. — К тому же у нас нет времени отдыхать.

Гео поднял голову и посмотрел на красную дымку.

— Интересно, как все это выглядит вблизи? — и первым зашагал дальше.

Вскоре Змей высветил лавовый утес, нависавший над путниками. Обойдя его, они обнаружили тропу, уходящую вверх по склону.

— Ну не полезем же мы на гору в темноте? — воскликнул Ями.

— Какая разница, — упрямо проворчал Михайло. — Сейчас, по крайней мере, не видно, с какой высоты свалишься вниз!

Ями стал подниматься следом за остальными, втайне надеясь, что вскоре дорога окажется перекрыта каким-нибудь препятствием и им придется вернуться или устроить привал. Однако вскоре узкая тропинка вывела их на пологий склон.

— Эта удивительная страна, полная чудес... — пробормотал Михайло.

— Люди превращаются в зверей... джунгли...

горы... — продолжил Ями.

Гео в темноте потрогал обрубок руки:

— Кажется, я тоже изменился!.. Превратился в урода. — А потом он прочитал с выражением:

Все в мире перемены унесут,
Немилосерден и неправеден их суд.
Так Леонардо краскам вверил труд —
И «Тайную вечерю», и Христа...

— Откуда это? — спросил Ями.

— Я наткнулся на это четверостишие случайно, — объяснил Гео. — Это отрывок стихотворения, сочиненного до Великого Огня. Я нашел эту запись, когда исследовал гробницы.

— А кто такой этот Леонардо? — продолжал допытываться Ями.

— Человек искусства. Поэт или художник, я точно не знаю.

— А кто такой Христ?

— Еще один бог.

На пути чаще стали попадаться скалы, и Гео то и дело приходилось опираться культей о камни, помогая себе здоровой рукой. Ладонь горела от ссадин. Когда Змей, шедший впереди и освещавший дорогу, перекладывал волшебные

драгоценности из руки в руку, свет начинал мерцать. Он то притухал, то наливался каким-нибудь ярким цветом... Из-за этого тени скал постоянно двигались, меняли свои очертания.

Добравшись до очередной ровной площадки, путники остановились перевести дыхание и оглянулись назад. Там, куда не доставали лучи камней, царила непроглядная тьма. Четверо путешественников сгрудились на крошечном островке света. И только высоко в небе удивительными огнями сияли звезды.

Отдышавшись, Гео и его спутники отправились дальше.

Подул легкий ветерок. Он засыпал людей серой, запорошил глаза.

— Придется идти в обход, попробуем подняться в другом месте, — предложил Гео. — Тогда ветер не будет нам так мешать.

Пока они карабкались вдоль склона, ветер утих, и они смогли продолжить подъем. Голод и усталость давали себя знать, лезть наверх становилось все трудней.

— Я сразу и не понял, что кратер такой большой, — вздохнул Ями.

Красное свечение уже занимало четверть горизонта.

— Как бы извержение не началось, — пробормотал Михайло и, чуть подумав, добавил: — Очень хочется пить... Если храм Хама за вулканом, зачем лезть наверх?! Можно же было обойти этот проклятый вулкан и не затевать ночное восхождение!

— Но мы уже слишком далеко зашли! Не поворачивать же теперь! — ответил Ями.

Из-под ноги у него выскользнул кусок сланца. Опять поднялся ветер, и путникам пришлось снова пробираться вдоль склона.

— Надеюсь, ты следишь, насколько мы отклонились от прямого курса? — спросил Гео моряка.

— Не волнуйся, я отлично ориентируюсь.

В круг света попал участок скалы с бледно-желтыми наростами, похожими на маленькие луковичные кактусы.

— Что это? — удивился Михайло.

— Серные конусы, — объяснил Ями. — Если отложение серы близко к поверхности и нагревается, то из него получается маленький вулканчик.

Закончился последний ровный участок пути. Впереди лежал крутой подъем по гранитным плитам. Казалось, обрывистый склон поднимается всего футов на сто. Силы путников были на

исходе, они двигались вперед молча, не глядя по сторонам. После очередного трудного участка Михайло почувствовал, что позади никого нет, и оглянулся. Гео не было. Гигант повернул назад и начал спускаться. Он нашел поэта в одной из расселин. Тот сидел на корточках, бессильно уронив руки. На изможденном, грязном лице блестели капли то ли пота, то ли слез.

— Так... — пробормотал Михайло. — Ну-ка давай руку.

— Не могу, — прошептал Гео. — Я упаду.

Михайло нагнулся, обхватил обессилевшего друга и вытащил его из расселины.

— Спокойно... Не торопись... За нами никто не гонится. — И не отпуская Гео, Михайло побрел следом за матросом и маленьким воришкой.

А Ями и Змей к тому времени уже поднялись на вершину. Они заглянули в жерло вулкана. По внутренним стенам кратера сочилась золотистая лава. Кипел расплавленный базальт, и в небо поднимались бурые клубы дыма. То и дело где-то далеко-далеко внизу гремели взрывы. Взметались к небу и оседали столбы голубого пламени. Склон кратера походил на лицо больного оспой.

Никого не было здесь, на краю огненного ада, и только ветер шевелил волосы незваных гостей.

* * *

Неожиданно Гео увидел женщину. Она стояла метрах в шестидесяти от огненной кромки. Ее вуаль, подсвеченная лавой, развевалась на ветру. Вот она повернулась и направилась в сторону путников. Приблизившись, она остановилась.

Женщина держалась неестественно прямо. Грива белых волос билась по ветру за спиной. Неровный свет прочертил глубокие морщины на ее лице. Подойдя еще на несколько шагов, она улыбнулась.

— Кто вы? — осторожно спросил Гео.

— *Поистине у над каждою душою есть хранитель,* — продекламировала женщина низким, уверенным голосом. — *Ты оглядись скорей, найди свою обитель.*

Она сделала паузу.

— Я — Воплощение Арго.

— Но я думал... — начал было Ями и замолчал.

— Что же ты думал? — доброжелательно осведомилась женщина.

— Ничего, — пробормотал Ями и потупился.

— Видите ли, он думал, что вы гораздо моложе, — как можно любезней пояснил Гео. — Нас просили отвезти вас домой, на Лептар. — И, не

сдержавшись, поэт спросил о том, что в данный момент беспокоило его больше всего: — Скажите, пожалуйста, этот странный свет в кратере не опасен? Может, это он сжег мне руку в городе?

Жрица посмотрела на культю поэта.

— Вулкан — природный огонь, — успокоила она Гео. — Это рассеченная артерия земли. Хотя он может быть опасен, как и любой другой огонь.

Гео, переступив с ноги на ногу, потрогал культю.

И тогда снова заговорил Ями:

— Нас просили забрать дочь нынешней Воплощения Арго и вернуться с ней на Лептар, — начал он.

— Есть много различных Воплощенных Арго, — улыбнулась женщина. — У богини много лиц. Вы уже видели слепых жриц.

— Да уж, — ехидно протянул Гео.

— Вы узница слуг Хама? — недоуменно спросил Ями.

— Мы заключили союз.

— Нас послали добыть третий драгоценный камень и отнести его на корабль. У нас мало времени, потому что...

— Я все знаю.

— Да?.. А что вы скажете про тот чудесный

монастырь? Слепые жрицы утверждали, что поклоняются Арго! Хорошенькое гостеприимство оказали они нам! Они ваши союзники?.. Я никому не верю на этом чертовом острове! — неожиданно воскликнул Михайло.

— Природа Богини — изменчива. — Жрица печально посмотрела на великана. — Арго идет от рождения через жизнь к смерти, чтобы родиться снова. Как я уже сказала, Белая богиня многолика, как и сама жизнь... Но вы, наверное, устали?

— Да, — ответил Ями за всех.

— Тогда идите за мной. — Жрица повернулась и направилась вдоль края жерла вулкана. Змей и Ями пошли следом за ней, а Гео и Михайло держались чуть в отдалении.

— Не нравится мне все это, — прошептал гигант. — На этом острове богиня Арго вовсе не похожа на ту, что живет на Лептаре. Чует мое сердце, эта жрица ведет нас в ловушку. Говорю тебе — лучше взять наши камушки и дать деру... Говорю тебе точно, Гео!

— Михайло!

— А?

— Михайло, я очень устал.

Некоторое время они молчали. Наконец Михайло тяжело вздохнул и обнял Гео за плечи.

— Пошли, — проворчал он, помогая Гео. И дальше они шли молча, стараясь не потерять из виду Воплощение Арго.

Вот жрица свернула за скалу, осторожно ступая по узкой тропке, уходящей в кратер.

— Здесь будьте осторожней, — предупредила она.

Михайло, глядя на крутой спуск, опять нахмурился.

— Здесь что-то не так! — снова начал он уговаривать Гео. — Это точно ловушка, говорю тебе! Как там в твоих стихах?.. *Спокойнее, медведь, усни...*

— Огонь не ужалит, — продолжил Гео.

— Смотря кого, — проворчал Михайло, поглядывая в чашу пламени внизу.

Гео читал дальше:

Спокойнее, медведь,
Усни же сном зимы.
Ничто не обожжет
Тебя в твоей берлоге.

Умерь свирепый пыл,
Усни, мой друг, усни,
Забудься до весны,

Оставь свои тревоги.

— Как я однажды говорил, — бормотал гигант. — В...

— Сюда! — позвала жрица Арго. Она нырнула в пещеру, вход в которую скрывал гранитный выступ.

— Нет, нет, — сказала она, увидев, что Змей собирается освещать дорогу камнями. — Их и так слишком часто использовали не по назначению.

Жрица достала из складок одежды маленькую палочку и, резко проведя ею по скале, зажгла. Путники увидели, что с потолка пещеры свешивается причудливо украшенный ветвистый светильник. Несколько фигурок, расположенных одна под другой, имели незаметные углубления для масла. Жрица Арго поднесла горящую палочку, и пламя стало плавно перетекать из руки демона в рот обезьяны, из живота нимфы на голову сатира. В масло, по-видимому, были добавлены какие-то ароматические вещества, так как пламя каждой из фигурок имело свой цвет. Зеленый, красный, голубой и оранжевый блики заполнили небольшую комнату и заиграли на отполированных скамьях. Был здесь и алтарь. Его украшали две великолепные статуи: сидящий мужчина и коленопреклоненная женщина.

Гео и Михайло уставились на светильник.

— Вы чего? — недоуменно спросил Ями, проследив за их взглядом.

— В монастыре крылатых существ есть такая же штука, — угрюмо проговорил Гео. — Посмотри сюда. Припоминаешь?

Матово поблескивая, на путников смотрел стеклянный экран, словно чудом перенесенный сюда из монастыря слепых жриц.

— Присаживайтесь, — пригласила их хозяйка и, видя, что путники не шевелятся, повторила: — Садитесь, пожалуйста!

Мужчины устроились на скамье. После долгого и трудного подъема мышцы ног нестерпимо ныли, болели спины и плечи.

— Удивительно, что Хам позволил вам установить тут статую Арго... Правда, я вижу, вы вынуждены делить с ним алтарь.

— Я — мать Хама, — улыбнулась женщина.

Гео и Михайло насторожились.

— Вы же знаете, что богиня Арго — мать всего сущего, прародительница всего живого. Я мать не ему одному, а всем богам, которые ныне существуют в нашем мире.

— А те слепые твари? — вмешался Михайло. — Ведь они тоже жрицы? Они же хотели убить нас!

Держу пари, они просто одурачены Хамом и...

— Все не так просто, — остановила его жрица Арго. — Они действительно поклоняются белой Богине... но, как я уже сказала, у Арго много лиц. Обитательницы монастыря, из которого вы бежали, — это... как бы сказать... тупиковая ветвь нашей религии. Они ослепли, когда пал Город Новой Надежды, и с тех пор богиня Арго для них — олицетворение смерти, жестокая властительница людских жизней. Все сложнее, чем кажется на первый взгляд... Арго не только мать Хама, она его жена и дочь.

— Тогда все сходится, — пробормотал Гео. — Значит, Джорде точно не шпион Хама. Он служит жрицам Арго, отступившим от истинной веры.

— Ты прав, — согласилась Арго, — только выражение «отступившие от истинной веры» сюда не подходит. Они фанатично преданы Арго, не ведая, что неверно толкуют ее догмы.

— Так, значит, это они в ответе за все, что происходило на Лептаре? А свалили всю вину на Хама? — продолжал размышлять вслух Гео. — Вероятно, слепые жрицы тоже охотятся за камнями... А вы не похожи на пленницу Хама... Наверное, вы заключили договор с

Темным богом, чтобы не дать слепым жрицам

захватить Лептар?

— Твое объяснение слишком примитивное... К сожалению, ты ошибаешься.

— Но почему Джорде выбросил камень в воду? Я имею в виду тот камень, который он сорвал с шеи Воплощенной Арго... в смысле, другой Воплощенной Арго?

— Когда он сорвал камень с шеи моей дочери, — объяснила женщина, — он бросил его обитателям моря, зная, что они доставят его обратно на Эптор. А раз драгоценность вернулась на остров, жрицы могли бы захватить ее. Моя дочь, исполняющая обязанности Воплощенной Арго в отсутствие своей дочери, тоже не догадывалась, что борется с незнакомым ей проявлением культа Арго. Она считает, что все ее усилия направлены против Зла, насаждаемого Хамом... Действительно, в прошлом обитатели Эптора нанесли Лептару огромный вред. Но слепые существа, с которыми вы столкнулись, тут ни при чем. Вы и не подозреваете, кто настоящий враг и кого вы должны победить.

— Мы должны победить слуг бога Хама? — спросил Ями.

— Нет. Все не так, — печально сказала старая Арго и тяжело вздохнула. — Мне трудно напра-

вить вас, не дав путеводного слова. Но я должна сдерживать себя. До сих пор она действовала правильно; помогла вам верно определить задачи. И до сих пор вы отлично справлялись с ними.

— Воплощение Арго, пославшая нас, сказала, что мы должны выкрасть третий камень у Хама, найти вас и вернуться на корабль всем вместе. Вы пойдете с нами?

Жрица Арго рассмеялась.

— Вы полностью нарушили мои планы! Сначала я хотела похвалить вас и объяснить, что делать дальше...

Когда вы украдете камень, кого надо доставить на корабль?

— Воплощение Арго, — ответил Михайло. — Вы сказали, что жрица Арго на корабле — ваша дочь. Но она сказала, что ее дочь — это вы!

Женщина снова рассмеялась.

— Она имела в виду мою внучку... Когда ее похитили и привезли на остров, я уже ждала ее. Смотрите. — И женщина повернула переключатель под экраном. На стекле замерцали огоньки, а потом появилось изображение спящей девочки. Рыжие волосы разметались по подушке, курносый нос был усыпан веснушками. Маленький кулачок засунут под щеку. На столике возле

кровати лежало непонятное приспособление из U-образного куска металла, прикрепленного к дощечке и обмотанного проволокой. — Вот это моя внучка. Ее вы и должны забрать на корабль.

— А как мы выкрадем камень?

Жрица Арго повернулась к Змею.

— Кажется, это было твоей задачей? — Затем она внимательно посмотрела на остальных путников. — А вам нужно отдохнуть. И только потом вы сможете отправиться дальше. Пойдемте со мной. Для вас приготовлены соломенные матрасы. Думаю, они покажутся вам мягче перины. Там же, в углу, стоит мешок с сухими фруктами. Подкрепиться вам тоже не помешает. — С этими словами жрица отвела их в глубь пещеры.

Увидев одеяла на охапках соломы, Михайло с наслаждением потянулся, зевнул и почти простонал:

— Спа-а-а-ть!

Путники устроились на мягкой соломе, когда жрица Арго, склонившись над Гео, тихо спросила:

— Ты поэт?

— Да.

— Я понимаю, ты очень устал. Но нам надо поговорить наедине... Соберись с силами, встань

и иди за мной.

Гео с трудом поднялся, держась за каменную стену. Михайло тоже приподнялся на своем ложе.

— Куда вы его уводите? — насторожился гигант. — Он устал больше остальных! Если хотите показать кому-нибудь из нас старые книги и заклинания, возьмите Ями. Он знает не меньше Гео.

— Мне нужен поэт, а не ученый, — мягко остановила Михайло Воплощение Арго. — Кроме того, мне нужен тот, кто пострадал сильнее других... Я жду, поэт.

— Э... э... э, нет! — не успокаивался Михайло. Он показал на камень, висящий на груди своего друга. — Оставь-ка это у меня.

Гео нахмурился.

— Мало ли что может случиться! — многозначительно проговорил гигант.

— Оставь камень, чтоб он не волновался, — согласилась жрица.

Гео молча наклонил голову и позволил Михайло осторожно снять с шеи ремешок.

— Ну, а теперь пойдем со мной, — опять позвала жрица.

Они направились к выходу из пещеры. Жен-

щина на мгновение застыла, глядя вниз, на раскаленную лаву. Отблески огня высветили темный силуэт в развевающихся одеждах. Не оборачиваясь, она сказала:

— Огонь — великий символ жизни, не правда ли?

— И смерти... Один из огней Эптора сжег мне руку.

Жрица плавно повернулась к поэту.

— Тебе и Змею пришлось хуже всех. Вы оба оставили часть своего тела гнить на Эпторе. Но, может быть, это как-то сроднит вас с чужой землей? — Она помолчала. — Но Змею было гораздо больнее, чем тебе... Знаешь, как он потерял язык? Через свой экран я видела все от начала до конца, но не могла помочь несчастному...

Джорде сжал его лицо руками и заставил открыть рот. Потом щипцами схватил мальчишку за язык, вытянул его насколько мог. Надев на язык мальчика петлю из тонкой проволоки, ваш боцман повернул выключатель... Ты же знаешь, что такое электричество?.. Да?.. Ну так вот... Если много электричества пропустить через тонкую проволоку, она становится горячей, раскаляется до белого цвета. И раскаленная петля на языке сжималась, пока не прожгла мышцы насквозь.

Во рту уже был не язык, а обрубок — поджаренный кусок мяса... Бедный мальчик! Он потерял сознание почти в самом начале пытки. Это было страшным испытанием для него. Наверное, его спас только возраст — как ни чудовищно, но дети могут вынести то, что не под силу взрослому.

— Так это сделал Джорде и слепые жрицы?

— Джорде.

— Да кто такой этот Джорде? Михайло знал его и раньше, как боцмана, но, видимо, он важная фигура.

— Если бы ты внимательно слушал своего приятеля, поэт, ты бы узнал кое-что и из рассказа Михайло. Скажи, насколько хорошо ты знаешь себя?

— Извините, я не понял вас. Что вы имели в виду?

— Я хочу знать, насколько глубоко ты понимаешь сущность людей, природу человеческих поступков... О чем ты будешь петь, если захочешь, чтобы твои стихи обрели бессмертие?

— Я...

— Погоди отвечать, сначала выслушай. Если я попрошу тебя кое-что сделать для меня, ты согласишься?

— Если и вы ответите на мой вопрос.

— Ты постараешься помочь мне?

— Да.

— В таком случае и я постараюсь ответить тебе. Что тебя интересует?

— Кто такой Джорде и почему он так поступает?

— Когда-то давно он фанатично верил в силу богини Арго, жил на Лептаре и считался известным исследователем мифов и ритуалов, как Ями и ты. Он нанялся на корабль, чтобы увидеть мир. После кораблекрушения он оказался на Эпторе. Как и вы, он и его спутники сражались с чудовищами Эптора и многие погибли в той битве. Двое выживших — Джорде и Змей — прошли все испытания и Хама, и Арго. Каждый выбрал своего бога и поклялся ему в верности. Из единомышленников они превратились в противников, как противоположны оказались силы, выбранные ими... Второй частью твоего вопроса было слово «почему». Если ты выполнишь мою просьбу, то сам ответишь на этот вопрос. Я твердо знаю, что боцман и мальчишка единственные, кто спасся с того корабля. Также мне известно, что Змей не сказал Джорде о своем выборе. Он упорно молчал каждый раз, когда Джорде пытался склонить его на свою сторону. Этот мальчишка все понимал,

ведь он умел читать мысли... Когда их спасли, противоборство продолжалось. Всего за пару лет Джордж сделался грозным боцманом, а Змей превратился в припортового вора. Даже страшное испытание не сломило мальчика. Кстати, раскаленную проволоку боцман позаимствовал у слепых жриц. Прибор Древних, который оказался у него, мог бы принести много пользы, но до сих пор этот жестокий человек использовал его только во зло людям... Почему все так случилось? Может, ты объяснишь мне, поэт?

— Я узнал, что хотел, хотя и не все понял... Спасибо. Чем же я смогу быть вам полезен?

Арго еще раз взглянула на пламя и продекламировала:

Во тьме палаты двойников
Потоки быстрые текут.
И нету песен, нету слов...
Там два потока двойников.
А в светлой комнате скользит
Решения златая нить,
По тропам памяти бежит,
К знаменью мудрому спешит.
Палату затопляет страх,

— Такого я еще не слышал, — пробормотал Гео. — Боюсь, я не понял, в чем состоит ваша просьба... Я не знаком с этим размером, да и сами стихи очень странные...

— Я с самого начала сомневалась, что ты узнаешь их.

— Это часть утерянных ритуалов Арго?

— Ты и не мог их узнать... Это написала моя внучка. Я хочу, чтобы ты разъяснил мне смысл.

— Хм... — только и смог сказать Гео. — Я и сам не очень-то понял... Как там: «*Там два потока двойников*». Сердце? Четырехкамерное человеческое сердце? Оттуда начинаются течения тела.

— Очень может быть. Но это лишь часть ответа.

— *Решения златая нить*, — размышлял дальше Гео. — Человеческий разум, я полагаю. *По тропам памяти бежит, К знаменью мудрому спешит*... Я не уверен.

— Мне кажется, у тебя неплохо получается. Однако более всего меня озадачили две последние строки.

— По-моему, она снова имела в виду ум и сердце. Обычно думаешь о любви сердцем, а боишься умом. Возможно, она имела в виду, что оба они —

и ум, и сердце управляют и любовью, и страхом?

— Возможно, - улыбнулась Арго. — Ты сам спросишь ее об этом, когда вы спасете ее из когтей Хама.

— Ваша внучка хочет стать поэтессой?

— Она и сама не знает, кем хочет быть... Спасибо за помощь. А сейчас тебе пора спать. Завтра наступит решающий день.

— Ну и ладно... Я валюсь с ног и очень, очень хочу спать.

...И Гео вернулся в пещеру.

Глава десятая

Лучи восходящего солнца легли поперек гребня кратера. Жрица Арго указала вниз, на противоположный склон вулкана. У его основания среди деревьев и лужаек возвышались черные силуэты больших и маленьких домов, окруженных огромным садом.

— Храм Хама, — объяснила Воплощение Арго. — Свою задачу вы помните... Удачи вам.

Кивнув на прощание, мужчины начали осторожно спускаться по засыпанному пеплом склону. Полчаса ушло у них на то, чтобы добраться до первых деревьев, которые окружали

темные здания и обширные сады. Когда путники почти добрались до своей цели, с дерева над их головами раздалась певучая трель.

— Птица, — прошептал Ями. — Какое блаженство! Я не слышал пения птиц с тех пор, как покинул Лептар. — С этими словами он пристально вгляделся в кроны деревьев.

По стволу ближайшего дерева пробежала ящерица — ярко-синяя, длиной с указательный палец. Ее сапфировое брюшко вздымалось в утреннем свете. Ящерица открыла красный рот. В красной глотке затрепетал язычок, и тут снова послышалось пение.

— Ну что же, — весело сказал Ями. — Я почти угадал.

Они пошли дальше, а Гео задумчиво заметил:

— Странно, почему человек всегда ожидает увидеть вещи такими, какими привык их видеть? И совсем не готов к неожиданному.

— Потому что такие трели должна выводить именно птица, и никто больше! — упрямо сказал Михайло. Его передернуло. — Дрянь какая-то: поющие ящерицы!

— Нет она ничего... забавная, — возразил Гео.

— Бр-р-р! — поморщился Михайло.

— Ну, знаешь ли... Ожидать, что на этом острове

все будет таким, как тебе хочется, просто глупо.

Неожиданно в роще, совсем рядом с путниками, раздался громкий хлопок. Гео, Ями, Михайло и Змей посмотрели в ту сторону и увидели мужчину, который поднял руку и крикнул:

— Стойте!

Путники остановились.

На незнакомце была темная ряса, отчего белые волосы, обрамлявшие смуглое волевое лицо, казались еще светлей.

Михайло положил руку на рукоять сабли. Змей подобрал увесистый камень.

— Кто вы? — требовательно спросил мужчина.

— А вы кто? — не менее вызывающе поинтересовался Михайло.

— Я Воплощение Хама.

На секунду путники онемели. Гео первым нарушил молчание:

— Мы путешественники. Мы никому не хотим причинить зла.

Внимательно окинув взглядом каждого из стоящих перед ним, жрец Хама развернулся и бросил через плечо:

— Следуйте за мной. — Он уверенно зашагал вперед, и солнечные лучи, пробившиеся сквозь густую листву, заскользили по развевающемуся

плащу. Гео и его спутники поплелись следом.

Вскоре они вошли в сад. Было еще раннее утро, и солнечный свет робко золотил гигантские урны вдоль обочин. Они и не заметили, как достигли стен храма.

Зеркала в центральном зале многократно повторили их отражения, когда они проходили мимо. За столбами из оникса блестел великолепный мозаичный пол. На огромном алтаре возвышалась колоссальная фигура мужчины. Статуя была выполнена из темного камня. Мужчина сидел на полу, скрестив гигантские ноги. В одной руке он держал серп, в другой, вытянутой к самому потолку, сжимал сноп колосьев. На лице величественной статуи было три глаза. Два были полуприкрыты веками, и лишь средний грозно наблюдал за вошедшими.

Когда Гео и его спутники проходили у подножия статуи, Воплощение Хама бросил взгляд на шеи Ями и Гео, где покачивались камни, а потом вверх, на открытый глаз каменного бога.

— Утренняя служба еще не началась, — объяснил Воплощение Хама. — Она начнется через полчаса. К тому времени я должен разобраться, зачем вы сюда явились.

Вместе они поднялись по лестнице и остано-

вились перед дверью. На ней сверкал резной черный круг с тремя глазами. Когда путники входили, Гео незаметно оглянулся и одними губами спросил Ями: «Змей?» Моряк тоже оглянулся и пожал плечами. Мальчика с ними не было.

В комнате, куда привел их жрец, тоже были экраны, как в пещере старой жрицы Арго и в монастыре слепых жриц. Но в комнате имелось и то, чего путники раньше нигде не видели: большой верстак и окно, за которым тихо шуршал листьями храмовый сад.

Воплощение Хама обернулся к ним, по-видимому не замечая исчезновения Змея. Закрыв дверь, он отошел к окну и объявил:

— Вы явились на наш остров, чтобы противостоять силам Эптора, правильно? Вы пришли похитить камень Хама и увезти юную жрицу — Воплощение Арго... И это вы не станете отрицать... Оставь саблю в покое, Михайло! Бесполезно сопротивляться... Я могу убить тебя раньше, чем ты обнажишь свой клинок.

* * *

А в это время рыженькая девушка открыла глаза и потянулась:

— Ох-х-х-х! О, Боже! — И снова. — О, Боже! Хочу

спать.

Она перевернулась на живот и обняла подушку. Поморгав, потерла сначала один глаз, потом другой и осмотрела комнату. Около кровати лежал почти собранный электромоторчик. Задержавшись на нем взглядом, ее глаза снова закрылись...

...И открылись опять.

— Сегодня я не могу позволить себе проспать! — сонно пробормотала она и резким движением откинула простыни. — Раз, два, три! — и она села, свесив ноги с кровати. Помедлив секунду, решительно поставила ноги на холодный каменный пол и выпрямилась, вздрогнув всем телом — каменные плиты пола оказались невероятно холодными. Девушка стиснула зубы и громко вздохнула: «Ох-х-х!» — и встала на цыпочки.

Но зов теплой постели оказался сильнее благих намерений. Девушка проворно прыгнула назад под простыню и, свернувшись калачиком, задумалась. «С помощью медной трубки тридцати футов в длину и полутора дюймов в диаметре я смогу провести сюда тепло от тепловой централи под полом. Тогда камни станут теплыми. Прикинем: тридцать футов полуторадюймовой трубки имеют площадь поверхности...» Тут девушка спо-

хватилась: «Я думаю черт знает о чем, только не о том, что пора вставать!» Она еще раз открыла глаза, поставила ноги на пол и подождала, пока они привыкнут к холоду. «Пора вставать!»

Достав из шкафа белую тунику, девушка натянула ее и завязала кожаный поясок вокруг талии. Потом посмотрела на часы.

— Ой! — тихо вскрикнула она.

Дверь неслышно захлопнулась за стремительной тоненькой фигуркой.

— Не суетись! Хочешь, чтобы тебя поймали? — тихо пробормотала она себе, на цыпочках подкрадываясь к следующей двери.

Девушка открыла ее и осторожно выглянула. «Каким же умным выглядит Блаженный, когда спит», — подумала она. На полу лежала веревка, тщательно повторявшая очертания трещин. Один конец лежал в углу у порога, другой исчезал под кроватью жреца. Веревка была совсем незаметна на неровном полу. Именно на это и рассчитывала девушка, когда вчера вечером укладывала ее здесь, прежде чем жрецы вернулись с вечерней службы. Дальний конец веревки был завязан особенным узлом, секрет которого знала только она, и завязан он был на вилке будильника Блаженного. У этого неприятного че-

ловека была привычка каждый вечер подводить свои дребезжащие часы. В этом она убедилась за три вечера, которые провела, повиснув вниз головой на массивной каменной решетке и наблюдая за своим недругом.

Теперь же она осторожно потянула за веревку, внимательно наблюдая за тем, как та натягивается. Когда девушка потянула сильнее, веревка приподнялась с пола.

Вилка почти неслышно вывалилась из розетки на каменные плиты. Веревка провисла.

Девушка снова натянула веревку и приподняла ее конец на несколько дюймов над полом. Свободной рукой она встряхнула веревку, наблюдая, как волна пробежала по ней вверх и вниз. Этот узел был ее тайной гордостью. Она сама придумала его. При вибрации две крайние петли соскальзывали с третьей, и крошечная резиновая ленточка, вшитая в веревку, растягивалась, выпуская четвертую петлю с небольшим грузом. Вторая волна вибрации опускала точно такой же набор петель на другой стороне вилки. Но вот узел распался, и девушка, быстро смотав веревку, выскользнула из комнаты. Обильно смазанный заранее замок сработал беззвучно. «Однако дверная ручка все еще немного жирная от смазки, — заметила бег-

лянка. — Недосмотр».

Девушка вернулась к себе в комнату. Солнечный свет из высокого окна падал на ее столик. Взглянув на часы, она увидела, что время еще есть. Тогда она разобрала моторчик.

— Ну что, дружок! Сегодня мы тебя испытаем? Или обойдется? — Озорная улыбка осветила курносое лицо. — Да уж, наверно, придется попробовать! — Девушка сложила детали в бумажный мешок, широкими шагами вышла из комнаты, в последний момент локтем придержав готовую хлопнуть дверь. — Растяпа, — прошипела она себе. — Ты что, и вправду хочешь, чтобы тебя поймали? Поймали, поймали... — бездумно стала припевать девушка и вдруг нахмурилась.

«Накаркаю — и поймают! И без всяких шуток. Все очень серьезно. Я должна сделать это сегодня».

Уже в коридоре, когда девушка проходила мимо открытого окна, раздалось чириканье голубой ящерицы. «Отлично! Как раз то, что я хотела услышать. Хорошая примета. Все будет в порядке!»

Зайдя в Храм, она стремительно прошла мимо больших черных колонн. Внезапно она остановилась. Что-то быстрое, как птичья тень, пронеслось между каменными столбами и исчезло. Хотя,

возможно, ей это показалось?

«Конечно, ты ведь чувствуешь вину из-за этого побега и подсознательно хочешь, чтобы тебя остановили, — мысленно сказала она себе. — Поэтому вполне возможно, что ты выдаешь желаемое за действительное, видишь то, чего нет, чтобы найти причину и отказаться от задуманного».

Девушка миновала еще две колонны — и снова кто-то проскочил у нее за спиной. «А может, там и в самом деле кто-то есть», — удивилась она.

И тут девочка ясно увидела того, кто тенью мелькал за колоннами. Это был полуголый мальчик. Девушка с удивлением отметила, что у паренька четыре руки. Какое-то воспоминание промелькнуло в голове, но тут же исчезло, словно изъятое неведомой силой. В ее разум вторглись чужие образы — испуг и растерянность.

«Если он подойдет ко мне, я умру от страха, — подумала девушка. — Уж лучше я сама подойду к нему. И вообще, мне интересно, как он выглядит вблизи». Шагнув к незнакомцу, девушка оглянулась по сторонам. Кроме них, в Храме никого не было.

«Совсем еще ребенок! — удивилась она. — Нет, он только выглядит малышом, он примерно моего возраста», — решила она, приглядевшись,

и сделала еще несколько шагов. А потом снова вторжение чужих мыслей испугало ее. Четырехрукий мальчишка шагнул ей навстречу. Они замерли, рассматривая друг друга. Жилистое, смуглое тело мальчика удивляло худобой; отросшие густые черные волосы спускались на лоб, темные, глубоко посаженные глаза блестели под черными кустиками бровей.

Девушка облизнула пересохшие губы.

— Ты что тут делаешь? Если кто-нибудь застанет тебя здесь, хорошего не жди! Еще подумают, что ты хочешь стащить глаз Хама!

«Эх, не следовало мне этого говорить... Он так странно дернулся», — подумала девушка, а вслух сказала:

— Уноси-ка ноги отсюда поскорее, пока все на утренней службе. Через полчаса сюда придут жрецы.

Услышав это, мальчишка вдруг, не говоря ни слова, рванулся мимо нее к алтарю.

— Эй! — закричала девушка и побежала следом.

А незнакомец уже перепрыгнул через медное ограждение алтаря.

— Да погоди немного, — позвала она. — Погоди же!

Мальчишка обернулся, когда девушка уже перебросила ногу через медную перекладину.

— Послушай! Я все поняла! Я выдала себя, а ты — себя! Нам нужна одна и та же вещица, ведь правда?

Четырехрукий похититель нахмурился, склонил голову набок и неожиданно широко улыбнулся.

— Ладно, мы поможем друг другу. Ты ведь тоже пришел сюда за камнем, да? — И она указала на голову статуи, возвышающейся над ними. — Давай договоримся. Я его ненадолго возьму. А потом отдам тебе.

Видя, как внимательно мальчик прислушивается, девушка поняла, что ее предложение принято.

— Мы поможем друг другу. По рукам? — Она подала правую руку. Мальчик вытянул все четыре руки, и четыре ладони обхватили тонкие пальцы девушки. От неожиданности она вздрогнула. «Ух, надеюсь, он не заметил...»

Четыре руки крепко держали ее, и левой рукой девушка сверху накрыла их.

— Вот и хорошо. Пошли... Я все просчитала вчера вечером и должна тебе сказать, у нас мало времени. Сначала мы обойдем...

Мальчишка снял с ее пояса моток веревки и молча подошел к тому месту, где из пола поднимались колосья, вытянувшиеся от основания алтаря через кулак Хама к самому потолку. Тремя свободными руками мальчишка обхватил стебель и, подтягиваясь, поднялся туда, где от стебля отходили первые широкие металлические листья. Девушка смотрела снизу, как по-лягушачьи дергались грязные ноги ее соучастника. Затем мальчишка зацепился за черешок и встал на лист. Остановившись, чтобы перевести дух, он посмотрел вниз на девушку.

— Я не могу забраться к тебе, — ответила она на его немой вопрос. — У меня не хватит сил!

Маленький воришка только пожал плечами.

— Ничего!.. Я сделаю по-другому! — уверила его девушка и побежала вокруг алтаря к ступне гигантской статуи.

Поскольку Хам был изображен скульптором сидящим со скрещенными ногами, его ступни располагались сбоку. Пользуясь пальцами ног Хама как ступеньками, девушка вскарабкалась на большой округлый палец божества. Пробравшись вверх по лодыжке и голени, а затем вниз по черному бедру, девушка встала на узел набедренной повязки статуи. Змей наблюдал за ней, стоя

на середине желтого каменного листа. Теперь они оказались на одном уровне.

— Эгей! — Девушка весело помахала рукой ловкому мальчишке. — До встречи у ключицы! — и начала новый этап восхождения. От усердия она аж высунула язык. Складки в набедренной повязке Хама помогли ей подняться еще футов на десять. Неожиданным препятствием оказался живот бога, покатым выступом выросший на пути. По нему девушка проползла с большой осторожностью, преодолевая дюйм за дюймом, пока не добралась до большого, как пещера, пупка. Глянув в сторону, она увидела, что юноша тоже успешно поднимается все выше — он сидел уже на следующем пучке листьев.

Вблизи кнопка божественного пупка оказалась круглой дверью около пяти футов в диаметре. Девушка вытерла вспотевшие руки о тунику и, прижавшись к камню, начала набирать код. От волнения первую цифру она сумела набрать только с третьей попытки. Девушка прекрасно понимала, что ее жизнь зависела от того, насколько быстро откроется дверь. Дальше все просто: внутри статуи находилась лестница, которая вела вверх, к заветному глазу. Когда девушка добралась до второй цифры и повернула

наборный диск в другую сторону, послышался заветный щелчок. А после третьей неподвижная ручка плавно скользнула вниз, и дверь открылась. Несмотря на то что девушка ждала этого, створки двери распахнулись неожиданно для нее и сильно толкнули. Она чудом успела уцепиться за ручку, когда опора выскользнула у нее из-под ног.

Теперь она повисла в воздухе на высоте пятидесяти футов. Сначала она попыталась, закрыв глаза, раскачаться так, чтобы дверь захлопнулась. Однако когда она качнулась назад, дверь чуть прикрылась; а когда качнулась обратно, открылась снова. Некоторое время девушка висела неподвижно, собираясь с силами. Она радовалась, что тщательно вытирала ладони перед тем, как набирать шифр. Вскоре руки заныли, а еще через некоторое время боль стала нестерпимой. Тогда девушка пожалела, что так тщательно вытерла руки и они не могут сами соскользнуть с этой проклятой ручки. Тогда все ее мучения закончились бы очень быстро. Мысленно она перебрала в уме все варианты падения, вспомнила, чему ее учили на занятиях по дзюдо. Чтобы отвлечься от боли, она закрыла глаза и попыталась прочитать старинный стишок о молодой даме, которая

погибла, сорвавшись со скалы. После каждого куплета шел припев:

Сегодня вечером молчат колокола...

Совершенно неожиданно кто-то схватил ее за талию. Лишь почувствовав под ногами твердую опору, она поняла, что спасена. Уронив вдоль тела ноющие руки, обессиленная, она замерла. Затем боль в мускулах сменилась бешеной пульсацией крови в кончиках пальцев, и девушка наконец открыла глаза.

— Как ты пробрался сюда? — спросила она склонившегося над ней мальчишкой.

Ничего не ответив, он помог ей пролезть в открытую дверь. Оказавшись в полной безопасности, девушка остановилась, растирая горящие руки. «И откуда он узнал про лестницу?»

Они оказались на дне глубокой шахты. Лестница рядом с ними почти вертикально уходила вверх, в темноту.

Девушка поймала вопросительный взгляд своего нового знакомого.

— Ты чего?.. В чем дело?.. Не волнуйся, подняться по лестнице я смогу. Слушай, а почему ты все время молчишь?.. Ты немой?

Паренек кивнул.

— А-а-а... — растерянно протянула девушка. И тут же почувствовала себя очень неудобно...

Но ее спутника, казалось, ее вопрос ничуть не задел. Кивнув, он полез вверх по лестнице, по которой минуту назад спустился, спеша ей на помощь. Девушка же, прежде чем отправиться за своим спасителем, выглянула из-за двери. Храм Хама был пуст. Тогда она прикрыла дверь и последовала за мальчишкой.

В первое мгновение ей показалось, что они нырнули в темноту. Пропало всякое ощущение времени. Девушка не знала — десять минут, две или двадцать она поднимается по бесконечной лестнице. Один раз она потянулась к перекладине, но промахнулась, и ее рука ушла в пустоту. Сердце замерло в груди, чтобы через мгновение неистово забиться. Руки, не отдохнувшие после страшной нагрузки, снова заныли. Девушка неуверенно потянулась к следующей перекладине и на ощупь нашла ее.

Дальше и дальше... Выше и выше...

Она начала считать ступени, но на счете «семьдесят шесть» ее рука опять упала в пустоту. Пришлось пошарить выше, но и там ступени не оказалось. Ощупывая стены, девушка вдруг поняла, что лестница упирается в глухую стену.

— Эй! — прошептала она в темноте, обращаясь к своему невидимому спутнику. Пальцы мальчишки легонько коснулись ее талии. — Ты что! — возмутилась она, стараясь говорить как можно тише. — Не смей! — Но мальчишка снова коснулся ее ноги, ухватился за лодыжки и потянул. — Поосторожней, — только и смогла вымолвить девушка, чувствуя, как плавно поднимается ее тело.

Невидимые руки перенесли ее на добрые полметра и поставили на твердый пол. Затем одна рука (ее ноги так и не отпустили) взяла ее за локоть, еще одна обхватила за талию и подтолкнула вперед. На мгновение девушка оцепенела, но сразу вспомнила, сколько рук у ее спутника. Четыре! Тогда она плотнее прижалась спиной к каменной стене, боясь шагнуть не туда и упасть вниз головой в семидесятифутовую шахту.

Уже второй раз спасенная от смертельной опасности, она послушно последовала за своим спасителем по темному туннелю.

«Наверное, мы сейчас внутри плеча статуи», — подумала она, вспоминая план. Пробираться стало трудней — туннель резко пошел под уклон. «А теперь мы идем вниз по руке», — решила она, покорно следуя за многоруким проводником. Ид-

ти в кромешной темноте оказалось очень тяжело — слегка кружилась голова, девушке все время казалось, что под ногами у нее вот-вот разверзнется бездонная пропасть.

Собрав всю свою волю в кулак, она попыталась отогнать подобные страхи и, вытянув руку, провела пальцами вдоль стены. Ощущение твердого камня помогло, даже вернуло способность шутить.

— Я чувствую себя Эвридикой, — театрально прошептала она.

«Ты... смешная...» — ответило эхо у нее в голове.

— Ой, что это? — Девушка замерла, потрясенная. Но странное эхо молчало.

Стена, по которой она вела рукой, резко повернула, и пол выровнялся. Теперь они находились где-то в области лучевой артерии. Из отверстия в запястье пробивался тонкий лучик света. Поднявшись еще немного, они выбрались из люка и очутились под потолком Храма. Внизу перед ними простирался огромный зал — широкий, длинный и пустой. Рядом с ними высились стебли бронзовых колосьев пшеницы, тянущиеся вверх еще футов на пятнадцать. С другой стороны статуи возвышался гигантский серп.

— Теперь иди за мной и не вздумай отставать, — решительно заявила новоявленная Эвридика своему спутнику.

Она прошла назад по предплечью и взобралась на покатый бицепс. Добравшись до плеча, миновала ямку над ключицей и остановились под мочкой уха каменного великана. Мальчишка тенью следовал за ней.

— Веревку не потерял? — спросила девушка у своего спасителя.

Тот протянул ей моток.

— Вот теперь нам пригодился мой мешок! Он превратится в противовес. — Девушка достала бумажный мешок, который прятала за пазухой, обмотала его одним концом веревки, перебросив другой через ухо каменного бога. Поймав свободный конец, она завязала узел как можно выше и дернула за веревку изо всех сил.

— Это должно сработать, — объявила она. — Вчера я все рассчитала. Веревка выдержит около двухсот пятидесяти фунтов. Этого нам с тобой должно хватить.

Упираясь ногой в изгиб шейного сухожилия статуи, девушка подпрыгнула. Семь прыжков, и она очутилась у мочки уха. Внутрь уха она забиралась по извилинам ушной раковины. Лишь

надежно угнездившись в слуховом отверстии великана, она посмотрела вниз.

— Давай, — позвала она своего спутника. — Поторапливайся!

Через мгновение они снова были вместе.

Голова статуи тоже оказалась полой. Ушное отверстие вело в цилиндрический коридор, который тянулся через голову бога к противоположному ушному отверстию. Архитектор, который проектировал статую, для удобства сделал ей люк на макушке. Девушка и мальчик поднялись по боковой лестнице и вылезли среди волос божества, оказавшихся переплетением труб. С того места, где лоб становился опасно покатым, они видели укороченный нос и бровь среднего глаза статуи.

— Теперь все зависит от тебя, — сказала девушка четверорукому воришке. — Держи меня крепче и медленно опускай. Как можно медленней. Я заберу камень.

Они покрепче взялись за руки. Три других руки Змея и ноги девушки зацепились за основания ближайших труб.

Стройная фигурка размеренно и медленно заскользила вниз, но неожиданно рука, на которую девушка опиралась всем своим весом, сорвалась

со скользкого камня, и девушка повисла, раскачиваясь, прямо над носом статуи. Перед ней оказался открытый глаз каменного божества.

Сверху нависала массивная дуга века. Белок по обе стороны радужной оболочки глаза слабо мерцал в полумраке. С такого расстояния черты статуи слились, превратившись в рельефные нагромождения возвышенностей и углублений. В центре радужной оболочки, напомнившей девушке огромное колесо, в небольшом углублении лежала драгоценность — третий камень Эптора.

Качнувшись, похитительница потянулась за ним.

Где-то внизу зазвенел гонг. Девушку залил поток света. Взглянув вверх, она увидела, что из слепых глазниц каменного Хама ударили два луча света. В панике девушка чуть не выпустила держащую ее руку. Но в ее голове прозвенело:

«Держись... Возьми... Скорее..»

Она схватила камень. Металлическая пластина, на которой он лежал, была не закреплена и, выскочив из пазов, полетела вниз, когда девушка убрала руку с камнем. Ее падение, по-видимому, запустило какой-то механизм, и огромное веко Темного бога медленно опустилось. Глаз из слоновой кости и черного дерева закрылся. Девушка,

полуослепшая от света, на мгновение взглянула вниз. Где-то далеко-далеко зазвучали строфы божественного гимна.

Утренняя служба в честь бога Хама началась!

Свет заиграл на каменном теле статуи. Зал Храма заполнили фигурки. Отсюда, сверху, они казались неправдоподобно маленькими... Вот-вот ее увидят! Звуки гимна, стройные и величественные, становились все громче... Девушка вдруг подумала, что если упадет, то утонет в этом мощном звуке...

Змей тянул ее вверх. Камень царапал плечо и щеку. Но вот ее подхватила еще одна рука. И еще одна... Потом девушка долго лежала среди металлических труб, а мальчишка пытался разжать пальцы девушки, стиснувшие его запястья. Затем он рывком поднял ее на ноги, и какое-то мгновение она глядела на переполненный людьми зал.

Внезапно ей стало холодно, силы покинули ее. Она покачнулась. Четыре руки бережно подхватили ее и не отпускали до самой лестницы.

— Слушай, а ведь мы стащили его! — Она поднесла кулак с камнем к лицу. — Мы сделали то, что хотели. — И только теперь, до конца поверив в победу, она воскликнула: — Камень у нас!

Прежде чем они начали спускаться, девушка

посмотрела на камень еще раз. Восторг и радость затопили все ее существо и на мгновение уняли боль.

— Ты понимаешь, мы достали его! — снова сказала она.

Мальчишка, держа ее одной рукой за плечо, тоже широко улыбался.

Похитители стали спускаться по лестнице внутри головы статуи. Мальчишка первым вылез через ухо каменной головы. Он повернулся, поймал веревку и соскользнул на плечо божества. Поколебавшись, девушка сунула камень в рот и последовала за четвероруким воришкой. И только встав рядом с ним, она выплюнула камень.

— Будь добр, отвяжи мой мешок... Ох, завтра я, наверное, и встать не смогу. Придется помучиться после таких подвигов!

Получив свой мешок, она первой стала спускаться по бицепсу и прошла по предплечью к открытому люку на запястье.

На мгновение она кинула взгляд на толпу молящихся и подумала: «Интересно, неужели и старый Блаженный вместе с ними?» — и удивленно посмотрела на своего спутника. А тот осторожно, но настойчиво попытался забрать камень из ее руки. Разжав ладонь, девушка зача-

рованно смотрела, как торжественно мальчишка поднял волшебную драгоценность над головой.

Отсюда, сверху, поднятые лица молящихся в полумраке зала напоминали жемчужины, но как только четыре руки подняли драгоценную добычу, жемчуг исчез. Все жрецы словно по команде склонили головы.

— Отлично! Никто ничего не заметит! — ухмыльнулась девушка. — Пошли!

Но воришка не спешил лезть в темный туннель. Вместо этого он обошел вокруг кулака статуи, обнял один из бронзовых стеблей пшеницы и соскользнул по нему вниз, нырнув в промежуток между большим и указательным пальцами.

— Воспользуемся этим маршрутом?.. Да, пожалуй, ты прав, — согласилась юное Воплощение Арго (как вы уже догадались, это была именно она). — Знаешь, когда это приключение закончится, я напишу о нем эпическую поэму. Возвышенным слогом. Ты знаешь, что такое возвышенный слог?..

Но рядом уже никого не было. Девушка поспешила съехать вниз, обхватив коленями толстые стебли. Мальчишка ждал ее внизу на листьях. Устроившись там, они передохнули, понаблюдав несколько минут за загипнотизированным со-

бранием жрецов.

Снова юноша поднял камень, и снова склонились головы. Гимн зазвучал вновь. Отдельные слова его терялись в монотонном бормотании толпы. Голоса молящихся стали громче, ритмичней, и эхо зала гулко вторило им. Теперь похитителям осталось совсем немного, чтобы достичь основания статуи. Соскользнув вниз, они через несколько мгновений уже стояли за невысоким ограждением алтаря. Прихожане толпились совсем рядом, но юная жрица не увидела ни одного знакомого лица. Необъятная и безликая масса людей колыхалась перед ними. Люди заметили их.

Но мальчишка бесстрашно шагнул навстречу толпе, высоко подняв камень над головой. Люди отпрянули. Маленький воришка перелез через ограждение алтаря, затем помог своей спутнице.

У жрицы опять заныли плечи, а от сознания значимости совершенной кражи мурашки побежали по спине.

Ужасным холодом веяло от пола зала, когда девушка ступила на каменные ступени.

Вот последняя нота гимна замерла в вышине, уступив место шороху одежд и дыханию сотен людей. Надо было бежать, пока верующие,

завороженные молитвой, не пришли в себя. Непреодолимое желание оглянуться на ослепленную статую божества заставило мальчика и девушку на мгновение остановиться и задрать головы. Снизу казалось, что бог Хам спит. Все три глаза были плотно закрыты. Похитители пошли вперед, а сотни людей зашелестели темными одеждами, вставая с колен. Безмолвно расступались они перед похитителями. В ушах девушки оглушительно пульсировала кровь. Нетерпение заставило ее прибавить шагу.

Когда последние ряды темных фигур осталась за дверями храма, жрица Арго увидела солнечный свет и на мгновение растерялась. Остановился и ее спутник. Он все еще держал камень высоко над головой. И вдруг, не сговариваясь, похитители побежали вниз по светлым ступеням.

Позади снова загремел гимн, словно их бегство послужило сигналом невидимому оркестру. Вслед похитителям полилась музыка. Уже на последней ступени, дрожа от нервного напряжения, девушка оглянулась, опасаясь, что прихожане темной толпой хлынут за ними в погоню. Однако гналась за ними только музыка. Она плавно обтекала беглецов, как прозрачная река или море, и успокаивала...

В музыку вплеталось звонкое чириканье ящериц. Пригвожденные страхом похитители смотрели на дверь Храма. Никто не выходил. Сделав шаг назад, мальчик легко прикоснулся к плечу спутницы и улыбнулся.

Жрица Арго провела рукой по рыжим волосам, расслабилась и посмотрела на Змея.

— Кажется, они и не собираются гнаться за нами. — Ее голос звучал чуть ли не разочарованно, затем девушка хихикнула. — А все-таки мы его стащили!

* * *

— Не стоит, — спокойно повторил верховный жрец Хама.

— Послушайте... — начал Михайло.

— Вы в полной безопасности, — продолжил жрец, — если сами не сделаете какой-нибудь глупости. Во время вашего путешествия вы вели себя достойно. Не оступитесь и сейчас... Я должен вам многое объяснить.

— Например? — вызывающе спросил Гео.

— Начну с ящериц, — улыбнулся жрец.

— С чего? — спросил Ями.

— С поющих ящериц, — пояснил Воплощение Хама. — Всего несколько минут назад вы

проходили через рощу... Это было самое важное испытание в вашей жизни. Первое, что вы услышали, — пение среди ветвей.

— Я подумал, это птица, — вздохнул Ями.

— Но почему именно птица? — поинтересовался жрец.

— Да потому, что на Лептаре так поют только птицы, — раздраженно заявил Михайло. — Никто из нас не ожидал, что в такое утро запоет какая-то там старая ящерица!

— Из двух слов, определяющих поющее существо, остановимся на втором, — заявил жрец. — Дело в том, что вам не нужна ящерица, вам нужна птица. Ведь птица для вас символ весны, жизни, удачи, веселья... Поющая птица — символ, проверенный веками. Об этом писали поэты на всех языках: Катулл — на латыни, Китс — на английском, Ли Бо — на китайском. Вы ожидали увидеть птицу, потому что после множества испытаний нуждались в символе радости, победы — птице. А ящерицы бегают под мокрыми скользкими камнями, по могильным плитам. Ящерица — совсем не то, что вам требовалось.

— И какое же отношение имеют ящерицы к нам и нашему путешествию? — перебил жреца Михайло.

— Теперь о вас и вашем путешествии, — повторил жрец, слегка видоизменив вопрос Михайло. — Я уверен, у вас было множество причин совершить его. Расскажите о них сами...

— Во-первых, вы причинили вред верующим в богиню Арго... по крайней мере, в ту Арго, что правит на Лептаре, — начал перечислять Гео. — Мы должны были... отомстить. Во-вторых, вы похитили молодую Воплощение Арго, как, впрочем, и ее бабушку. И мы пришли, чтобы вернуть ее. В-третьих, вы во зло людям используете силу драгоценных камней. Мы пришли, чтобы забрать у вас последний из них.

Воплощение Хама улыбнулся.

— Только поэт способен увидеть мудрость в такой откровенности... Я приготовился длинными речами — убеждениями и уговорами — заставить вас признаться в том, о чем вы сами только что рассказали.

— Но вы наверняка все знали и без меня, — тяжело вздохнул Гео.

— Да. Я все знаю. — Затем тон жреца изменился. — Вы хорошо знакомы с механизмом действия камней?

Путники отрицательно покачали головами.

— Камни — очень простые механические при-

способления, которые сложны в употреблении, но просты по сути. Я объясню. После Великого Огня, в годы процветания Города Новой Надежды, было сделано одно открытие. Люди узнали, что человеческие мысли никакие не волны... но их электрический рисунок может воздействовать на радиоволны точно так же, как магнит реагирует на присутствие металла.

— Радиоволны? — недоуменно спросил Гео.

— Ах, да, я забыл, — улыбнулся жрец Хама. — Вы же не знаете элементарной физики. Но не стану же я читать вам лекцию... Ладно, скажем короче. Внутри каждого из камней тщательно ограненный кристалл, который постоянно испускает невидимые лучи. Эти лучи могут усиливать рисунки-узоры человеческой мысли. Кроме того, кристалл одновременно действует и как увеличительное стекло, и как зеркало, а значит, отражает и увеличивает энергию разума человека, преобразуя ее в тепловой, световой или любой другой род электромагнитного излучения... Вот я и подошел к сути... Как вы видели, с помощью «волшебных» камней Эптора можно посылать огромные тепловые разряды. Но не это важно. Их способность посылать тепло — лишь побочный эффект. Главное, что с их помощью можно про-

никать в мысли других людей... Теперь вернемся к ящерицам.

— Минутку, — перебил жреца Гео. — Прежде чем перейти к ящерицам, скажите: вы утверждаете, что камнями могут управлять лишь такие создания, как Змей?

Жрец кивнул.

— Ты прав, — сказал он. — Змей от рождения умеет передавать рисунки своих мыслей другим людям; его разум действует по тому же принципу, что и камни, но гораздо слабее. Отличие же в том, что камни могут глушить сознание человека, создавать помехи.

— Мешать думать? — уточнил Ями.

— Нет, — возразил жрец. — Сознательная мысль слишком сильна. Иначе вы бы теряли способность мыслить каждый раз, когда Змей говорил с вами. Механизм подобных помех совершенно иной. Подумайте, сколько причин надо человеку, чтобы он поступил тем или иным образом?

Путешественники смотрели на жреца, ничего не понимая.

— Почему, например, человек отдергивает руку, коснувшись огня?

— Потому что ему больно, — ответил Михайло. — Какие еще могут быть причины?

— И все-таки? — настаивал Воплощение Хама.

— Кажется, я вас понял, — сказал Гео. — Человек отдергивает руку еще и потому, что знает: если убрать руку из огня, исчезнет боль. Точно так же и с птицей! Ну, я имею в виду ящерицу. Увидев ее, мы удивились, потому что она пела, как птица. Другая причина в том, что мы хотели услышать именно птицу. Человек отдергивает руку от огня, потому что ему больно и потому что он не хочет, чтобы было больно... Одна причина вне, другая — внутри нас... Иными словами, — подытожил Гео, — для объяснения поступков людей всегда есть по меньшей мере две причины.

— Совершенно верно, — согласился жрец Хама. — Так вот... С помощью «волшебного» камня можно заглушить подсознательную причину поведения. То есть, если у человека рука в огне, можно заглушить его подсознательное желание остановить боль. Несчастный, испытывая страшную боль, будет стоять, пока его ладонь не превратится в кусок обгорелого мяса.

Гео невольно погладил свою культю.

— Диктаторы всегда использовали подобный механизм. Они всячески изворачивались, чтобы, не давая своему народу никаких благ, заставить его любить существующий порядок. Есть древнее

изречение: «Убеди раба в том, что он свободен, и он будет сражаться за свое рабство». Почему поэты поют? Потому что любят музыку; а безмолвие их пугает. Почему вор крадет? Чтобы взять добро у своей жертвы; и еще для того, чтобы доказать, что его жертва беззащитна...

— Теперь я понимаю, каким способом жрица Арго остановила Змея тогда на причале, — сказал Гео Михайло. — Он думал только о том, чтобы убежать, и именно это желание — не быть пойманным — она заглушила. А единственное оставшееся желание уже не могло помочь ему совершить какой-либо поступок. И тогда он сделал то, что решили за него, — побежал по ее приказу прямо к ней.

— Верно, — согласился жрец Хама. — Но это не все. Когда создали эти камни, выяснилось еще кое-что. История преподала нам еще один урок. Благодаря камням мы поняли: никто не может получить абсолютную власть над другими и сохранить при этом свою личность нетронутой. Ибо какие бы чувства ни руководили им раньше, в момент принятия решения его подсознательный мотив вылезает наружу. У Змея таким чувством был страх. Не удивляйтесь! И лишь человек, боящийся свободы, захочет подобной власти.

Ведь неуправляемая свобода — собственная или чужая — пугает его... Именно из-за этого камни стали настоящим вместилищем Зла. Вот почему мы вызвали вас похитить их.

— Похитить камни? — переспросил Гео. — Вы не можете избавиться от них? Тогда почему вы не уничтожите их?

— К сожалению, мы уже заражены, — улыбнулся жрец. — Здесь, на Эпторе, нас слишком мало. Нам было очень трудно достичь нынешнего уровня организации и собрать рассеянные научные знания, пережившие Великий Огонь. Камни очень помогли нам в этом. Но они принесли и много вреда, так что теперь мы сами их уничтожить не можем... Да, мы подтолкнули вас, похитили Воплощенную Арго и оставили вам как бы случайно второй камень. Наши расчеты оказались верны. Вы приплыли, явились сюда, и сейчас третий и последний камень уже похищен..

— Змей украл его? — спросил Гео.

— Да, — кивнул жрец Хама.

— А мы-то думали, он — ваш шпион, — удивился Гео.

— Можно сказать и так. Подсознательная причина его поступков, — желание бороться

против зла, которое он видел в Джорде. Шпион — слишком грубое определение. Лучше сказать, воришка. Он стал нашим агентом неосознанно. Я объяснил вам кое-что из законов мыслительных процессов... Так вот, у нас есть безопасные машины, которые могут делать то, что делают эти камни. И со Змеем мы договорились обо всем на расстоянии... Он ни разу не видел нас. А слепые жрицы установили контакт с боцманом и сделали его своим шпионом точно таким же образом — действуя на расстоянии.

— Минутку, — перебил рассказчика Ями. — Джорде убил Вайти, хотел убить и меня. А все из-за того, что мы якобы что-то видели. Чего же он опасался?

Жрец Хама улыбнулся.

— Даже если я скажу, это не принесет вам пользы. Вам лучше узнать это от Змея или от моей дочери, Воплощения Арго...

— И что же нам теперь делать? — перебил его Гео. — Возвратить камни жрице Арго? Я имею в виду ту, что осталась на корабле. Но она использовала камни, чтобы контролировать чужое сознание, я имею в виду Змея, а это значит, она тоже «заражена».

— А ведь однажды ты отгадал причину ее «за-

ражения», — вздохнул жрец Хама. — Мы следили за вами с первого шага на берегу. Ты не помнишь, что говорил однажды...

— Помню, помню! Я тогда подумал, что она завидует своей дочери.

— Да. Опять вернемся к причинам. Как вы помните, их обязательно должно быть две. С одной стороны, ее мотивы были истинно патриотическими. Опасность угрожала острову и ей самой. С другой — они были эгоистическими. Жрица Арго жаждала власти. Сочетание этих двух мотивов и толкнуло ее на борьбу... А ваша задача не изменилась: вы должны вернуть юную жрицу Арго и дать заражению выветриться из сердец обитателей Эптора.

— Но как же камни? — спросил Гео. — Все три камня окажутся вместе. Слишком велико будет искушение!

— От этого никуда не уйти, кто-то должен столкнуться с этим искушением и преодолеть его, — продолжал жрец Хама. — Вы не представляете, насколько они опасны, пока остаются на Эпторе.

Воплощение Хама повернулся к экрану и нажал выключатель. На матовом стекле появилось изображение главного зала Храма. На огромной статуе круг света выхватил две крошечные фигур-

ки, копошащиеся на плече гигантской статуи.

Вот похитители переползли через локоть.

Жрец Хама увеличил изображение. Две фигурки продвигались по стеблям золотистых колосьев пшеницы в черном кулаке бога. Вот они спустились на землю, торопливо перелезли через ограждение. Жрец снова увеличил изображение.

— Да это же Змей! — воскликнул Гео.

— Смотрите, у него камень! — добавил Михайло.

— С ним жрица Арго, — вставил Ями. — В смысле... одна из Воплощенных Арго.

Они столпились вокруг экрана, глядя, как прихожане расступаются перед испуганными детьми. Юная жрица Арго держалась за плечо Змея.

Вдруг жрец Хама выключил изображение. Гео и его спутники в недоумении посмотрели на него.

— Итак, вы видите, — сказал верховный жрец, — камень похищен. Во имя Арго и Хама, отнесите все три драгоценности назад на Лептар. Молодая Арго поможет вам. Хоть нам и больно расставаться с ней, она готова вернуться... Вы вернете девушку и камни ее матери?

— Да, — согласился Ями.

— Я тоже, — кивнул Гео.

— Ну что ж... Я присоединяюсь, — вслед за друзьями сказал Михайло.

— Хорошо, — улыбнулся жрец Хама. — Тогда идите за мной.

Он повернулся и вышел из комнаты. Путешественники отправились за ним по длинному лестничному пролету. Жрец Хама шел медленно и улыбался, как человек, наконец добившийся долгожданного результата. Все вместе они вышли из Храма.

— Интересно, где сейчас ребятишки? — озираясь, поинтересовался Михайло.

Жрец Хама повел своих гостей по саду. На одном из перекрестков их ждала самая старшая Воплощенная Арго. Молчаливой улыбкой приветствовала их женщина. Дальше она пошла с ними. Вскоре все свернули с тропы и остановились около больших черных урн. Там, в высокой траве, склонив головы, сидели Змей и Арго и что-то мастерили.

Девушка соединила два конца проволоки. Змей, сидя на корточках, положил драгоценный камень на странное устройство. Два ребенка столкнулись лбами, наклонившись над своим творением. Несколько деталей таинственно засветились: ток пробежал по медным проволо-

кам, металлическая сердцевина превратилась в магнит, и якорь крутанулся вокруг оси. Щетки зашуршали по вращающимся кольцам. Катушка закрутилась словно бешеная.

— Эй! — прошептала девушка. — Гляди, как крутится! Ты только посмотри, как крутится!

Не замечая присутствия старших, которые с улыбкой наблюдали за ними из-за каменной урны, юные воры с упоением рассматривали жужжащий моторчик.

Глава одиннадцатая

Они остановились на поляне. Привстав на цыпочки, рыжеволосая Воплощенная Арго поцеловала жреца в лоб.

— Милый, милый Блаженный! Ты очень умный и хороший! — И, часто заморгав, девушка потерла ладонью глаза. — Ой, чуть не забыла! У меня в комнате осталось скисшее молоко. Кувшин стоит под клеткой... Забери его, пожалуйста. Только не забудь! И еще... там в клетке хомячки. Будь добр, позаботься о них.

Это было последнее из многих прощаний, выпавших ей в этот день.

Кроме наказов, скисшего молока и хомячков

девушка оставила Воплощению Хама коллекцию морских раковин и десяток эпиграмм.

Путешественники издали наблюдали, как юная жрица прощалась со старыми Воплощениями Арго и Хама и испытывали почти забытое чувство умиления. Наконец Гео и его спутники тронулись в путь. Вскоре темный силуэт Храма скрылся за деревьями.

— У нас осталось два дня, чтобы добраться до корабля, — объявил Гео, с тревогой глядя на небо. — Неизвестно, какие опасности подстерегают нас на обратном пути.

— Но раз камни у нас, мы вернемся вовремя, — проворчал Михайло. — Теперь, когда мы знаем об их могуществе... Я думаю, стоит положить все камни в один мешочек.

— Что-то я тебя не понял, — вмешался Ями. — Ты хочешь собрать все камни вместе?

Михайло молча указал на кожаный мешок, подвешенный к поясу Гео, и выжидающе посмотрел в глаза поэту. Гео поколебался, затем снял ремешок с шеи и опустил его в раскрытый мешок.

— А может, не надо! — робко проговорил Ями, но все же опустил туда же и свою цепочку.

— Возьмите тогда и мой, — предложила юная жрица Арго, стаскивая с шеи маленькую сумочку,

которую сама сплела из красивой красной нити.

После того как все три камня оказались внутри, Михайло завязал мешок и приладил его на своем поясе.

— Ну что ж, — вздохнул Гео, — теперь у нас одна забота — поскорей добраться до реки. Там нас ждут твоя мать и Джорде.

— Джорде? — удивилась жрица Арго. — Кто это?

— Мерзкий человек... Во-первых, он шпион слепых жриц. А во-вторых, это он отрезал Змею язык.

— Отрезал?.. — Девочка остановилась, словно натолкнувшись на стену. — Ну конечно! Четыре руки, кровь, язык... Это же было в фильме... я вспомнила!

— В чем, в чем? Что ты вспомнила?

Жрица Арго повернулась к Змею:

— Я вспомнила, где видела тебя раньше!

— Так ты знаешь Змея? — удивился Михайло.

— Да нет же! Я никогда раньше с ним не встречалась. Но примерно месяц назад видела кинофильм о том, что случилось с ним... Ах, что они с ним сделали!

— Что такое «фильм»?

— М-м-м... Ну, это такой экран наблюдения,

только там видишь то, что случилось в прошлом. В общем, неважно... Блаженный показал мне это жуткое кино, а потом привел на пляж для того, чтобы выяснить, что я поняла из всего увиденного. Он говорил, что если я постараюсь, то пойму что-то важное, вспомню то, что пропустила при просмотре.

— И что же ты увидела?.. Вспоминай!.. Вспоминай!.. Что ты увидела!? — Ями схватил девушку за плечи и хорошенько встряхнул.

— Почему?.. — начала было пораженная жрица.

— Да потому, что моего друга убили и меня тоже хотели убить только за то, что мы оказались на этом пляже. Но я никак не могу взять в толк, что же такого я мог там увидеть.

— Но я... — вздохнула жрица Арго. — Я тоже не видела ничего особенного. Я так и не смогла понять, что хотел показать мне Блаженный. Он же так ничего и не объяснил и отвел меня обратно в Храм.

— Змей! — спросил Гео. — Ты знаешь, что они должны были увидеть? Может, ты знаешь, почему они привели жрицу Арго к морю, после того как показали ей фильм о тебе?

Мальчик пожал плечами.

Ями тоже посмотрел на Змея:

— Так ты не знаешь или просто не хочешь признаваться? Выкладывай! Я попал сюда из-за этого и хочу знать, в чем дело!

Мальчик помотал головой.

— Пойми, мне надо знать, почему меня чуть не убили!.. Нет, ты все-таки скажешь! — в ярости закричал чернокожий матрос и замахнулся на мальчишку.

Змей закрыл голову руками и тоненько вскрикнул. Странно согнувшись, он развернулся и бросился бежать. Михайло догнал его в два прыжка и повалил на землю.

— Врешь, не уйдешь! — зарычал гигант. — На этот раз не уйдешь!

— Осторожней! — взвизгнула жрица Арго. — Ты же делаешь ему больно! Михайло, отпусти его!

— Эй, вы, ну-ка прекратите! — вмешался Гео. — Потише! Михайло, отпусти его. А тебе, Змей, все равно придется объясниться.

Михайло встал с земли, что-то недовольно бормоча. Гео подошел к мальчику.

— Пожалуйста, ответь мне: ты знаешь, в чем тут дело?

Змей кивнул.

— А сказать можешь?

Мальчик помотал головой и испуганно взглянул на Михайло.

— Не бойся его. Он больше не станет тебя обижать, я обещаю.

Однако Змей снова помотал головой.

— Ну что ж, заставить мы тебя не можем... Пора идти дальше!

— Всегда так, — проворчал Михайло. — Ты, Гео, не доверяешь мне, а я бы заставил парня все выложить начистоту!

— Нет, не думаю, — вмешалась юная жрица Арго. — Один человек пытался. Сомневаюсь, что тебе бы повезло больше.

* * *

Утро незаметно превратилось в жаркий день. В джунглях стало душно. Яркие насекомые голубыми и алыми искорками вспыхивали среди влажной листвы. Мокрые ветки то и дело били по плечам и лицам путников. Вскоре заросли поредели, и перед людьми выросла каменная гряда. Пробираться среди камней было трудно, и за час Гео и его спутники прошли совсем немного. Там, среди нагромождения скал, Михайло удалось продемонстрировать во всей красе свою силу и быстроту реакции. Никто не заметил, откуда

выскочила большая длинная тень. Гигант же успел выхватить саблю и встретить хищника. Брызнула кровь. Незнакомый зверь, явно из породы кошачьих, в агонии забился на земле.

Уставшие после долгого дня пути путешественники сделали привал. Они расположились на отдых в полном молчании.

Теперь, испытывая уважение к безграничным возможностям камней, никто не решился с их помощью добывать огонь.

Ями взял два обычных обломка гранита и стал высекать искры над горсткой сухого мха, а потом вдруг сказал:

— Я все думаю — зачем все-таки они показали тебе тот ужасный фильм перед тем, как привести на пляж?

— Меня тоже мучает эта мысль. Возможно, они надеялись сделать меня более восприимчивой к чему-то? — задумчиво ответила жрица Арго.

— Ну, уж если страх прибавляет чувствительности, то я бы был самим чутким из всех вас!

— Что ты имеешь в виду? — удивился Гео.

— Я видел мучения множества людей; видел, как десятерых здоровых парней изрубили на куски... Ты что, забыл? — От волнения руки моряка вздрогнули и погасили слабый огонек, едва

зародившийся на ложе сухого мха.

Когда путники наконец приготовились поужинать, девушка знаками поманила Змея в заросли. Вернулись они с огромной багряной лианой.

— Если содрать кору и натереть ею мясо, будет очень вкусно! У меня в Храме был целый сад. Там росли и ядовитые растения — аконит, белладонна, борец. А в народе их зовут так интересно — Волчья Смерть, Ночная Тень, Монашеский Клобук. — И девушка засмеялась, но неожиданно ее смех затих. — Наверное, я больше никогда не вернусь туда... А если и вернусь, то очень нескоро. — Юная жрица долго вертела в руках упругий стебель, сгибая и разгибая его. — Прекрасный был сад...

С каменистого плато путники снова спустились в джунгли, более влажные и темные. Через некоторое время Михайло, постоянно оглядывающийся по сторонам, озабоченно спросил:

— Вы уверены, что мы идем правильно?

— Вроде бы, — ответил Ями.

— Да, да! — воскликнула Арго. — Мы идем совершенно правильно! Скоро появится река. А перед этим мы выйдем к болоту, вода которого питает главное русло.

Быстро темнело. Усталые путники шагали мол-

ча. Первым заговорил Гео.

— Я тут подумал вот о чем... — нерешительно начал он.

— О чем же? — спросила жрица Арго.

— Воплощение Хама говорил, что если камни хоть раз использованы для контроля над сознанием любого живого существа, то человек, который их использовал, уже заражен...

— Вернее, заражен он был от рождения. Болезнь лишь скрывалась в нем, — поправила жрица Арго. — А камни выпустили ее на свободу.

— Ну да. Дальше Воплощение Хама сказал, что он сам уже заражен. Значит, ему уже приходилось использовать камни против людей? Когда?

— Много раз. Слишком часто. В последний раз не так давно — когда его люди похитили меня. Воплощение Хама воспользовался камнями, чтобы контролировать то ужасное существо, которое вы убили в Городе Новой Надежды. Надо было заставить часть его явиться на Лептар и похитить меня, «случайно» оставив там камень.

— Так это был кусок чудовища из Города? — воскликнул Гео. — Теперь понятно, почему труп так быстро разложился после смерти!

— Что — что? — переспросил Ями.

— Мать этой девушки рассказала мне, что ее

людям удалось убить одного из похитителей и он сгнил буквально у них на глазах.

— Да, контролировать амебу невозможно, потому что у нее нет настоящего сознания.

— Но мне все равно непонятно — чего они достигли твоим похищением? — спросил Ями.

Воплощение Арго широко улыбнулась:

— Во-первых, именно из-за меня прибыли вы сюда. И во-вторых, вы увозите с острова волшебные камни.

— И всего-то?

— Да разве этого мало? — На мгновение девушка замолчала.

— Однажды она написала об этом стихотворение — о мотивах поступков людей... — И Гео продекламировал:

Во тьме палаты двойников
Потоки быстрые текут.
И нету песен, нету слов...
Там два потока двойников.
А в светлой комнате скользит
Решения златая нить,
По тропам памяти бежит,
К знаменью мудрому спешит.

Палату затопляет страх,
В горящий храм пришла любовь...

— А ты откуда знаешь?

— Темная палата — Храм Хама. Правильно?

— А его двойник — Храм Арго, — продолжила девушка. — Они должны быть половинками одного целого, для того чтобы возродить былое величие человечества. Энергия молодости в каждом из них должна бороться с равнодушием зрелости, которую дает им совместное существование. Понятно?

— Понятно, — улыбнулся Гео.

— Я имела в виду цикличность человеческой деятельности. И сам человек приходит и уходит, и его идеи умирают и рождаются снова. Все происходит от взаимодействия этих четырех составляющих.

— Четырех? — удивленно сказал Михайло. — Я думал, их только две.

Жрица Арго всплеснула руками:

— Их тысячи!

— Что-то не пойму я вас, — проворчал Михайло. — Вся эта метафизика слишком сложна для меня. Прибавьте-ка лучше шагу! Если дальше так плестись, не доберемся и к ночи!

— Да не волнуйся, к вечеру выйдем к берегу! — успокоил Ями.

— И идем мы совершенно правильно, — поддержала его жрица Арго и внимательно посмотрела на Гео. Поэт шел, опустив глаза, но, почувствовав взгляд девушки, поднял голову и улыбнулся.

— А как твоя бабушка попала на Эптор?

— На вертолете.

— На чем?

— Ну, это такая штука, вроде маленького корабля, который может летать по воздуху с огромной скоростью.

Гео улыбнулся.

— Я имел в виду совсем другое.

— А-а-а... Когда она решила, что ей нет места на Лептаре, где правит ее дочь, — я говорю о своей маме — она просто переехала на Эптор. Но я об этом не знала до своего похищения. Я многого раньше не знала...

— И мы тоже. Теперь остается только разобраться с этим пляжем...

— Вот я и говорю — поторапливайтесь! Дойдем до пляжа и все узнаем!

* * *

Воздух становился все более влажным. Стало труднее дышать.

Если раньше листья лишь блестели от влаги, то сейчас при малейшем прикосновении на людей летели капли. Свет, пробивающийся сквозь ветви, становился все тусклее. Под ногами чавкала жидкая грязь.

Дважды Михайло хватался за свою саблю: какое-то неведомое животное, ломая ветки, подбиралось к путникам, но так и не решилось напасть.

— Того и гляди, кто-нибудь выскочит из засады! — мрачно пробормотал гигант.

— Я умею оказывать первую помощь, — успокоила его жрица Арго. — Но, честно говоря, я сильно промокла и замерзла!

Михайло повеселел, когда заросли стали редеть. То тут, то там земля скрывалась под водой.

— Будьте внимательней! — предостерег Гео своих спутников. — Не попадите в трясину. И держитесь поближе к деревьям.

И, словно иллюстрируя свои слова, вскрикнул, взмахнул руками и по колени ушел в воду. Наклонившись в сторону, он дотянулся до ближайшего

дерева и обхватил здоровой рукой кривой черный ствол. Потом поэт попытался зацепиться и культей, но только оцарапал руку о кору.

— Держись! — крикнул ему Михайло и рванулся на помощь. Схватившись одной рукой за ствол дерева, а другой за Гео, он, рыча по-звериному, стал вытягивать друга из трясины.

Оказавшись на суше, Гео без сил прислонился к дереву и тут же с криком отпрянул — накренившись, оно упало, разбрызгивая грязь. Друзья молча смотрели, как болотная жижа засасывает его, и вскоре на поверхности остались только пузыри.

— Ты цел? — спросил Михайло у своего друга. — Ты точно цел?

Поэт кивнул, не в силах произнести ни слова, потирая культю здоровой рукой. По пояс в черной грязи, измученный, он ухватился за своего спасителя, и дальше они пошли вместе.

Вскоре деревья кончились. Перед ними расстилалось болото, от которого исходили сырость и зловоние. Неожиданно по спокойной поверхности воды пошла рябь, превращаясь в волны. Земля под ногами путников задрожала. Гео отступил назад, расплескивая воду, и чуть не упал. Его поддержал Михайло. По воде пошли круги, и

в центре каждого из них появилось зеленое тело. Безмолвные подводные обитатели выпрямились во весь рост.

Грязная вода стекала с зеленых лиц, капала с корявых пальцев.

Сначала перед путниками встали три фигуры, потом еще три, еще и еще... Гео ощутил легкое головокружение. Что-то творилось с его головой.

Оглянувшись, по выражению лиц своих спутников он понял, что все испытывают примерно то же самое.

— Это те... кто не раз спасали нас... — И вдруг поэт почувствовал непреодолимое влечение к страшным зеленым фигурам. Он шагнул вперед. В его голове появились чужие мысли, вытеснив его собственные.

Приложив руку к голове, рядом с ним, покачиваясь, замер Ями.

— Они хотят... чтобы... мы... шли... с ними... — проговорил Гео и шагнул вперед, впадая в уже знакомое полуобморочное состояние, как при переправе через реку в Городе Новой Надежды.

Мокрые сильные руки подхватили путников и понесли вперед. Мимо пронеслось болото. Вокруг снова поднялись джунгли, потом они опять поредели, и только лунные блики на валунах

слегка будоражили притупившееся сознание. Время потеряло значение. Неожиданно путников опустили, но под ногами их оказалась не почва, а вода. Она поднялась сначала до колен, потом до плеч, дошла до горла. Смутно понимая, что необходимо что-то делать, Гео тем не менее не мог шевельнуть и пальцем...

Тяжело дышалось — воздух был неподвижен и наэлектризован, как перед грозой. Из голубого он стал черным. Возможно, наступила ночь. В темноте угольками светились красные глаза, и Гео никак не мог собраться с мыслями; не мог понять, кто на него смотрит. Через разрыв в облаках сверкала яркая луна. Она посеребрила одинокую скалу, на которой сидела обнаженная, на первый взгляд человеческая, фигура. Голый человек запрокинул голову, раскрыл рот и протяжно завыл. Когда путники поравнялись с ним, он опустился на четвереньки, и стали видны хвост и короткая шерсть на спине. Легкий бриз шевелил редкие завитки шерсти на подбрюшье и длинных ушах. Неожиданно существо повернулось и огромными скачками унеслось в темноту.

Опять тишина, темнота и зовущие красные глаза-огоньки далеко впереди. Под ногами заскрипел песок. Знакомые звуки морского прибоя

пробудили неясные образы. Луна снова выплыла из-за облаков, осветила скалистый берег и темные пасти пещер. В самую большую из них и направилось странное шествие.

Глаза, привыкшие к темноте, сразу различили водоросли, свисающие из трещин в камнях, молчаливые фигуры, окружившие каменный трон, на котором сидел Старец. В нем не было ничего человеческого. Это существо выглядело много древнее любого человека, древнее самого рода людского.

Перед троном горел тусклый костер. Цепкие руки отпустили путников, и к ним вернулись все чувства и мысли.

Глядя на каменное возвышение, люди ждали слов Старца. Его костяные шипы на суставах пальцев были соединены сморщенными темными перепонками. Капли воды стекали по бородавчатому лицу, выпуклым глазам и широким вывернутым ноздрям.

На берегу шел дождь. Он захватил путников у самого входа. Рыжие волосы Арго потемнели от воды, став темно-каштановыми, прилипли к лицу и шее.

Гулкий голос, усиленный сводами пещеры, обрушился на них сверху:

«Хранители камней!.. — начал Старец, и Гео подумал, что при разговорах со Змеем он испытывал примерно те же ощущения. — Мы доставили вас сюда, дабы предупредить... Вы мало знаете о нас... Мы знаем все и о вас, и обо всем на свете... Мы — древнейший вид разумных существ на этой планете... Из дельты Нила наблюдали мы за возведением пирамид... Мы видели убийство Цезаря с берега Тибра и видели, как испанская Армада пошла ко дну у берегов Англии... Накануне Великого Огня мы следовали за металлической рыбой Человека через весь океан... Никто не близок нам за пределами водной стихии, никто не может похвалиться союзом с нами — ни Арго, ни Хам... Людей мы касаемся только тогда, когда их тела разбухают от смерти... Вы храните и используете драгоценные камни Эптора, Глаза Хама, Сокровища Арго, Разрушителей Разума... Неважно, как вы их используете — добывая огонь или управляя сознанием живых существ... Как и все хранители камней вы становитесь неполноценными... Вашему разуму нанесен ущерб... Но в ваших силах пресечь дальнейшее Зло... Мы и раньше предупреждали людей... Одни следовали нашим советам, другие нет... Теперь я даю вам совет — бросьте камни в море!.. В море ничего

не теряется бесследно и, когда с камней солеными волнами и временем будет смыто Зло, волшебные драгоценности вернутся к вам... Ведь к тому времени и вы станете сильнее и мудрее... Никакое разумное существо не может само по себе освободиться от пагубного влияния этих камешков... Наш народ очень стар и мудр... Мы не подвластны быстрым изменениям и можем хранить их не один миллион лет, прежде чем соблазн коснется наших душ... Ваша молодая раса слишком целеустремленна и эмоциональна, чтобы вынести такой соблазн... Кто-нибудь когда-нибудь не устоит и воспользуется ими... И снова говорю я вам: бросьте камни в море... Знания, нужные человеку, чтобы изгнать голод и боль из мира, хранятся в двух храмах на этом острове... В обоих из них сохранились достижения науки, способной использовать эти драгоценности во имя добра... Но жрецы обоих храмов заражены... А на Лептаре, куда вы несете эти сокровища, можно применить их только во Зло людям... Слишком велико искушение безграничной власти...»

— А я? Вы забыли обо мне! — раздался звонкий голосок жрицы Арго. — Я могу научить людей на Лептаре самым различным вещам. — Она взяла Змея за руку. — Мы с ним использовали одно из

древних чудес и сделали штуковину, которую в древности называли «мотором»!

Огромное тело Старца всколыхнулось.

«Но для того, чтобы собрать и запустить мотор, волшебные камни вовсе не нужны!... Перед вами стоит еще одна важная задача, которую необходимо разрешить... Вы же до сих пор не знаете, что видели однажды...»

— На пляже? — с волнением спросил Ями.

« — Да... — Старец кивнул, и из его груди вырвалось какое-то подобие вздоха. — На пляже... Многовековой опыт позволяет нам совершать деяния, недоступные вам, людям... Помнишь, как мы держали тебя неделями в море, не давая разлагаться твоему телу?.. Мы можем проникать в сознание других людей, подобно Змею... Многое доступно нам, наши знания превосходят знания жрецов Арго и Хама... Так бросите ли вы камни в море, доверив их нам?..»

— Простите, — раздался возмущенный голос Михайло, который раньше всех пришел в себя, — я не понимаю вас! Как это так — отдать вам камни?! Во-первых, откуда нам знать, что вы не используете их против Арго или Хама? Сами же говорите, что никто не может уберечься от соблазна. А слова ваши — только слова, и неиз-

вестно, что получится дальше... Как мы оказались здесь? Нас сюда притащили! Заколдовали и притащили! А Хам говорил, что развращают не столько камни, сколько власть над человеком! «Потребуются миллионы лет, чтобы камни заразили нас...» Слыхали мы такое, не дураки!

— Я хочу кое-что добавить, — вмешался Гео. — Мы не раз оказывались в тяжелом положении только потому, что начинали размышлять, кто прав, кто виноват. Напрашивается один вывод: у нас есть дело, и мы должны довести его до конца. Мы должны вернуть жрицу Арго и драгоценные камни на корабль, и мы это сделаем.

— Он прав, — кивнул Ями.

Древний Старец со свистом выдохнул воздух.

«Уф-ф... Однажды, пятнадцать сотен лет тому назад, человек, управляющий одной из металлических птиц, прилетел на берег... Он тоже много размышлял... Ему тоже было поручено важное дело... И мы тоже пытались предупредить его, как и вас... Но, засунув руки в карманы, он снисходительно засмеялся и произнес те же слова, которые произнесли вы сейчас... Он вскарабкался по песчаным дюнам и, насвистывая, ушел... Мы наблюдали за ним и знаем, что дома он опять думал, но в конце концов решил, что на нем не

лежит никакой ответственности... Той ночью он выпил на одну чашку кофе больше, чем обычно, и лег спать... А утром, в пять часов, когда косые лучи солнца окрасили летное поле, человек взобрался на металлическую птицу и огляделся... Все радовало его — и легкий ветерок, и трава, и запахи... Он чувствовал себя повелителем мира... Взлетев, птица скользила над морем... Этот человек смеялся от удовольствия, любуясь водой, похожей на смятую фольгу в лучах восходящего солнца... Наконец он достиг суши и сделал свое дело — нажал кнопку, которая вытолкнула два черепка огненного металла в кобальтовой оболочке... Земля загорелась... Закипела вода в море... Воздух стал раскаленным и ядовитым... То, что сожгло твою руку, поэт, сожгло весь мир и вместе с ним беззаботного человека... Он умер... — Старец прервал речь, словно сожалея о неразумном существе. — Да, мы можем контролировать сознание любой живой твари... Для нас ничего не стоит устранить все бессознательные причины ваших поступков и без „волшебных" камней... Но в таком случае исказилась бы человеческая сущность... Все поступки человека должны быть естественны и добровольны... Да, мы можем контролировать сознание других, однако почти

никогда не делаем этого... — Голос стал громче и строже. — Но никогда еще после Великого Огня перед человеком не возникло такого искушения, как сейчас, и никогда миру не грозила такая опасность! — А потом Старец успокоился. Голос его вновь стал бесстрастным. — Возможно, вы правы, и это искушение слишком опасно даже для нас... Вдруг мы сами не подозреваем о собственной слабости, и камни победят нас... — Старец опять замолчал, но ненадолго. — Ну вот, вы услышали наше предупреждение... Теперь решайте сами... Как я и обещал, выбор остается за вами...»

Все замерли, и только неяркие блики огня прыгали с одного лица на другое, тени подрагивали на мрачных камнях. Гео повернулся и посмотрел в сторону выхода. Шум дождя усилился.

«Там море, — прозвучал гулкий голос Старца. — Поторопитесь с решением... Скоро прилив...»

Путникам не пришлось что-либо говорить. Они успели лишь подумать — каждый о своем. Жрица Арго и Змей вспомнили чудесный мотор, Гео и Ями мысленно побывали во всех храмах Арго на Эпторе и на Лептаре, где так не хватало волшебных камней. Михайло, как всегда, не успел ничего вспомнить, его чувства слишком медленно превращались в образы. На мгновение

все, что было в душе каждого путника, вырвалось наружу, и только гигант-тугодум не почувствовал ничего.

«Мы получили ваш ответ! — прогремел голос. — Храните же сами эти камни!»

И с последними словами Старца в пещеру ворвалась морская вода. Она разбилась об пол, словно стекло о камень, и подхватила пылающий плавун.

Последнее, что помнил Гео, был шипящий звук костра, залитого водой.

Обугленные ветки закрутились в водяном водовороте и погасли.

Сильные руки опять подхватили путников и понесли в темноту. Хлещущие струи дождя. Теплое море, а потом ничто...

А Змей снова увидел мир глазами капитана...

* * *

Корабль покачивался на волнах. Неожиданно дверь кают-компании распахнулась от сильного толчка. В дверном проеме стояла жрица, освещенная вспышками молнии. Ее вуаль казалось прозрачной. Боцман вскочил со стула и сделал шаг навстречу женщине. Стук захлопнувшейся двери слился с раскатами грома. Капитан тоже

встал, когда жрица вошла в каюту.

— Я получила сигнал с берега, — сказала она ему. — Завтра вы заведете корабль в устье реки.

— Но, уважаемая жрица Арго! Я не могу вести корабль к берегу Эптора! Однажды мы уже потеряли десять человек, и я не имею права вновь подвергать опасности экипаж...

Джорде угодливо улыбнулся и подхватил:

— Кроме того, начинается шторм. Если завтра он не стихнет, как я смогу провести корабль между скал?

Тонкие ноздри жрицы затрепетали, губы сжались в тонкую лиловую линию. Она пристально посмотрела на боцмана. Капитан, наблюдая за ними со стороны, подумал: «Интересно, что связывает их? Мне трудно разговаривать, когда они рядом. Какое-то странное напряжение... Как я устал...»

— Я повторяю еще раз: завтра вы поведете судно к берегу, туда, куда я укажу. Мои посланники вернулись и принесли камни!

Старый морской волк задумчиво смотрел на женщину и не находил в себе сил возразить ей. «Я так устал. А они вдвоем выступают против меня, и я никак не пойму их планов. Моя цель понятна — я должен защитить корабль и моряков».

Тем временем жрице Арго надоело ждать ответа, и она снова заговорила:

— Капитан, я наняла вас, чтобы вы выполняли мои распоряжения. Это — условие нашего договора. Вы заранее знали, что мы отправляемся на Эптор. Вы должны приказать боцману провести корабль к острову завтра утром.

«Она права... Как я устал, как мне надоела эта неизвестность... Я должен выполнить ее просьбу, должен сделать свое дело...»

— Джорде, — с трудом начал он.

— Да, капитан, — отозвался боцман. — Если позволит погода, я подведу корабль настолько близко к берегу, насколько смогу.

Боцман скривился и враждебно посмотрел на Арго...

Глава двенадцатая

Правая нога затекла от неудобной позы, и это помогло Гео очнуться раньше остальных.

Холодный влажный песок и жаркие солнечные лучи. Поэт перевернулся на живот и попытался запустить руки в песок, но лишь одна ладонь ощутила его прохладу. Обрубок беспомощно прочертил глубокую борозду по песку.

Рывком сев, Гео осмотрелся. Солнце едва поднялось над горизонтом — видимо, было еще слишком рано. И на фоне раскаленного диска Гео увидел корабль.

Корабль направлялся вдоль пустынного пляжа к устью реки. Озираясь в надежде увидеть кого-нибудь из товарищей, Гео пошел туда, где скалы и растительность отгораживали реку от песчаного пляжа. Через несколько минут он увидел Ями, бредущего в ту же сторону.

Запыхавшись, он догнал его, и дальше они пошли вместе.

Пробираясь через густые заросли, друзья наткнулись на юную жрицу Арго, которая тоже увидела корабль и торопилась ему навстречу. Не узнав сначала своих спутников, девушка испугалась и вздрогнула от неожиданности, но в следующую минуту, улыбаясь, шагнула к ним. От дождя устье реки превратилось в бушующий поток. Вода в реке стала бурой и пенилась вокруг скал.

Ничто не предвещало непогоды. Небо было ясным, но море бесилось, со злобным рокотом наскакивало на берег. Судну понадобилось не менее получаса, чтобы осторожно проскользнуть между острых гранитных рифов и приблизиться

к скалистому берегу.

Завороженно глядя на беснующиеся волны, юная жрица растерянно прошептала:

— Такой водоворот... Не дай Арго свалится вниз...

Ей никто не ответил.

С корабля сбросили якорь, со скрежетом выдвинули сходни, упершиеся в скалы.

На палубу вышло несколько человек.

— А вон мама! — воскликнула жрица Арго.

— Где же Змей и Михайло? — озабоченно проговорил Ями.

— Змей вон там, — показал Гео культей в сторону корабля. Мальчик затаился, прижавшись к земле у самых сходней. Скалы скрывали его от моряков, но с берега его было хорошо видно.

— Я иду туда, а вы оставайтесь здесь, — объявил Гео и, держась за свисающую лиану, осторожно двинулся вперед над ревущим потоком. Он смотрел не под ноги, а на корабль, где на палубе у сходней стоял Джорде. Из-за сильной качки доски ходили ходуном, и боцман покачивался вместе с ними, глядя на приближающегося поэта. В руках у него был черный хлыст, конец которого уходил в странную коробочку, закрепленную на спине боцмана. Гео не успел сообразить, на что

это может быть похоже, как в голове появился ответ с характерным для Змея гулким звуком:

«Это... машина... которой... он... отрезал... мне... язык... Только... тогда... вместо... хлыста... была... проволока...»

Мальчик скорчился в укрытии и был всего в нескольких шагах впереди Гео. Как только Джорде достиг середины качающихся сходней, Змей выпрыгнул из-за скалы и метнулся к боцману, надеясь сбить его с ног. Но Джорде опередил его — поднял хлыст и не спеша опустил на плечо мальчика. Хлыст ударил не сильно, но Змей пошатнулся и присел, схватившись за край сходней. Изогнувшись всем телом, мальчик закричал от боли.

— Когда-то я вырезал тебе язык этой штукой, щенок, — процедил сквозь крепко стиснутые зубы Джорде. — А теперь изрежу тебя, звереныш, на мелкие кусочки!

Он что-то подкрутил в черной коробочке за спиной и снова поднял хлыст. Взрыв ярости и презрения толкнул Гео вперед. Поэт не задумывался об опасности, гнев затопил рассудок, и он с криком прыгнул на сходни.

Хлыст, нацеленный на Змея, изменил направление и обрушился на поэта. Удар оказался

слабым. Хлыст скользнул по щеке и слегка задел плечо, но Гео не смог сдержать крика.

Страшная, ни с чем ни сравнимая боль обрушилась на поэта, словно ему выжгло половину лица и прожгло глубокую полосу на спине и плече. Сила удара потрясла его. Чудовищным усилием воли Гео сдержался, чтобы не спрыгнуть в бушующую воду. Он, как и Змей, присел, вцепившись в край доски. Гео не видел, как Джорде отвел хлыст. Пот залил глаза поэта, а здоровая рука дрожала и подгибалась, так что Гео с трудом стоял на шатающихся досках. Змей попятился, натолкнулся на него, чуть не сбив с ног. Сморгнув слезы с глаз, поэт увидел две яркие полосы на плечах мальчика — следы от удара кнутом.

Сходни качнулись сильней — это Джорде, презрительно улыбаясь, сделал шаг к беззащитным противникам.

Но на сей раз хлыст не достиг цели — в последний момент стряхнув капли воды с глаз, Гео сумел увернуться, а Змей нырнул под доски трапа, повиснув над водой, бурлящей между кораблем и скалами. Четыре пятерни намертво вцепились в края сходен. Боцман снова взмахнул кнутом, Гео вскрикнул и содрогнулся.

Две пятерни исчезли с одного края досок и

появились на другом — дюйм за дюймом Змей подбирался к ногам Джорде. Когда боцман поднял хлыст, примериваясь ударить Гео по глазам, из-под сходней появилась рука, схватила боцмана за щиколотку и рванула. Хлыст дернулся и свистнул в воздухе. Поэт все еще дрожал, не в силах прийти в себя. Он не мог ни отступить со сходней, ни увернуться от очередного удара.

Джорде потерял равновесие и, чтобы не упасть, схватился за край фальшборта. А в это время Змей успел проскочить мимо него и откатиться подальше. Гео, шатаясь, отступил на берег. Он сел на первый же камень и, прижав здоровую руку к груди, наклонился вперед, пытаясь унять рвоту.

Боцман, все еще пытаясь восстановить равновесие, хлестнул в сторону маленького воришки. Змей подпрыгнул, растопырив все четыре руки, и хлыст пронесся у него под ногами. Удар пришелся в борт судна и оставил черную выжженную полосу на фальшборте.

Неожиданно над Гео выросла огромная тень, и краем глаза поэт увидел, как гигант Михайло шагнул на сходни.

Двигаясь по-медвежьи тяжело, он сжимал в руке саблю и внимательно следил за Джорде.

— Только попробуй тронуть кого-нибудь еще,

дрянь, — угрожающе сказал он боцману. Потом, положив руку на плечо Змея, но не глядя на него, продолжил: — А ты, парнишка, дуй отсюда... Теперь моя очередь.

Но мальчик и не думал уходить. Он ухватился за нож на поясе гиганта, но Михайло оттолкнул его и, рассмеявшись, бросил через плечо:

— Это не для тебя, четверорукий! Возьми-ка лучше это! — И бросил кожаный кошель на берег.

Мальчик прыгнул за камнями и приземлился как раз в тот момент, когда Джорде снова взмахнул хлыстом. Удар пришелся по груди Михайло. Гигант застыл, но лишь на мгновение. Потом прыгнул вперед и сделал такой выпад саблей, что, попади он в Джорде, наверняка отсек бы ему ногу. Боцман метнулся к противоположному борту судна, и сабля гиганта впилась в дерево, промахнувшись дюйма на три. Пока Михайло вытаскивал застрявший клинок, хлыст взвизгнул снова и захлестнулся вокруг головы гиганта, запутавшись в волосах.

Михайло взвыл и с силой метнул саблю. Сверкающий клинок глубоко вошел в живот боцмана, и тот согнулся пополам. Джорде с искаженным лицом двумя руками схватился за хлыст и с

криком рванул к себе. Потом сделал два шага с открытым ртом и вытаращенными глазами и боком свалился со сходней. Михайло, не прекращая выть и не выпуская хлыст, тоже упал со сходней, но с другой стороны. На мгновение они повисли на хлысте над бушующей водой по разные стороны сходней. Сильная волна качнула корабль, он дернулся назад, потом вперед, сходни перевернулись и рухнули вниз вместе со своим тяжелым грузом. Гео и Змей подбежали к краю обрыва, сзади подоспели юная жрица Арго и Ями. Все с напряжением смотрели на крутящуюся между рифов пену. На мгновение из воды появилась чья-то рука и тут же скрылась. Несколько раз мелькнула доска, бешено вращающаяся в водовороте... Больше ничего не появилось на поверхности.

Корабль медленно подошел к берегу. С каждой волной его слегка подталкивало к скале, на которой стояли люди. Вот борт судна заскреб о камни. Гео показалось, что он услышал треск разламываемых досок, и действительно, вскоре на волнах закачались щепки — остатки сходней. Воображение нарисовало остальное. Гео сделал два шага вперед, схватившись за ноющую культю, наклонился, и его желудок вывернуло от боли и ужаса.

Словно издалека чей-то голос надрывно кричал:

— Отведите корабль от скал! Быстрей, пока его не разнесло вдребезги!

Кажется, это был голос капитана.

Ями взял поэта за руку.

— Пойдем-ка, дружище.

Гео так и не понял, каким образом очутился на корабле. За ними на борт прыгнули Змей и юная жрица Арго. А потом судно медленно отошло от берега.

Поэт прислонился к фальшборту. Нестерпимо ныла спина, живот свело, саднило здоровую руку и болел обрубок. А вот Михайло...

— Капитан, — позвал Гео; он отвернулся от фальшборта, прижав руку к саднящему горлу. — Капитан, сюда! — не выдержав, рявкнул он.

Рыжая девочка подошла сзади и обняла поэта за плечи.

— Это... это не поможет.

Гео дернул плечом, стряхнув ее руку, и опять позвал:

— Капитан!

Пожилой человек с серыми глазами подошел к нему.

— В чем дело?

«Какой у него усталый вид, — неожиданно подумал Гео. — Но я тоже очень устал».

Капитан ждал, а Гео внимательно смотрел на него. Ями встал рядом с поэтом и ответил за него:

— Все в порядке. Тут ничего не исправить... А теперь полный вперед. Мы возвращаемся на Лептар.

— Вы уверены? — с сомнением спросил капитан, глядя на осунувшееся лицо поэта, покрытое синяками и ссадинами. — Вы...

— Ничего, — махнул рукой Гео. Он отвернулся к фальшборту. Внизу все еще бились о корпус корабля щепки сходней. Только щепки...

— Посмотрите на пляж! — воскликнула юная жрица Арго, и поэт поднял голову.

Перед ним раскинулась картина, которую можно было охватить одним взглядом. Ревущая полоса прибоя, белый песок, плавно покачивающиеся зеленые ветки, неподвижные величественные скалы — искусный гобелен, иссушенный солнцем. Гео всмотрелся в скалы, издали похожие на причудливые скульптуры. Вон та напоминала бычью голову, те две — как распластанные орлиные крылья... Волны ритмично набегали на песок, словно подчиняясь тайной мелодии.

«Словно неповторимый ритм хорошего стихотворения», — подумал он. Гео попытался не глазами, а душой почувствовать величие природы, и ему стало легче. Боль, ужас странным образом вписались в узор пейзажа, обретя значение составной части человеческой жизни. Тиски, сжимавшие голову, ослабли.

Он отвернулся от фальшборта. Мокрая палуба скользила под босыми ногами. Покалеченная рука безвольно повисла....

* * *

Снова на палубу Гео вышел поздно вечером. Жрица Арго с развевающейся вуалью стояла у борта. Когда поэт приблизился, женщина обернулась и обратилась к нему:

— Я не хотела беспокоить тебя, пока ты не отдохнешь.

— Я отдохнул, — ответил поэт. — Мы вернули вашу дочь, нравится вам это или нет. Она расскажет вам обо всем. Камни можете забрать у Змея.

— Мне уже все рассказали, — с улыбкой в голосе сказала жрица. — Ты отлично выполнил мое поручение, поэт.

— Спасибо, — кивнул Гео, отвернулся и пошел к кубрику.

Вскоре туда же спустился Змей.

Гео лежал на спине, рассматривая разводы древесных волокон на стене. Здоровую руку он положил под голову. Змей осторожно коснулся плеча юноши.

— Что? — спросил Гео, повернувшись набок.

Одна из четырех рук мальчика протянула поэту кожаный кошель.

— Ты еще не отдал камни Воплощению Арго?

Змей покачал головой.

— Ну, а почему она их не взяла?.. Слушай, я больше ни видеть их, ни слышать о них не желаю! — неожиданно взорвался Гео.

Змей снова протянул ему кошель и в голове Гео пронеслось: «Смотри...» Неохотно взяв кошель, Гео развязал его и вытряхнул на ладонь содержимое: три цепочки, на каждой из которой висело по золотой монете.

— Как они сюда попали? — нахмурившись, спросил Гео. — Я думал... а где камни?

«В океане... Михайло... переложил... их...»

— О чем ты говоришь? Когда переложил?

«Не... хочу... говорить... тебе...»

— А меня не интересует, что ты хочешь, а чего не хочешь! — Гео схватил мальчишку за плечо. — Говори!

«Еще... когда... мы... были... у слепых... жриц... он... спросил... меня... как... использовать... камни... а... потом... все... думал... Мысли... плохие... Мысли... плохие...»

— Да как ты смеешь! Он же спас тебе жизнь!

«Он... умер... не... спасая... нас... так... получилось...

У... него... была... другая... цель...»

— Ты читал его мысли? Говори! О чем он думал?! «Не... надо... тебе... знать... Отдыхай... спи... Там... было... много... ненависти... Много... Зла... И... любви...»

Гео заплакал. Не в силах сдержать булькающие звуки, он рухнул лицом в подушку и прикусил ее зубами. Слезы текли не переставая, и поэт не мог понять, почему он плачет. От усталости? От страха? Из-за потери руки? Из -за Михайло?.. Поэт не мог ответить, лишь сильней вдавливал лицо в мокрую подушку, всем телом сотрясаясь от рыданий. Слабость, пришедшая со слезами, незаметно перешла в сон.

* * *

Проснулся Гео от скрипа верхней койки, куда забирался только что поужинавший Ями.

— Как твой желудок? — спросил матрос.

— Да ничего.

— Тебе обязательно надо поесть! Пища заземляет, что ли. И тогда чувствуешь себя лучше, увереннее.

— Да, я поем попозже, — вяло ответил Гео и, помолчав, добавил: — А вот что тогда мы увидели на пляже, я так и не понял. Ты так никогда и не узнаешь, что сделало тебя таким опасным в глазах боцмана.

К тихому плеску воды за бортом прибавился тихий смех Ями:

— Теперь я знаю.

— Ты узнал?.. Когда?.. Ну и что же это?

— Тогда же, когда и ты. Я тоже смотрел на остров издалека, а Змей растолковал мне попозже кое-какие детали.

— Ну так что же ты, то есть мы, видели?

— Во-первых: ты помнишь, кем был Джорде до рокового путешествия на Эптор?

— Жрица Арго говорила, что он учился на жреца. Я имею в виду жрицу-мать.

— Все верно. А теперь припомни собственную теорию насчет того, что мы видели.

— У меня была теория?

— Ну, об ужасе и боли, которые пробуждают восприимчивость человека.

— Ах, это... Да, было такое.

— И ты был прав! Добавь к своим словам теорию Воплощенного Хама о двойном импульсе каждого поступка и хорошенько поразмысли. Мы искали какие-то конкретные детали в окружающем мире, а надо было прислушаться к своим ощущениям. Это и есть разгадка. Не надо привязывать вопрос к чему-то конкретному — к пляжу, например. Действие, неважно какое, могло произойти неважно где. Важен опыт, полученный нами. Змей мне все объяснил: человек с его противоположными мотивами поступков всегда стремится примирить противоположности. Можно развить теорию жреца Хама еще на один шаг: каждое действие человека — попытка соединить противоречия воедино, примирить их... Да возьми хотя бы наше путешествие. Мы прошли через боль, ужас, несправедливость, предательство... Сравни это с великой гармонией природы. Если ты сможешь как-то соединить эти вроде бы независимые понятия, оценить ту боль и ужас не со своей колокольни, а с точки зрения Вечности, с тобой непременно что-нибудь произойдет. Ты повзрослеешь. Поумнеешь. Станешь более величественным!

Гео вспомнил, как совсем недавно, после смер-

ти Михайло, сумел разделить свою безысходность с беззаботным прибоем и молчаливыми скалами, и согласился:

— Ну ладно, это понятно.

— Так именно это мы и увидели или испытали: хаос, заключенный в порядке, порядок, определяющий хаос.

— Кажется, понимаю и даже попробую сам продолжить. Если Джорде знал, что две религии переплелись неразрывно, то почему он захотел убить человека, близкого к осознанию одного из законов жизни?

— Верно рассуждаешь, — улыбнулся Ями. — Джорде был послушником в одной из самых жестких, консервативных школ последователей религии Арго. И Змей, и он сам, по-видимому, прошли на Эпторе примерно через то же, что и мы. И оба выжили. После всего кошмара они оказались на тихом песчаном пляже, где вступал в свои права второй импульс — гармонии. И как раз в этот момент слепые жрицы Арго установили контакт с боцманом. Голос, раздавшийся ниоткуда, обрушился на Джорде в момент осознания истины и объявил себя голосом богини Арго. Крылатые твари сделали свое дело — превратили боцмана в слепое орудие... Ты понял меня? Ты

понял, что произошло с его сознанием?

— Значит, один импульс усилился благодаря вмешательству слепых жриц. В сознании Джорде случился перекос, и он потерял истинные жизненные ориентиры. Произошла переоценка моральных ценностей.

— Да, да... Психика Джорде и раньше не отличалась устойчивостью, а от всего этого он и подавно спятил. И Змей, который читал в тот момент его мысли, стал свидетелем того, как происходит процесс подмены здорового сознания на больное. Позже он увидел, как то же происходит с Михайло. Мальчик видел, как в твоем друге родилась, крепла и созрела мысль о похищении камней. Наверное, это очень тяжело, ведь мальчишка не просто понимает происходящее, а сам переживает происходящие перемены.

— Но все же непонятно, зачем убивать свидетелей подобных перемен?

— Причина эта много лет назад породила религию как таковую. Все дело — в одержимости. Все те ситуации, о которых мы говорили — и пляж, и скалы, и прибой, — приобрели для Джорде значение откровения. И сознание того, что кто-то еще испытал такой же экстаз, было невыносимо для боцмана. Это во-первых... А во-вторых, сле-

пые жрицы внушили ему, что Змей установил контакт с другой стороной. Для статичного сознания, в котором нарушено соотношение двойного импульса, «другое» значит «Зло». И связь Змея с Хамом воспринималась как связь с врагом, демоном. Все вместе доводило Джорде до исступления, и в одно из таких мгновений он вырезал мальчику язык, воспринимая свой поступок как ритуал служения богине.

— То есть Джорде решил, что все случившееся с ним — события божественного происхождения, и не хотел, чтобы подобное случилось с кем-нибудь еще.

— Точно. — Ями лег на свою койку. — Да это и понятно. Он же не знал о достижениях науки на Эпторе и поэтому обыкновенные технические трюки принимал за чудеса.

Гео тоже лег на спину и закрыл глаза. Засыпая, он слышал, как на самую верхнюю полку забирался Змей. Во сне поэт говорил с мальчиком, и тот рассказал ему о последних мыслях Михайло, о ненависти, огромной ненависти, и мучительной любви.

* * *

На следующий день рано утром Гео вышел на палубу. Солнечный свет ослепил его. Поэт прищурился и только тогда заметил жрицу-дочь, сидящую на одной из подвесных шлюпок, скрестив ноги.

— Эй, наверху! — позвал он.

— Эй, внизу! — поддразнивая, ответила она. — Как себя чувствуешь?

Гео пожал плечами.

Жрица Арго перекинула ноги через планшир и спрыгнула вниз. Подошла, встала рядом с Гео, ее голова оказалась на уровне плеча поэта. Широко улыбнувшись, девушка тоном заговорщика позвала:

— Пойдем со мной! Я тебе что-то покажу!

Гео улыбнулся в ответ:

— Конечно, пойдем.

— Ну и видок у тебя!.. Да не кисни! Теперь, когда вы с Ями подружились, вы вместе сможете заниматься изучением древних ритуалов, правда?

— Возможно, — ответил поэт.

— Фу, какой зануда! Вот такой. — И девушка скорчила плаксивую рожицу.

Глядя на забавную девчонку, Гео не удержался

от улыбки.

— Конечно, это большое утешение — изучать рукописи вместе с Ями... Я очень рад.

— Вот так-то лучше!

Вдруг девушка остановилась и серьезно спросила:

— Тебя беспокоит рука. Почему?

Гео пожал плечами.

— Из-за ощущения неполноценности. Я ведь теперь урод.

— Не глупи! — воскликнула жрица Арго. — Кроме того, Змей вполне может поделиться с тобой! Не смейся, я серьезно. Разве на Лептаре не делают операции по пересадке конечностей?

— Нашим лекарям подобное и не снилось.

— А мы на Эпторе делали это запросто. Так что и с тобой мы что-нибудь придумаем! Например, вызовем доктора из Храма Хама. — Девочка повела плечами. — Хотя, конечно, это будет довольно трудно...

Гео засмеялся:

— Обязательное дополнение — ложка сомнения в бочке надежд.

Они прошли на корму, и юная жрица Арго достала из бумажного мешка свою гордость — мотор, который собрала вместе со Змеем.

— Я пронесла его в своем мешке через все приключения! Он немного подмок, но за ночь просох.

— Это твой мотор...

— Ага.

— Ну и как ты заставишь его работать? Ему же нужна эта штука... электричество.

— Ну, добыть электроэнергию можно тысячью и одним способом! Например... — Тут девушка на какое-то время замолчала, засунула руку в мешок и достала странную конструкцию из стекла и проволоки. — Линзу я взяла у мамы... Она ужасно милая!.. Нет, правда... Мы договорились, что она отдаст в полное мое распоряжение свою лабораторию, а я не стану вмешиваться в политику. После того, что случилось, политика мне противна...

Рыжая девчонка склонилась над мотором.

— Смотри! Эта линза фокусирует солнечный свет. Сегодня как раз подходящий день — ярко светит солнце! Я направлю сфокусированный луч на термоэлемент. Мне пришлось здесь кое-что доделать... Я позаимствовала пару деталей у корабельного плотника... Он просто прелесть. Если б ты знал! Нет, все-таки сколько хорошего существует в жизни. Я уверена, ты еще напишешь обо

всем этом стихи, и мы сравним ощущения... Я уже кое-что написала... Так, подержи-ка здесь... а теперь соедини вот эти проволочки... Отлично!

Юная жрица поколдовала над мотором, отрегулировала фокус линзы, на кончике термоэлемента заиграл солнечный зайчик. Якорь мотора дернулся, собираясь помчаться по кругу. Но тут на них упала тень. Подняв головы, Гео и Воплощение Арго увидели Змея и Ями, свесивших головы с крыши каюты. Они с интересом наблюдали за поэтом и его спутницей.

— Эй, — возмущенно закричала жрица Арго. — Не заслоняйте солнечный свет!

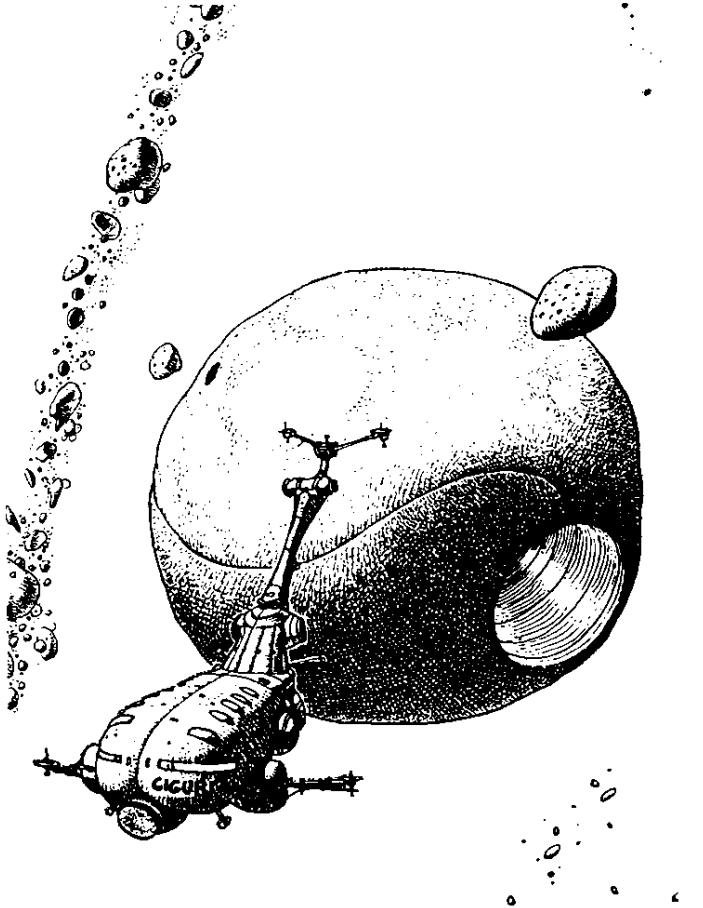
Улыбаясь, Змей и Ями отодвинулись.

Щетки зашуршали о крутящиеся кольца. Катушка завертелась, превращаясь в медно-красный вихрь.

— Смотрите, она крутится! Вертится! — восхищенно закричала девушка. Она отступила на шаг, уперла руки в бока и с гордостью повторила:

— Вы только посмотрите, как она вертится!

БАЛЛАДА О БЕТЕ ДВА


CICUTA

БАЛЛАДА О БЕТЕ ДВА
Глава первая

Свет, льющийся из спиральных плафонов, превратил лицо профессора в удивительную маску теней. Кроме его и Джонни, в кабинете никого не было.

— ...Все не так просто.

— Но... — начал Джонни.

— Никаких возражений! — перебил его профессор. — Послушайте меня внимательно. Они совершили то, чего мы никогда не повторим. А так как последние из них все еще живы, вы отправитесь изучать их.

— Но я-то хотел сказать совсем о другом, — попытался возразить Джонни. — Мне не хочется участвовать в этом проекте. Вы ждете от меня ответы на все вопросы, связанные с Народом Звезд... Я же дипломник, а такие исследования отнимут у меня море времени. Я ведь не отказываюсь работать над темой моего дипломного проекта «Цивилизация Нуктон на Кретоне три» или над чем-нибудь, связанным с этой темой. — И, словно спохватившись, добавил: — Я понимаю, послед-

нее слово за вами.

— Совершенно верно, — невозмутимо согласился профессор, он подался чуть вперед и продолжал: — Поскольку вы исключительно одаренный студент, я прислушаюсь к вашим пожеланиям, но должен признаться, ваша просьба ставит меня в весьма затруднительное положение.

Джонни громко сглотнул.

— Послушайте, профессор, я не хочу спорить с вами. В звездной антропологии слишком много интересных тем для исследований, но, насколько я могу судить, Народ Звезд — тупиковая ветвь нашей цивилизации. Эта странная раса давным-давно прекратила развитие. Ее вклад в галактическую культуру вторичен. Народ Звезд не создал ничего нового. Все их достижения — крохотная колония возле Лефера шесть. Вы же знаете, что Федерация не вмешивается в их внутренние дела и позволяет им влачить жалкое существование только из сентиментальных побуждений. Столько цивилизаций требуют всесторонних исследований, а мне придется бродить среди обломков доисторических звездолетов, анализируя и воссоздавая историю жалкой кучки шовинистов и дегенератов... Ведь всем ясно, что они из себя ничего не представляют!

— Согласен, — задумчиво протянул профессор. — Но мне не нравится излишняя эмоциональность ваших оценок. — Он просмотрел какие-то записи на экране компьютера, а потом строго взглянул на студента. — Все же я не могу удовлетворить вашу просьбу... Вы утверждаете, что культура Народа Звезд — совершенно неинтересна, что они, так ничего и не достигнув, склонились к закату... А вы никогда не задавали себе вопрос: почему?

— Тут все яснее ясного, профессор. — Джонни ожидал подобного вопроса и подготовился к нему заранее. — Предки Народа Звезд покинули Землю в две тысячи двести сорок втором году. Предполагалось, что сменится двенадцать поколений, прежде чем их экспедиция достигнет цели. Через шестьдесят лет после их отлета на Земле изобрели гипердвигатель. Только через сто лет после того, как человечество установило прямые контакты со множеством обитаемых миров и вошло в Федерацию, десять оставшихся кораблей предков Народа Звезд подлетели к системе звезды Лефер шесть. То, что у этой звезды не оказалось планет, стало для астронавтов роковым ударом. Потомки переселенцев, отправившихся через Галактику с самыми благородными целями, не

только не обнаружили чужих культур, им даже высадиться было некуда. Они остались в системе Лефера шесть, где им позволили основать колонию, бросив на произвол судьбы. Но судя по всему, они довольны существующим положением вещей, насколько они вообще могут быть довольны. Пусть там остаются и загнивают в дальнем уголке космоса!.. Какое нам до них дело!

Заранее подготовив аргументы, дипломник ожидал пусть не полного одобрения, но какого-то положительного отклика на свою речь, однако молчание затянулось. Профессор явно не спешил. Когда же наконец он заговорил, его тон оказался весьма прохладным:

— Значит, вы утверждаете, что Народ Звезд не внес существенной лепты в культуру Федерации? Тогда позвольте спросить, а хорошо ли вы ознакомились с литературой, касающейся этого вопроса?

Студент покраснел.

— Послушайте, профессор, меня, конечно, нельзя считать крупным специалистом по Народу Звезд, но я уверен, что за двенадцать поколений можно было создать хотя бы одно оригинальное сочинение: балладу, картину, поэму или еще что-нибудь, кроме безвкусных сентимен-

тальных ностальгических виршей. Получилось так, что жертва, которую принесли их предки, отправившись на утлых суденышках в космос, оказалась напрасной. Теперь им осталось только страдать...

Профессор удивленно изогнул брови.

А Джонни настойчиво продолжал отстаивать свое мнение:

— Я просмотрел все записи их баллад, собранных в семьдесят девятом году Нелли Ксимолой, и не нашел в них ни единой метафоры, которую можно было бы счесть оригинальной. У Народа Звезд нет ничего, кроме мистического фольклора, где главное место занимают образы песка, моря и городов. Некоторые из них, конечно, вызывают определенный интерес, но все это бесплодные фантазии. В их творчестве нет тем, имеющих отношения к людям, рождающихся и умирающих на звездолетах. Хотя именно это могло бы хоть как-то нас заинтересовать. А слащавые стоны про пески и моря, о которых авторы узнали из книг и фильмов, меня совершенно не трогают.

Профессор еще больше изогнул брови.

— Да? — Он сделал многозначительную паузу, словно от удивления не мог подобрать нужных слов. — И все же, прежде чем вы получите тему

дипломного проекта, я хочу подчеркнуть то, о чем уже говорил на лекциях: Народ Звезд совершил нечто такое, чего никто из нас никогда не повторит. Их предки отправились в невероятно долгий полет, улетели в неизвестность. Никто не знает космос так, как они. Гипердвигатель переносит корабль из одной точки пространства в другую почти мгновенно. — Тут профессор улыбнулся. — А они, не найдя новой родины, все же сохранили в сердцах живые образы песка, моря и городов. — Тихонько хлопнув ладонью по столу, профессор остановил Джонни, уже готового высказать свои возражения и по этому поводу. — Вы ведь там не были. Следовательно, ничего не знаете... Так или иначе, предки этих людей совершили самое невероятное путешествие, какое только можно вообразить. И за одно это заслуживают не только уважения, но и пристального изучения.

— Но, что необычного может таиться в космосе? Пустота, да и только! — воскликнул Джонни. — Там ведь нет ничего.

— Даже если бы мы были уверены, что это так (а мы этого знать не можем), почему вы считаете, что космическое путешествие безопасно?! Предположим, в космосе кроме Народа Звезд были и другие скитальцы! Не забывайте, из десяти

кораблей, стартовавших с Земли, достигли цели лишь семь, к тому же два корабля оказались в системе Лефера шесть без экипажа! Вероятно, что-то есть в этой «пустоте»! Что-то, о чем мы и не догадываемся.

Профессор ткнул костлявым пальцем в клавишу консоли. По экрану компьютера побежали строчки записей.

— Говорите, читали дневники Нелли... Тогда вы должны были обратить внимание на балладу о «Бете два». Я хочу получить полный исторический анализ этого произведения из первоисточника. Это и станет темой вашего дипломного проекта.

— Но, профессор...

— Разговор окончен!

Глава вторая

Джонни вначале просмотрел лаконичное примечание: «„Бета два“ — один из звездных кораблей, прибывших в систему Лефера без экипажа. Баллада особенно популярна среди Народа Звезд (см. приложение „О музыкальных традициях Народа Звезд"). Обратите особое внимание на неритмичный рефрен, оригинальную особен-

ность большинства баллад Народа Звезд, а также странный синтаксис».

«Вот уж действительно потуги на оригинальность», — подумал Джонни и стал читать:

Она пришла к городской стене.
Долгий путь за спиной ее,
Долгий путь по пескам и воде...
Но сердце вело ее.

Короткие волосы, ноги в крови,
Следы слез на впалых щеках.
Она вернулась, но не одна.
С ней мальчик — легенда в веках.

А глаза его —
Изумрудные.

Трое стражей ждали ее у ворот.
Один в рог золоченый трубил,
Чтобы в городе знали и слышали все:
Час роковой пробил.

Слезы текли у нее по лицу.
Она ослепла на один глаз.
Она вернулась, но не одна.

С ней мальчик. Он — Бог сейчас.

А глаза его —
Изумрудные.

Тот, кто судил людей, их судьбами играя,
Сказал: «Мы дождались... ну, что ж... Она пришла,
Вернулась та — она, которую все ждали.
Она искала смерть, и тут ее нашла».

А тот, кто исполняет приговор,
Стоял безмолвно, замерев, как камень.
На Холме Смерти и сквозь прорезь маски
Взирал на обреченную, чей сын
Искрится и сверкает, словно пламень.

А глаза его —
Изумрудные.

И стражи с городской стены сказали:
«Ты лучше уходи. Он Суд готовит».
Но непреклонной оставалась дева.

«Я не боюсь. Он мне не прекословит.

Долгий путь за спиной у меня,
Долгий путь по песку и воде
Я прошла, чтоб спасти города
И узнать об их горькой судьбе».

И прошла она сквозь ворота.
На Базаре погибли дети.
Поднялась она на Холм Смерти,
И со смехом Судья ее встретил.

«Долгий путь за спиной у меня,
Долгий путь по песку и воде
Я прошла, чтоб спасти города
И узнать об их горькой судьбе...»

А глаза его —
Изумрудные.

Приведенный в книге анализ этого произведения ничего Джонни не дал. Студент понял лишь то, что ему придется посетить колонию лично и разузнать об этой балладе как можно больше. Стоит расспросить, по крайней мере, три различных племени Народа Звезд. На эту работу Джонни отводилось двадцать четыре часа. Не больше и не

меньше. Конечно, можно было бы договориться с координаторами в Центре Времени. Тогда, даже если он потратит неделю на исследования, в университете пройдут только сутки. Но Джонни не собирался тратить много времени на этот проект и, чтобы облегчить себе работу, решил предварительно заглянуть в библиотечные файлы.

Для начала он просмотрел предисловие к «Балладам Народа Звезд», составленное Нелли. Там Джонни обнаружил кое-что, заслуживающее интереса:

«...Так и не побывала в самой колонии, как из-за нехватки времени, так и из-за несовместимости наших культур. Но Народ Звезд позволил моему роботу пройти на их корабль и сделать записи. Позже компьютер распечатал тексты и записал ноты. Разбирая записи, мне пришлось немного пофантазировать, сделав поправки там, где явно были пропуски слов или фраз. Пришлось делать все на скорую руку, поэтому возможны ошибки из-за пропусков в записи и из-за неточного перевода компьютера... В случае разночтений прошу обращаться в архив библиотеки фольклора, где хранятся оригиналы».

Джонни откинулся на спинку кресла, разозлившись, как и любой другой дотошный иссле-

дователь на его месте. Компьютерный перевод, отсутствие прямого контакта с носителями фольклора... Похоже, Ксимола отнеслась к своей работе спустя рукава, и теперь дипломнику придется потратить уйму времени на одну-единственную балладу. Джонни с легкостью мог представить себе, как все было: Нелли болталась где-то в окрестностях Лефера шесть и решила послать робота к Народу Звезд в надежде записать что-нибудь интересное. Вероятно, она маялась от безделья в карантине или занималась ремонтом собственного звездолета. Робот сделал всего шесть или семь часов записей, а потом вышло в свет академическое издание. Смешно, но дипломник не на шутку разозлился из-за такой непрофессиональной работы. Он ведь был убежден, что ничего интересного в окрестностях Лефера шесть не найти, а весь фольклор Народа Звезд хранится в архивах Всегалактической библиотеки антропологии.

На всякий случай Джонни проверил архив университетской библиотеки. Единственная вольность, которую позволила себе Нелли Ксимола, приходилась на... одну строфу. Робот дал их в следующей интерпретации:

И прошла она сквозь ворота.

На Базаре погибли дети.
Поднялась она на Холм Смерти,
И никто ее там не встретил.

Да, похоже, исправление было внесено правильно. Хотя? Джонни нахмурился. «Нет, — решил он наконец, — вероятно Нелли права. Ее интерпретация больше соответствует остальной части текста. Хотя с этим Судьей не все ясно...»

Перечитывая балладу внимательнее, Джонни нашел ее притягательно простой. Очень жаль, что смысла в ней маловато, ни сияния галактик за иллюминаторами, ни леденящих душу подробностей таинственной бездны межзвездного пространства.

Джонни сменил оптический диск и вызвал на дисплей новые файлы. Выбор оказался небогат, о Народе Звезд имелось только полдюжины кратких записей. Но Джонни искал файлы, помеченные голубой чертой. (Голубым цветом в каталоге отмечались первоисточники.) На удивление, такая запись оказалась только одна. Подозревая, что в каталог вкралась ошибка, дипломник проконсультировался у библиотекаря и выяснил, что никакой ошибки тут нет.

Единственная запись оказалась без названия.

К удивлению Джонни, она относилась к тому периоду, когда допотопные корабли Народа Звезд объявились в сфере влияния Федерации. И случилось это всего лет девяносто назад.

Комментировал текст какой-то землянин с Альфа Центавра. (Чрезвычайно скупой язык очень подходил для официальных сообщений.) Речь же в записи шла о первом контакте людей с Народом Звезд и вооруженном конфликте, едва не закончившемся трагически:

«...Тогда нам пришлось использовать гипнотизатор. Но даже с его помощью добиться понимания оказалось чрезвычайно трудно. Деволюция зашла слишком далеко. После обработки туземцев излучателями группе контакта удалось подняться на борт. Сонные существа лежали вповалку в шлюзах с оружием в руках. Они были безволосыми, нагими, бледными, тонкокостными. Несмотря на героические усилия не допустить нас внутрь, пораженные излучением, туземцы не смогли причинить нам вреда. Попытки прощупать их подсознание показали, что по природе своей Народ Звезд близок землянам. Однако эти создания казались настолько порабощенными невероятно запутанной мифологией, возникшей за время их путешествия сквозь звездные бездны,

что мы пришли к выводу: лучше оставить их в покое.

Технические средства этой расы совершенно непригодны для переброски больше чем на десять — двенадцать миллионов километров. Из данных, полученных группой контакта, можно предположить, что связь между кораблями поддерживалась при помощи радиоволн и, как мы выяснили, путем перехода отдельных групп людей с корабля на корабль.

(После продолжительного молчания неизвестный продолжал.)

У них есть своя письменность. А язык, несмотря на многонациональность первоначального экипажа, принадлежит к романской группе. Но речь Народа Звезд трудно понять из-за специфики произношения.

Масса документов, попавших в руки группе контакта, связана с понятием Базара (Базы?), который, как мы сначала предположили, обозначал сады гидропоники или иное устройство, производящее провиант на корабле. Лингвисту Бурберу понадобилось больше часа, чтобы определить порочность такого подхода. Он заявил, что термин „База" относится к инкубатору, в котором для стабилизации численности населения звездоле-

та хранились эмбрионы. Именно там женщины могли получить искусственно выращенных младенцев. „Базар", или так называемый „Банк", выполнял еще одну важную функцию: сохранял популяцию людей, оберегая их от нежелательных мутаций. По внешнему виду представителей Народа Звезд трудно согласиться, что „Базар" справился с этой функцией».

Джонни перечитал строчки баллады. Так вот что такое «Базар». Связь «Базара» с детьми очевидна. Без сомнения, поправка должка выглядеть так:

И прошла она сквозь ворота...

На Базаре погибли дети...

Поднялась она на Холм Смерти...

А, может, все-таки прав электронный переводчик Нелли? Может, он случайно натолкнулся на правильную интерпретацию текста?

Быстро, но тщательно Джонни просмотрел сообщение до конца, и его внимание привлек другой отрывок:

«...„Бета два" оказалась брошенной... Длинные коридоры безлюдны, но все механизмы функционировали. Двери всех кают открыты нараспашку, кассеты остались в видеоустройствах,

столовые приборы стояли на столах, словно брошенные в спешке. Зрелище возле дезинтегратора напомнило мне фотографию Освенцима — концентрационного лагеря времен так называемой Второй мировой войны. Камера оказалась полностью забита скелетами, словно экипаж охватило массовое безумие, и все летевшие на корабле разом совершили самоубийство. Наш лингвист Бурбер обратил наше внимание на то, что скелеты принадлежат только взрослым людям. Тогда мы провели тщательную проверку родильного Банка, который оказался безнадежно выведенным из строя. Большинство колб, где развивались зародыши, были разбиты вдребезги. Очевидно, между двумя этими ужасными фактами существовала связь, но из-за нехватки времени тщательное расследование не производилось. Опрос под гипнозом экипажей других кораблей выявил, что несколько поколений назад на „Бете два“ произошла катастрофа, но природа и размеры ее неизвестны...»

Джонни снова остановился и пробежался взглядом по упоминаниям Холма Смерти. Отсек Смерти? Поместить в Отсек Смерти? Возможно, Склон Смерти? Никакого ясного толкования он так и не смог найти.

Студент запустил другую запись: просмотрел древний микрофильм о конструкции древних звездолетов, не имевших гипердвигателя.

«...И каждый из них снабжен камерой Смерти, которая действует как дезинтегратор отходов. Еще ее использовали для приведения в исполнение высшей меры наказания в тех случаях, когда не было иного способа сохранить существующее положение вещей в ограниченном сообществе».

В Джонни пробудился интерес, и он в который раз вернулся к тексту баллады. На «Бете два» пострадал Родильный Банк (Базар). Отсек Смерти можно было использовать для приведения в исполнение смертного приговора — подобающее наказание для такого преступления. Похоже, в оригинальной версии скрывался тайный смысл.

И прошла она сквозь ворота.
На Базаре погибли дети.
Поднялась она на Холм Смерти,
И со смехом Судья ее встретил.

Теперь Джонни было с чего начать.

Глава третья

Развалившись в кресле пилота, Джонни равнодушно созерцал темный экран внешнего обзора, который в условиях гиперперехода бездействовал. Неожиданно он подумал о том, что за одну секунду полета оставляет позади расстояние, которое корабли Звездного Народа смогли бы преодолеть лишь за несколько лет. Ведь они двигались со скоростью улитки — несколько тысяч километров в секунду. Гигантскими черепахами упорно ползли они по таинственному бархату космической ночи. Джонни сгорал от любопытства, хоть и не хотел признаваться себе. Дипломник все еще считал себя — будущего галактического антрополога — занятым расследованием незначительного, тривиального случая халатности и небрежности своих коллег при изучении тупиковой ветви культуры одной из самых незначительных колоний землян.

Как бы ему хотелось побывать на планете звезды Кретон три, увидеть удивительные серебряные залы, парки черного камня — реликвии трагически погибшей расы, создавшей настоящие шедевры архитектуры и музыки. Хотя, скорее

всего, у них не было ничего, кроме архитектуры и музыки. Они даже общались с помощью эмоций. Цивилизация Кретона не имела письменности. Для сохранения информации местные жители использовали все ту же архитектуру и музыку, и их невероятные достижения требовали досконального изучения.

Легкая размытость окружающих предметов подсказала Джонни, что корабль вышел из гиперпространства. В правом верхнем углу экрана вспыхнула зеленая звезда Лефер шесть. Прямо перед Джонни возникло удивительное сооружение — Звездные Корабли первопроходцев космоса. Издали они напоминали обрезки ногтей на темном бархате. Джонни насчитал семь штук. Остальные четыре прятались в тени. И каждый, как он знал, достигал двадцати километров в длину — настоящие мастодонты прошлого. Наблюдая за удивительными сооружениями, студент заметил, что они причудливо перемещаются — словно пылинки, грациозно танцующие в луче света. Они плыли в нескольких миллионах километров от Лефера шесть...

Медленно выплыл из мрака полумесяц еще одного корабля, а один из тех, что был виден раньше, потух, растворился во тьме. Джонни увеличил

разрешение экрана и чернота космоса приобрела голубоватый оттенок, а полумесяцы кораблей — зеленоватый. Корабль Джонни обладал малым гипердвигателем с временной задержкой в шесть недель, чего не хватало бы для серьезных межзвездных путешествий. Однако университет не предоставлял студентам кораблей с большими временными задержками, путешествия на таких кораблях могли вызвать парадоксы и принесли бы массу хлопот Центральному Контролю. Некоторые звездолеты Космофлота имели двухгодичный временной запас. Но, попав в опасную ситуацию, Джонни мог сбежать в прошлое на шесть недель, сигналя «SOS» на весь космос в надежде, что кто-нибудь придет на помощь (что маловероятно), либо же слепо покориться судьбе. Тогда Джонни пришлось бы надеяться только на себя самого, потому что больше рассчитывать было не на кого... В результате такой политики администрация университета постоянно жаловались на большое число несчастных случаев со студентами, но не принимала никаких мер...

Оказавшись в двух тысячах километров от цели своего путешествия, Джонни сбавил скорость до трехсот километров в час и, сближаясь с колонией, все гадал, как ему распознать «Бету

два». И вообще, чем заняться сначала: отыскать и исследовать брошенный корабль или вступить в переговоры (если «аборигены» захотят!) с обитателями одного из населенных звездолетов.

Еще одно интересовало студента, хотя и не было связано с его заданием. Окончание архивной записи, относившейся к другому брошенному кораблю, «Сигме девять»:

«...Его нашли абсолютно выпотрошенным.

(Торопливый голос комментатора).

Огромный кусок обшивки оказался вырван, и каркас корабля зеленовато сверкал в свете Лефера шесть. Остаток корпуса был переломлен чуть ли не надвое. Вряд ли кто-нибудь уцелел после такой катастрофы. Поразительно, как сохранились эти останки, двигаясь тем же курсом, что и остальная эскадра».

Джонни включил увеличение, и туманные сферы целиком заполнили экран на стене. Пока он производил манипуляции, из темноты выплыл новый корабль. Похоже это и была та самая злополучная «Сигма девять». Она выглядела словно раздавленная яичная скорлупа. Обломки ферм и балок торчали во все стороны. В корпусе действительно зияла огромная дыра, от которой во все стороны расползались хорошо различимые тре-

щины. Тут и там повисли почти отвалившиеся плиты обшивки.

На первый взгляд причиной таких разрушений мог оказаться мощный взрыв внутри корабля, но, подумав, Джонни решил, что это маловероятно, так как взрыв, способный уничтожить значительную часть корпуса, неминуемо разметал бы останки звездолета по всему гиперпространству. То, что ему вдолбили в голову на кафедре физики, напрочь отметало вероятность удара извне. Джонни даже не мог предположить, что вызвало подобную катастрофу. Однако факты — вещь упрямая.

Джонни поручил автопилоту подвести его корабль прямо к скоплению звездолетов, а сам, переключив экран на изображение в реальном масштабе, наблюдал за тем, как растут в размерах «миры» Народа Звезд. Остановив свое судно в ста пятидесяти километрах от ближайшего корабля, студент визуально обследовал их во всех спектрах, но безрезультатно. Наконец, направившись к ним со скоростью сто пятьдесят километров в час (и обеспечив себе достаточно времени на размышление), Джонни тяжело вздохнул. Он чувствовал, что работа предстоит нелегкая. На сорок второй секунде он ткнул клавишу останов-

ки времени.

И время остановилось...

Теперь Джонни и его корабль находились в коконе хроностатиса. Но вот его суденышко зависло чуть ли не в трех метрах от поверхности таинственного звездного корабля. Джонни переключил экран, чтобы взглянуть на изображение, передаваемое внешними камерами, и изображение стало расти, пока не окружило его со всех сторон. На какое-то мгновение у студента возникло ощущение, будто он стоит на корпусе межзвездного корабля.

Край горизонта оказался пугающе близок. Прежде Джонни казалось, что плиты обшивки гладкие и ровные, но на самом деле вблизи они напоминали изъеденный, заплесневевший сыр. Броню изрыли зеленоватые борозды и темные вмятины, и дело тут было не в световых эффектах. Джонни огляделся.

У него перехватило дыхание. В четырнадцать раз большая, чем Луна, видимая с Земли, над ним нависала громада «Сигмы девять». Джонни знал, что находится в безопасности внутри своего корабля, в коконе хроностатиса, и его отделяют всего несколько минут полета от десятка обитаемых, безопасных планет. Однако сверкающая

груда металла, казалось, наползала на него, мерцая во тьме.

Джонни закричал, прикрыл глаза рукой, а другой отключил внешние экраны. Весь в поту, дрожа от внутреннего напряжения, он постепенно пришел в себя. Экран вновь стал всего лишь двухметровым окном.

Нет, человек никогда не привыкнет к безграничности космоса. Да и сам корабль, мерцающий зеленым огнем, оказался столь ужасным, что Джонни не мог смотреть на него дольше нескольких секунд. Студент физически ощущал, как эта громада падает, падает... и вот-вот упадет на него. А почему она мерцала?

Джонни оторвал потную руку от подлокотника. Мерцала? Наверно, он стал жертвой оптической иллюзии. Ведь его корабль находится во временном коконе. Тут ничего не должно мерцать. Задумавшись, восстановив в памяти ужасную картину, Джонни припомнил газообразное зеленоватое свечение, окутывавшее мертвый звездный корабль, — тут и там то и дело вспыхивали огоньки-искорки. Собравшись с духом, Джонни еще раз настроил экран на «Сигму девять», теперь уже в психологически безопасной обстановке пилотской кабины. И когда он включил экран, то

оказалась, что зеленые обломки действительно мерцают на фоне бездны космоса.

Джонни снова испугался. Что-то не в порядке с его кораблем. Джонни еще раз обежал взглядом ряды аварийных датчиков. Судя по их показаниям, все в порядке.

Тогда Джонни решил вернуться в гиперпространство, прежде чем произойдет непоправимое. Но занесенная над пультом рука остановилась. Лефер-то совсем рядом! Джонни подключил фильтр и задал компьютеру стократное увеличение.

Поверхность солнца, если наблюдать за ним из кокона хроностатиса, выглядит совершенно иначе, чем в нормальном течении времени. Явление, известное как эффект Кифена, превращает звезды в резиновые шары, которые окунули в клей, а затем в чан с разноцветным конфетти. Звезды словно покрыты разноцветными точками, четко различимыми и очень яркими. А в обычном пространстве звезды напоминают флюоресцирующие апельсины... Когда Джонни взглянул на звезду, эффект Кифена присутствовал.

Так что он действительно находился в коконе хроностатиса. Но что же тогда происходит с обломками «Сигмы девять»? На всякий случай

Джонни решил держаться от них подальше.

Заставив свой корабль ползти со скоростью черепахи, Джонни переключился на нормальный поток времени и, приблизившись к одному из звездолетов, занялся поисками входа. По крайней мере, этот корабль выглядел целым и не мерцал. А входом мог оказаться лишь изъеденный метеоритами выступ на корпусе гиганта. Корабль Джонни завис над шлюзом. Чисто автоматически Джонни передал опознавательный сигнал. Он не надеялся, что кто-нибудь откликнется. К его удивлению, в динамиках раздался голос со странным акцентом:

— Мы не глухи, но слепы... Вход запрещен, пока мы слепы... Представьтесь... Прием...

Монотонный голос принадлежал роботу, но сообщение очень удивило Джонни. Он снова радировал опознавательный сигнал и после него передал на той же частоте:

— Если отвечает робот, то, пожалуйста, пусть на связь выйдет оператор. Я бы хотел поговорить с человеком.

— Мы не глухи. Наши слуховые каналы свободны и не закупорены, — продолжал все тот же монотонный голос. — Но мы слепы... Мы не видим вас.

Тут Джонни догадался: очевидно, робот требовал включить видеопередатчик. Так он и поступил.

— Теперь мы прозрели. Передаем код шлюза.

В углу экрана появилась цепь обозначений из белых кружков и черных линий. Поверх кода легла строчка печатными буквами:

«ВЫ ВХОДИТЕ В ГОРОД ГАММА ДВА»

Полусфера на обломках поврежденного гиганта начала разворачиваться. Космические шлюпки, для которых предназначался шлюз, были раза в три больше корабля Джонни. От корпуса отрывались и куски разъеденного металла. Кувыркаясь, рассыпаясь на части, они словно облачко окутывали гигантский звездолет. Автопилот ввел корабль в открывшийся туннель. При развороте корабля на экране мелькнула «Сигма девять», и Джонни вспомнилось, как он заявил профессору: «Что необычного может таиться в космосе?!» Предположительно звездолеты университета обладали надежнейшими двигателями и неразрушимыми корпусами. Но что сжевало обшивку и разрушило «Сигму девять», словно та была из картона? Надо обязательно осмотреть останки звездолета, правильно сформулировать задачу корабельному компьютеру и посмотреть, какой

вывод тот сделает из замеров напряжений и усталости металла в изуродованном корпусе. Первые исследователи прошли мимо этих обломков... Тройные лепестки первого шлюза сомкнулись, и Джонни замер, ожидая момента, когда его судно станет на причальную платформу. Но неожиданно корабль вздрогнул, вспыхнула лампа, сигнализирующая о сбое оборудования. Вероятно, шлюз предназначался для более крупных судов. Захваты причала тщетно двигались в вакууме. Поле держало его корабль точно в центре шлюза, но захваты оказались слишком короткими. Джонни увеличил плотность антигравитационного поля, и теперь его корабль был словно окружен шаром из титановой стали. Пускай вопьются в него клыки причальные манипуляторы!

Бамс!

Клыки впились.

Из динамиков раздался голос:

— Приготовиться к высадке.

«Ну вот и все», — подумал Джонни. Давление атмосферы в шлюзе сравнялось с земным. Что он знал о древних межзвездных кораблях? Роботы не допустят высадку, если что-то не в порядке. На всякий случай он запаковал в походную аптечку атмосферный кокон объемом два кубических

метра, проверил аккумулятор на поясе, поправил шнурок левого ботинка и направился к выходу из корабля.

Пленочные мембраны давно заменили шлюзовые люки. При приближении Джонни лепестки диафрагмы разошлись в стороны, и Джонни заглянул в шлюз. В шести метрах от него к антигравитационному полю присосалась гибкая труба-переходник.

В отличие от корабля Джонни, который обладал внутренним регулятором гравитации, внутри древнего звездного корабля царила невесомость. Джонни оттолкнулся от корпуса и нырнул головой вперед. Край переходника оказался совсем рядом, словно разверстая пасть миноги. Внутри переходник заливал голубовато-белый свет. Джонни остановился, нажав кнопку на аккумуляторе. Цепляясь за гибкий поручень, он двинулся дальше.

Прямоугольные окна по обе стороны переходника выходили в шлюз корабля. Еще шаг, и Джонни оказался в самом корабле. Сзади раздался тихий звук, и Джонни резко обернулся. Проход, куда он только что вошел, закрылся. Несмотря на это, в переходнике оказалось достаточно прохладно. Откуда-то веяло ветерком.

В обе стороны уходили треугольные коридоры. По центру каждого из них тянулись спиральные брусья. Один из указателей гласил: *«Зал отдыха»*, другой — «*Навигационное отделение».* Будущий антрополог Джонни слабо разбирался в технической терминологии, тем более что с приходом нового поколения звездолетов все эти термины исчезли. Однако знал достаточно латинских и индоевропейских слов и считал, что при необходимости выпутается из трудного положения.

После некоторых размышлений Джонни решил что «*Навигационное отделение»* звучит более заманчиво. В этом названии было что-то морское. Именно там могли приноситься жертвы безбрежному морю космоса...

* * *

Через минуту Джонни подплыл к маленькой рубке. В центре помещения возвышался внушительный столб. На стенах светилось множество экранов, и перед каждым стоял стол. И стены, и потолок, и пол были сделаны из металла, поэтому Джонни включил магнитные подошвы на своих сандалиях и медленно спустился на пол. Он окинул взглядом столы. Когда-то в этой части корабля была искусственная гравитация.

— Одну минуту, — раздался голос из настенного громкоговорителя. — Я постараюсь разыскать кого-нибудь из людей, как вы просили.

— Спасибо. — Джонни ничего на оставалось делать, как поблагодарить услужливый компьютер. Но, видимо тому не слишком везло в поисках.

— Где все? — наконец, не выдержав, поинтересовался студент.

— Сложная постановка вопроса, — тут же отозвался компьютер. — Я постараюсь разыскать кого-нибудь из людей, — повторил он.

А через несколько секунд динамики снова ожили.

— Извините, но никто не отзывается.

— Разве на корабле нет ни одного человека? — спросил дипломник.

— Есть... Все люди живы, — последовал странный ответ.

Студенту показалось, что в голосе компьютера прозвучала угроза.

На одном из столов лежала стопка книг... Книги! Они были предметом вожделения для любого специалиста по антропологии, к которым причислял себя и Джонни. Тяжелые, громоздкие, требующие специальных условий хранения. И дело тут даже не в содержании книг... Любая

книга, достаточно старинная, была для Джонни ценней бриллианта. Сама концепция «книги» находилась в противоречии с современным сжатым ритмом жизни, и Джонни бросило в жар при одной мысли о том, что он станет обладателем подобных раритетов. Коллекция Джонни из семидесяти томов считалась в университете невероятно роскошной. Жемчужиной коллекции (у этой книги каждая страница была впрессована в пластиковую оболочку) считался телефонный справочник Манхэттена за тысяча девятьсот семьдесят пятый год.

Джонни приблизился к удивительной стопке и взял верхнюю книгу. Обложка открылась со щелчком — значит, переплет намагничен. Джонни раскрыл книгу пошире. Страницы из тонкого металла серебрились в голубоватом свете. Что-то вроде бортового журнала или дневника, с указанием времени и даты перед каждой записью, Джонни раскрыл книгу наугад где-то в середине и пробежал взглядом по строчкам.

«Находимся в пустыне уже тридцать девять часов. Не знаю, сможет ли корабль дальше вынести это. Счет песка варьируется между пятнадцатью и двадцатью двумя. Самое ужасное, мы не представляем сколько это может продолжаться.

Для того чтобы пересечь первую пустыню, на которую мы наткнулись двенадцать лет назад, понадобилось четырнадцать часов. Спустя два года море обмелело, и мы двигались через пустыню почти одиннадцать месяцев. Износ корабельной брони невероятен. Если встретится еще что-нибудь подобное, третье поколение не выживет... Потом, в течение шести лет, мы плыли по глубокому океану. Но тут налетел песчаный смерч небывалой интенсивности. Он бушевал почти три часа... Сколько времени мы будем ползти через эту пустыню? Час, год, столетие?»

Более поздняя запись:

«В течение последних девяти дней счет стабильно держится на шести. Это истинное наслаждение, учитывая, что и длительный счет один-два может оказаться губительным... Я обручил этим вечером Африда Ярина шестого и Пегги Ту семнадцатую... Праздновали на Базаре. Я отправился восвояси пораньше, слегка навеселе. Они выбрали ребенка БХ пять-семь-девять-один-один, включающего часть моих генов. Пегги пошутила:

— Поскольку ты — крестный отец, то в нашем ребенке будет что-нибудь и от тебя.

Африд воспринял шутку благосклонно, ведь

эмбрион в основном был слеплен из его генов и генов Пегги. Я ушел в подавленном настроении. Дети корабля — порождение Базара — кажутся нам странными, не похожими на нас, еще помнящих Землю. Конечно, никто не говорит им про реальную опасность пустынь. Дети корабля способны радоваться малому. Они так верят в счастливый исход нашего путешествия, что было бы слишком жестоко упоминать о песке при них. Я знал, что мне будет еще хуже, но звякнул Лилии на „Бету два“.

— Как самочувствие, Капитан?

— Вашими молитвами, Капитан.

— Хочешь перебраться на наш корабль и вырастить ребенка?

— Ты пьян, Хенк.

— Нет. Я серьезно. Почему бы тебе не оставить „Бету два“ и не навестить меня? Пожили бы в невесомости. Ведь нам осталось совсем мало времени. Подумай, Ли!

— Пустыня действует тебе на нервы, Хенк.

— Жаль, что все может оказаться напрасным: наши жизни, наши мечты. Кто мог предположить, что мы встретимся с подобной дрянью? Если бы мы могли предвидеть такое, то подготовились бы к испытанию. Мезонные поля скоро

прогрызут корабельную броню, как термиты.

— А вдруг мы выберемся из этой пустыни через пять минут и больше не встретим ни одной? Мы же не знаем, что нас ждет впереди, Хенк.

— А может, впереди затаился сам дьявол или пурпурный дракон с бумажными крыльями? Может, он поджидает проплывающих мимо. Хотя вряд ли. Мезонные поля — вот реальная опасность. Наши корабли изъедены до такой степени, что скоро превратятся в груду металлолома. Во внешних телекамерах поверхность брони напоминает карту Скалистых гор. Еще три сотни лет — и нам крупно повезет, если хоть ломоть швейцарского сыра доберется до Лефера шесть... Ли, перебирайся в мой город и проведем время вместе.

— Хенк...

(Я не мог ее видеть. Наши разговоры всегда проходили в темноте. Мы не виделись воочию с тех пор, как ей исполнилось двадцать два. Мысль о том, что ей скоро стукнет семьдесят, казалась мне дикой. Пусть даже к тому времени мы выберемся из пустыни.)

— ...У меня, по крайней мере, будет еще лет десять в запасе, чтобы воспитать малышей. Земля сможет гордиться своими детьми. Но к тому

времени мы давно взойдем на Холм Смерти.

— Ли, тебе непременно нужно завести ребенка.

— Это не так, и ты знаешь это, Хенк.

Я молчал несколько секунд.

— Да, знаю.

Тут она меня удивила, и я понял, что пустыня угнетающе действует на нее. Она быстро сказала:

— Если в следующий раз счет песка дойдет до ста двадцати пяти, я непременно приду к тебе, Хенк.

И выключила связь.

Почему-то в этот момент я ощутил себя полным ничтожеством» .

Запись кончилась, и Джонни перевел глаза на следующую:

«Счет песка — одиннадцать».

Следующая:

«Счет упал до восьми».

Еще одна:

«Счет — семь».

Затем:

«Счет песка стабилизировался на семь».

Эта запись повторялась на протяжении почти целого месяца. Но вот она изменилась:

«Счет возрос до девятнадцати.

Счет песка — тридцать два».

Часом позже:

«Счет песка тридцать девять».

Спустя еще час:

«Счет — семьдесят».

Следующий час:

«Как это случилось, не знаю... Я наблюдаю за ползущей по циферблату стрелкой уже три часа...

Счет — девяносто четыре.

Счет — сто семнадцать.

Страшно вспотев, я решил, что вот-вот выиграю драгоценный приз. Потом у моего локтя задребезжал аппарат связи. Я вдавил клавишу, и сразу услышал голос Ли:

— Боже, Хенк, что происходит?

— Ли, я... не знаю.

Счет — сто тридцать восемь. Сто сорок девять...

— Хенк, мы же мечтали о звездах, неужели это так и останется мечтой...

Она заплакала. Я онемел, уставившись на циферблат. Стрелка двигалась со скоростью секундной стрелки часов.

— Уже сто девяносто шесть, Хенк. Я плыву к тебе.

Я едва смог разобрать смысл ее слов, заглушенных

рыданиями. Счетчик показывал уже двести девять.

— Ты с ума сошла! — заорал я. — Твоя шлюпка превратится в решето, прежде чем ты доберешься до нас! Не глупи, Ли!

Она все еще рыдала, а стрелка добралась уже до трехсотой отметки... И тут же скакнула обратно к нулю, на три секунды замедлив падение на цифре сорок пять. Вначале я подумал, что счетчик вышел из строя. Я услышал вопросительное:

— Хенк?

— Ли?

— Мы выбрались Хенк! — Внутри меня что-то оборвалось. — Мы снова вышли в море. Я плыву к тебе. Но я не останусь надолго... Просто хочу с тобой повидаться».

Джонни перевернул страницу:

«Через полчаса на экране появился газовый шлейф ее шлюпки. Он выглядел, как короткий яркий локон. Она приблизилась, зрячая и прислушивающаяся. Я спустился в переходник, чтобы встретить Ли. Я видел, как она вплыла. Наши взгляды встретились: ее карие глаза сверкали. Темные волосы растрепались, улыбка играла на

губах, а белоснежная кожа сверкала как алебастр. Мы пошли навстречу друг другу. И тут я понял....

— Хенк, — позвала меня Ли. Ее волосы оказались седыми и коротко подстриженными, глаза запали, их оплела паутина морщин. Улыбки не было. Она тяжело дышала. — Хенк? — Она все еще не могла поверить, что перед ней я. — Пожалуйста, уйдем скорее из зоны гравитации, пока у меня не случился удар. Последнее время я плохо себя чувствовала и постоянно находилась в секции с нулевым тяготением.

— Конечно.

— Боюсь, я вот-вот упаду.

Она через силу усмехнулась. Голос у нее был прежний. Я наслаждался его звуками сорок лет, которые отделяли нас от Земли. Обняв Ли, я заметил слабое подобие улыбки на ее губах. Мы добрались до лифта.

В секции с нулевой гравитацией Ли облегченно вздохнула.

— Похоже, Хенк, ты сохранился лучше. Говорят, красавицы быстрее стареют. А я... я была симпатичной, правда, Хенк? — Она засмеялась. — Впрочем, неважно. Я себя чувствую так, словно стерла ноги до крови.

— Стерла ноги? — удивился я.

— Разве это выражение не добралось до вашего города — „стертые ноги“? — в свою очередь удивилась она. — Так говорят дети, когда кто-нибудь слишком долго пробудет в невесомости, а потом попадет в секцию, где есть гравитация. Уверена, это выражение скоро угнездится и у вас. Забавно, как взрослые заимствуют выражения малышей. Дети, слыша незнакомые слова и выражения, придают им новые, порой более точные, значения. Потом эти слова возвращаются к нам... Дети влияют на нас так же, как и мы влияем на них. — Она вздохнула. — Мы вложили в них столько земного. Неудивительно, что они дают земные названия вещам, совсем не относящимся к Земле... Как ты думаешь, Хенк, мы достигнем цели?

Я промолчал. Хотел что-то сказать, какую-нибудь чепуху, и не мог. А Ли ждала. Странная улыбка замерла на ее бесцветных, старческих губах. Потом улыбка растаяла. Старуха взглянула на свои морщинистые руки и снова посмотрела на меня. В глазах ее затаился страх.

— Ли, мы уже немолоды, нам недолго осталось. — Я сказал это с вопросительной интонацией, словно ждал от нее ответа.

Как такое могло случиться с нами?

В ответ Ли пробормотала виновато:

— Кажется, мне пора домой.

Мы обменялись ничего не значащими фразами у люка шлюпки. Я обнял ее, и она сжала меня изо всех сил... Я отпустил ее. А потом она снова стала всего лишь серебристым пятнышком на экране. Я пребывал в плохом настроении весь остаток дня, и люди избегали меня. Вечером я снова связался с городом „Бета два“.

— Привет, Капитан! — услышал я знакомый голос.

— Привет! — откликнулся я, словно мы и не виделись.

А потом мы часа полтора говорили о звездах, будто ничего не случилось».

Джонни захлопнул книгу. Песок и пустыня — мезонное поле! Город — жилая часть межзвездного корабля. Короткие волосы — выхлоп космической шлюпки. Сбитые ноги... Ноги в крови... Конечно же, баллада о «Бете два» появилась значительно позже, чем повествование о дружбе капитанов — Хенка и Ли. Но теперь баллада приобретала смысл.

Он еще раз припомнил строчки:

Она пришла к городской стене.
Долгий путь за спиной ее,

Долгий путь по пескам и воде...
Но сердце вело ее.
Короткие волосы, ноги в крови...

И тут кто-то громко произнес:
— Здравствуйте!

Глава четвертая

Джонни резко повернулся и чуть было не сорвался с места. Книга выскочила из рук и, ударившись об пол, отлетела в сторону.

Перед студентом стоял мальчик. Он держался одной рукой за край дверного проема. Вытянув тощую ногу, он придержал книгу.

— Ловите! — Он отфутболил ее назад, и книга вернулась к Джонни, позвякивая страницами.

— Спасибо!

Худой мальчик оказался нагим. Молочно-белая кожа казалась прозрачной. С виду ему было лет четырнадцать-пятнадцать. Волосы, длинные, шелковистые, обесцвеченные, были зачесаны назад, как у пожилых людей, которые начинают лысеть со лба. Губы у мальчика были слишком тонкие, нос плоский, а глаза — громадные озера бирюзы.

— Что вы тут делаете? — удивился мальчик.

— Да вот, смотрю... Ищу...

— Что же вы ищете?

— Э-э-э... Я ищу...

Джонни был изумлен и слегка сбит с толку.

— Книги ищете? — Мальчик показал на книгу.

Джонни осторожно кивнул.

— Вы умеете читать?

Джонни снова кивнул.

— Вы умный, — протянул мальчик. — Но я тоже могу ее прочесть. Дайте-ка...

Джонни ничего не оставалось, как толкнуть книгу обратно к дверному проему. Парень ловко поймал ее ногой, подбросил и, когда книга оказалась у него в руке, прочел:

— Бортжурнал города «Гамма два», собственность капитана Хенка Брандта, начатый...

— Хорошо, хорошо, — перебил его Джонни. — Я тебе верю! Где ты научился так говорить?

— Что значит «где»? — Глаза мальчика, и без того громадные, расширились от удивления.

— Я имею в виду твой выговор. Ты говоришь на современном языке.

Речь парнишки звучала намного понятней архаичной речи робота.

— Я просто... — Мальчик запнулся. — Не знаю,

где я этому научился. Умею, и все. — Он помотал головой.

— А где все взрослые? — спросил студент.

Подросток шагнул вперед, так и не выпустив книгу из рук.

— Взрослые?

— Другие люди, — пояснил землянин.

— Они на других кораблях, — ответил мальчик. Потом, немного подумав, добавил: — На «Сигме девять» и «Бете два» никого нет.

— Я знаю, — сказал Джонни, стараясь быть терпеливым. — А на других кораблях люди есть?

— В основном в центральных секциях, на Базарах, в Горах, в Поселках Рыбаков или же в Бассейнах.

— Ты проводишь меня к ним?

Мальчик всплыл к потолку.

— А вы уверены, что хотите этого?

— Почему бы и нет?

— Вы им не понравитесь! — Мальчик ухватился рукой за балку потолка. — Они едва не прикончили последних посетителей. В старых парализаторах еще полно энергии.

— Кто же к вам прилетал? — удивился Джонни.

— Лет девяносто назад большая группа людей

пыталась проникнуть на корабль.

«Наверное, мальчик имеет в виду экспедицию Федерации!» — подумал землянин.

Неожиданно мальчик прыгнул вперед. Джонни инстинктивно пригнулся. Его магнитные подошвы едва не потеряли опору. Мальчик проскользнул рядом и положил бортжурнал на место. Цок! — звякнул намагниченный металл. Подросток вцепился в край стола рукой и ногой, и только тут Джонни заметил, что пальцы на ногах парнишки раза в полтора длиннее, чем у нормального человека.

— А что здесь ищешь ты? — спросил Джонни.

— Робот сообщил мне о вас. Вот я и пришел.

— Разве тут нет кого-нибудь постарше?

— Вряд ли они смогут вам чем-то помочь.

— Так где же старшие?

— Я уже говорил... Они на Базаре и в Бассейне. — Мальчик повернулся к стене и щелкнул каким-то выключателем. — Вот посмотрите.

Серый экран засветился. Постепенно цветовые пятна сложились в картину внушительного помещения. Там, как заметил Джонни, была гравитация, хоть и незначительная. Пол покрывала вода. Она пузырилась и расходилась кругами. Через помещение во всех направлениях

тянулись прозрачные пластиковые трубы. Механизмы разных форм и размеров выступали над поверхностью. Вдоль стены застыл ряд манипуляторов. Внутри полупрозрачных пластиковых труб сновали мужчины и женщины. С такого расстояния Джонни не мог разглядеть вторичные половые признаки. Маленькие розовые глазки Народа Звезд казались подслеповатыми, ушные раковины приросли к черепам... покатые плечи, пухлые, без ногтей пальцы. Сказочные человечки. Они сновали туда-сюда, останавливались, дергали рукоятки различных приборов. При этом механизмы в воде подчинялись их приказам: поднимались и опускались. И тут Джонни вспомнил описание в архивах: Народ Звезд в Бассейне... больше соответствовал ему, чем зеленоглазый подросток в рубке. Джонни окинул подростка оценивающим взглядом. У него имелись ногти, хоть и обкусанные. У него были длинные волосы, а люди, бродящие по пластиковым трубам, показались студенту абсолютно лысыми.

— Вот один из наших правителей. — Мальчишка ткнул пальцем в изображение.

Человек на экране огрел по загривку одного из стоявших рядом. Тот шарахнулся, отпрянул к панели и энергично завертел какое-то колесо.

— Думаю, он не захочет разговаривать с вами! Это, кстати, Бассейн. Терпеть его не могу!

Джонни с неподдельным интересом следил за людьми, снующими по трубам, а потом внимательно посмотрел на мальчика, так искусно перемещавшегося в невесомости.

— Понимаю... У тебя, наверное, сбитые ноги?

— Ты так думаешь?..

— А чем занимаются эти люди? — Джонни снова повернулся к экрану.

— Следят за работой временно запущенного подсобного реактора. Сейчас он находится под водой. Он ведь и создает искусственную гравитацию в центральной секции.

«Словно гироскоп внутри бейсбольного мяча, — подумал Джонни. — Да к тому же он скрыт под водой! Как примитивны эти корабли! Удивительно, что при таком обилии движущихся деталей они вообще работают».

— Почему ты внешне отличаешься от них? — спросил Джонни, когда подросток отключил изображение.

— Я из другого города, — равнодушно ответил тот.

— А, — протянул Джонни. Очевидно, на других кораблях деградация не зашла так далеко. — По-

слушай, неужели мне не найти здесь кого-нибудь, кто мог бы помочь мне?

— Что вам нужно?

— Я бы хотел кое-что узнать.

— Что именно? Расскажите. Может, я смогу вам помочь.

— Я бы хотел кое-что разузнать про одну песню, — начал объяснять Джонни. — Про балладу о «Бете два».

— Какую именно? — переспросил подросток. — Об этом городе сложено больше песен, чем обо всех остальных вместе взятых.

— Так ты их знаешь?

— Целую кучу всяких песен, — уверил тот.

— Баллада о «Бете два», которая интересует меня, начинается со слов: «Она пришла к городской стене...»

— Да. Я знаю ее.

— А ты можешь рассказать, о чем она?

— О Лилии РТ восемьсот пятьдесят семь.

— Не могла ли она оказаться потомком той женщины, которую любил Хенк Брандт?

— Какой женщины?

— Капитана города «Бета два».

— Да, это была она...

— Так что же тогда случилось?

— Все изменилось.

— Изменилось? Что произошло? Что изменилось?

— Все, — неопределенно ответил подросток. — Это случилось, когда были атакованы города «Эпсилон шесть» и «Дельта шесть». «Сигму девять» раздавило... Мы завязли в пустыне. Базар оказался уничтожен, и... все изменилось.

— Вы были атакованы?! Все изменилось?! Ты можешь рассказать поподробнее?!

Мальчик покачал головой, а потом пожал плечами:

— Это все, что я знаю... Больше я ничего не смогу вам рассказать.

— Так кто же напал на вас?

Сын Народа Звезд молчал. В широко распахнутых зеленых глазах читалось недоумение.

— А ты можешь сказать, когда это случилось?

— Около двухсот пятидесяти лет назад, — ответил тот. — Нам оставалось лететь еще полторы сотни лет! А Лилия РТ восемьсот пятьдесят семь тогда была капитаном «Беты два».

— И что тогда?

— Все произошло так, как говорится в песне.

— Вот как раз это я и хочу понять! — Джонни на мгновение задумался, припоминая строфы.

— А кто была та женщина, о которой поется в Балладе?

— Ее звали Лилия. Она дружила с Одноглазыми.

— Кто такие Одноглазые?

После паузы мальчик попытался объяснить:

— Они все мертвы. Они могли бы помочь тебе. Но они мертвы.

— Чем они занимались?

— Берегли нас. Они пытались учить нас, стремились к тому, чтобы мы знали, как поступать дальше. Но, в конце концов, они погибли от рук предков тех, кого ты видел.

Джонни нахмурился. Что-то начинало проясняться, но пока он не мог еще сообразить что произошло на «Бете два».

— Может, в твоем городе найдется кто-нибудь, кто объяснит мне все? Давай поищем!

Мальчик покачал головой.

— Никто не сможет тебе помочь.

— Откуда такая уверенность? Ты знаешь всех людей на своем корабле?

Ответа Джонни не ждал, однако подросток утвердительно кивнул.

— И сколько же там людей?

— Много.

— Ну хотя бы приблизительно...

Мальчик пожал плечами.

— Они встретят меня враждебно?

— Нет. С враждебностью ты не столкнешься.

— Вот и хорошо, — вздохнул Джонни.

Он распалился от мысли о том, что обнаружит что-нибудь новенькое на одном из кораблей. Магнитное поле на подошвах оказалось значительно слабее, чем думал студент. Неловко повернувшись, он внезапно оторвался от пола и, словно воздушный шар, беспомощно всплыл к потолку.

Мальчик, все еще державшийся за стол, выбросил ногу вперед, воскликнув:

— Держись за руку!

Джонни лихорадочно ухватился за его лодыжку, и мальчик подтянул его к потолку. Мгновение, и ботинок

Джонни звякнув, присосался к металлической поверхности.

— Видно ты редко бываешь в невесомости, — заметил подросток.

— Практики не хватает, — вздохнул Джонни, отпуская другую ногу и выпрямляясь. — А почему ты назвал рукой нижнюю конечность?

— А как ее еще называть? — удивился подросток.

— Обычно ее называют ногой, — рассмеялся Джонни.

— Верно, — согласился подросток. — Но ноги — это ведь руки, только в нижней части тела... Правильно?

— Считается, что рукой можно назвать все, чем можно хватать предмет и что торчит из тела... А, неважно!

Нет смысла вдаваться в эти рассуждения. Направившись к двери, Джонни подумал, что так толком и не узнал ничего полезного для расшифровки текста баллады ... Значит, ноги и руки у Народа Звезд одинаково считаются руками. Это вполне естественно. За несколько поколений в условиях невесомости нижние и верхние конечности приобрели одинаковую гибкость. «...А глаза его — изумрудные...» Да чепуха все это.

Но что-то, усвоенное на полузабытом курсе лингвистики, не давало Джонни покоя. Как это там назвалось — то ? Нестабильный неологизм?.. Новая семантическая структура?.. И тут Джонни догадался: там, где отсутствует гравитация, или там, где ею можно пренебречь, должны быть поразительно развиты ноги, ведь там понятия вверх и вниз перепутаны. Но, прежде чем эти слова окончательно выпадают из языка, они на

какое-то время должны задержаться в качестве поэтических метафор — слов с более существенным значением, таких как: внутри, сквозь, между (прекрасный пример такого процесса, о котором Джонни раньше и не подозревал, был у него перед глазами:). «А *глаза его — изумрудные*...» Джонни попытался вспомнить другие строки баллады. Он остановился у входа в переходник. Подросток тоже остановился, озадаченно мигая огромными зелеными глазами.

Невероятно!

— Из какого ты города, говоришь? — внезапно задал вопрос Джонни.

— С «Беты два».

Джонни замер. Перед ними медленно втягивался в глубь стены люк входа, состоящий из трех пластин.

— В каком доке стоит твоя шлюпка? — спросил Джонни.

Мальчик покачал головой.

— Так где она? — настаивал Джонни.

— Я прибыл сюда не на шлюпке... — тихо сказал мальчик.

— А как ты здесь оказался?!

— Вот так, — сказал мальчик и исчез.

Его нигде не было. Джонни на несколько ми-

нут оказался в одиночестве. «Наверное, у меня галлюцинация». Потом Джонни решил, что с ним все в порядке, а нечто странное происходит на самом корабле. Но если происшедшее всего лишь плод его больного воображения, то почему он тогда отлично осознает все противоречия случившегося? Подросток заявил, что на Сигме много людей, но еще раньше подчеркнул, что на корабле никого нет. Да и компьютер говорил, что тут никого нет. Джонни резко развернулся и ринулся в навигаторскую. Влетев в рубку, он обратился к компьютеру:

— Соедини меня с кем-нибудь, кто может предоставить истинную информацию о том, что здесь происходит!

— Извините, — раздался равнодушный голос машины. — Я оповестил весь город, но ни один человек не отозвался, когда я сообщил о вашем присутствии.

Робот повторил:

— ...ни один человек не отозвался.

По спине Джонни поползли мурашки.

Глава пятая

И снова Джонни с борта своего корабля наблюдал, как разрастается на экране разодранный корпус «Сигмы девять». За время долгого путешествия многочисленные потоки мезонных дождей изжевали плиты обшивки, крошечные частицы самых разнообразных зарядов, масс и спинов страшно изуродовали металлические исполины. Однако не частицы стали причиной катастрофы.

Когда под прямыми лучами звезды засверкали концы разломанных ферм, Джонни, повинуясь какому-то внутреннему инстинкту, сбросил скорость. Студент пронесся над безжизненным гигантом. С такого расстояния мерцание звездного корабля было незаметно. Студент подключил датчики бортового компьютера, занося в память все изгибы и разломы искореженного металла. Возможно, тому удастся воспроизвести модель катастрофы. Снизив скорость, Джонни стал дрейфовать в вакууме. Его окружала бездна космоса. Автопилот направил кораблик в эту бездну. Университетское судно пересекло границу света и тьмы, и экран померк. Джонни стал переключать экран, перебирая весь волновой спектр. Когда он

добрался до ультрафиолета, на экране появилось смутное изображение. Металлические фермы, расплавленные на концах, беспорядочно торчали из корпуса тут и там, словно вырастая из молочно-голубого тумана. Повсюду в пустоте парили обломки самых причудливых очертаний. Они лениво дрейфовали в ничтожном поле притяжения гигантского корабля.

Вот показался участок коридора, рассеченный катастрофой надвое, словно кусок резиновой трубки. Осматриваясь, Джонни внезапно замер. Вдалеке сквозь мглистую синеву пробивалось темно-красное пятнышко излучения. Он сверился с приборной доской. Ничего угрожающего. У него снова галлюцинации? Что могло породить подобный феномен?

Корабль скользил все дальше и дальше. Один раз Джонни переключил экран на видимый участок спектра, но тот тут же потемнел, словно кто-то плеснул на него стакан чернил.

Компьютер продолжал обрабатывать поток беспрерывно поступающих данных, но результатов пока не было. Тогда Джонни приготовил кислородную капсулу, и его корабль, выпустив магнитные якоря, надежно пришвартовался к массивной балке.

Кислородная капсула представляла собой силовой кокон с запасом воздуха больше чем на шесть часов. Ею управлял встроенный компьютер, который можно было отрегулировать так, чтобы кокон не пропускал ни одно излучение. В рабочем состоянии капсула представляла из себя сферу два метра в диаметре. Оболочка была настолько гибкой, что внутри можно было работать.

Кокон шевелился на полу, разрастаясь. Наконец Джонни шагнул в него. Силовые стенки сомкнулись, защитное поле окружило его. Студент пошел к выходу. Лепестки шлюза разошлись, открыв черный провал пустоты. Джонни нырнул в потоки ультрафиолетового излучения. На мгновение мир вокруг него померк, а потом космическая тьма посветлела до молочно-голубой дымки.

Корабль университета застыл среди путаницы перекрученных балок и ферм. Словно перерезанные артерии свисали из стены плети оборванных кабелей и многожильных проводов. Подняв взгляд, Джонни увидел край иссеченной обшивки. Внизу, среди изломанного металла и развороченных помещений, он заметил прежнее красноватое свечение.

Выбравшись из шлюза и зависнув в пустоте,

он оглядел свой корабль: узкие, стремительные обводы, серебристо-голубая вытянутая тень. Случайно взглянув в сторону, Джонни судорожно схватился за регулятор на поясе и так резко затормозил, что ткнулся головой в стенку кокона. Среди ферм что-то двигалось.

Но вот существо застыло на одной из балок и помахало ему рукой.

Нагой и тощий мальчик бродил в пустоте без защитного снаряжения. Выглядел он точно так же, как и внутри мертвого звездного корабля. Казалось, все происходит не в вакууме, а глубоко под водой. И движение шелковистых прядей волос странного существа только усиливало это впечатление. Мальчик находился метрах в десяти от Джонни. С такого расстояния глаза мальчишки напоминали две черные бездонные ямы.

Мальчик снова помахал Джонни.

В голове студента промелькнули десятки гипотез, причем некоторые из них показались ему чистым безумием. Он отвергал их одну за другой. Когда же ни одного рационального объяснения происходящему не осталось, Джонни помахал рукой в ответ. В тот же миг мальчишка оттолкнулся от балки и полетел к землянину. Ухватившись за кокон он, распластавшись, повис на нем. Потом...

протиснулся внутрь и через секунду очутился рядом с Джонни.

— Привет.

Джонни, мокрый от пота, вжался спиной в противоположную стену оболочки кокона.

— Кто... — начал он, но осекся.

Одно невероятное событие сменяло другое. Мысли словно бабочки, кружащие над залитой солнцем лужайкой. Джонни затряс головой, пытаясь привести мысли в порядок. Люди, беззаботно ныряющие в космический вакуум, проходящие сквозь оболочку энергетического кокона, исчезающие и появляющиеся по собственному желанию.

— Привет... — повторил мальчишка. — С тобой все в порядке?

И тут Джонни неожиданно для самого себя разозлился.

— Кто ты? — выпалил он и оттолкнулся от упругой стенки.

Мальчик моргнул и пожал плечами.

Джонни хотелось крикнуть: «Убирайся отсюда!», закрыть глаза и не смотреть, как мальчишка исчезает. Однако то же чувство, что побуждало его коллекционировать древние громоздкие книги, заставило повнимательней присмотреться к

происходящему вокруг. Он огляделся и заметил других людей. Их было десятка полтора, и все они скрывались в переплетении ферм и балок. Все были обнаженными и, насколько Джонни мог судить, являлись точными копиями стоявшего рядом с ним подростка.

— Я так и думал, что вы полетите сюда, — сказал мальчик, а потом добавил: — Послушайте, с вами точно все в порядке?

— Содержание адреналина в крови наверняка выше обычного, — ответил Джонни, с трудом сохраняя спокойствие. — Но это потому, что вокруг происходят вещи, которых я не понимаю.

— А что происходит?

«Да взять хотя бы тебя!» — чуть было не сорвался Джонни.

— Я же сказал вам, что не знаю, кто я такой... Не знаю.

Джонни, поглощенный собственными переживаниями, не сразу уловил за этими словами неподдельное смятение собеседника.

— А сами то вы кто? — поинтересовался мальчик.

— Я — студент университета. Изучаю галактическую антропологию... Я — хомо сапиенс... Мое тело состоит из плоти, крови, костей, гормонов,

и я не могу болтаться в вакууме без защитного кокона. Я не могу исчезать и возникать из пустоты, не могу проникать сквозь пленку силового кокона. Зовут меня Джонни Горацио Твабога, и вполне возможно, я просто сошел с ума.

— Здорово!

— Хочешь попробовать рассказать о себе?

Мальчик вопросительно взглянул на Джонни, словно не понимал, что тот хочет от него.

— Скажи мне свое имя, — предложил студент.

Подросток пожал плечами.

— Как тебя зовут другие люди?

— Люди зовут меня Сын Разрушителя.

Джонни не был силен в языке древних настолько, чтобы на слух уловить все нюансы прозвища. Заявление подростка не вызвало у него особых ассоциаций. Краем глаза он вновь отметил красноватое свечение в глубине руин.

— А это что? — показал он пальцем в сторону свечения, не зная, о чем говорить дальше с таинственным мальчиком.

— Холм Смерти, — вздохнул таинственный ребенок.

И опять Джонни обратил внимание на других мальчиков — копий его собеседника, немо следящих за их беседой. Один из мальчиков

неожиданно прыгнул и проплыл метрах в трех от кокона, беспрестанно оглядываясь, пока не стал совсем крошечным и не затерялся вдали.

— А это кто?

— А?

— Это тоже Сыновья Разрушителя?

Мальчик кивнул.

— Точно. Это остальной я.

Джонни опять не заметил семантической двусмысленности ответа, которая, возможно, дала бы ему ключ к пониманию происходящего. Он посмотрел в сторону Холма Смерти, коснулся пульта управления на поясе и, набирая скорость, поплыл в сторону свечения. Его бы не удивило, если бы мальчик выпал из кокона. Но тот, как и следовало ожидать, остался внутри.

— Между прочим, — поинтересовался Джонни, — сколько кислорода ты вдыхаешь? Запаса кокона хватит на шесть часов, если внутри один человек. А регенератора я с собой не захватил...

— Это зависит от моего желания, — ответил мальчик. — Если честно, я могу и вовсе не дышать.

— Тогда, пожалуйста, не дыши.

— Хорошо, — согласился мальчик. — Но тогда я не смогу с тобой разговаривать.

— Ну, тогда вдыхай воздух, только когда хочешь что-нибудь сказать. Договорились?

— Угу.

Они приблизились к тому месту, где плавало множество обломков. Тем не менее между ними можно было протиснуться.

— Куда теперь? — спросил студент, не решаясь нырнуть в кружащийся водоворот обломков.

— Можно пройти по коридору, — предложил мальчик, а потом добавил: — Я сейчас... использовал... воздуха... на две секунды...

Но Джонни, казалось, не заметил его последнего замечания.

— Какой коридор? — спросил он..

— Этот, — показал мальчик. — Секунда с четвертью... воздуха...

Джонни передвинул кокон к концу коридора, выходившего в космос. На стенках сохранились остатки поручней. Джонни и его таинственный спутник двинулись вглубь и миновали перекресток, где коридор пересекался другим. В этом месте в стене зияла громадная трещина.

— Куда мы идем? — не выдержав, спросил Джонни.

— Скоро будем возле Гор... Одна и...

— Да брось ты, — отмахнулся Джонни. — Меня

не волнует, сколько кислорода ты израсходуешь. Я не собираюсь торчать здесь слишком долго.

— Мне не хочется доставлять вам неудобства.

Они свернули за угол, миновали участок, где огромный кусок стены вообще отсутствовал, а потом поплыли вниз. В конце коридора студент притормозил кокон.

Перед ними в голубоватом тумане открылось громадное помещение. В центре над постаментом зависла гигантская сфера. Даже при таком скудном освещении и на таком расстоянии Джонни различал высеченные на ее поверхности контуры земных материков и океанов. Зал казался бескрайним. Сиденья амфитеатром окружали постамент. Парящий над ним глобус придавал помещению строгость и величественность, которых не хватало разрушенным помещениям громадного корабля. Это чувство успокаивало, вызывая чуть ли не религиозное благоговение.

— Что это? Холм Смерти?

— Дом Суда, — объяснил подросток.

— Ого! — Джонни взглянул на свод потолка. Оглядел кресла и наконец обратил внимание на глобус. — Что здесь происходило?

— Здесь судили преступников.

— И много их было на Звездных Кораблях?

— Не так уж много. По крайней мере, вначале. Потом стало гораздо больше.

— А что вменялось им в вину?

— В основном преступниками становились те, кто выступал против Нормы.

— А что это такое?

— Если хотите, можете прослушать записи. Все заседания Суда записывались.

— Аппаратура работает до сих пор?

Мальчик кивнул.

— Где она?

— Там, внизу. — Мальчик показал на постамент.

Джонни коснулся пояса, и кокон поплыл к глобусу.

Он завис над возвышением, настроил плазменную защиту на сверхгибкость и повышенную магнитную проницаемость. Подошвы Джонни клацнули, когда он встал на пол, и прилипли к полу сквозь утончившуюся пленку кокона.

Таинственный мальчик завис по другую сторону постамента, покинув кокон. Он поманил Джонни, и студент осторожно провел кокон вокруг края постамента. Когда они сблизились, раздался негромкий хлопок: это мальчик просунул голову сквозь силовую оболочку. Джонни

слегка вздрогнул, когда его проводник объявил:

— Вот каталог.

Сказав это, он убрал голову из кокона.

Джонни дотянулся до покатого стола. Он провел пальцами в защитных перчатках по его торцу и наткнулся на защелку. Столешница пошла вверх, открыв непривычное зрелище, что-то наподобие детской мозаики. Наклонившись поближе, Джонни понял, что перед ним ряд пятиугольников, на каждом из которых два имени. Он прищурился, пытаясь различить надписи: *«Сорок пять — А Семь: Милар против Кокнар»; «Семьсот пятьдесят девять — В Восемь: Тревис против Нормы»; «Шестьсот пятьдесят четыре — М Восемьдесят семь: де Роге против Блодела»; «Восемьдесят девять — Т Шестьдесят восемь Л: Одноглазая Джевис против Нормы».*

Пятиугольники лежали в кармашке на ленте, перемещавшейся вертикально бесконечным конвейером. За ним следовал другой кармашек, тоже с изрядной кучей пятиугольных карточек. Сразу можно было понять, что пятиугольники располагаются в хронологической последовательности. Просматривая надписи на них, Джонни обнаружил некоторую закономерность. Чем дальше, тем больше и больше попадалось дел озаглав-

ленных: *«Одноглазый против Нормы».* Джонни дошел до кармашка, где пятиугольников уже не было. Последний был подписан: *«Две тысячи триста тридцать восемь — Т Восемьдесят семь: Одноглазый Джексон против Нормы».*

Джонни вздрогнул. Его юный спутник снова оказался внутри кокона.

— Как включать запись?

— Просто надавите на пятиугольник.

— Нажать? — переспросил Джонни.

— Да, — подтвердил подросток.

Джонни ткнул пальцем последний пятиугольник и невольно отпрянул, когда внезапно раздался могучий рокот. От этого звука завибрировал пол, да и сам постамент. Он вибрировал, как гигантская мембрана громкоговорителя. Казалось в зале собралось множество людей, и все они заговорили одновременно.

Тук! Тук! Гулким грохотом пронесся над залом звук молотка. А потом старческий голос объявил:

— Я требую тишины!.. Тихо!.. Тихо!..

Рокот стих и распался на отдельные звуки: кто-то вертелся в скрипучем кресле, кто-то кашлял в кулак. Кто-то трубно сморкался, Джонни инстинктивно оглянулся, обежал взглядом пустой

амфитеатр.

— *К порядку в Суде!* — повторил баритон, без особой на то надобности. — *Произошло небольшое отклонение от стандартной судебной процедуры. Капитан Элва, прежде чем мы продолжим заседание, вы можете огласить свое заявление.*

— *Благодарю вас, Судья.* — Этот голос принадлежал более молодому человеку.

«Усталый голос», — отметил про себя Джонни. Фразы Капитана звучали размеренно.

— *Благодарю вас. Но это не совсем заявление, а скорее, просьба. Я обращаюсь к Суду и призываю к снисходительности граждан города «Сигма девять». Я прошу не проводить это судебное разбирательство* (зрители с неприязнью зароптали), *прошу также о том, чтобы Одноглазый Джек и все Одноглазые, оставшиеся на «Сигме девять», были отданы под надзор Совета Капитанов. С возложением на нас полной ответственности за их дальнейшее поведение...*

Тут толпа взорвалась криками протеста.

Но стук молотка Судьи заглушил шум. Его голос успокоил присутствующих:

— *Капитан Элва, ваша просьба — самая...*

Голос Судьи перебил громкий бас Капитана:

— *Я вношу это предложение не только от себя*

лично, но с полного одобрения всех Капитанов. После трагедии на «Эпсилоне семь», мы находимся в постоянном радиоконтакте. Капитан «Альфы восемь» — Улисон, Капитан «Беты два» — Лилия, Капитан «Эпсилон шесть» — Риччи — все они просили выступить меня с этой просьбой, ваша честь... И они выступят с такой же просьбой на Судах в своих городах.

В аудитории разразилась настоящая буря. Молоток Судьи застучал снова. Когда стало чуть потише, Судья обратился к Капитану:

— Капитан Элва, напоминаю, что как Капитан этого города вы отвечаете за его состояние, но дело, рассматриваемое сейчас в Суде, касается других сторон бытия. И как духовный наставник, как вместилище моральной чистоты и как представитель Нормы, я обязан во имя города отказать вам в этой просьбе. Окончательно и бесповоротно!

Снова зрители зароптали, но на сей раз гомон толпы звучал скорее радостно, чем негодующе. Стук молотка был не таким громким, и тишина наступила быстрее.

— Приступим к официальной процедуре. Дело номер две тысячи триста тридцать восемь тире Т восемьдесят семь Джексон О-Е — пять тысяч

шестьсот одиннадцать, он же Одноглазый Джек, против Нормы. Джексон характеризуется физическим и умственным отклонением первой величины. Вы находитесь в зале Суда, Джексон? (Минутное молчание.) *Джексон?*

И тут раздался голос, пронзительный и такой же усталый, как у Капитана:

— Посмотрите получше! Разве вы не видите, что я давно уже здесь! Зачем задавать дурацкий вопрос?

— Я должен просить вас следовать судебной процедуре, которая установлена Нормой. И не выкрикивать дерзостей, не имеющих отношения к делу. Присутствуете ли вы в зале Суда?

— Да, я присутствую.

— Опишите свое отклонение от Нормы так, как вы его понимаете.

Несчастный тяжело и очень громко вздохнул.

— Это не имеет никакого отношения к делу. У вас есть глаза, и все вы сами можете меня видеть.

— Джексон О-Е пять тысяч шестьсот одиннадцать, — в голосе Судьи прозвучала нотка легкого замешательства, *— кодекс Нормы требует, чтобы обвиняемый имел представление о своем отклонении. Будьте добры, опишите Суду*

ваше отклонение так, как вы его понимаете.

— Я имел несчастье выйти с Базара с полным объемом мозга. Здесь это считается ненормальным. А может, я считаюсь не таким, как все, потому, что *нашим обществом правят несуразно глупые законы. Или все дело в том, что я решил присоединиться к таким же, как я? Однако для вас я чудовище, которое нужно прикончить, прежде чем оно докажет несуразность ныне существующего общества и подтолкнет его к радикальным переменам.*

— Видите, Джексон явно не понимает, насколько он безумен. Это освобождает его от необходимости подписывать приговор. Теперь нет никаких препятствий к тому, чтобы отправить его на Холм Смерти.

— Но ведь у меня есть руки, ноги! Глаза мои могут видеть, а уши слышать!.. Скажите, что у меня не в порядке?

— Не соизволит ли медицинский эксперт представить Суду сравнительный анализ?

Зашелестели бумаги. Кто-то встал, отодвинув стул. И зазвучал глубокий, грудной голос:

— Нами был проведен осмотр Джексон О-Э пять тысяч шестьсот одиннадцать. Рост метр восемьдесят семь. Норма — метр семьдесят

семь. В данном случае разница несущественна, но это тем не менее отклонение... Джексон О-Е пять тысяч шестьсот одиннадцать любит одиночество. Это довольно значительное отступление от Нормы. Оно означает, что человек часто впадает в созерцательное состояние, которое присуще менее пяти процентам населения. Именно оно дало нам повод для дальнейшего наблюдения.

— Обращаю ваше внимание, доктор, что вы опускаете стандартные критерии, — вмешался Судья.

— Да, ваша честь. Но в связи с недавней катастрофой на «Эпсилоне семь» я сочла необходимым перейти к наиболее тревожным проявлениям отклонений.

— Я просто хотел отметить для протокола, что существуют и другие стандартные отклонения. Как я заметил, Капитан Элва собирается выдвинуть возражение.

И тут снова заговорил Капитан:

— Не возражение, ваша честь. Хочу обратить ваше внимание на то, что разрушение города «Эпсилон семь» и является причиной, по которой я — и другие Капитаны — просим...

— *Хорошо,* — перебил его голос Судьи. — *Но*

пусть доктор Ланг представит полный отчет по отклонениям.

— Ваша честь, я хотела бы в свою очередь...

— Я требую, чтобы вы всего лишь перечислили факты, доктор Ланг. Надеюсь, вы собираетесь сделать именно это? Продолжайте!

И снова зазвучал уверенный голос Капитана:

— Доктор Ланг, будьте добры, продолжайте!

По аудитории пробежал гул, но доктор продолжала:

— Вес шестьдесят семь с половиной килограммов. Норма составляет шестьдесят пять. Должна заметить, это различие напрямую связано с ростом. Очевидно, что для своего роста подсудимый слишком худ, хотя вес его и превосходит Норму.

— Вы скажите прямо о том, что уже три месяца я питаюсь всякой дрянью из-за ваших преследований, — перебил ее обвиняемый.

— Джексон!

— Обвиняемый полностью подпадает под Норму в смысле физической конституции. Ведущая рука у него правая. По Норме левши могут составлять лишь одиннадцать процентов населения.

Снова резко и торопливо заговорил Джексон:

— А ведь вы, доктор Ланг, держите карандаш

в левой руке! Разве это не показатель серьезного отклонения?

— Джексон, нужно ли мне напоминать, что в некоторых городах Одноглазым не позволяется даже говорить во время их собственных процессов! А иногда — и присутствовать на них! Мне бы не хотелось прибегать к подобной практике в качестве временной меры пресечения.

— Капитан Элва... — воскликнул Джексон. Теперь вместо язвительной насмешливости в голосе его зазвучали нотки мольбы.

— Джексон, — басом отозвался Капитан. *— Я делаю все, что могу...*

— Есть легкое различие в длине конечностей, — снова заговорила доктор Ланг — *Правая рука обвиняемого почти на полтора сантиметра длиннее левой. Норма допускает разницу в сантиметр. Ноги идентичной длины. Норма города «Сигма девять» допускает разницу в два миллиметра. Обратите внимание, что обвиняемый выглядит устало. Для этого у меня нет цифр, но тут явно какое-то отклонение. У него в двух местах перебит нос. Процент населения, у которых подобный лицевой дефект, — один и шесть десятых. Это — важное отклонение от Нормы. Небольшое родимое пятно на правом плече — то-*

же отличие от Нормы. В искусственно созданных ситуациях, требующих большого усилия, индекс потоотделения девять семьдесят пять сотых против нормальных восемь девяносто одна сотая. Наблюдается также отчетливо выраженная... — Врач стала перечислять многочисленные отклонения в гормональном, метаболическом и прочих состояниях организма.

«Пожалуй, подобное детальное описание уместно в труде какого-нибудь астрозоолога, описывающего новую форму жизни», — подумал Джонни.

Через четверть часа утомительного монолога доктор Ланг прервала выступление, а потом выдала заключение. Джонни показалось, что она и сама не слишком-то верит в выдвинутый ею диагноз.

— *...Учитывая сложившуюся ситуацию, мне кажется, что все вместе взятое в совокупности представляет собой достаточное отклонение от Нормы, чтобы рекомендовать утилизацию на Холме Смерти.*

Зал взорвался одобрительными криками, но они быстро утихли.

— *Если хотите, можете устроить доктору Ланг перекрестный допрос,* — вновь заговорил

Судья.

— *Да, хочу!* — воскликнул Джексон.

— *Приступайте. Но хочу заметить, что перекрестный допрос эксперта — всего лишь формальность.*

— *Вы напоминаете мне сегодня о многих вещах, ваша честь.*

Последовала долгая пауза, но судья так и не ответил на брошенный ему вызов. Тогда обвиняемый обратился к эксперту:

— *Доктор Ланг, вы служите науке, ведь так? Вы взаимодействуете с биологами и персоналом Родильного Банка, а также на дружеской ноге со многими навигаторами?*

— *Да, это правда,* — ответила доктор.

Но голос эксперта тут же перекрыл голос судьи:

— *Не вижу, какое это имеет отношение...*

— *Ваша честь*, — вмешался Капитан. Судя по голосу, он был вне себя от злости. — *Пусть Джексон продолжает!*

Наступила тишина. Потом доктор Ланг повторила:

— *Это правда.*

— *Вы помните, доктор, как два года назад у тринадцатилетней девочки по имени Томасса*

обнаружили рак поджелудочной железы? Это был первый случай в истории нашего города.

— Помню!

— И как была спасена жизнь Томассы?

— С помощью древней медицинской техники.

— А как вы узнали об этой технике и способах ее применения?

— От старого врача, по имени...

— ...по имени Мавле ТУ Пять, которая полгода спустя была осуждена как Одноглазая и отправлена в Отсек Смерти!

— Не вижу, какое это имеет отношение... — заговорил было Судья.

Снова поднялся шум, и молоток Судьи забарабанил по столу. Через полминуты относительная тишина восстановилась, и Джексон продолжал:

— Капитан Элва! Когда гироскопический распределитель гравитации вышел из строя, разве вы не обратились за помощью к Бену Холдену И Шесть, чтобы пройти двухнедельный ускоренный курс общей теории относительности. Только после этого вы отважились вскрыть кожух?

— Это не имеет никакого отношения к слушаемому делу! — Казалось, Судья брызжет пеной от ярости. *— Вам позволили провести перекрестный допрос только доктора Ланг!*

Однако Джексон и не думал останавливаться:

— Да, я спрашиваю всех. Я утверждаю, что мы не кучка мутировавших чудовищ. Мы — единственные, кто пытается сохранить то, что осталось от мудрости наших предков в этой первобытной пещере, которую вы зовете городом. Ваша излюбленная Норма! Какая чушь! Запереть два десятка людей и прикончить их из-за того, что они хотят узнать секреты предков! Превратить человека в изгоя, натравив на него стаю специально выдрессированных восьмикилограммовых крыс только за то, что он выучил таблицу умножения! Впрыснуть женщине порцию смертоносных вирусов, раз она знает теорему Геделя и на этом основании послать ее на Холм Смерти! С какой Нормой согласуются подобные деяния?! С таким понятием этики можно...

— *Молчать!* — Молоток Судьи с грохотом обрушился на столешницу. Затем медленно, чтобы придать своим словам особый вес, Судья произнес: *— Наши предки поставили перед нами благую цель: привести людей к звездам, и никаких отклонений мы терпеть не будем! Вы что, забыли, что совсем недавно группа Одноглазых захватила «Эпсилон семь» и уничтожила город?*

Три голоса пытались перебить Судью: Капита-

на, Джексона и доктора:

— *Ваша честь, мы не...*

Но Судья, словно не замечая их, продолжал:

— *То, что последнее сообщение пришло от Одноглазых, достаточное доказательство тому, что они были последними оставшимися в живых. Значит, это они свергли законное правительство Нормы. Теперь там все мертвы. Но «Сигма девять» не последует примеру «Эпсилона семь». Таким образом, ввиду угрозы, которую представляет для нашего общества отклонение Джексона, я согласен с рекомендацией доктора Ланг о смертном приговоре путем...*

— *Простите, ваша честь.* — В голосе Капитана звучали нотки отчаяния. — *Только что поступило сообщение из радиорубки. Неожиданно резко ухудшилась связь с «Дельтой шесть». Радисты едва различали слова. Люди на «Дельте шесть» просят о помощи. Похоже, они...*

Следующий звук Джонни воспринял как взрыв, нет, как серию непрекращающихся взрывов. От неожиданности студент подпрыгнул. В первое мгновение ему показалось, что зрителей охватило безумие. Но потом он понял, что это — белый шум, радиопомехи. Тогда Джонни снова ткнул пальцем в пятиугольник. Рев стих. Охваченный

ужасом, Джонни отступил от картотеки. Он был совершенно сбит с толку. Постепенно возвращался он к окружающей действительности. Амфитеатр по-прежнему был пуст...

Но нет!

Джонни вздрогнул. Почти четверть посадочных мест заполняли мальчики с голубоватой кожей. Все они внимательно наблюдали за студентом. Теперь, когда запись окончилась, некоторые из них поднялись и зависли над сиденьями. Джонни, озираясь, искал своего проводника. Наконец заметил его, возлежащего на вершине кокона.

— Кто? Кто они? — Джонни махнул в сторону фигур.

Мальчик спустился пониже:

— Я же говорил вам. Они — остальное я. Сыны Разрушителя.

— Тогда кто ты такой?

Мальчик скользнул внутрь кокона, пожал плечами, а когда Джонни снова посмотрел на сиденья, они были пусты.

— Вы хотели попасть в Отсек Смерти?

Джонни покачал головой. Сначала он хотел разобраться в собственных мыслях. И еще он пытался представить, почему оборвалась последняя запись, а также разобраться в конфликте между

Одноглазыми и представителями Нормы и понять, откуда взялись эти зеленоглазые мальчики, беззаботно порхающие в вакууме.

— Вы же говорили, что хотите взглянуть на Отсек Смерти!

— А? — откликнулся Джонни, словно вырвавшись из цепких объятий крепкого сна. Он так ничего и не понял. — Ах, да! Ну, конечно, — пробормотал он, пытаясь взять себя в руки.

— Тогда следуйте за мной! — сказал мальчик и потом добавил, словно желая утешить: — Вы все сами увидите.

Мальчик покинул кокон. Джонни, нервничая, отправился следом.

Глава шестая

Так вот что Народ Звезд называл Холмом Смерти.

Кокон с Джонни вплыл в зал, превосходящий размерами Дом Суда. Стены плавно переходили в свод. Голубой свет сменился розовым. Пол загибался кверху. Потолок сходился к стенам, где образовывал гигантскую воронку, перегороженную решеткой в виде черепа. Широкая дверь там, где должен был находиться рот черепа, только

усиливала сходство. Джонни застыл, не в силах оторваться от этого зрелища.

Его взгляд замер на решетке. За ней была дверь. Позвякивая подошвами по металлу, студент нырнул под решетку и направился к ней. Открыв дверь, Джонни замер, так как свет в зале моментально стал голубым. Перед Джонни открылась комната, обстановка которой явно не предназначалась для невесомости, царившей нынче в этой части корабля. Книги и лампа, давным-давно сорвавшись со своих мест повисли в воздухе, словно рой астероидов. Когда Джонни потревожил многовековой покой своим появлением, лампочка на мгновение вспыхнула и погасла. На этот раз окончательно. «Кто мог жить в таком месте?» — подумалось студент.

Джонни пробежал взглядом заголовки книг. «Моби Дик», «Отверженные» на французском языке, «Вокруг света в восемьдесят дней», «Ярмарка тщеславия», «Оливер Твист». Он не читал таких книг, да и слышал только об одной из них. На противоположной стене комнаты имелась еще одна дверь. Джонни потянул за ручку. В какое-то мгновение он испугался, решив, что мелькнувшая черная тень что-то живое, но это оказалась всего лишь тень. Еще не совсем придя

в себя от волны неожиданно нахлынувшего страха, Джонни вытащил наружу оставленное там одеяние. На плече он почувствовал утолщение и, расправив складки, обнаружил эмблему. Больше всего она напоминала веревочную петлю.

Плоский, как лист бумаги, костюм поплыл по воздуху, капюшон расправился и уставился на Джонни двумя зловещими прорезями для глаз.

Студент нахмурился. Он снова поймал одеяние, сунул его назад, в стенной шкаф, и закрыл дверцу. Один рукав попал между створок шкафа и теперь болтался в безвоздушном пространстве словно отрезанная рука. Джонни вернулся к книгам.

Одна из них — большая, черная, показалась ему знакомой. Она напоминала книгу, в которой капитан Хенк Брандт записывал свои мысли. Джонни открыл ее. Пробежал взглядом по одной из серебристых страниц. Это оказалась какая-то регистрационная книга. Записи были чрезвычайно лаконичны. На титульном листе написано наспех и неразборчиво: *«Боже, что я здесь делаю...»*

Затем: «*Казнен сегодня в 14.00...*» Дальше шли имя и дата. «*Казнен этим утром...*» Имя и дата. «*Казнен сегодня в 15.15...*»

Книга была заполнена наполовину. Джонни

нашел последнюю запись: «*Сегодня вечером в 23.45, Одноглазый Джексон О-Е-5611».*

Внезапно Джонни услышал странный звук. Он оглянулся и заметил мальчишку.

Джонни отпустил книгу, вернулся к двери и выглянул наружу.

Несколько сот мальчиков — Сыны Разрушителя — столпились возле пасти черепа. Они разом посмотрели на Джонни, и студента поразила слаженность их движений. Тощие детские тела отбрасывали узкие тени, багровые в красном свете.

Джонни отвернулся. Мальчик-проводник вновь выскользнул за пределы кокона.

«Так кто ты на самом деле?» — едва не спросил Джонни, но мальчик лишь пожал плечами, прежде чем студент произнес свой вопрос вслух. Землянин немного поразмышлял и задал совсем другой вопрос:

— Ты — телепат! — Мальчик кивнул. — И поэтому так хорошо говоришь на моем языке? — Мальчик согласился и с этим предположением. — И ты утверждаешь, что не знаешь, кто ты на самом деле? — продолжал Джонни, стараясь сдержать неконтролируемые мысли. — И в третий раз подросток кивком показал свое согласие.

— Тогда почему бы нам вместе не попытаться это разузнать? — Джонни жестом пригласил мальчика в кокон. — Давай вернемся на мой корабль?

— Хорошо, — согласился телепат.

Они вышли из Холма Смерти, прошли по голубому коридору, миновали Дом Суда и выпорхнули через брешь, ведущую в открытый космос. Они направились к тому месту, где к металлическим фермам «Сигмы девять» прилип корабль Джонни.

Кокон сквозь вакуум скользнул к серебряному университетскому кораблю. В нескольких метрах от шлюза кокон притормозил, и Джонни предложил:

— Подождал снаружи. Я все подготовлю и позову тебя!

— Хорошо.

Джонни поплыл к шлюзу, оставив мальчика подальше от плазменной защиты. Селекторная мембрана пропустила человека, и у Джонни едва не подкосились ноги, когда вернулась сила тяжести. Он свернул кокон и отпихнул съежившуюся оболочку в угол, как использованный пластиковый пакет. Придя в себя, он выглянул в проем шлюза. Таинственная тень — а именно так выглядел его странный спутник в свете звезд —

приветливо взмахнула то ли рукой, то ли ногой. Джонни махнул в ответ и пошел в рубку.

Он еще раз взглянул на мальчика, но уже на экране, и ввел корабль в состояние хроностатиса. Вернувшись к шлюзу, он снова выглянул в космос. Ничто в кромешной тьме не должно было двигаться, потому что все за пределами статиспо-ля застыло в нулевом времени.

— Теперь входи! — негромко позвал Джонни, решивший проверить свою догадку.

Он считал, что возможны два варианта: либо мальчик останется висеть в пустоте, как муха в янтаре, либо вплывет в проем шлюза. Студент отдавал предпочтение второму варианту. Тогда его таинственный знакомый превратился бы в явление того же порядка, что и странное мерцание «Сигмы девять», которое тоже игнорировало остановку времени. По крайней мере, это окончательно подтвердило бы нечеловеческую природу мальчика, объяснило его невежество относительно собственной природы, равнодушное отношение ко времени и то, что он мог находиться в вакууме безо всякого костюма.

Но случилось нечто и вовсе невероятное. На мгновение Джонни показалось, что все взорвалось.

По обломкам «Сигмы девять» прокатилась волна фиолетового света. Гравитационные поля внутри университетского корабля словно взбесилась. Тяготение пульсировало, то спадая до невесомости, то обрушиваясь на Джонни многократно увеличенным «g». Мальчик плыл в сторону корабля в облаке зеленых искр.

Все динамики корабля застонали в разных регистрах. Джонни, спотыкаясь, побрел в рубку. Наверное, что-то случилось с его зрением: Джонни показалась, что рубка раздваивается, и еще раз раздваивается, и еще, и еще... Его рука, пытающаяся нащупать переключатель, чтобы вернуть корабль в нормальное время, потерялась среди бесчисленного множества фальшивых переключателей.

И тут его неожиданно скрутило от боли.

Он падал как осенний лист, огибая огромную пульсирующую туманность, невесть откуда появившуюся на его пути. Белый свет слепил, и Джонни совершенно неожиданно захотелось заплакать. Он отвернулся от источника белого света, и перед ним вспыхнул ослепительно зеленый свет. Это показалось ему забавным. Джонни заскользил навстречу источнику изумрудного свечения, и тут его окатила волна теплого

воздуха. Перед ним появилось лицо человека с зелеными глазами, темными волосами, выступающими скулами. Лицо надвигалось. Джонни попытался оттолкнуть его прочь, но рука прошла сквозь лицо и тут неожиданно наткнулась на переключатель хроностатиса...

Джонни стоял перед пультом. Его слегка подташнивало. Наконец, не выдержав, он рухнул в кресло пилота и повернулся к выходу из шлюза как раз в тот момент, когда в рубку управления корабля вплыл мальчик.

— Что случилось? — с трудом выдавил из себя Джонни.

— Ты позвал меня, я не мог...

— Не мог что?

— Я не слышал тебя. Так что мой... отец... Ну, я условно называю его отцом... В твоем языке нет подходящих слов. Так вот, мой отец сказал, что ты позвал меня.

— Что ты имеешь в виду?

— Мой... отец... Разрушитель.

— Какой Разрушитель?

— Он живет там... там, откуда я пришел.

— Когда я спрашивал, откуда ты взялся, ты сказал, что пришел с этого звездного корабля — с «Сигмы девять».

— Верно. Там и находится мой отец.

— Где именно?

Подросток ответил не сразу.

— Он повсюду.

Джонни задраил люк входного шлюза и объявил:

— Я отправляюсь к «Бете два». Возможно, там я найду ответ.

Взяв себя в руки, он отключил магнитные якоря. А когда корабль отошел от корпуса мертвого звездолета, Джонни направил его в пробоину в борту «Сигмы девять», где призывно мерцали звезды.

И тут компьютер просигналил, что поставленная перед ним аналитическая задача решена. Джонни вывел на экран результаты, пытаясь понять причины, которые привели Звездный Корабль к катастрофе. Электронный помощник объявил, что «Сигма девять» взорвалась, словно древний корабль Земли, налетевший на мину...

— Эй, постойте! — воскликнул подросток. В этом момент они были на полпути к «Бете два»

— В чем дело? — удивился Джонни.

— Сами увидите. Остановитесь!

Джонни включил тормозные дюзы.

— Теперь включите хроностатис.

Студент дрожащей рукой щелкнул выключателем. Ничего сверхъестественного не произошло.

— А теперь взгляните на «Сигму девять», и вы увидите того, кого я называю своим отцом.

Озадаченный Джонни направил сканнер внешнего обзора на обломки, от которого они только что отчалили. Как и прежде, «Сигма девять» переливалась и мерцала, наплевав на все законы физики.

— Видите блестки! — показал мальчик. — Это — частицы его тела.

— Не понял?

— Они и есть Разрушитель.

Глава седьмая

«Бета два» хранила молчание. Шлюзы открылись сами при приближении корабля Джонни. Коридоры, хоть и наполненные воздухом, встретили дипломника невесомостью.

— Я ищу архивы, — объяснил Джонни своему спутнику, когда они отправились в путь по переходам и коридорам корабля.

— Тогда нам сюда! — показал мальчик.

Они свернули в помещение, которое прежде, видимо, было корабельной библиотекой.

— Здесь хранятся все архивы, — объяснил спутник Джонни, подплывая к стеллажу с книгами.

Джонни отодвинул стеклянную панель, открывая доступ к драгоценным книгам. Тома в черных обложках плотно теснились на полках — бортжурналы за все время полета. Он перелистал один из них, потом вытащил другой. И понял, что перед ним документы Родильного Банка и инструкции по производству пищи. Джонни и представления не имел, откуда начинать поиски. Некоторое время он стоял возле книг и бессмысленно перебирал их. Наконец мальчик, видимо прочтя мысли студента, сам выбрал том и протянул Джонни.

— Это дневник моей матери.

Прежде чем Джонни полностью осознал слова таинственного мальчишки, его пальцы сами раскрыли книгу, и он прочитал заглавие: «*Бортжурнал города „Бета два“. Собственность капитана Лилии РТ Восемьсот пятьдесят семь*».

— Она была твоей матерью?

Джонни припомнил строчки:

Она вернулась, но не одна.
С ней мальчик. Он — Бог, сейчас.

Мальчик кивнул.

— Взгляните на то место, где описано, как был атакован первый корабль.

Он перегнулся через плечо землянина и перевернул несколько страниц. Это запись оказалась ближе к концу тома:

«Сообщение пришло в полдень, когда мы покинули море и вышли на неглубокую отмель. С самого начала счет песка крутился в районе сорока, что вызвало у меня беспокойство. Да еще эта чепуха по поводу Одноглазых. Но за последние три часа счет снизился до трех и продолжает держаться на этой отметке. На отмели песка немного, и мы способны вынести подобную среду в течение нескольких лет.

Меня мучает неопределенность: то ли счет возрастет, то ли вообще исчезнет. Нормально жить при таком положении дел невозможно.

После Совещания я решила посетить квартал Одноглазых. На городской галерее я встретила Судью Картрайта.

— Что привело тебя сюда? — спросил он, остановив меня.

— Я просто гуляю, — ответила я.

— Изучаешь своих подопечных, Ли. — С этими словами он махнул в сторону прохожих.

— Нет. Устала и решила пройтись.

— Похоже, нам с тобой по пути. Пусть нас увидят вместе. Тогда у людей создастся впечатление единства светской и духовной власти города.

— Я собираюсь свернуть, — возразила я.

Но Судья все же проводил меня.

— Ты слышала о недавно возникшей секте? Они придали некоторую пикантность ряду ритуалов, которые я ввел лет десять назад. Это вселяет в сектантов уверенность, что они не зря прожили жизнь, а привнесли в мир некую частицу абсолютной истины. Знаешь... — тут он понизил голос до шепота, — ... я не слышал, чтобы кто-нибудь из офицеров города посещал их собрания. Наверное, тебе следует как-то воздействовать на своих подчиненных.

Мне стало очень смешно. Я улыбнулась.

— Мы слишком заняты, Судья, чтобы тратить время на подобную чепуху. А если откровенно, все эти обряды занимают много времени, которого у нас нет.

Улыбаясь, я постаралась сдержаться и скрыть желание плюнуть ему в лицо.

— Но обряды — это смысл существования большинства горожан, — возразил Судья.

— Я могу вывесить объявления, приглашая всех желающих.

С каким удовольствием я бы прилепила такое объявление на его самодовольную рожу. Приколотила бы гвоздями! Но Судья Картрайт не заметил иронии в моих словах, он усмехнулся:

— Большего потребовать от Капитана я не в силах.

Когда мы дошли до противоположного конца туннеля,

он неожиданно остановился:

— Тебе сюда, Ли?

— Да.

Я шагнула в лифт, который связывал палубы корабля.

Коридор на следующей палубе оказался безлюден. Мои шаги гулким эхом зазвенели под сводами. Я вошла в зал, просторный, сумрачный, пронизанный паутиной служебных лестниц, трубопроводов, кабелей. Из-за этой путаницы было видно метров на сто вперед, не более. И тут мне вспомнилось, как однажды в детстве я оказалась на краю пропасти. В тот день я с другими ребятишками играла возле зоны нулевой гравитации. Мы всегда боялись, что нас унесет в хитросплетение механизмов...

Но в этот раз я лишь глубоко вздохнула и оттолкнулась от поручня. Сила тяготения оставила

меня, и я нырнула в лабиринт ферм и балок. Требуется определенная сноровка, чтобы выпрыгнуть из зоны гравитации в зону невесомости. Большинство сограждан так никогда этому и не научатся. Немало тел попало на Холм Смерти с переломанными шеями... Я поймала рукой проплывшую мимо лестницу и полезла наверх. Совершенно очевидно, что этот район корабля с самого начала считался нежилым. Он предназначался для ремонта механизмов города, но горожане в этих механических норах, пещерах и закоулках никогда не бывают. Однако тут проживает до семисот обитателей. С того места, где я очутилась, открывался вид на металлическую сферу диаметром метров двадцать пять, покрытую заклепками. Оттолкнувшись от площадки, я перелетела к одной из растяжек, удерживающих сферу. Я снова вспомнила детство: еще тогда я пришла к выводу, что одна магнитная подошва чрезвычайно полезна для игры в невесомости, а две — одно беспокойство. Магнитный якорь намертво прикрепил мою левую ногу к поверхности кожуха.

Я щелкнула выключателем карманного передатчика, чтобы сообщить о своем появлении. И в тот же момент за спиной раздался знакомый

тихий голос:

— Зачем ты включаешь рацию?

Я подавила желание резко обернуться, чтобы не потерять равновесие. Мой знакомец хихикнул, и я попыталась осторожно заглянуть через плечо.

— Всякий раз, как я попадаю сюда, ты встречаешь меня здесь. Ральф как-то сказал, что ты чуешь меня. Но на всякий случай я всегда даю о себе знать. Мне не хочется торчать тут на одной ноге целый день.

Снова у меня за спиной хихикнули.

— Тим, это ты? — Я медленно повернулась, но Тим, который мог перемещаться в невесомости раз в пять быстрее меня, тоже передвинулся, стараясь не попадаться на глаза.

— Я здесь, — наконец сказал он.

Тогда я быстро повернула голову. Он парил передо мной, по-прежнему хихикая.

Тиму было семнадцать или восемнадцать лет. Смуглый и нестриженый, он носил неописуемые лохмотья. У Тима недоставало одной руки, и левый рукав болтался словно ненужная тряпка.

— Ты пришла к Ральфу? — спросил он.

— Да, к нему, — ответила я.

— Тебя проводить?

— Да.

— Есть, Капитан Ли. — Он еще немного покривлялся, пародируя порядки, заведенные на корабле, потом отвязал от пояса моток веревки и бросил мне конец. Я пропустила веревку под мышками и уцепилась за нее обеими руками. Тим обмотал другой конец вокруг запястья и крикнул: — Отчаливаем!

Мне никогда не нравился такой способ передвижения, но что поделаешь. Я оторвала магнитную подошву от кожуха.

— Нам туда! — показал Одноглазый на проход между двумя гигантскими колоннами.

Потом сжался, как лягушка, и прыгнул в совершенно противоположном направлении. Это всегда сбивает меня с толку, когда путешествуешь в невесомости. Веревка натянулась, и я полетела раза в три быстрее, нежели отважилась бы сама. Тим и я представляли собой одно физическое тело со смещенным центром тяжести. И когда он отлетел на всю длину связывающей нас веревки, траектория полета изменилась, и мы по спирали понеслись туда, куда требовалось. Каждые пять-шесть секунд Тим отталкивался или рукой, или ногами от труб и балок.

Вскоре мы влетели в большую сферическую полость. Под нами вращалось Кольцо, внеш-

ний диаметр которого равнялся ста пятидесяти метрам, а внутренний — ста двадцати. На нем, как деревянные лошадки на карусели, застыли маленькие домики. Иногда, под действием центробежных сил, они слетали с Кольца и кувырком летели между трубами и фермами. Довольно хрупкие строения! Я уверена, что без Тима я бы никогда не попала на Кольцо. И в этот раз я, как всегда, закрыла глаза и отдалась на волю провидения и ловкость проводника. А через мгновение меня втащили в гравитационное поле в три четверти земного. Большинство Одноглазых, даже такие увечные, как Тим, показывали чудеса акробатики, что ставило в тупик остальных горожан. Я уверена, что здесь кроется основная причина их страха перед Одноглазыми.

Когда я открыла глаза, Тим уже закрывал входную дверь, а я сидела на полу, и Меррил наклонилась надо мной:

— Что привело тебя к нам на этот раз, Капитан Ли?

— Я хотела поговорить с тобой и Ральфом. Вы что-нибудь знаете об отмели, на которую мы наткнулись?

Меррил помогла мне встать.

— Да. Но с этим мы ничего поделать не можем...

Ты пришла сказать, что ваши инструменты показывают то же, что и наши?

Одноглазая произнесла это с той легкой насмешкой, которая порой проявлялась и в речи Тима.

— Не только об этом. Ральф здесь?

Меррил кивнула. Они оба: и Ральф, и Меррил были предводителями Одноглазых. Хотя структура их общества казалась мне слишком неопределенной.

— Идем, — позвала Меррил. — Он услышал твои позывные. Скоро явится, а пока у нас есть время поговорить.

Мы спустились по узкой винтовой лестнице. Блики света из наружного окна перемещались по стенам, напоминая, что мы находимся внутри гигантской центрифуги. Потом мы вошли в комнату, и Ральф поднялся из-за стола мне навстречу, широко улыбаясь.

— Капитан Лилия, чем обязан?

Мы находились в его кабинете. Вокруг громоздились научные приборы. Стены украшали две картины, одна из них — копия полотна старого земного художника Тициана „Успение", другая принадлежала кисти живописца второго поколения города и называлась „Абстракция". Больше

всего она походила на войну зеленого и черного цветов.

— Чем обязан? — снова повторил Ральф.

Неужели они не могли поговорить со мной, как обычные люди, используя привычные слова и обороты? Несколько шуток о глупых нравах города помогли бы завязать разговор.

— Что стряслось? — В третий раз спросил Ральф, и теперь я наконец поняла, чего он от меня хочет.

Я присела на краешек одного из кресел. Мерил расположилась на картотечном ящике. Тим уселся на полу. Его никто не приглашал, но никто и не прогонял.

— По дороге к Кольцу я встретила Судью Картрайта. Он попросил, чтобы я приказала офицерам посещать обряды какой-то новой секты. Я не смогу отказать в просьбе.

— А что это за обряды? — поинтересовался Тим.

— Тебя это пока не должно беспокоить, — ответил ему Ральф. — И это одно из преимуществ живущих здесь, на Кольце. Мы приняли тебя, когда тебе исполнилось всего три года, но кое-кто из тех, кто примкнул к нам в более зрелом возрасте, хорошо помнит обряды.

Тим, как мне рассказывал Ральф, заблудился в невесомости еще совсем маленьким и пробыл больше тридцати часов в полном одиночестве, прежде чем его нашли. Его засосало в одну из гигантских вентиляционных шахт, по которым насосы гнали воздух со скоростью сто пятьдесят километров в час. Лопасти одного из вентиляторов перемололи руку Тима по локоть. Вместо того чтобы отослать несчастного ребенка обратно в город, где его обязательно бы покарал Суд Нормы, Тима оставили в Кольце и выходили.

— Обряды — это когда много людей собираются вместе и часами занимаются абсолютно бессмысленными вещами. Ну, например, стоят на голове минут по пять, а потом выпивают семнадцать стаканов воды, подкрашенной марганцовкой в честь Бассейна, который за час семнадцать раз поворачивается вокруг оси. Жидкость они красят в розовый цвет в честь Допплеровского эффекта...

Тим рассмеялся.

— Я знаю, что происходит во время обрядов, но зачем люди это делают?

— Потому что горожанам нечего делать! — объяснила я. — Им лень лишний раз напрячь свои девственные мозги.

Теперь засмеялся Ральф:

— Если бы горожане явились в Кольцо, мы бы все погибли. Мы существуем неофициально, питаемся излишками провианта, тайно торгуем с нормальными людьми, которым требуются наши знания. Мы изгои, для которых обряды — совершеннейшая чушь. Однако мы все умрем с тоски, если станем бездельничать, поэтому мы делаем копию радарной системы слежения корабля, вносим усовершенствования в систему гидропоники, не из-за прироста населения, а ради прихоти, или наносим краски на холст ради эстетического наслаждения... Можно сказать, у нас другие обряды...

И тут Тим поднялся:

— По-моему, пора появиться Ходжу?

— Точно, — согласилась Меррил. — Он идет сюда с внешней стороны. Слетай и помоги ему.

Тим выскользнул в дверь.

— Ходж? — удивилась я.

— Ага, — кивнула Меррил.

— Он тоже бывает у вас?

— Порой ему одиноко. Наверное, даже хуже, чем тебе, — вздохнула Меррил.

— Забавно. — Я еще не пришла в себя от удивления. — Иногда я встречаюсь с ним. Хотя ты,

наверное, права. Никто с ним не разговаривает. Все его сторонятся. А он гуляет, размышляет о чем-то, наблюдает за людьми... Думаю, ему нелегко найти собеседника. Но все же удивляюсь, почему вы пускаете его в Кольцо.

— Что тут удивительного? — спросила, в свою очередь, Меррил.

Я пожала плечами.

— Ну, взять хотя бы его должность... Я хочу сказать, как только Судья и его приспешники начнут очередную чистку во имя Нормы... — Я замолчала, так и не закончив.

— Ты хочешь сказать, он виноват в гибели кого-то из наших? — спросила Меррил, но, не дождавшись ответа на свой вопрос, продолжала: — Понимаю, что ты имеешь в виду... Но он же выполняет приказы. Любой из нас мог оказаться на его месте.

— Ходж очень одинок, — вздохнул Ральф. — Мы здесь все одиноки. Вполне возможно, такой вид одиночества имеет право на существование. К тому же на Кольце нами правит страх, раз мы живем вопреки законам корабля...

— А Ходж... Он приходит дважды в неделю, — продолжала Меррил. — Он ест с нами, играет в шахматы с Ральфом.

— Два раза в неделю? — вновь удивилась я. — Хорошо, если он посещает мою секцию раз в год.

— Знаешь, иногда мне кажется, у тебя с Ходжем много общего, — задумчиво произнесла Меррил.

— Ты это серьезно?

— Вы единственные на корабле, кому запрещается вступать в брак и выбирать детей на Базаре.

— Если не считать того, что я в любой момент могу подать в отставку и стать матерью, стоит только захотеть. А Ходж вынужден до конца жизни служить Палачом.

Ральф кивнул:

— Но в вашей жизни есть одна общая черта — вы отвечаете за жизнь города. Судья Картрайт, например, не имеет никакой власти над Одноглазыми. Если, конечно, не поймает кого-то из нас. Мы же обязаны повиноваться тебе так же, как любой горожанин.

— Я знаю, — тяжело вздохнула я, а потом добавила: — Вы хотите сказать, что на моих плечах, так же как и на его, лежит тяжкий груз ответственности... Именно об этом я и хотела посоветоваться с вами сегодня. Иногда мне кажется, что, разрешив секты, я нарушаю свой долг... Вы говорили, что у каждого на корабле есть свои ритуалы, Я исполняю обязанности Капитана, символизируя

преклонение перед идеей путешествия к звездам. Но надо же провести какую-то черту различия! Я вижу наших детей, а потом Тима. Однорукий, но он жив, приносит пользу людям, с которыми живет, и это ему нравится! В Родильном Банке работает стажером некий Паркс, парнишка смышленый, но больно уж медлительный. Однажды он как-то рассказал мне, что поражен тем, что администрация совершенно не интересуется собраниями сектантов. Он считает нас всех приземленными людьми, не стремящимися познать окружающий мир.

Тут я сделала паузу, устраиваясь поудобнее. Мои собеседники терпеливо ждали продолжения рассказа. Наконец я снова заговорила:

— Я хочу сказать, что когда-нибудь — и об этом, кажется, все позабыли — никаких городов не будет. Перед нами откроется огромный новый мир. Нам придется сражаться с природными стихиями, искать себе пропитание, охотиться, а не получать провизию с гидропонных плантаций. Вы и я — мы уже не увидим этого, но это обязательно произойдет, пусть лет через сто пятьдесят. Думая о тех далеких временах, я бы предпочла видеть в новом мире Тима, а не добропорядочного Паркса. Мне кажется, если я позволю городу пре-

вратиться в скопище тупоумных религиозных фанатиков, я не выполню своих обязанностей.

Все замолчали. Несколько секунд Ральф размышлял. Я гадала, какой совет он мне даст. Меррил тоже ничего не могла мне сказать. И тут раздался голос Тима:

— А вот и мы!

Ходж, высокий, скуластый, с глубоко посаженными глазами, был в своем одеянии. Черный капюшон откинут на плечи. Когда он на мгновение замешкался на пороге, эмблема на рукаве качнулась, словно ядовитая змея, изготовившаяся к прыжку. Его черное одеяние заставило меня по-новому взглянуть на окружающую обстановку. Даже картины, которые до этого казались мне мрачными, просветлели.

Мы поболтали еще немного, и когда настало время обеда, я оставила Одноглазых наедине с Ходжем, взяв, как всегда, в провожатые Тима.

На этот раз я не стала закрывать глаза. Я наблюдала, как множество Одноглазых прыгало на Кольцо. Тим догадался, о чем я думаю.

— Знаешь, Ходж хорошо плавает в невесомости. Не хуже любого Одноглазого, но все же для перехода на Кольцо ему нужна помощь. Не хватает практики.

Тут Тим отвязал веревку, за которую тащил меня, и втолкнул в коридор, по которому я пришла сюда. Я повернулась, помахала ему на прощание и отправилась в свою каюту.»

Глава восьмая

Вторая запись:

«Паркс разбудил меня в три тридцать утра, чтобы сообщить неприятную новость. В эту ночь он нес вахту на Базаре, поэтому узнал новость одним из первых. Я вылезла из постели, прошлепала к интеркому и включила связь:

— Что случилось?! Возрос счет песка? Отмель пошла на убыль?

— Капитан, это я, Паркс.

— Что случилось? Разве нельзя было подождать до общего подъема?

— Счет песка стабилен, Капитан... Но тут возникло одно обстоятельство, которое, пожалуй, еще хуже!

— Говори!

— Жесткая радиация в черте города утроилась. Это не так страшно, как кажется на первый взгляд, но меня волнует ее влияние на развитие эмбрионов. Я закрыл ячейки щитами, но не уве-

рен, что это надежная защита.

— Скажи, что вышло из строя на этот раз? Неполадки в одном из реакторов?

— В том-то и дело, что излучение идет извне.

— Ты уверен? Ты связался с другими городами?

— Я решил сначала посоветоваться с вами.

— Тогда я должна вызвать «Эпсилон шесть».

— Можно мне послушать?

Я набрала вызов и минут пять ждала ответа Риччи. Наконец он ответил:

— Как себя чувствует моя крошка?

— У нас неприятности, — начала я. — Откуда-то извне на нас обрушился поток радиации. Пока ее уровень еще невысокий, но он растет.

— У вас тоже? — Видно у Риччи были те же проблемы, но он не сообразил связаться с другими Капитанами. — Минут двадцать назад меня тоже разбудили... Я приказал помощнику проверить реакторы и снова уснул. У меня выдалась тяжелая ночь. Пришлось выдержать неприятный разговор с Судьей Филлотсом. Один из обитателей невесомости промахнулся и размозжил себе голову о стенку. Два Одноглазых пытались его спасти, но он умер. И Судья хотел навесить на них обвинение по вмешательству в чужие дела. Пришлось хорошенько поговорить с ним, пока он

не заткнулся под натиском моих доводов. Честно признаться, я страшно устал... Так что там с радиацией? Помню, мы вчера только выбрались на отмель...

Неожиданно налетел вихрь радиопомех. Динамики ревели с полминуты, как будто в космосе за бортом корабля началось настоящее столпотворение. Потом помехи чуть стихли, и сквозь них пробился тревожный голос Риччи:

— ...что происходит?..

— Понятия не имею, — ответила я. — У вас там все в порядке?

Но в середине моей фразы помехи возобновились с прежней силой, и на этот раз на моей консоли замигали огоньки местной связи. Я ответила на один из вызовов. Это оказался Микер из радиорубки:

— Что-то происходит на «Эпсилоне шесть». Они все время пытаются связаться с нами, но связь никак не наладить.

— Подключите меня к линии.

— Есть, Капитан!

Помехи налетели вместе с неразборчивыми голосами. Шум невероятно коверкал слова Микера:

— Включите видео.... Вывожу на визуальную

связь!

Я включила экран над консолью. Из серого тот стал черным, и группа светящихся дисков заискрилась на фоне звезд. Это было изображение городов, снятое датчиками радиотелескопа. На этой частоте помех было значительно меньше, и я услышала голос:

— «Эпсилон шесть»... Это «Эпсилон шесть»... Боевая готовность номер один... Как слышите... Как слышите... Говорит «Эпсилон шесть».

Должно быть, другие города тоже услышали. В эфир пробился новый голос:

— Говорит Капитан Вилон с «Эпсилон шесть»... Слышу вас хорошо, прием...

Видно, у «Дельты шесть» было меньше хлопот с помехами, чем у нас.

— На связи Одноглазый Пайк, корабль «Эпсилон шесть». Все остальные мертвы. Большая часть корабля мертва... Я не знаю, что случилось! Или люди сошли с ума, или случилось еще что-то. Появился кто-то или что-то с изумрудными...

Снова все заглушили помехи. А когда снова стало можно говорить, Капитан Вилон первым нарушил молчание:

— Простите, не понял... Пожалуйста, успокойтесь, Пайк... Повторите помедленнее...

— Наш корабль чуть не взорвался... Что-то около сорока минут назад... В городе шел ночной цикл... Потом все затряслось, и все проснулись... Ранило лишь пару людей... И тут все обезумели... Никто не понимал, что происходит... А в галерее... Я сам не видел... Появилась фигура, охваченная огнем, тварь с изумрудными глазами... Нет... Я не понимаю, что тут происходит... Все умерли... Двадцать минут назад мои приятели попыталась проникнуть в город... Повсюду трупы... Трупы... Одни трупы. Несколько уцелевших еще кричали... Они пытались сообщить нам что-то важное... Мы увидели сияние и отступили...

— Не спеши, Пайк!

— Это вы поспешите! Чтобы вас разорвало! Поспешите! Заберите нас отсюда! Мы прячемся в аппаратной, вышлите шлюпки! Ради всего святого, вышлите шлюпки и заберите нас...

Голос Пайка прервался, а потом раздался истошный вопль. Кричал сам Пайк. Тут я сообразила, для чего Микер переключил связь на видеочастоты. Один из дисков на экране — «Эпсилон шесть» — изменился. Вокруг него образовался нимб. Изображение задрожало, пошло волнами. Внезапно передача оборвалась, а «Эпсилон шесть» стал разваливаться на глазах. Сначала он съе-

жился, потом распался на несколько фрагментов, которые разлетелись в разные стороны. То, что осталось от корабля, больше всего походило на раздавленное яйцо.

Катастрофу видели наблюдатели в остальных одиннадцати городах. В первый момент я лишилась дара речи.

Первым нарушил молчание Капитан Элва:

— Вилон, вы поняли, что там случилось?

Капитан Вилон отозвался:

— Да, я слышу вас... Я не... — Голос прервался, казалось он принадлежал другому человеку. Но разве могли мы остаться прежними после того, как на наших глазах произошла такая катастрофа! — Я не знаю... — наконец прошептал он».

Третья запись:

«Потрясение прошло, и город наполнился слухами.

Впереди была отмель, но это ерунда по сравнению с разрушенным городом. Разве можно считать отмель серьезной проблемой? В городе царила паника, потому что никто не знал, как защищаться, если неприятности начнутся на нашем корабле.

Судья Картрайт радушно приветствовал меня при встрече:

— У этой трагедии есть и положительная сторона... После катастрофы многие стали намного серьезнее относиться к обрядам.

Полагаю, он ожидал, что меня это сильно обрадует.

Микер и три радиста с других кораблей сохранили присутствие духа и записали происшедшее ночью на пленку. Все утро линии внешней связи работали на полную мощность. Офицеры-радисты проводили сравнительный анализ принятых передач, пытаясь докопаться до смысла заглушенных помехами слов Пайка. К концу дня они расшифровали около десяти новых слов, но это ничего не проясняло. Совет Капитанов успехом тоже не увенчался. Сначала минут пять длилось тягостное молчание, потом четверть часа мы рассуждали невесть о чем и расстались, так ничего и не решив.

Во время обеда Капитан Элва вызвал меня.

— Еще что-то случилось? — спросила я. — Снова какие-нибудь неприятности?

— Вы правы... У нас на корабле ходят слухи, что на «Эпсилоне шесть» власть захватили Одноглазые. И это именно они умудрились взорвать корабль.

— Что?!

— Пока ничего серьезного, но пошли разговоры о том, что пора ужесточить Норму, уничтожить всех Одноглазых.

— И кто же такое придумал?

— Понятия не имею. Сама мысль о том, что город может взлететь на воздух, оказалась невыносимой для большинства жителей. Я вижу, как мои сородичи подпрыгивают от нетерпения и мечутся в поисках внутреннего врага. Одноглазые — вот на ком они отведут душу.

— Но почему?

— Логика людей проста: последнее сообщение с «Эпсилона шесть» передал Одноглазый. Следовательно, он и его сородичи встали во главе города. А это значит, что они силой подавили офицеров, и так далее, и тому подобное.

— А потом взорвали город?!

— Я и сам понимаю, что это — чепуха. Но одна из сект уже включила гибель корабля в свой ритуал: они накачиваются парами эфира, становятся в круг, а ведущий выдавливает глаз у большой куклы, при этом все стонут. Называется эта церемония «Разрушение».

— Нюхают эфир! Это же наркомания! Мне это совсем не нравится.

— И мне тоже. Пусть развлекаются как могут,

но только без наркотиков!

Я была с ним согласна. Надеюсь, сектанты не выйдут из-под контроля. Иначе...

* * *

Утром ко мне явился Паркс. Он — управляющий Родильного Банка. Речь шла об его ассистенте. Паркс сказал, что этот парень приносит блокнот и карандаш и время от времени что-то записывает. Парксу всегда казалось, что парень что-то подсчитывает. Так все и продолжалось какое-то время. Но когда ассистент явился на работу сегодня, Паркс никак не мог заставить его хоть что-то делать. Парень сидел и чертил в блокноте. Когда управляющий Родильного Банка спросил, чем тот занимается, парень ответил, что в его секте всегда заносят в блокнот определенные знаки, когда в голове появляются определенные мысли. Он не объяснил, какие это мысли, но явно думал об этом все время, сидел в углу, рисуя кружочки, кресты и параллелограммы.

— Ужасно, — вздохнул Элва, когда я рассказала ему об этом. — Меня это начинает серьезно волновать. Боюсь, скоро нам придется решать проблему сект».

* * *

Четвертая запись:

«Я работала в своем кабинете, когда меня попросил о встрече Судья Картрайт.

— Войдите, — объявила я в интерком.

И вот Судья появился на пороге.

— Доброе утро, — улыбнулся он мне. Я тоже поздоровалась, и тогда Судья продолжил: — Я вот шел мимо и решил поговорить с вами, прежде чем закопаюсь в своих делах. Грядут большие перемены. Теперь придется строже следить за соблюдением закона.

— О чем это вы?

— Разве вы не слышали официальное объяснение катастрофы на «Эпсилоне шесть»?

Я сплела пальцы перед собой и откинулась на спинку кресла.

— Насколько мне известно, никакой официальной версии выдвинуто не было.

— Перестаньте, — игриво отмахнулся Судья. — Не хотите же вы сказать, что ничего не слышали об этом? Я зашел к вам лишь затем, чтобы узнать: познакомились ли вы с официальной версией? Она ведь уже известна всему городу.

— И что же такое важное известно всему го-

роду? Интересно узнать, какую чепуху вы там насочиняли.

— Одноглазые на «Эпсилоне шесть» попытались захватить город. Они перебили всех офицеров и большую часть мирных граждан, а потом взорвали корабль.

— Ни о чем подобном ни на одном совете Капитанов и речи не шло.

— Тогда вы должны связаться со всеми и поговорить...

— К тому же ваша версия событий — глупость несусветная.

— Вы уверены?

— Конечно. Я хочу, чтобы вы сами прослушали запись, сделанную той ночью, когда погиб город.

Я связалась с Микером и попросила его прокрутить запись. Следующие полчаса Судья просидел перед экраном как завороженный. Я уже видела эту пленку раз пятнадцать, потому забыла, какое потрясение испытываешь во время первого просмотра. Судья не произнес ни слова, лишь черты лица заострились. Наконец он что-то буркнул...

— Разве этот Одноглазый похож на бунтовщика, который только что взял штурмом корабль?

Он снова забормотал, но в этот раз я смогла разобрать слова:

— Может, все это подстроено, а, Капитан? Что могло уничтожить город?! Зеленый человек с пылающим взором или как там говорилось... Глупости! Это все — Одноглазые!

Когда Судья ушел, мне позвонил Паркс:

— Капитан, я вынужден снова побеспокоить вас. Излучение становится все интенсивнее. Мутации, которые произойдут в результате этого, могут изменить саму Норму.

— Я сейчас зайду к вам и взгляну сама.

А что еще я могла сказать ему?

— Сделать ничего нельзя, — вздохнул Паркс. — Но ваш приход хоть немного подбодрит персонал.

* * *

Люминесцентные лампы ярко освещали Базар. С бесконечными коридорами блестящих колб, в которых происходило таинство зарождения жизни. Стена прямо передо мной была заполнена генеалогической картотекой. Там хранились данные ДНК всех жителей города.

Помощник Паркса склонил русую голову и так увлекся своим блокнотом, что не заметил моего появления. Паркс же вынырнул из-за стеллажа. На лице его сияла ослепительная улыбка. Увидев,

что я внимательно разглядываю каракули молодого человека, он покачал головой и безнадежно махнул рукой.

— Не обращайте внимания. Пойдемте, я покажу, какие меры защиты предпринял.

Мы углубились в лабиринт колб и пробирок.

— Я завернул контейнеры с зародышами, находящимися на ранней стадии развития, в свинцовую фольгу. Зародыши наиболее подвержены мутации. Всем известно, что наследственный аппарат человека наиболее хрупок в первые несколько недель после оплодотворения. Не уверен, что фольга поможет, но надо же было что-то делать.

Я заметила, что одна секция ячеек не блестит в свете ламп, и поняла, что это и есть колбы, завернутые в фольгу. Глядя на свинцовую фольгу, я внезапно ощутила весь груз нашей ответственности перед этими тысячами рожденных и нерожденных душ, несущихся меж звезд, затерянных в безднах космоса, в море и песке...

— Ты все сделал так, как нужно. Я вряд ли смогу еще чем-то помочь. Но мне нужно идти. Базар угнетает меня.

А может, во мне просто говорило материнское начало...

Паркс грустно улыбнулся на прощание. Я оставила Базар и вернулась в своей кабинет».

* * *

Пятая запись.

«Капитан Элва позвонил поздно вечером. Его голос показался мне очень расстроенным.

— Ли, как у вас дела с Одноглазыми?

— Картрайт досаждает им как только может.

Я услышала его прерывистое дыхание в микрофоне.

— У меня на корабле положение намного хуже. Я собираюсь попросить тебя сделать довольно необычную вещь.

— Слушаю внимательно.

— Присоединишься ко мне в официальном обращении ко всем Судьям с просьбой не преследовать Одноглазых? Я хочу, чтобы все Капитаны подписались под этим обращением. Если все пойдет так и дальше, начнется бунт, и Одноглазых уничтожат. Вместе с ними исчезнут последние крохи знаний. Тогда мы окажемся совершенно беззащитными...

— Нам не положено вмешиваться в сферу духовной жизни горожан... — ответила я.

— Ли?...

— Не перебивай, Элва, я всего лишь размышляю вслух. На нашем корабле тоже не все в порядке. Если ты заручишься поддержкой других Капитанов, я соглашусь... Хотя, нет! В конце концов... Я присоединяюсь, только вышли текст обращения, прежде чем выступишь с ним.

— Спасибо, Ли. — Мне показалось, он облегченно вздохнул. Да и у меня, когда я согласилась, словно камень с души упал. — Ты уже третья, кто поддержал меня.

— Думаю, согласятся все Капитаны. Ведь не один из нас не хочет, чтобы в его городе начались беспорядки. Надеюсь, это принесет хоть какую-то пользу.

Элва снова вздохнул.

— Я тоже на это надеюсь».

* * *

Запись шестая:

«Все погибли.

Кричать мне или негодовать?

Города «Сигмы девять» больше нет. На этот раз процесс разрушения занял десять часов. Началось, как обычно, с сильнейшей бури помех, забивших трансляцию Суда над Одноглазым Джексоном. Мы все, затаив дыхание, следили за

этим процессом.

А потом с «Сигмы девять» стали пробиваться слабые сигналы....

Там разразилась паника... Потом кто-то взывал к помощи из радиорубки. Потом опять пошли одни помехи... Наверное, и к ним явилось зеленоглазое существо. Фантастика, да и только! Прямо не знаю, можно ли воспринимать всерьез такие сообщения. Легче думать об этом, как о неуместной шутке. Но это реальность. Теперь жизни всех горожан зависят от того, как они воспримут эту реальность. И снова последним на связь вышел Одноглазый.

— Помогите! Помогите! Помогите!...

Наверное, зеленоглазое существо свело их всех с ума, и после этого корабль сам по себе взорвался. Я радировала Вилону на «Дельту шесть»:

— Разве нельзя ничего предпринять? Может, я слетаю и погляжу?

— Не глупи, Ли... Что ты сможешь сделать!

— По крайней мере, спасу кого-нибудь...

И тут один из Капитанов воскликнул:

— Подумай хорошенько Ли: разве будет кому-нибудь польза, если ты погибнешь?

— Польза будет, если я узнаю, кто настоящий убийца.

И тут «Сигма девять» начала разваливаться. Боже, какие истошные вопли неслись в этот миг из динамиков...»

Глава девятая

Пропустите пару страниц, — предложил мальчик. — Там нет ничего интересного.

Джонни не стал спорить. Он сделал так, как посоветовал таинственный спутник, а потом его глаза впились в строчки:

«...Я услышала, как капитан Элва кричит на весь эфир:

— Помогите! Хоть кто-нибудь! Помогите!

Но что я могла сделать? Я связалась с Микером.

— Распорядитесь подготовить катер! Я сама хочу взглянуть, что там происходит!

— Но, Капитан, — попытался возразить Микер, — если вы ввяжетесь в эту заваруху...

— Прошлый раз катастрофа продолжалась часов десять. Надеюсь, у меня хватит времени слетать туда и обратно.

— А предыдущая — всего шестнадцать минут... Так что случиться может всякое. И не забывайте о песке...

— Я отправляюсь, готовь катер!

Когда я выскочила из каюты, меня окликнул спешащий куда-то Судья Картрайт:

— Капитан!

— В чем дело?

— Микер только что сообщил мне, что ты хочешь слетать на «Сигму девять»...

— А ты-то тут при чем! — разозлилась я.

— Я запрещаю! Если ты нарушишь мой запрет, то можешь не возвращаться!

Я резко остановилась. Если честно, я ожидала чего-то подобного.

— С каких пор ты решаешь, что мне делать, а что нет?

— Если помнишь, я несу ответственность за моральное состояние горожан, а ты пока еще живешь в нашем городе! Я уверен, что, вернувшись, ты можешь принести с собой новости, которые деморализуют сограждан...

— Скажи прямо, чего ты боишься?

— Допустим, ты привезешь с собой Разрушителя.

— Разрушителя?!

— Разве ты ничего не знаешь? Разрушитель — это то зеленоглазое существо, что разрушает!..

Я не хотела слушать все эти глупости и перебила его:

— Меня радует, что ты наконец-то снял обвинения с Одноглазых... Я все же отправляюсь на гибнущий корабль, Судья.

Тогда я совершила ошибку, не обратив внимания на его слова, так как сильно разозлилась... А может быть, все дело в страхе перед Неведомым.

Тройные створки шлюза разошлись в стороны, и мой катер пулей вылетел в открытое море. Счетчик песка застыл на цифре три целых семь десятых. Мерцающее яйцо Сигмы вырастало на глазах. Бортовой компьютер объявил:

— Вы глухи. — Я включила радио. — Вы зрячи.

Как только паром вошел в док Сигмы, счетчик песка упал до нулевой отметки. Немедленно из пазов выдвинулся переходник. Я вышла из катера. От нервного возбуждения у меня дрожали руки. Я почувствовала легкое покалывание в висках. Чем дальше шла я по совершенно пустому коридору, тем сильнее становилось покалывание. Но, только приблизившись к навигационному отделению, я поняла, что тут что-то не так. Я свернула на городскую площадь, гадая, где же находится таинственное зеленоглазое существо.

Внезапно впереди появились три человеческие фигуры. Они брели в ту же сторону, что и я.

Один из них упал, потом свалились остальные. Побоявшись приблизиться к ним, я попробовала вызвать кого-нибудь по внутренней связи. Когда я включила переговорное устройство, в голове моей перестало звенеть. Пока я пыталась сообразить, что делать, из динамика раздался странный нечеловеческий голос:

— Кто ты?

Я удивилась и вскрикнула от неожиданности.

— Я — Разрушитель, — продолжал тот же голос. — Так назвал меня твой народ. Кто ты? Может, ты пришла поохотиться на Разрушителя?

Странно. Непонятно. На мгновение я решила, что это какой-то сумасшедший забрался в рубку и развлекается, решив испугать меня.

— Где ты? — собравшись с духом, твердо спросила я. В отчаянии я забыла переключить аппарат связи в режим передачи, но, не замечая этого, снова и снова спрашивала безумца. — Где ты? Где ты? Я хочу помочь тебе!

Отчаявшись услышать ответ, я взглянула на передатчик и увидела, что он включен на прием. И тут же сквозь хрип помех из динамика донеслось:

— Я здесь.

Тут-то все и началось. Полагаю, большин-

ство воспоминаний о происшедшем на «Сигме» — плод моей фантазии... Неожиданно все закружилось у меня перед глазами, и сквозь бурлящий хаос проступило нечто величественное и мерцающее. Внешне существо напоминало человека, а точнее, привидение. Таинственный гигант с глазами, огромными, как реки в половодье. Происходящее настолько потрясло меня, что я только и смогла выкрикнуть:

— Остановись!

И тут же все исчезло. Я снова стала реально воспринимать окружающее. Передо мной стояла переливающаяся, то тускнеющая, почти исчезающая, то вновь наливающаяся светом фигура.

— Я здесь! — повторил незнакомец.

— Что тут происходит?

И вот только тут до меня дошла абсурдность ситуации, в которой я очутилась.

— Помоги мне! — попросил Разрушитель.

— Зачем ты губишь людей? — выкрикнула я.

— Я приближался очень медленно, — ответил он. — Я осторожно касался их, но они заходились в крике. — Он заколебался, потек, теряя форму, превращаясь в дымку, а потом снова обрел контуры великана. Мое сердце громко стучало, но я взяла себя в руки.

— Но меня же ты не убил.

— Ты велела мне остановиться. Я не коснулся твоего мозга. Я создал слуховую и зрительную проекции.

Я не совсем поняла, о чем он говорит, поэтому попросила:

— Тогда пододвинь свою проекцию поближе, но не делай ничего, что может оказаться опасным для меня. Мне хочется рассмотреть тебя получше.

В три гигантских шага таинственное создание пересекло разделяющее нас пространство и нависло надо мной, зеленоглазое и просвечивающее.

— Ты все равно не видишь меня таким, какой я есть на самом деле. Я позаимствовал форму тела у людей, с которыми пытался войти в контакт. Но ваш разум не выдерживает моего прикосновения, даже когда я подхожу медленно.

— А как же я?

— Я шел к тебе быстро, но ты потребовала, чтобы я остановился. Я ведь уже сказал об этом.

— Спасибо, что напомнил. А где Капитан Элва?

— Он мертв, как и остальные. Тут все мертвы.

— Все?!

— Никто же не сказал мне: остановись!

Внезапно я осознала весь ужас его слов и закричала на него:

— Что ты сказал! Все мертвы... Да что же... Не шевелились!.. Почему же ты сам не догадался?! Да кто ты такой? Откуда взялся?!

Я еще что-то кричала, но не помню, что именно. Когда гнев схлынул, я вся дрожала от ненависти и боли. Разрушитель молчал, только дрожал, как желе в формочке. Наконец я успокоилась и спросила:

— Кто ты такой?

— Не знаю.

Тогда я спросила:

— Откуда ты взялся?

— Из космоса. Я существую в... вы называете это песком... в мезонных полях, если точнее.

— Значит ты... — Мысль о том, что передо мной создание глубокого космоса, не умещалась в моей голове. — Ты — живое существо из моря и песка.

Разрушитель кивнул. Я еще не пришла в себя от предыдущего откровения, но теперь вся невероятность происходящего затопила мой разум. Я вслепую, словно обезумев, засыпала его вопросами:

— И все же, кто ты? Как ты можешь общаться со мной?

— На самом деле я не могу, но я разобрался в значении ваших «слов» и «образов». Однако мозг людей слишком мал для меня. Ты можешь не отвечать мне словами, я знаю, о чем ты думаешь. Я использую ваш язык, чтобы ты могла слышать меня.

— Понятно, — тихо пробормотала я.

— Раньше я не понимал вашей природы, — продолжил Разрушитель. — Мне было сложно понять, что вы живые существа, пока ты не велела мне остановиться. В первый раз кто-то из людей обратился ко мне непосредственно. Мне невольно пришло сравнение: как человек разворашивает муравейник, чтобы посмотреть, что в нем происходит, так и я разворошил ваши корабли. Я видел смятение, но не сознавал, что причиняю вам вред.

— Твоя форма жизни разительно отличается он нашей... И много вас там, в песке?

— Я всегда был один.

— Наверное, ты очень одинок.

— Одинок?.. Я... одинок.

Мне показалось, что Разрушитель удивлен моим словам. И тут случилось нечто странное. Стены задрожали, и мне показалось, что корабль вот-вот разлетится на куски.

— Да, я очень одинок.

Дрожание усилилось. Фигура Разрушителя изменила цвет.

— Что с тобой происходит?

Из зеленых глаз гиганта полились слезы. Искрясь, стекали они по мерцающим щекам таинственного существа.

— Как видишь, я плачу. Ведь именно так люди выражают свою печаль?

— Возьми себя в руки. Я понимаю... тяжело сознавать собственное одиночество. Пока не встретишь кого-нибудь, не знаешь, насколько ты одинок.

— Да. Особенно если встречаешь кого-нибудь, кто не такой одинокий, как ты.

— Ты считаешь, что я одинока?

Стены перестали дрожать.

— Конечно. Я прочел это в твоих мыслях. Но твое одиночество не похоже на мое. — И снова он замолчал, заискрился, а потом неожиданно сказал: — Я люблю тебя!

— Что?!

— Я люблю тебя, — снова повторил Разрушитель.

— Ты любишь меня? Почему? — удивленно переспросила я.

— Потому, что ты — очень сильное существо. Ты одинока и... не одинока.

Мне казалось, мысли Разрушителя путаются. И в то же время мне казалось, я его понимаю.

— Мне очень приятно слышать это... очень приятно.

— А ты готова полюбить меня?

Я замерла. Конечно, я испытывала самые разнообразные чувства по отношению к Разрушителю. Постепенно я начала его понимать... хотя я не могла простить ему уничтоженных городов и гибель тысяч людей, но такое...

— Я не хочу обижать тебя, но мне в голову и прийти не может, как все это будет выглядеть... — пробормотала я. — Хотя я могу представить смысл нашей любви...

— Любовь — слово из вашего лексикона. Если я дам тебе то, что ты желаешь, ты полюбишь меня... Я... — некоторое время он молчал внимательно рассматривая меня. — Больше всего на свете ты мечтаешь о потомстве, которое смогло бы жить среди звезд. И ты знаешь, что люди не способны жить в вакууме... Я обещаю не трогать ваши корабли, и твое потомство будет жить среди звезд... и общаться со мной, невзирая на время и пространство...

После таких слов Разрушителя у меня затряслись поджилки. Чаша моего терпения переполнилась. Не знаю, как описать подобное чувство.

И тут он объявил:

— Ты любишь меня! — Он распростер руки и шагнул ко мне. — Приди!

И я шагнула к нему.

Что произошло потом, трудно описать: калейдоскоп цвета, боль, меня подхватило и разорвало в клочья... Прикосновение льда, ожог от мириада чужих мыслей, связных и бессвязных. Водоворот цветов: от белого до красного через все каскады зеленого, через тусклое золото, превращающееся в изумруды глаз Разрушителя. Боль острая, как наслаждение, накатывающая вновь и вновь, наводняющая все мое существо, покалывающая в кончиках пальцев. Она напоминала морской прибой. Волны поднимали меня, бросали и снова поднимали, пока я не закричала. Мое тело сотрясала дрожь. Я ощущала присутствие Разрушителя внутри своего тела... Огненный цветок с обугливающимися лепестками... Я вбирала в себя его сущность, мягкую, как туман, и твердую, как металл.

Была ли это любовь?»

* * *

Следующая запись:

«Сигма девять» развалилась через две минуты после моего отлета. Радиопомехи слепили экраны моего катера.

Гироскоп испортился, и я всю обратную дорогу провела в невесомости, ощущая себя не лучшим образом. На подлете к «Бете два», когда я стала отдавать приказы сторожевому роботу, из динамиков послышался чей-то голос:

— Говорит Смизерс из Дома Суда... Капитан Лилия, Судья Картрайт запретил вам входить в город.

— Что? Я вас не понимаю!

— Я говорю: Судья Картрайт не хочет...

— Открывайте шлюз немедленно, или я за себя не ручаюсь! Дайте мне только добраться до вас!

— Мне очень жаль...

— Вызови Картрайта!

Видно, Судья окончательно свихнулся, если надеялся оставить меня снаружи.

— Со мной два помощника. Мы хотим проэкзаменовать вас и убедиться, что вы не несете с собой смерти и разрушений. Если вы подождете немного, то Судья Картрайт сам...

— Вы что там, все с ума сошли?!

— Нет, Капитан, но наши обряды...

— Плевать я хотела на ваши идиотские обряды!

— Капитан, — вступил в спор новый голос. — Вы можете определить эту ноту?

Из динамика донеся звук трубы.

— Не могу и не собираюсь! Зачем мне заниматься разными глупостями.

— Это часть обряда, который Судья Картрайт составил специально для вас. Звук, который вы слышали, имитирует трубный глас, ниспосланный нашим предкам...

— Я прикажу арестовать тебя, как только выясню твое имя. Данной мне властью объявляю тебя безумцем. Отныне твое место на Холме Смерти... Открывайте шлюз сию секунду! Я выяснила причину катастроф. Я знаю, как предотвратить гибель городов, и если вы впустите меня, то наш корабль не погибнет.

Наступило гнетущее молчание.

— Вы нашли зеленоглазого вожака безумных Одноглазых? Он не прилетел вместе с вами? — заговорил кто-то третий.

— На катере нет никого, кроме меня! — отрезала я. — А тот, о ком вы говорите, вовсе не человек,

и Одноглазые тут ни при чем!

— Кто же он? — спросил тот, что просил меня отгадать ноту.

— Хотите, чтобы я выслушивала ваши дурацкие догадки... Неужели вы не понимаете, что время уходит?

— Пожалуй, следует позвать Судью Картрайта, — задумчиво произнес один из стражей.

Через несколько минут другой стал грызть ногти прямо перед микрофоном. Должно быть, они там на корабле изрядно перетрусили.

— Как хочешь, но я ее впущу! — наконец сдался один из них.

И вот шлюз раскрылся. Я подозревала, что Картрайт сурово накажет ослушавшихся его приказа, но, честно говоря, меня это мало волновало. Через двадцать минут я уже говорила с Судьей по интеркому. Я наговорила ему такого, что у него, наверное, волосы встали дыбом. Но о главном умолчала.

Всю следующую неделю я не выходила из своей каюты.

Наконец я решила побывать на Базаре.

— Паркс, — обратилась я к главному смотрителю. Его ассистент по-прежнему вычерчивал в блокноте странные линии и круги. — У меня

проблема. Сможешь ли ты мне помочь?

— В чем дело, Капитан?

— Я беременна.

— Что?

— У меня будет ребенок. Видимо, мне придется рожать самой, так, как делали наши предки.

От удивления Паркс на какое-то время онемел.

— Как это?!

— Я бы и сама хотела знать, — тяжело вздохнула я. — Ты задал замечательный вопрос. Но в ответе я не совсем уверена. Я хочу, чтобы ты вынул этого ребенка.

— Вы имеете в виду аборт?

— Ну уж нет. Ты должен вынуть его осторожно и поместить в одну из своих колб.

— Ничего не понимаю... Гормональные пищевые добавки поддерживают полную стерильность у горожан. Как же вы... А вы уверены?

— Осмотри меня, — предложила я.

Он сделал обследование и, получив результаты, удивлено почесал затылок:

— Да, действительно... Когда будем делать операцию?

— Прямо сейчас, — твердо ответила я. — И сбереги моего ребенка, Паркс... Я бы выносила его сама, но ты же знаешь, ни одна из женщин города

не выживет после родов, и я не исключение.

— Он будет жить, — пообещал Паркс.

Мне сделали местную анестезию, и я наблюдала за ходом операции при помощи системы зеркал. Занятное зрелище.

Когда Паркс закончил, я чертовски проголодалась. Немного отлежавшись, я отправилась к себе в каюту, перекусила и задумалась. Неожиданно мои мысли прервал звонок Паркса:

— Капитан Ли... Капитан Ли... — и он замолчал, будто подавился.

— Что-то не в порядке с ребенком? — разволновалась я.

— С ним все в порядке, но остальные... Они гибнут. Они умирают. Я потерял половину генетической рассады.

— Усилилась радиация? — Я старалась не выдать дрожи в голосе. В первый момент я подумала, что Разрушитель нарушил данное мне обещание...

Обломки «Сигмы девять» по-прежнему следовали за нами...

— Проверьте себя... Я исследовал ваш эмбрион, он насквозь пропитан радиацией и тем не менее жив и нормально развивается. Так или иначе, источник жесткого гамма-излучения проник на

Базар и погубил половину зародышей. Даже у меня началось легкое недомогание, и я принял дезактивационный душ.

— Понятно, — тяжело вздохнула я. — Перезвоню, если что-нибудь обнаружу.

Я отключилась от Родильного Банка и подошла к настенному счетчику радиации. Судя по его шкале, моя смерть должна была наступить уже несколько часов назад. Тогда я решила позвонить Парксу, но не успела набрать нужный код, как кто-то позвонил мне. На экране возникло изображение Картрайта:

— Мне не хотелось бы беспокоить тебя, Капитан, но я счел необходимым лично заняться этим делом.

— О чем ты?

— Боюсь, мне придется арестовать тебя!

— За что?

— Дело Лилии РТ Восемьсот пятьдесят семь против Нормы.

— Ты, кажется, забыл, что я — Капитан?

— Твое дело не пустяк, Капитан. Ты была беременна, а в нашем городе это не только непростительно, но и незаконно.

— Кто тебе рассказал об этом?

Мне очень хотелось это знать. Я не могла пред-

ставить Паркса в роли доносчика. И ответ Судьи полностью удовлетворил меня.

— Ассистент Паркса мне все рассказал...»

Глава десятая

Еще несколько строчек, и записи закончились. Джонни захлопнул книгу. Тогда таинственный мальчик протянул ему другую.

— Вот дневник Ходжа, — пояснил он. — Ходж был тогда Палачом.

Джонни бегло пробежал глазами лаконичные записи о смертях. Но в голове его звучали строки «Баллады...»

И прошла она сквозь ворота.
На Базаре погибли дети.
Поднялась она на Холм Смерти,
И со смехом Судья ее встретил.

«Так что же случилось с этой женщиной и мальчиком с изумрудными глазами?» — подумал Джонни.

На последних нескольких страницах записи были более подробные. Ходж писал:

«Суд окончен. Быстро все закончилось. Защиты

не было. Я там не присутствовал, но слышал много рассказов об этом. Я вижу ее, когда она подходит к окну карцера. Смерть нависла над ней. Но не думаю, что ее пугает казнь.

Однажды она подозвала меня.

Я остановился на вершине Холма, чтобы лучше слышать. И тогда она спросила:

— Что происходит в городе?

— В городе царит безумие, — ответил я. — Секты вышли из-под контроля... Горожане напали на Одноглазых. Фанатики, вооружившись баллонами со сжатым газом и копьями, охотятся на них по всему кораблю... Ральф мертв, это я знаю, хотя давно уже не бывал на Кольце.

Она всегда отличалась своим спокойствием, но эти новости явно взволновали ее.

— Ты не мог бы позвать Паркса? — попросила она тихим голосом.

— Это запрещено, но я сделаю для вас все, что смогу, Капитан.

Паркс с Базара сразу пришел, словно только и ждал, когда его позовут. Он посмотрел на меня так, будто я должен оставить их наедине, но я не мог сделать этого. В конце концов, Капитан решила, что мне можно доверять, и приказала Парксу все рассказывать.

— Доверять?! — Он взглянул на меня с ненавистью и язвительно заметил: — Может, мне лучше убить тебя?

— Чуть позже, — согласилась осужденная. — Лучше расскажи, что с моим ребенком? Он в безопасности?

Паркс кивнул:

— Фанатики пытались ворваться на Базар и перебили много колб... И тут у меня появилась идея. Видишь ли, Капитан, у нас есть союзница. После одного из налетов, когда убили Ральфа, на Базар пробралась Меррил. Она знала, что я симпатизирую Одноглазым. В общем, я поместил эмбрион в ее тело. Она доносит ребенка и за неделю до родов мы сделаем ей кесарево сечение. Теперь он в движущемся контейнере, и никакие фанатики ему не страшны.

— Здорово придумано! — восторженно воскликнул я. — Но о каком ребенке идет речь, Капитан?

Она не ответила на мой вопрос.

— Это как-то связано с «Сигмой девять»? — спросил Паркс. — Боюсь, ваш ребенок весьма необычен...

— Да, — согласилась Капитан и рассказала нам историю его зачатия. Не много понял я из ее рассказа. Капитан использовала слишком много

ученых слов, но в конце рассказа Паркс зачарованно произнес:

— Так, значит, теперь мы сможем жить в межзвездном пространстве. — А потом добавил: — Сектантам до него не добраться!.. Оставшиеся Одноглазые воспитают твоего сына. Должен сказать, Меррил подозревала нечто в этом роде. Но я не... — И тут он надолго замолчал. А когда снова заговорил, то сменил тему. — Меррил оплакивает вас, Капитан. Когда мы на Базаре обсуждали суд, она... мы все плакали.

Капитан стиснула руки. Ее левое веко задергалось от нервного тика.

— Позаботьтесь о том, чтобы мой сын выжил!»

* * *

Последние две записи:

«Беспорядки нарастают. Судья и сектанты сошли с ума...

Капитан казнена сегодня в шестнадцать ноль-ноль. Капитан Лилия РТ Восемьсот пятьдесят семь».

* * *

Джонни повернулся к сыну Разрушителя.

— И ребенок этот выжил?

Мальчик кивнул.

— Когда я вырос, я мог сделать сколько угодно своих дубликатов, но решил остаться мальчиком...

— Это объясняет многое из того, что раньше мне было непонятно. Как и твой отец, ты существуешь вне времени... Вот откуда мерцание и движение во время хроностазиса, — Джонни нахмурился. — Но обещание... Разрушитель ведь пообещал твоей матери, что ты сможешь достичь звезд и вступить в контакт с человечеством.

— Но он же не сказал когда. Разве ты не хочешь взять меня с собой в университет?

— Конечно, но... — Тут Джонни горько рассмеялся. — С твоими способностями врожденного телепата ты можешь вступить в контакт с кем угодно и когда угодно. Ты станешь самым крупным открытием галактической антропологии со времен... — Джонни замолчал, не в силах подобрать необходимого сравнения.

Мальчик кивнул.

— Мы родились, чтобы помочь человечеству открыть для людей путь к звездам. Мы способны постоянно поддерживать контакт с моим отцом. Вам только надо взять нас с собой туда, где живут

люди, а все остальное мы сделаем сами.

Джонни распирала гордость.

— Обещание, данное твоим отцом, будет выполнено. Контакт с ним пойдет на пользу не только Народу Звезд, но и всему человечеству. И ты станешь своего рода посредником между людьми и отцом. Ты ведь всегда в контакте с ним, независимо от того, где бы ни находился?

Мальчик наклонил голову, словно хотел что-то произнести, но сомневался, стоит ли говорить..

— Мой отец и я — мы одно целое.

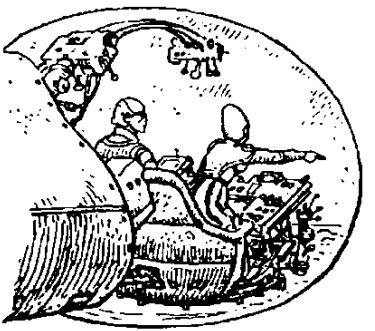
* * *

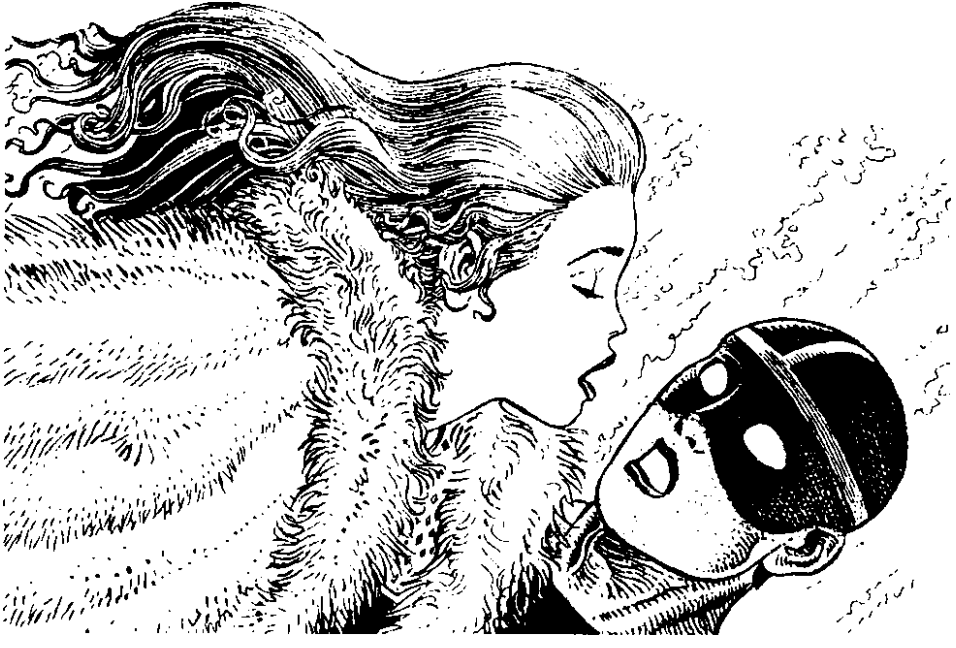
На своем корабле Джонни снова перечитал балладу о «Бете два» и отметил про себя, насколько понятнее и доступнее стала она. Попытка Лилии спасти свой народ была запечатлена в этих сжатых строфах. Но кто написал балладу? Кто-нибудь из последних Одноглазых? Или кто-то из лояльных граждан города, скрытое сострадание которого запечатлелось в поэтическом произведении? Джонни уже строил планы о том, как можно использовать Сыновей Разрушителя на «Кретоне три». Но все равно сквозь все эти мысли пробивались строфы гимна подвигу Капитана, ведь эту балладу смело можно было приравнять

к гимну:

Короткие волосы, ноги в крови,
Следы слез на впалых щеках.
Она вернулась, но не одна.
С ней мальчик — легенда в веках.

СТЕКЛЯШКИ





СТЕКЛЯШКИ

Старику и морю

Глава первая

Иногда я хожу гулять к пристани, размахивая парализованной рукой и поднимая песчаную пыль протезом, пристегнутым к бедру. Потею я во время таких прогулок страшно, а потом пью со старыми шлюхами в прибрежном подвальчике. В такие дни меня гложет печаль. Я чувствую себя разбитым, а если и смеюсь, то громко, с надрывом.

Треть моего лица сожжена во время аварии... Мне еще потом пересаживали кожу на груди. Из-за изуродованной нижней челюсти я, если говорю громко, страшно картавлю. Хирурги не особенно старались, когда латали меня. Еще должен признаться, у меня волосатая грудь, похожая на кусок медвежьей шкуры. А борода на правой щеке начинает расти сразу под глазом. Она у меня рыжая, на шее вьется, на груди волос бурый. Кончики ушей загорели и по цвету как бронза,

хотя кожа у меня светлая.

Причина моих прогулок (если так можно назвать эти походы) — желание покрасоваться, устроить отвратительное представление, а потом разобидеться на весь мир. Но большую часть времени я провожу на природе или в домике, который Подводная Корпорация выделила мне вместе с пенсией. Коврики у меня турецкие, кастрюли — медные. Есть еще книги и магнитофон, хотя я давным-давно его не включал...

Часто по утрам поднимается золотистый туман, и я спускаюсь на берег, брожу босиком вдоль прибоя в поисках стекляшек — осколков бутылок, обточенных морем.

* * *

В то утро поднялся туман, и солнце напоминало медную монету. Я бродил среди скал, любовался заливом. Там, в пене прибоя, нежилась девушка.

Моргнув, я пропустил момент, когда она неожиданно села. Длинные прорези жабр на ее шее закрылись и остались видны лишь кончики щелей на спине, чуть повыше лопаток. Остальное скрыли волосы — копна мокрой вьющейся меди.

— Что ты тут делаешь, а? — спросила девушка, прищурив голубые глазки.

— Ищу стекляшки.

— Что?

— Осколки стекла, обточенные морем. Вон смотри!

Я пальцем ткнул в ее сторону, а потом боком, словно краб, спустился к самой воде, приволакивая негнущуюся ногу.

— Где ты их увидел? — завертела головой незнакомка, наполовину высунувшись из воды. Ее перепончатые пальцы подцепили горсть черных камешков.

Холодная вода омыла мне ноги, когда я наклонился и поднял стекляшку молочного цвета, лежавшую возле ее локтя. Девушка ведь и не взглянула туда. Она встрепенулась. Наверное, решила, что я замыслил что-то недоброе.

— Теперь видишь?

— Что... что это? — Она вытянула холодную руку. На мгновение молочную «драгоценность» и мою перепончатую лапу накрыла ее ладошка. (Да, да! Все так и было. Такие мгновения кажутся удивительными, а потом мы долго-долго с болью в сердце вспоминаем их.) Она тут же отдернула руку.

— Стекляшка, — сказал я. — Ты знаешь, что все бутылки из-под кока-колы, винные бутылки и

стеклянные банки выбрасывают в море?

— Я видела только бутылки кока-колы.

— Волны разбивают их о камни. Течения мотают осколки по песчаному дну, стачивая углы, изменяя форму. Иногда происходят химические реакции, и стекло теряет цвет. А другой раз на стекле проступают прожилки, и кажется, что к нему прилипли снежинки. Некоторые стекляшки вода обтачивает, и они напоминают кораллы. Когда же они высыхают, то становятся мутными, матовыми. Положи их в воду, и произойдет чудо.

— Ого! — Незнакомка вздохнула так, словно грубый треугольный обломок на моей ладони был настоящей драгоценностью.

Потом девушка посмотрела мне в глаза, моргнула слезящимися глазами. (Мы, амфибии, лучше видим под водой.)

А потом нерешительно протянула руку к тому месту на моей ноге, где начинались перепонки. Кто я такой — вот что она хотела узнать. Выглядел — то я ужасно, но в ее сердце мой отвратительный лик вызывал лишь печаль.

Ее значок (грудь девушки слегка вибрировала, как всегда в первые минуты, когда после долгого пребывания под водой вновь начинаешь дышать легкими) сказал мне, что она — техник-биолог. У

меня дома тоже хранится форма из искусственной чешуи. Она лежит на дне сундука с бельем. Но у меня значок глубоководника... Однако я не ношу форму и обычно гуляю в очень потертых джинсах и красной рубахе без кнопок.

Девушка дотянулась до моей шеи, отогнула воротник рубахи и коснулась жаберных щелей, провела по ним холодными пальцами.

— Кто ты?

Наконец-то она решилась спросить меня об этом!

— Кэйл Свенсон.

Незнакомка отшатнулась.

— Ты тот, кто ужасно... Мы помним про тебя... — Она замолчала.

Когда вода коснулась стекляшки, обломок засверкал точно так же, как при моем имени трепетали души и чувства тех, кто хоть раз в жизни выходил в море. Согласно последним данным, ныне в Морском Дивизионе насчитывалось семьсот пятьдесят тысяч человек. Всем им имплантировали жабры и перепонки, а потом отправили на глубину, где нет штормов; расселили вдоль побережий континентов.

— Ты живешь на берегу? Где-то неподалеку? Но раньше...

— Сколько тебе лет?

— Шестнадцать.

— Я был на два года старше тебя, когда все это случилось.

— Тебе тогда было восемнадцать?

— А теперь в два раза больше... Нет... Пожалуй, это случилось лет двадцать назад... Давным-давно.

— Люди до сих пор помнят о том извержении.

— А я почти все забыл. В самом деле... Скажи, ты любишь музыку?

— Ага.

— Отлично! Пойдем ко мне, послушаешь записи. Я заварю чай. Посидим до обеда...

— В три я должна доложиться в Штабе. Тарк будет инструктировать Джонни и его бригаду, как прокладывать кабель на большой глубине. — Девушка улыбнулась. — Но я могу поймать отлив и добраться туда за полчаса. Значит, мне надо уплыть в два тридцать.

По дороге к моей хижине я узнал, что зовут ее Ариэль. Она решила, что мой дворик очарователен, а мозаика восхитительна. «Ох, посмотри-ка!» и «Ты это сам сделал?» Она повторила эти фразы раз десять, не меньше.

(Мозаикой я занимался в первые годы оди-

ночества.) Особенно понравились ей моряки, сражающиеся с китом, и ныряльщик с раненой акулой. Девушка объяснила, что у нее нет времени читать, но книгами, к которым я собрал эти мозаики-картинки, она восхищалась. Долго слушала она мои рассказы. Еще Ариэль много говорила о своей работе, о приручении и использовании глубоководных существ. Потом она сидела на кухне, крутила записи *Ennio Morricone*. А я уложил два десятка устриц на поддон с солью. К тому времени и чайник засвистел...

Я ведь одинокий калека. Мне редко удается поболтать с красивыми молоденькими девушками...

Глава вторая

Эй, Джуао! — заорал я через весь мол.

Он кивнул мне из-за своих сетей. Солнце сверкало на его коже, а волосы казались матовыми.

Через лабиринт сетей я пробрался туда, где, словно паук посреди паутины, сидел Джуао. Не отрываясь от работы, он улыбнулся мне. Мозаика, а не улыбка: золотой зуб, белый, черная брешь, желтая кость и снова белый зуб, золотой, белый. Выставив вперед протез, я присел рядом

с рыбаком.

— Сегодня я ловил за коралловым рифом, там, где ты говорил, — Джуао снова широко улыбнулся. — Пойдешь ко мне выпить, а?

— Конечно.

— Подожди... Мне осталось работы на пару минут...

Такие рыбаки неопределенного возраста есть в каждой прибрежной деревне. С виду им лет шестьдесят, а на самом деле — сорок. И точно так же они будут выглядеть в восемьдесят. Таков и Джуао... Как-то мы сели считать, сколько же ему лет. Оказалось, он всего на семь часов старше меня.

Мы стали друзьями еще до того, как меня искалечило. Я прокладывал высоковольтную линию и запутал ему сети. Большинство парней на моем месте взяли бы нож и с легкостью выпутались бы, погубив сети ценой в пятьдесят пять, а то и в шестьдесят долларов. Но ведь это месячный заработок рыбака! Так что я не стал попусту махать ножом, а всплыл на поверхность и долго сидел в лодке Джуао, пока он меня распутывал. Потом мы вытащили сеть на берег и залатали. С тех пор я помогаю Джуао ловить рыбу, указываю нужные места. А он расплачивается выпивкой.

Вот мы и дружим уже лет двадцать. За это время меня постигло большое несчастье, и я оказался «списанным на берег», а Джуао выдал замуж пять своих сестер, женился сам и завел двух детей. (Ах, эти *bolitos* и *teneror asados*, которые Амалия, жена Джуао, дама с масленистой косой и вечно болтающимися грудями, делала по воскресеньям на обед и ужин! Иногда их хватало и на завтрак в понедельник.) Вместе с Джуао и его женой я летал на вертолете в город, и там, в больнице, мы с Джуао были вместе. Босиком. Тогда он стоял и вычесывал рыбную чешую из своих волос. Мы оба ее вычесывали. Потом я держал его, а он плакал. Я пытался объяснить ему, почему врачи, которые могли за неделю превратить ребенка в амфибию — существо, месяцами живущее под пенной гладью моря, — оказались бессильны перед раком щитовидной железы с обильными метастазами... Джуао и я вернулись в деревню вдвоем за три дня до нашего дня рождения...

Все это случилось, когда мне исполнилось двадцать три, точно так же как Джуао. Только он был старше меня на семь часов...

* * *

— Хочу, чтобы ты прочитал письмо, — сказал Джуао. (Челнок танцевал в паутине сетей на конце оранжевой нити.) — Ответ относительно моих детей... Пойдем ко мне, выпьем. — Челнок остановился, дважды дернулся и мой приятель покрепче затянул узел.

Оставив позади сети, море и причал мы вышли на площадь.

— Как думаешь, в письме положительный ответ?

— Оно из Подводной Корпорации. Обычно, когда они кому-то отказывают, то посылают открытку... А ты как считаешь, они согласились?

— Ты хороший человек, Кэйл. Если мои дети, как и ты, станут жить под водой, я буду счастлив.

— Но ты сильно беспокоишься.

Это я подсказал Джуао пристроить детей в Международную Подводную Корпорацию. Мне не безразлична их судьба, ведь я их крестный отец. Операции по вживлению жабер проводятся незадолго до наступления половой зрелости. Молодым людям — юношам и девушкам во время адаптационного периода приходится долго жить

вдали от дома. А потом амфибии могут выбрать любой океан в мире... Воспитывать двух детей не очень-то легко для Джуао и его сестер. А Корпорация помогает получить образование. Молодых людей ждут путешествия, интересная работа, то, что мы называем хорошей жизнью. Они не будут выглядеть вдвое старше, когда им исполнится тридцать пять. Ведь не многим амфибиям уготована судьба, похожая на мою...

— Я волнуюсь. Ведь работать под водой опасно... Знаешь, они опять хотят попытаться проложить кабель через Разлом.

Я нахмурился.

— Снова?

— Да. Ведь тебя обожгло и искалечило, когда ты занимался именно этим...

— Расскажи подробнее, — попросил я. — Кто на этот раз хочет сунуть голову в пасть тигру?

— Руководит работами молодой человек по имени Тарк. Несмотря на возраст, он уже известен в доках своей храбростью.

— Почему они снова хотят попытаться проложить там кабель? До этого они спокойно жили без силовой линии через Разлом.

— Все из-за рыбы, — ответил мне Джуао. — Ты же сам мне объяснял лет двадцать назад. Рыба

не любит подводные линии электропередач и уходит на глубину. С каждым годом у нас уловы все меньше и меньше... Если моим детям сделают операцию, то станет меньше рыбаков... — Тут он пожал плечами. — Ты ведь знаешь, Корпорация плевала на нас. Они могут проложить линии энергопередач по местам лова, а не через Разлом...

Огромные силовые кабели Подводной Корпорации прокладывали по дну океана, чтобы подавать питание на подводные шахты, фермы и нефтяные вышки (то, что нефти там много, я испытал на собственной шкуре). Энергия требовалась пастухам китовых стад и химическим заводам. Линии высоковольтных передач породили двести шестьдесят новых течений. Они возникли над теми участками океанского дна, где вода содержит большой процент минеральных отложений. Наверное, вы получили бы Нобелевскую премию, если бы объяснили, почему это происходит... Так вот, течения отогнали рыбу в более глубоководные районы, на дно подводных каньонов.

— Тарк думает о рыбаках. Больше силовых линий — меньше рыбы. Он хороший человек.

Я в удивлении поднял брови. Ну уж левую

точно... И попытался вспомнить, что маленькая ундина говорила мне сегодня утром о Тарке. А вспоминать — то особо было нечего.

— Пусть ему повезет больше, чем мне, — сказал я.

— Интересно, а что ты думаешь о молодом человеке, решившем спуститься в пасть Разлома?

На мгновение я задумался.

— Я его ненавижу.

Джуао удивленно взглянул на меня.

— Он — мое отражение. Когда-то я был таким же. — Я замолчал, а потом продолжил: — Завидую... У него есть шанс, который я упустил... Надеюсь, он совершит задуманное.

Джуао пожал плечами, дернувшись всем телом. Характерный жест рыбаков. Когда-то и я мог так делать.

— Не знаю, как у них пойдут дела, но, судя по всему, они серьезно взялись за дело...

— Море... Оно всех рассудит, — пробормотал я.

— Да, — кивнул Джуао.

Позади по бетону зашлепали сандалии. Я повернулся как раз вовремя, чтобы подхватить здоровой рукой свою крестницу. Мой крестный сын ухватился за мою парализованную руку и повис на ней.

— Дядюшка Кэйл!..

— Дядюшка Кэйл, что ты нам принес?

— Вы сейчас повалите его! — прикрикнул на детей Джуао. — Ну-ка отпустите!

Видит Бог, они и внимания не обратили на слова своего папочки.

— Что ты нам принес?

— Что ты нам принес, дядюшка Кэйл?

— Если отпустите меня, я вам покажу.

Они отступили. Зеленоглазые. Дрожащие от предвкушения. Я украдкой взглянул на Джуао: карие зрачки на белках слоновой кости. В правом глазу лопнул сосудик... Он любил своих детей. Но скоро они станут ему чужими, как рыбы, которых он ловил. Видя, в какую ужасную тварь превратился я, он, бедняга, наверное, пытается представить, во что превратятся его дети.

Я, например, не мог без боли в сердце смотреть на то, как резко увеличивается население; как, словно почки, распускаются колонии на Луне, Марсе и на дне земного океана. Амфибии ведь порой ведут себя так, словно разрушили все культурные связи с прибрежными рыбацкими деревушками. Я-то это отлично знаю...

Я полез в карман и выудил мутную стекляшку, которую подобрал на побережье.

— Гляньте-ка. Вы такого не видели.

И дети потянулись к моей перепончатой, нечеловеческой руке.

* * *

В супермаркете — самом большом здании деревни — Джуао купил сласти к чаю.

— Я мягкое и нежное, вкуснее шоколада, — шептала каждая коробка печенья, когда вы снимали ее с полки.

Как раз на прошлой неделе я читал статью о новой, говорящей упаковке в одном из американских журналов. Поэтому я был готов к такому обороту и предпочел торчать в овощном отделе. Потом мы пришли в дом Джуао. Письмо оказалось точно таким, как я ожидал. Детей нужно было завтра утром посадить на автобус, уходящий в город. Мои крестники уже вступили на путь, в конце которого превратятся в «рыб»...

Убрав письмо, мы (я с Джуао) уселись на крыльце. Мы пили и смотрели на ослов и мотоциклы, мужчин в мешковатых штанах, женщин в желтых шарфах и ярких рубахах с гирляндами чеснока. Мимо нас прошло несколько амфибий в сверкающей форме из зеленой чешуи.

Наконец Джуао сказался усталым и ушел по-

дремать.

Большая часть моей жизни прошла на побережье стран, где люди привыкли к полуденному отдыху. А я первые десять лет своей жизни, когда формировались все мои привычки, провел на датской кооперативной ферме и до сих пор не мог заставить себя спать днем... Так что я перешагнул через свою крестницу (она уснула на нижней ступеньке крыльца, подложив под голову кулачок) и пошел через деревню назад, к побережью.

Глава третья

В полночь Ариэль вышла из моря. Она поднялась на скалы и забарабанила ногтями в стеклянную стену моего домика. Словно дождевые капли застучали по стеклу...

В тот вечер я устроился у камина. Собирался почитать, но задремал. Мой домашний компьютер поинтересовался, хочу ли я чего-нибудь, и, не получив ответа, выключил Dvorjak Cello Concerto, притушил свет лампы ночника для чтения, перестал подбрасывать дрова в камин. Когда меня разбудила Ариэль, за каминной решеткой были одни угли.

Но голову от подушки я оторвал, только когда

она постучала во второй раз. Зеленая форма, янтарные волосы — все цвета погибли в серебристом свете луны. Я потянулся к выключателю, нажал кнопку, и стеклянная стена ушла в пол. В лицо мне ударил ветер.

— Чего тебе нужно? — спросил я. — Неужели нельзя выбрать другое время для визитов?

— Тарк на берегу. Он ждет тебя.

Ночь выдалась теплой, но ветреной. По морю к берегу неслись хребты волн, увенчанные белыми барашками пены.

Я протер глаза.

— Это тот, самый главный? Почему ты не привела его ко мне? Зачем он хочет увидеть меня?

Девушка коснулась моей руки.

— Пойдем. Они все внизу на берегу.

— Кто это «все»?

— Тарк и остальные.

Ариэль потащила меня через внутренний дворик к дорожке, ведущей на пляж. Залитое лунным светом море стонало. Внизу на берегу у ревущего на ветру костра столпились люди. Девушка направилась к ним.

Два рыбака сидели на перевернутом корыте и жались друг к дружке. Они играли на гитарах. Их пение — грубое, ритмическое, режущее слух

— разносилось над белеющим в ночи пляжем. Ожерелье из акульих зубов сверкало на шее танцовщицы. Остальные сидели на перевернутом ялике и ели.

На костре с краю стояла кастрюля с большой ручкой. Там между розовыми островами креветок пенилось масло. Одна женщина опускала сырые креветки в кастрюлю, другая вылавливала сварившиеся.

— Дядюшка Кэйл!

— Смотрите, дядюшка Кэйл!

— Эй, а вы что тут делаете? — удивился я, поворачиваясь к крестникам. — Разве вы не должны сейчас лежать дома в кроватках?

— Папочка сказал, что мы можем прийти сюда. Он тоже скоро будет здесь.

Я повернулся к Ариэль:

— В честь чего такой праздник?

— Завтра на заре мы отправимся в Разлом.

Кто-то промчался по песку, размахивая бутылками.

— Они не хотели тебе рассказывать, не хотели задеть твою гордость.

— Мою что?

— Ну, ведь они хотят сделать то, чего ты...

— Но...

— ...к тому же тебя тогда искалечило. Они не хотели тебя расстраивать. Но Тарк все-таки решил повидаться с тобой. Я подумала, что ты не расстроишься. Поэтому и привела тебя на берег.

— Спасибо.

— Дядюшка Кэйл?

Этот голос был грубее и глубже, чем детские голоса моих крестников.

Позвавший меня человек сидел на бревне спиной к костру и ел сладкую картошку. Отблески пламени играли на темных скулах и влажных волосах. Он встал, подошел ко мне, поднял руку. Я тоже поднял руку. И мы хлопнули друг друга по ладони.

— Здорово, — улыбнулся юноша. — Ариэль сказала, что ты придешь. Завтра мы собираемся проложить силовой кабель через Разлом.

Чешуйки на рукавах формы Тарка поблескивали. Он казался очень сильным. А держался спокойно.

— Я... — Тут он замолчал. Мне показалось, что он похож на счастливого танцора, удачно исполнившего свой номер. — Я хотел поговорить с вами о Разломе.

А я думал, он заговорит об острых кораллах и об акулах.

— И о... той аварии... Если вы согласитесь.

— Конечно, — ответил я. — Если это хоть чем-то поможет тебе.

— Видишь, Тарк! Я же говорила, что он согласится, — выпалила Ариэль.

Я слышал, как изменилось дыхание юноши.

— Вы и в самом деле не обидитесь, если я попрошу рассказать о том несчастном случае?

Я покачал головой и только тут понял, что с голосом Тарка. Подводный герой был мальчишкой, голос его ломался... Ему еще не исполнилось и девятнадцати.

— Скоро мы отправимся ловить рыбу, — продолжал Тарк. — Пойдете с нами?

— Если дойду.

* * *

Бутылка пошла по кругу. От женщины у кастрюли с креветками она попала к одному из гитаристов, потом к Ариэль и, наконец, ко мне. Я передал ее Тарку.

Мы пили ром. Этот напиток делали в семи милях от берега, в пещере. Из-за затвердевшей кожи в левом уголке рта мне трудно пить из горлышка. Ром струйкой побежал по подбородку.

Тарк выпил, вытер рот и положил руку мне

на плечо.

— Отойдем к воде.

Мы отошли от костра. Несколько рыбаков последовало за нами. А амфибии посмотрели в нашу сторону и отвели взгляды.

— Все дети в деревне называют вас дядюшкой Кэйлом?

— Нет. Только мои крестники. Я познакомился с их отцом, когда был в твоем возрасте.

— А я думал, все вас так зовут. Извините.

Мы добрались до влажного песка. Оранжевые блики играли на нашей коже. Из песка торчал залитый лунным светом остов разбитой лодки. Тарк присел на его край. Я сел рядом. Вода доходила нам до колен.

— Неужели силовой кабель нельзя проложить в другом месте? — спросил я. — Обязательно лезть в Разлом?

— Я хотел спросить, что вы думаете обо этом предприятии. Но теперь вижу, не стоит. — Юноша поежился. — Появляется все больше проектов относительно этой части океана. Нам нужны новые мощности. Старые линии страшно перегружены. В конце июня в Кайне из-за перегрузки случилась авария, отключилось освещение. Весь поселок два дня оставался без света, и двенадцать

амфибий умерло от переохлаждения, задержавшись в холодных течениях. А если мы проложим кабели через Разлом, то и рыбакам не навредим.

Я кивнул.

— Так что же случилось с вами в Разломе?

Я молчал.

Нетерпеливый, испуганный Тарк. Вначале мне вспомнилась не сама трагедия, а ночь накануне, прогулка по берегу, парни, при виде амфии сжимающие кулаки от страха и неприязни... Несколько индейцев вернулись из пещеры, где по сей день гнали крепкий напиток. Мы общались с ними на языке жестов... А в тот далекий вечер один из них задел какую-то живую струну в моей душе (как Тарк этим вечером), и мы долго обсуждали свои гороскопы.

Мать Джуао знала язык знаков, но ни он, ни его сестры не изучили его, потому что хотели быть современными. Они, как все дети, смущались своего невежества.

— Когда я был мальчиком, мы отваживались бродить по бревнам лесосплава. Помню стояла жара. Бревна крепкие, как скалы. Если вода раздвинет их, а ты соскользнешь в щель, то бревна могут сомкнуться и раздавить тебя. — Тарк покачал головой. — Порой дети делают совершенно

безумные вещи... В ту пору мне было лет восемь-девять. Это еще до того, как я стал подводным мальчиком.

— Откуда ты?

Тарк поднял голову.

— С Манилы. Я — филиппинец.

Море лизало наши колени, планширь покачивался под нашим весом.

— Что случилось тогда в Разломе?

— Внизу, в Разломе, много вулканов...

— Я знаю.

— И море там чувствительное, как женщина, сделавшая новую прическу. Мы вызвали обвал. Кабель лопнул.

Закоротило. Разряд ударил в землю и началось извержение. Лава была такой горячей, что вода в море вскипела, вспенилась футов на пятьдесят. Так говорят очевидцы.

— Отчего случился обвал?

Я пожал плечами.

— Бог знает. Скалы обрушились. Может, все дело в шуме машин... хотя мы старались работать осторожно. Может, виной всему один из кабелей питания. А может, кто-то задел не тот камень...

Мой собеседник сжал кулак правой руки левой, потом отпустил его, попытался расслабиться.

Кто-то позвал:

— Кэйл!

Я поднял голову.

Штаны Джуао были засучены до колен, рубашка парусом вздулась на соленом ветру. Он стоял среди волн... Ветер играл в волосах Тарка... На берегу горел костер...

Тарк тоже поднял голову.

— Они хотят поймать большую рыбу! — крикнул нам Джуао.

А рыбаки уже спускали лодки на воду. Тарк сжал мое плечо.

— Пойдем, Кэйл. Половим рыбу.

Мы встали и вернулись на берег.

Джуао подхватил меня и помог выбраться на сухой песок.

— Ты, Кэйл, поплывешь в моей лодке!

Кто-то принес едкие, шипящие факелы. Волны били в борта лодок, и те приплясывали на воде, как поплавки.

Джуао запрыгнул в лодку и взялся за весла. Зеленые амфибии ныряли в набегающие волны и исчезали под водой. Мой друг начал грести. Его руки казались белыми в лунном свете. Костер на берегу уже догорал. Потом раздался громкий всплеск, и в небе расцвел огненный цветок. Сиг-

нал. Значит, амфибии заметили большую рыбу.

Огненный шар некоторое время висел в воздухе. Ракета мигнула раз, два, три, четыре раза. (Это означало, что вес рыбы двадцать, сорок, шестьдесят... нет, восемьдесят стоунов.) Потом огонек погас.

Я расправил плечи и расстегнул пряжку ремня.

— Джуао, я хочу поплыть рядом с лодкой!

Рыбак греб не останавливаясь.

— Хорошо. Только держись за веревку.

— Конечно.

Веревка была привязана к корме лодки. Я сделал петлю на другом конце пенькового фала и перекинул ее через плечо. Отстегнув протез ноги, я нырнул в темную воду...

* * *

...Теперь над моею головой сияла мать всех жемчужин — Луна. А еще плавала тень лодки Джуао. Она покачивалась футах в десяти над моей головой. Я же нырнул еще ниже, под раны в теле моря, которые оставляли рассекающие воду весла.

С помощью одной руки и одной ноги, снабженной перепонками, я перевернулся и посмотрел

вниз. Веревка дергалась каждый раз, когда весла Джуао загребали воду. Меня тащило вслед за лодкой.

Тем временем амфибии запалили подводные факелы. Далеко внизу сверкали их спины. Мои сородичи описывали большие круги. Они казались огромными глубоководными рыбами с флюоресцентными органами. Я видел и будущую жертву, высвеченную их огнями.

Вы никогда не охотились на рыбу с копьем? В эту ночь копье было в руках Тарка. Остальные вооружились сетями, чтобы спеленать добычу и поднять ее к лодкам рыбаков.

Но неожиданно внизу что-то пошло не так. Копье оказалось коротко!

Рыба, размером с человека, стала подниматься к поверхности, проскользнув мимо сетей. Она едва не выскочила из воды, удирая от людей. Амфибии неслись следом. Когда-то я тоже бросал сети, покрытые смолой и известью, пытаясь поймать рыбу... Наконец петля на конце одной из сетей поймала жертву, и в свете движущихся огней я увидел, как натянулась сеть. Рыба повернулась и снова стала подниматься, направляясь ко мне, потом дернулась в сторону, когда петля соскочила.

Внезапно надо мной мелькнула тень одного из амфибий.

А борьба с рыбой продолжалась. Тарк, копье которого вонзалось все глубже в тело жертвы, держался впереди и чуть левее рыбы, почти оседлав ее. Добыча пыталась стряхнуть его, била хвостом, металась из стороны в сторону, постепенно поднимаясь к поверхности. Изо всех сил загребая рукой, я потянулся и вцепился в планшир лодки Джуао.

Тарк и рыба всплыли между лодок. Они взвились в воздух... волшебное зрелище в лунном свете. Теперь рыба плыла у самой поверхности, то выпрыгивая из воды, то ныряя.

Юноша-амфибия что-то прокричал, привстав на своем норовистом скакуне. Кто-то из рыбаков бросил веревку, привязанную к носу лодки, и Тарк поймал ее.

Снова рыба, Тарк, я и еще десяток амфибий ушли под воду. И каждый из нас был окружен нимбом пузырьков. Рыба дернулась, натянув одну из сетей, и Тарк слетел со своего скакуна, но почти сразу вернулся на прежнее место. Потом сети стали вытягивать одну за другой, и трепещущую рыбу потянули к поверхности.

Шесть сетей с шести лодок оплели добычу.

Мгновение, и рыба неподвижно застыла — субмарина, залитая лунным светом. Я видел тянущийся за ней шлейф крови.

Когда рыба (и мы вместе с ней) снова поднялись к поверхности, то оказались неподалеку от лодки Джуао. Я держался в стороне, когда Тарк (его тело блестело в свете Луны), проплыв мимо меня, залез в лодку моего приятеля.

— Давай сюда, — позвал он меня, встал на колени и протянул мне руку, в то время как Джуао перебрался к другому борту, чтобы хрупкое суденышко не перевернулось.

Кольца влажной веревки одно за другим ложились на дно лодки.

— А вот и Кэйл! — воскликнул Тарк и одним рывком вытащил меня из воды.

Рыба качалась на волнах с белыми барашками. Лодки подошли поближе. Теперь уже все амфибии поднялись на поверхность. Среди них оказалась и Ариэль. У нее в руках был подводный факел, и дым его стелился по воде. Девушка пыталась заглянуть через плечо рыбака, стоявшего перед ней.

Джуао и Тарк стали подтягивать добычу к лодке. Я тоже впился в сеть здоровой рукой. Наша рыба покачивалась на поверхности.

Я как раз надел штаны, когда Тарк повернулся и обнял меня мокрой рукой:

— Посмотрите на нашу добычу! Вы только посмотрите, дядюшка! — Он смеялся, задыхаясь. Его темное лицо сверкало в свете факелов. — Кэйл, вы только посмотрите на нашу рыбу!

Джуао усмехнулся и стал разворачивать лодку, чтобы вернуться на берег.

Огонь, пение, хлопки в ладоши... Мои крестники, насыпав камешки в бутылку из-под рома, встряхивали ее в такт музыке. Гитаристы лупили по струнам, когда мы вытаскивали рыбу на песок. Все, кто был на берегу, собрались вокруг нашей добычи.

— Посмотрите! — Тарк схватился за толстый конец большой палки, толще его запястья. Ловким движением он перевернул рыбу, ткнул двумя пальцами в белую плоть в шести дюймах от губ рыбы. — Здорово!

Тарк вдавил копье поглубже.

Рыбаки выпотрошили рыбу и перенесли ее к костру. Индейцы притащили еще несколько бутылок рома.

— Эй, Тарк. Ты бы поспал немного перед утренней вахтой? — предложил я юноше.

Он покачал головой.

— Я спал весь день. — Он махнул рукой в сторону рыбы. — Это мой завтрак.

Танцы стали еще неистовее. Рыбу затащили на угли, а ребята палками выкатили из пепла сладкую картошку. Я доковылял до разбитой лодки, на которой сидел раньше. Был прилив, и обломки на три четверти скрылись под водой.

Рядом с лодкой, нырнув под воду, спал Тарк. Жабры на его шее ритмично пульсировали, только одно плечо и бедро островками торчали из-под воды.

* * *

Собравшиеся у костра сняли рыбу с огня.

— Где Тарк? — поинтересовалась Ариэль.

— Лег вздремнуть.

— Он же хотел попробовать рыбу!

— Ему предстоит тяжелая работа. Ты ведь не станешь его будить?

— Нет, конечно. Пусть поспит.

Но Тарк уже вылез из воды, зачесал мокрые волосы назад, убрав их со лба.

Усмехнувшись нам, он подошел к рыбе. Я помню, как он разделывал ее. Поднимался и опускался большой нож (деталь, которую я запомнил лучше всего). На мгновение рука Тарка замирала

внизу, а потом снова взлетала вверх.

В эту ночь звучала музыка, и люди кружились в танце на песке возле костра. Мы веселились, заглушая грохот прибоя...

Глава четвертая

Автобус восемьсот тридцатого маршрута пришел почти по расписанию.

— Они не очень-то хотят ехать, — сказала сестра Джуао. Она должна была отвезти детей в местное отделение Подводной Корпорации.

— Дети просто устали, — возразил Джуао. — Спать легли на рассвете... Давайте в автобус. И не забудьте сказать «до свидания» дядюшке Кэйлу.

— До свидания.

— До свидания.

Детей словно подменили. Я подозреваю, что мои крестники впервые страдали (по крайней мере, мальчик). В это утро они были такими тихими.

Я подошел и заключил их в неуклюжие объятия.

— Когда вернетесь, в первые же выходные свожу вас на разведку в одно место. Вы сами сможете собирать там кораллы.

Сестра Джуао заплакала, обняла детей, обняла меня, Джуао. Потом забралась в автобус.

Кто-то закричал, что, наверное, автобус застрял здесь навсегда. Но вот мотор зарычал, автобус сделал круг по площади и поехал в сторону скоростного шоссе. Я и Джуао перешли на другую сторону улицы. Там было открытое кафе — столики и стулья с сиденьями из парусины.

— Я потерял детей, — сказал мой друг, словно преступник, наконец признавшийся в своих деяниях.

— Ты и я — мы вместе потеряли их.

* * *

В доках, неподалеку от пристани для судов на подводных крыльях, откуда подводная лодка отправлялась в подводные города, собралась толпа.

В толпе закричала женщина. Она стала толкаться, бросила кошелку с яйцами и луком. Несчастная рвала на себе волосы, рыдала. (Помните, как варили креветок? Там была женщина, которая вынимала их из кастрюли. Так вот, это была она.) Стоявшие рядом попытались успокоить ее.

Несколько человек отделились от толпы и побе-

жали по улицам. Я поймал за плечо пробегавшего мимо мальчишку, развернул к себе лицом.

— Что там, черт возьми, происходит?

Несколько мгновений рот юноши открывался беззвучно, как у рыбы, вытащенной на берег.

— Извержение... — наконец вымолвил он. — Привезли тех, кто погиб в Разломе.

Я еще крепче сжал его плечо.

— Когда это случилось?

— Около двух часов назад. Ребята уже прошли четверть маршрута, когда кто-то из них совершил ошибку. Они разбудили подводный вулкан. Им всем здорово досталось.

Джуао бросился к пристани. Я отпустил парня и последовал за своим другом, стал пробираться сквозь толпу, среди ситца и чешуи.

Амфибии вынесли трупы из люка подводной лодки и уложили на огромный белый холст, расстеленный на причале. Они возвращали тела на родину, чтобы семьи похоронили несчастных по своим обычаям.

При извержении подводного вулкана море кипит, соприкасаясь с льющейся из жерла вулкана магмой...

Три тела оказались лишь немного обожжены. Глядя на раздутые лица (у одного было окровав-

лено ухо), я решил, что они умерли от взрывной волны. А нескольких мертвецов почти целиком облепило тусклым черным стеклом.

С трудом совладав с собой, я спросил:

— Тарк... Тарк тоже погиб?

Минут сорок расспрашивал я амфибий, грузивших тела, а потом отправился в здание администрации и там узнал, что одним из тех, кого из-за увечий вначале не смогли опознать, был Тарк.

* * *

В том же самом кафе на площади Джуао заказал мне стакан кислого молока. Долго-долго сидел он неподвижно, а потом подергал седые усы и положил руки на колени.

— Как все обернулось, а? — протянул я.

— Пора идти чинить сети. Завтра утром я отправляюсь ловить рыбу. — Тут Джуао сделал многозначительную паузу. — Ты составишь мне компанию, а Кэйл?

— Удивительно, что ты меня приглашаешь... Да ведь ты же отослал ребят!

Мой друг кивнул.

— Но я же не могу расстаться с морем! Всю свою жизнь я провел в этой деревне. Где же мне еще ловить рыбу, как не здесь?

Я допил кислое молоко.

— Обрыв на краю Разлома высокий... Вечером можно будет собрать много битой рыбы. Мелкая рыбешка уйдет ко дну, а большие рыбины всплывут.

Джуао кивнул.

— Знаю. Мы оправимся за ними на рассвете.

Мы встали.

— Пока, Джуао.

Я захромал назад, к берегу.

Эпилог

Туман укутал пляж сырым одеялом и не желал уползать часов до десяти. Я бродил по песку, тыкал в груды водорослей своей деревянной ногой. Потом поднялся на прибрежные скалы. Только тогда я увидел ее.

— Ариэль?

Девушка была внизу, стояла на коленях у воды, низко опустив голову. Ее рыжие волосы оказались сострижены так коротко, что полностью обнажились жаберные щели. Плечи то и дело вздрагивали от рыданий.

— Ариэль?

Я стал спускаться по сверкающим от влаги

камням. Девушка даже не повернулась в мою сторону.

— Сколько ты просидела здесь? — спросил я ее.

Ариэль наконец-то подняла голову, но она лишь молча покачала ею в ответ на мой вопрос. Глаза ее покраснели от слез. Лицо ничего не выражало.

Шестнадцать? Кто был тот психолог, который сотню лет назад провозгласил, что юноши и девушки не взрослеют без серьезных жизненных невзгод?

— Не хочешь подняться ко мне в дом? — спросил я у Ариэль.

Она быстро покачала головой, но потом замерла. А я продолжал:

— Думаю, они отослали тело Тарка назад, в Манилу.

— У него не было семьи, — ответила она. — Его должны были похоронить здесь, в море.

— Я не знал...

Осколки грубого вулканического стекла лежали по всему пляжу. Они были различной формы и все матовые...

— Ты... ты сильно любила Тарка? Мне казалось, вы созданы друг для друга.

— Да. Он был ужасно милым... — Потом Ариэль

поняла, что я имел в виду, и вздрогнула всем телом. — Нет, — поправилась она. — Нет. Мне больше нравился Джонни... помнишь, мальчик из Калифорнии? Он был среди охотников в прошлую ночь. Мы с ним оба из Лос-Анджелеса, но встретились только здесь. А теперь... его тело тоже отослали родным.

Девушка закрыла глаза.

— Извини.

Вот так! Я оказался черствым калекой, надругавшимся над чувствами девушки. Если бы вы оказались на моем месте и, как я, взглянули бы на себя в зеркало, вам бы тоже не понравилось то, что вы увидели.

— Извини, Ариэль.

Она открыла глаза.

— Давай поднимемся ко мне. Ты поешь авокадо. У меня они есть, а в супермаркете нет. Только на базаре. Они лучше калифорнийских.

Ариэль огляделась с отрешенным видом.

— Никто из амфибий не ходит туда. Обидно, потому что скоро рынок закроют, и тогда авокадо подорожают... Растительное масло и виноград — все, что стоит там покупать, кроме авокадо. — Я снова повернулся к скалам. — А может, чашечку чая?

— Ладно. — Ариэль попыталась изобразить улыбку. Я знал, как плохо сейчас бедному ребенку. — Спасибо... Но я все равно ненадолго.

Мы стали подниматься на скалы, к моему дому. Когда мы добрались до заднего дворика, Ариэль остановилась и обернулась:

— Кэйл?

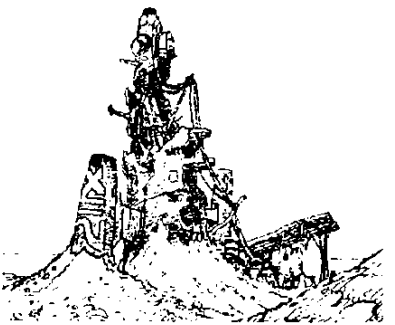
— Да?.. Что?

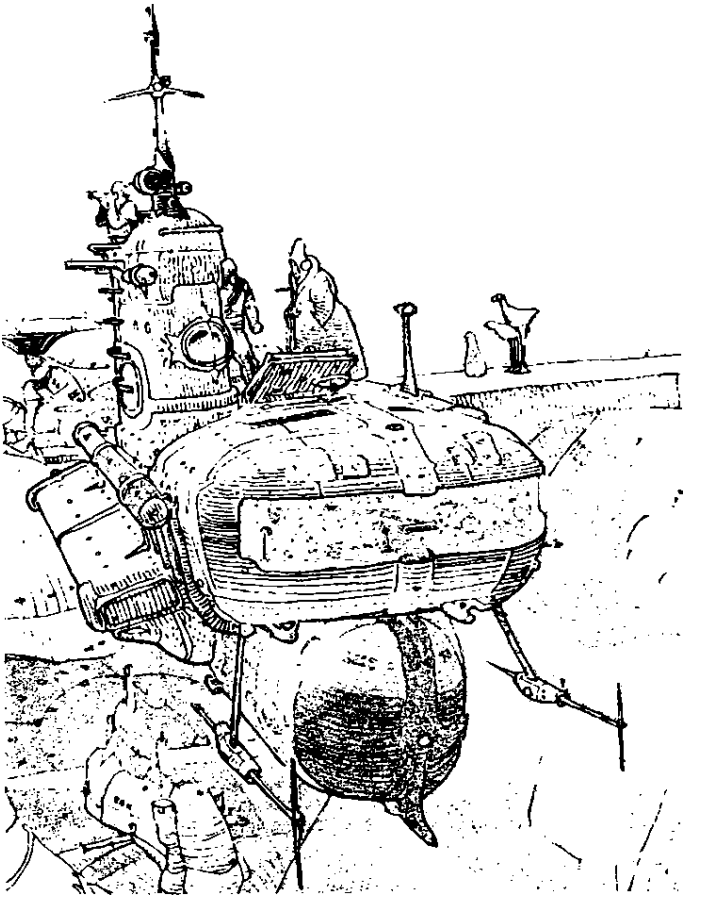
— Видишь вон то облако над водой? Единственное на небе. Оно как раз над тем местом, где было извержение?

Я искоса взглянул на облако.

— Думаю, да.... Заходи...

ХОМО АСТРУМ





ХОМО АСТРУМ
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ИЛИ РАСТЕШЬ, ИЛИ УМИРАЕШЬ
Глава первая

Представьте себе два огромных стекла, а между ними земля, пронизанная множеством ходов. А если добавить несколько длинных полос пластика, получится настоящий террариум...

Когда я был ребенком, я держал в таком террариуме колонию муравьев...

Но совсем недавно кто-то из малышей нашей полисемьи (самому старшему из них лет шесть, а самому младшему — четыре) построил террариум из шестифутовых пластиковых панелей, установив их в желобках каркаса из алюминиевых прутьев. Внутрь он насыпал песок.

В одном углу террариума творец крошечного мира устроил грязную лужу — сквозь прозрачный пластик было видно, что происходит под водой. Через пару дней дождевые черви прорыли в красноватой земле многочисленные туннели, которые просматривались вглубь на несколько дюймов. В горячем воздухе внутри пластиковой

коробки по утрам поднимались туманы, а иногда шли дожди. Маленькие круглые листочки на лакмусовых лозах стеклянных растений меняли цвет от синего до пурпурного, точно облака, скользящие по небу. Изменения происходили в соответствии с легко меняющейся кислотностью почвы...

Дети выбегали еще до зари, плюхались голыми животиками на холодный песок и, подперев подбородки ручонками, в полутьме наблюдали, как красное мельничное колесо Сигмы встает над кроваво-красным морем. В это время суток песок казался темно-красным, а цветы растений-кристаллов искрились словно рубины в тусклом свете далекого солнца. Чуть поодаль от берега о чем-то своем шептали джунгли... Дети хихикали, толкались локтями, но старались держаться вместе.

Потом Сигма-прим — вторая половина двойной звезды — вспыхивала над водой пылающим термитом, и алые облака белели до цвета коралла, потом персика и, наконец, превращались в морскую пену. Дети начинали играть, устраивали кучу-малу, и солнечные лучи искрились в их волосах.... даже у маленького Энтони, моего старшего сына, чьи волосы черны и вьются, словно

бурлящая нефть (точно так, как у его матери)...

Дети садились на корточки, опускались на колени, сгибались, замерев в каком-нибудь дюйме от стен, едва не уткнувшись в них носами, и, словно юные волшебники, смотрели, как распускаются растения и растут различные существа, нашедшие приют за пластиковыми стенами. Очарованные собственным сооружением, малыши изучали чудо жизни, наслаждаясь собственным зоологическим музеем...

Маленькое красное семечко лежало спрятавшись в трещине на дне лужи-озера. Однажды вечером, когда белая Сигма-прим покинула фиолетовые небеса, семечко раскрылось, выпустив личинку, такую же длинную, как первый сустав большого пальца Энтони. Личинка щелкала жвалами и ползала по грязи несколько дней, потом направилась к ближайшей ветви кристаллического растения, повисла на ней головой вниз, зацепившись за растение кончиками задних лапок. Постепенно ее коричневая плоть затвердела, кожа стала толще. Существо оделось в блестящий, черный кокон...

Однажды утром дети увидели, как ониксовый кристалл кокона треснул и через секунду крылатая ящерка с изумрудными глазами, жужжа,

закружила по воздуху, тыкаясь в пластиковые стены.

— Посмотри, пап! — позвали меня ребятишки. — Она пытается пробить пластик.

Неугомонное существо билось о пластиковые стены несколько дней. Потом, смирившись со своей участью, стало ползать в тени вокруг широких листьев «пальм».

* * *

Похолодало. Начались обычные споры с детьми из-за того, что им нужно надеть рубахи. (Они никогда не носили их дольше двадцати минут...)

От холода драгоценности кристаллического растения подернулись туманной поволокой. Грани кристаллов превратились в шершавые необработанные поверхности, а потом одно из растений рассыпалось на маленькие камешки.

* * *

Еще в террариуме жили четыре маленьких ленивца, размером с кулачок шестилетнего малыша. На лапках у них были огромные присоски. Большую часть времени они проводили прижавшись бархатистыми телами к стенам,

глядя куда-то вдаль искрящимися, выпуклыми глазками. Недели через три двое из них начали пухнуть. Сначала все подумали, что ленивцы заболели. Но однажды вечером таинственные существа неожиданно «похудели», и в террариуме появилась пара крошечных белых бархатистых шариков. Они прятались под нижними листьями «пальм». Их родители висели рядом и не отлучались от своих детишек.

Кроме лужи в террариуме был обломок камня, изображавший скалу. Он лежал, наполовину погрузившись в лужу, и, насколько я помню, порос тем, что я называл горчичным мхом. Его много на побережье. Однажды на прогулке я заметил какой-то белый клок, вырвал его и принес малышам. А на следующий день дети прибежали ко мне. Они собрали у террариума всех взрослых, кто в это время был в поселке.

— Посмотрите! Папы, мамы, посмотрите!..

Клок мха, оторванный мной, окончательно отделился от основной массы и теперь волосатиком бродил вдоль края лужицы, вдоль полоски липкой грязи.

* * *

Я оставил работу и отправился на Тау Кита, заказал запчасти для двигателей. Вернулся я дней через пять.

К тому времени волосатик пустил корни, нити стали гуще и уже выпустили маленькие круглые листики на лакмусовых стебельках. Среди этих новых ростков, пробившихся на его спине, было нечто напоминавшее клешни и глаза, затянутые мутной пеленой. А еще через день волосатик выпустил полупрозрачные крылышки. Он тоже оказался летающей ящерицей, но совсем другого вида. Ее жемчужное горлышко все время пульсировало, но стоило мне остановиться и внимательнее посмотреть на ящерицу, она замирала. Перед тем как умереть (им отведен очень краткий срок жизни), ящерица облазила весь террариум, а потом исчезла в луже, разбросав вдоль всего берега красные семена.

Глава вторая

Помню, я вернулся домой с работы. Тогда я занимался техническим обслуживанием челноков

на Пересадочной станции — кольце, кружащемся вокруг планеты в системе Альдебарана. Дома я не был довольно долго. И вот я вышел с причального комплекса и побрел по зарослям высокой прибрежной травы. Никто меня не встречал.

Это меня обрадовало, потому что вечером накануне я сильно перебрал. А утром еще сделал пару глотков из фляги, спасаясь от похмелья, но уже на поверхности планеты...

Свист ветра в ветвях напоминал свист кнута. Солнце, повиснув над песками, вытянуло пурпурные пальцы. Его свет слепил. Я радовался тому, что никто не заметил посадки модуля. Ведь соскучившиеся дети облепили бы меня, начали бы задавать вопросы, а мне не хотелось ломать голову над ответами. Взрослые никогда не задают таких трудных вопросов, как дети.

Но вот, уничтожив идиллию, пронзительно закричал ребенок. Он закричал еще раз... И потом выскочил из самых густых зарослей и помчался ко мне. Это оказался Энтони. Он то бежал, то мчался на четвереньках. Подскочив, он повис на мне, обхватив мою ногу.

— Ой, пап! Пап! Ведь это ты? Ты, пап?

Я сбросил ботинки, зашвырнул рубашку на перила веранды ближайшего дома, но оставил

рабочие штаны, хотя обычно дома мы все ходим голые. Энтони крепко сжал в кулачках их ткань и не выпускал.

— Эй, малыш. В чем дело?

Когда наконец я усадил его себе на плечо, он уткнулся заплаканным, мокрым лицом в мои волосы.

— Ах, пап! Все не так, не так!

— Что не так, малыш? Расскажи папочке.

Энтони заплакал мне в ухо. Он хотел, чтобы я пошел вместе с ним к пластиковому террариуму на берегу.

Дело в том, что малыши вставили маленькую дверцу в одну из стен и снабдили ее замком с комбинацией из двух цифр, чтобы не случилось какого несчастья. Я решил, что Энтони узнал комбинацию, подглядывая за другими детьми, а может, просто подобрал ее.

Теперь же дверца была открыта, один из юных ленивцев выбрался из террариума и отполз фута на три в нашу сторону.

— Посмотри, пап! Он сошел с ума, он укусил меня! Пап, он укусил меня! — Рыдания Энтони превратились в сопение, и он показал мне распухший, посиневший синяк на запястье, его пересекал полумесяц розовых точек. Потом Энто-

ни пальцем указал на существо.

Ленивец дрожал всем телом. Кровавая пена выступила в уголках его губ. Он тщетно разгребал песок своими неуклюжими присосками, выпучив крошечные глазки. Неожиданно пушистый зверек повалился набок, задергал ногами. Дыхание с шипением вырывалось из его глотки, как из пробитого клапана.

— Ленивец не выносит такой жары, — объяснил я Энтони и помог зверьку подняться на ноги.

Он попытался укусить меня, но я вовремя отдернул руку.

— У него солнечный удар, малыш. Вот он и сошел с ума.

Неожиданно ленивец широко открыл рот, разом выдохнул весь воздух и больше не сделал ни одного вдоха.

— Теперь все будет в порядке, — тихо проговорил я.

Еще два ленивца толкались у дверцы, не решаясь вылезти на песок. Над присосками сверкали яркие черные глазки. Я затолкнул их назад кусочком ракушки и закрыл дверцу. Энтони по-прежнему смотрел на белый меховой шар на песке.

— А теперь он перестал сходить с ума?

— Он мертв, — объяснил я малышу.

— Мертв, потому что вышел наружу, да, пап?

Я кивнул.

— А отчего он сошел с ума? — Малыш сжал кулак и размазал слезу по верхней губе.

Я решил изменить тему разговора. Мы подошли к тому, о чем говорить с маленьким ребенком мне вовсе не хотелось.

— У тебя-то все в порядке? — поинтересовался я. — Ты, малыш, сегодня дал маху. Ну, да ладно... Иди и приведи в порядок свою руку. Парни в твоем возрасте должны сами уметь это делать. — Одновременно обернувшись, мы посмотрели назад, на поселок.

Такие маленькие ранки, как у Энтони, легко инфицировались. Они уже вспухли.

— А почему ленивец сошел с ума? Почему он умер, когда оказался снаружи, а, пап?

— Он не вынес прямого солнечного света, — стал объяснять я малышу, когда мы направились в сторону джунглей. — Такие животные большую часть жизни проводят в тени. Пластиковые стенки и крышка террариума задерживают ультрафиолетовые лучи точно так же, как листва в глубине джунглей. А свет Сигмы-прим насыщен ультрафиолетом. Кстати, именно благодаря

ультрафиолету ты так замечательно выглядишь, малыш. Кажется, твоя мама говорила мне, что нервная система у этих пушистиков очень чувствительна и под воздействием ультрафиолета нервные окончания быстро разрушаются... Ты понимаешь, о чем я говорю?

— Угу, — кивнул Энтони. Потом он чуть замялся. — Это ведь нехорошо, пап... — он не останавливаясь рассматривал свой укус, — если они окажутся снаружи... несколько из них?

Тут я остановился.

Солнце искрилось в волосах малыша. От окружавшей зелени (к тому времени мы уже оказались на окраине джунглей) на загорелые щечки мальчика легли зеленоватые тени. Он усмехался едва заметно, и было в этой улыбке больше удивления, чем насмешки. Если я и злился на него, моя ярость мгновенно испарилась, сменившись нежностью. Она затопила меня словно поток пыли, и мне захотелось обнять, прижать к себе сына.

— Я не знаю, что случится, малыш.

— Почему?

И снова я не ответил.

— Плохо может стать и тем существам, которые остались внутри террариума, — сказал я ему. —

Но это случится не сразу, а через какое-то время.

— Почему? — повторил малыш.

— Пошли, малыш. Держи себя в руках, и все будет в порядке.

* * *

Когда мы пришли, я вытер грязь с лица малыша, потом дал ему антибиотиков.

— Ты забавно пахнешь, пап.

Никогда не думал о том, как я пахну.

— Давай снова выйдем на свежий воздух, — предложил я и слишком быстро поставил свою чашечку кофе. Мне показалось, спиртное взбунтовалось в моем желудке. Я попытался игнорировать тошноту и огляделся. До сих пор я не видел никого из домашних, кроме Энтони. Безумие какое-то! Конечно, малыш был самостоятельным, весь в меня. Но куда делись все остальные?

Вернувшись на берег, мы зарыли мертвого зверька в песок. Потом я показал на новые сверкающие стебли крошечных, кристаллических растений. На дне пруда, в желеобразной массе яиц, просматривались уже шевелящиеся головастики. Оранжевые пушистые подводные грибки вытянули побеги почти на десяток дюймов, а

ведь две недели назад было всего лишь несколько бурых спор на груде желтых листьев.

— Растут. — Энтони уперся носиком и кулаками в пластик. — Все растут и растут.

— Точно.

Малыш усмехнулся.

— Я тоже расту!

— Точно!

— А ты растешь? — Не дожидаясь моего ответа, малыш дважды покачал головой, сам отвечая на свой вопрос. Первый раз он покачал головой, говоря «нет», а второй раз, чтобы откинуть волосы со лба. Энтони слишком зарос. — Нет, ты не растешь. Ты не можешь стать еще больше... А почему ты не растешь?

— Я расту! — наигранно негодующе возмутился я. — Только очень медленно.

Энтони отвернулся от террариума, стал водить ногой по песку (я так делать не умею), не глядя на меня.

— Ты можешь расти всю жизнь, — продолжал я. — Только при этом необязательно становиться больше ростом. Ты можешь расти умом, малыш. Для нас, людей, это самое главное. Иначе и быть не может. Ты всю жизнь растешь, малыш, или умираешь. Тебе предстоит расти всю жизнь.

Энтони снова посмотрел на меня через плечо.

— Значит, и ленивцы все время растут, даже если не могут выбраться наружу.

— Конечно, — согласился я, и снова мне стало неудобно; я стал стягивать свои рабочие штаны. — Даже... — молния застряла, — черт побери... если мы не можем выбраться наружу.

Зр-р-р-р-р-р-р — и молния раскрылась.

* * *

Остальные члены нашей полисемьи вернулись назад этим вечером. Оказывается, они все вместе отправились на прогулку вокруг подножия горы. Я окликнул их, чтобы они знали, где я. Мне не хотелось разбираться, почему они оставили Энтони одного. Это не принесло бы ничего хорошего. Вы знаете, как все это происходит:

— Он не хотел идти. Мы никого не хотели принуждать...

— Ну что из того? Энтони уже взрослый. Он ведь может делать что хочет...

— Да вы посмотрите...

— Но ведь такие походы очень полезны. Разве вы не хотите, чтобы мальчик рос здоровым...

— Однако...

— Я был бы рад, если бы он прошел этот пери-

од своей жизни без психологических травм. Но ведь вы не оставили ему ни пищи, ни медикаментов...

— Блок обслуживания полон пищи. Он знает, как пользоваться...

Посмотрим, что будет, когда я приду домой, держа Энтони за руку!

Но прежде чем подойти к родным, я прошелся туда-сюда, так что Энтони теперь оказался в центре внимания. Когда же мы подошли к группе взрослых, мальчик сильно сконфузился и сказал:

— Папа пахнет хорошо. Когда он возвращается домой, от него всегда хорошо пахнет.

Все молчали. А потом кто-то сказал:

— Вим, ты и домой нормально вернуться не можешь! Хотя бы перед детьми...

Я сказал, что сильно огорчен, и пошел по берегу... решил побродить в одиночестве.

* * *

Иногда я приезжаю с работы домой. Зачем? Экология? Я решил, что возвращаюсь сюда лишь затем, чтобы побыть в одиночестве.

Получается так, что иногда я целые недели вкалываю без отдыха. Я ремонтирую военные корабли, которые потрошат где-то в Ауриге.

Только попав сюда, я отдыхаю по-настоящему. А вся эта война, ее подробности... слишком быстро там все меняется. Не хочу об этом... Так что я ссорился, лгал, хмурясь бродил среди рабочих, которые обслуживали космическую ремонтную станцию, переламывал себя, заставляя работать. Да и остальные механики с военных кораблей, потерпевших фиаско, выглядели ничуть не лучше... В тот раз я попытался получше запомнить первый день моего возвращения, потому что «хорошо пахнул»...

А в следующий раз на неделю задержался с возвращением на Сигму. И дело было не в том, что у меня не было денег оплатить перелет. Я тогда дожидался одного пилота, который отвез меня домой бесплатно. Ведь я заново собрал ему двигатель.

Мы уже час как вылетели, и я следил за контрольными показателями, когда начались неприятности. Мы едва не протаранили другой корабль. Если учесть, сколько пустого пространства вокруг, шансы на подобный инцидент очень малы. И к тому же каждый корабль все время посылает вперед по курсу широкий сканирующий луч.

Большое, грушеподобное межгалактическое

судно золотистых проскользнуло слишком близко, и я смог отлично рассмотреть его через смотровой экран. Наша энергосистема сошла с ума. Мы проскочили через газовые вихри дюз этого корабля. Испугавшись, я ударил по выключателю интеркома и, переполненный ненависти к золотистому, заорал что есть сил:

— Ты, придурок... кретин...

В тот момент пилот межгалактического корабля казался мне настоящим сумасшедшим, золотистым. В первый момент я даже и слов подобрать не мог, как его назвать.

Мне казалось, корабль золотистых смотрит на меня с экрана с чувством досады, что у него есть лицо с еще более негроидными чертами, чем мое, — отвратительная оттопыренная нижняя губа и нос с выкрученными ноздрями.

Конечно, наша маленькая «Серпантина» не могла причинить ему никакого вреда. А вот если бы мы оказались на несколько сотен метров ближе, то превратились бы в облачко ионизированной пыли. Второй пилот завывая вышел из отсека для отдыха и обрушился на меня, ругая на чем свет стоит.

— Черт побери, — огрызнулся я. — Это был один из... — тут я еще раз повторил все известные мне

эпитеты, — золотистых.

— Так далеко от края галактики? Пусть убирается в межгалактические пустыни. Небось теперь месяцами станет шастать вокруг Пересадочной Станции!

— Мы попали в его выхлоп, — заявил я. — Он проскочил прямо перед нами.

Я замер, потому что контрольная рукоять дрожала в моей руке.

Вы знаете, что такое датчики у корабля типа «Серпантины»? Они располагаются в углу обзорного экрана над головой, среди контрольных кнопок. Так вот, тогда я застыл, вжав палец в одну из кнопок, крепко-накрепко придавив ее пальцем.

А когда мы сели, я сразу отправился в бар, чтобы немного охладиться. И ввязался в какую-то драку. Когда я добрался до берега, где жила моя семья, у меня был разбит нос, меня тошнило и я был в ярости.

Солнце как раз садилось, дети столпились вокруг террариума. И тут одна маленькая девочка (я так и не узнал ее) подбежала ко мне и дернула за рукав.

— Ах, пап! Пойдем, посмотришь! Эти существа...

И тогда я оттолкнул ее. Удивленная, она шлепнулась на песок.

Я хотел подойти к морю, омыть лицо холодной водой. Синяки и ссадины сильно жгло. Но тут целая гроздь ребятишек повисла на мне, крича:

— Пап, пап... посмотри, пап!

Они тянули меня к террариуму.

Вначале я сделал два шага, подчиняясь их желанию. Потом я широко развел руки. Я не издал ни звука, только облокотился о пластиковые стены террариума, повесив голову. Дети закричали. Алюминий начал гнуться, пластик затрещал, и все сооружение развалилось. Тяжелыми ботинками я пинал и пинал красную землю и песок. Кристаллические растения разбились, словно стеклянные, когда на них обрушились куски пластика. Испуганные ящерицы разлетелись во все стороны и кружились у меня над головой.

Помню я застыл, глядя, как вода вытекает на песок из крошечного озерка. Потом она впиталась в песок, оставив влажный треугольник, широкой частью вытянувшийся вдоль разрушенной стенки террариума. И вот я повернулся и увидел, что все дети убежали, плача и крича. Испуганные, они сбились в кучу вокруг матери Энтони в поисках защиты. Она подошла прямо

ко мне. Наверное, она сделала так потому, что была женщиной, а это были ее дети. Но я увидел следы страха и на ее лице. Энтони сидел на ее плече. Другие, что постарше, столпились у нее за спиной.

Мать Энтони была биологом, и я думаю, это она подсказала детям идею террариума. Когда она посмотрела на его обломки, я понял, что разрушил что-то и в ее душе. Странное выражение появилось на ее лице. Помню, оно было так красиво. Но в то мгновение ее лицо превратилось в маску Смерти — смесь сострадания и страха.

— Хорошо поработал, Вим, — объявила она, но негромко. — Но ведь не ты вырастил все это!

Я открыл рот, но все, что я хотел сказать, застряло у меня в горле.

— Вырастил? — повторил Энтони и потянулся к ящерице, жужжавшей у него над головой. — Теперь они больше не будут расти? — Потом он снова посмотрел на руины, которые я устроил. — Все поломано. Все зверушки разбежались.

— Вим не хотел ломать террариум, — объяснила детям моя жена, потом одним взглядом остановила благодарности, готовые сорваться с моего языка. — Мы восстановим его.

Она поставила Энтони на песок и подняла одну

из стенок террариума.

Дети стали восстанавливать террариум. Большая часть растений погибла. Спасти удалось только взрослых ленивцев. Летающие ящерицы давно разлетелись. Я решил, что ничем не смогу помочь детям. Я даже не сказал им слов сожаления.

Но дети собрали всех существ, принесли даже маленьких ящериц, еще не научившихся летать. Всех, кроме ленивцев.

Их дети не смогли найти. Они искали их очень долго.

Солнце давно уже зашло, так что маленькие ленивцы не должны были погибнуть. Однако они не успели бы добраться до джунглей. К тому же на песке не осталось никаких следов, ничего. Мы даже просеяли песок, но ничего не нашли. И только лет через десять я догадался, куда подевались эти существа...

В тот вечер я попытался успокоить Энтони.

— Скорее всего, они все-таки добрались до леса.

Вскоре после этого я оставил детей, занимающихся восстановительными работами. Погубленное однажды нелегко восстановить. И еще я хотел сказать Энтони, что ты или растешь, или

умираешь. А в тот день я не умер.

Я еще много раз возвращался домой.

А потом случилась еще одна война, и больше возвращаться стало некуда. Некоторые из детей, восстанавливавших в тот вечер террариум, погибли. Но Энтони и его мать остались в живых. И планета тоже погибла. На ней не осталось ни капли воды.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ЗОЛОТИСТЫЕ

Глава третья

А когда я сам подошел к краю Звездной Ямы, я уже не пил несколько лет.

Работа на пересечении торговых путей галактики была как раз для меня. Эта работа помогала мне расти точно так, как я когда-то рассказывал Энтони.

Раз это происходило со мной, то неудивительно, что это происходило и с Ратлитом, и остальными. (Я на всю жизнь запомнил тот разговор с Энтони и черноглазого ленивца, прижавшегося к пластиковой стене, вглядывающегося в бесконечную песчаную равнину.)

Нравится вам это или нет, но Закон Роста существует и работает.

Но причиной того, что я оказался возле Звездной Ямы, был золотистый.

Золотистый?..

Я еще нигде не работал, когда услышал о них...

Мне было шестнадцать, и я учился на втором курсе в Лунном Профессиональном Училище. Дело в том, что я родился в городе Нью-Йорке, на планете, называемой Земля. А Луна — ее единственный спутник. Уверен, вы слышали об этой системе. Ведь наши предки родом оттуда. И еще несколько фактов об этой системе всем хорошо известны. Если же вы занимаетесь антропологией, то, без сомнения, побывали там. Но эта система лежит в стороне от основных торговых маршрутов галактики. Земля хороша своей примитивностью. Я был главным механиком на учебном корабле. Я хорошо учился. Каждое утро в Лунном Профессиональном Училище (нелепое название для нелепого учебного заведения, думал я тогда) мы собирали и разбирали по винтику двигатели галактических кораблей. Как я проклинал своего учителя за все эти десятки спиральных выключателей и сверхинерционные датчики. Тогда я думал, как и все остальные в мо-

ем классе: «Неужели эти развалины могут летать от одной галактики до другой? Никто не сможет так далеко улететь на них».

В те дни я часто лежал на кровати в общей спальне, вычищая графитную смазку из-под ногтей уголком моего удостоверения механика, и читал журнал «Юный техник», точнее, рассматривал картинки и читал подписи.

Вот тогда я и узнал о дурацком случае, породившем золотистых. Случайно нашли двоих людей, которые не погибли, оказавшись в двадцати тысячах световых годах у края галактики. Они единственные остались в живых из двадцати пяти тысяч. И оба были психологическими уродами, с каким-то невероятным гормональным дисбалансом: маленькая девочка-азиатка и старик-северянин, светловолосый, с широкой костью, выходец с холодной планеты, кружащейся вокруг Бета Лебедя. Оба несчастных *выглядели* угрюмыми, словно побывали в самых глубинах ада.

В журналах того времени было множество статей, картинок, писем студентов, комментариев социологов, официальных бюллетеней, посвященных различным вопросам, от сводки столкновении на лунных трассах до научно-фан-

тастических рассказов — и все о зарождающейся межгалактической торговли. И одна из этих статей начиналась так:

«Хотя люди могли совершать межгалактические путешествия уже три столетия назад, межгалактическая торговля была невозможна, не из-за механических повреждений, а потому что существовали определенные барьеры, которые мы до сих пор не могли преодолеть. Психологический шок поражал людей, доводил их до безумия, портились чувствительные машины и компьютеры, стоило только отдалиться более чем на двадцать тысяч световых лет от края галактики. Потом наступала психологическая смерть, уничтожались все базы данных компьютеров, которые могли бы вернуть домой команду. Ученые давно нашли объяснение этому феномену. Проблема оказалась в следующем: так как природа пространства и времени неразрывно связана с концентрацией материи, внутри галактики природа управляется одними и теми же законами. Но все меняется, стоит немного отдалиться от галактики. Средняя масса всех звезд в нашей галактике контролирует „действительность" — законы нашего микросектора вселенной. Но как только корабль покидал край

галактики, „действительность" менялась. Это становилось причиной безумия и оборачивалось смертью для команды. Мы до сих пор не разобрались в тонкостях механизма этого воздействия... Кроме нескольких варварских экспериментов, проходивших с использованием наркотических средств на заре космических путешествий, никаких попыток пересечь космические бездны не предпринималось. Мы не имеем даже слова, обозначающего эту „действительность". Однако, как только мы оказывались лицом к лицу перед черной пропастью межгалактического пространства и яркие звездочки сверкали лишь у нас за спиной, мы сходили с ума. Некоторые из нас, чье ощущение „действительности“ побеждает безумие, фобии детства и предродовую травму — все то, что создает психологическую ориентацию нашего общества, — все это делает нашу жизнь в межзвездном обществе болезненным, практически невозможным процессом... Однако некоторые могут пересечь межзвездные просторы и вернуться. Мы называем их золотистыми...»

Золотистые... не от мира сего... терпящие...

Слово «некоторые» было явным преувеличением. Только один человек на тридцать четыре тысячи мог оказаться золотистым. А появление

пары — девочки и старика — встряхнуло все галактические институты, занимающиеся проблемами человеческого разума. Особенности психологии такого человека и его эндокринной системы были совершенно особыми. Но вскоре восхищение, удивление, радостные предчувствия, надежды, восхищенные слова о тех, кто мог покинуть нашу галактику, остались в прошлом...

* * *

— Золотистые? — удивился Ратлит, когда я спросил его. Он очень напоминал обезьянку, покрытую толстым слоем смазки, а работал он далеко от Звездной Ямы у одной польской дамы по фамилии Полоски. — Мы-то родились с этим словом, выросли с ним. Но увы, я не оказался золотистым... Помню, когда мне было около шести, моих родителей убили, а я с другими малышами прятался в разрушенном кратере, превращенном в склад. Мы тогда оказались на поле военных действий. Помните руины на Гелиосе, что в системе Кретона-семь?.. Кажется, я родился именно там... Во время ядерного удара погибла большая часть города, но мы прятались на продуктовом складе и от голода не страдали. Вместе с нами там прятался один старик. Обычно он садился на

стене нашего кратера, колотил пятками по алюминиевым защитным плитам и рассказывал нам истории про звезды. Носил он лохмотья, стянутые проволокой... У него не хватало двух пальцев... На шее его болталась полоска выделанной кожи с огромными когтями... И еще он любил трепаться о межгалактических перелетах. Особенно когда я спрашивал: «А кто такие золотистые?» После такого вопроса он нагибался, лицо багровело и по цвету начинало напоминать красное дерево, и он начинал говорить грубым, хриплым голосом: «Они-то могут отправиться за пределы галактики. Это я тебе, парень, точно скажу. Повидали они побольше, чем ты или я... Люди и нелюди — одновременно... Хоть их матери были женщинами, а отцы — мужчинами, они презрели род человеческий и живут по собственным законам! У них свой путь развития...»

Ратлит и я сидели под фонарем, свесив ноги через край Ямы. В этом месте изгородь была разрушена, искореженные перила напоминали языки огня на ветру. Единственная серьга Ратлита сверкала в тусклом свете. Россыпи звезд равнодушно искрились у нас под ногами. Нас обдувал легкий ветерок — неотъемлемая часть защитного силового поля, не дающего воздуху

станции превратиться в облако сверкающих кристаллов. Этот ветерок мы называем «ветром мира». Он никогда не бывает ни холодным, ни горячим. С ним ничего нельзя сравнить... Так вот от этого ветерка черная рубаха Ратлита пузырем вздулась на спине, прилипнув ко впалой груди. Мы сидели, глядели вниз и любовались галактической ночью.

— Я решил, что непременно вернусь туда, пока идет Вторая Кибервойна, — наконец закончил Ратлит.

— Кибервойна? — удивился я. — Что это такое?

Мой собеседник лишь пожал плечами.

— Я только знаю, что началась она из-за спора по поводу пары тонн ди-аллиума. Это поляризованный элемент, который золотистые привезли из галактики Люпе. В этой войне использовали корабли У-адна. И это хуже всего... Все получилось еще хуже, чем обычно.

— У-адна? Я ничего не знаю о таком типе двигателей.

— Кто-то из золотистых раздобыл чертежи этих чудовищных машин у цивилизации Магеллланова облака-девять.

— Ого! — только и оставалось мне сказать. — А при чем тут «кибер»?

— Так называлось какое-то оружие — помесь пушки с роботом. Золотистые притащили их с планеты, крутящейся в межгалактической бездне неподалеку от созвездия Андромеды. Смертоносная штучка. Только эти золотистые сдуру притащили и антитоксин...

— Так ты считаешь золотистых придурками?

— Конечно. Вы что, ничего не знаете о золотистых, а Вим? Я хочу сказать, о том, откуда взялось это слово. Я-то узнал об этом случайно у своего издателя. На самом деле все это семантическая чепуха...

— В самом деле? — удивился я. — Но ведь слово-то прижилось...

* * *

У меня выдался тяжелый, тяжелый день. Я устанавливал двигатель на транспорте с квантовым приводом. А корпус был слишком маленьким для этой модели. Золотистый, заказавший эту работу, все время стоял у меня над душой и постоянно давал какие-то новые инструкции, отчего работать становилось просто невыносимо. Но я сделал все как положено. Золотистый заплатил мне наличными и, даже не поблагодарив, полез в корабль, а через две минуты, когда я еще смывал

топливную смазку, проклятая пятитонная туша со свистом начала подниматься.

Санди — юноша, который уже три месяца работал у меня помощником (за все это время он так и не дал мне причины для недовольства), быстро убрал леса и скрылся в комнате для наблюдений, когда трехсотметровое чудовище, сорвавшись с места, рвануло вперед, сметая все на своем пути. Обычно Санди, как и большинство молодых людей, часто менявших место работы, вел себя вежливо, молчал, но в этот раз он раскричался во все горло:

— ...Две тысячи тонн металлолома!.. разнес, все на хер!.. я не пустое место, и мне плевать, что!., золотистые, придурки!..

А корабль золотистых умчался туда, куда могли летать только золотистые. Я повесил на двери ангара табличку «Не открывать» и не стал даже счищать остатки смазки. Ушел из ангара, отправился на поиски Ратлита.

Вот так мы — я и Ратлит — очутились под тусклым фонарем на краю Звездной Ямы, омываемые легким ветерком.

* * *

— Золотистые. (Мне показалось, что Ратлит скривился, произнося это слово.) Их намного легче понять, если вдуматься в грамматическое содержание этого названия: золото — его мало, следовательно, и золотистых — единицы. Ты считай про себя: один — золотой, два — золотой.

— А их женщин тоже называют золотистыми? — поинтересовался я.

— Скорее всего. Хотя «золотистый» — не прилагательное, это — существительное. Мой издатель рассказал мне, что это еще не устоявшееся прозвище, оно сейчас формируется, чтобы занять определенное место в нашем языке. Некоторые до сих пор стараются подобрать вторую часть прозвища, чтобы точно определить мерзкую сущность этих людей.

И тогда я вспомнил о том, как мучился, устанавливая двигатель. Нелегкая работенка... А если и правда задуматься. Золотистые... и что? Люди рядом с ними чувствуют себя неуютно. И все же, почему их называют золотистыми? Может, правда тут все дело в золотых? Один золотой... второй золотой...

— Подумайте об этом, Вим. Тут все дело в «зо-

лотых».

— Да, тут есть о чем подумать, парень, — ответил я...

Ратлит едва не погиб во время Первой Кибервойны.

Он всегда говорил честно и прямо. Прибавьте к этому юношеский максимализм. Ратлит! Рисковый парень, и даже больше... Мне нравились такие люди, и я нравился им. Возможно, в свои сорок два я оставался еще слишком молодым. А Ратлит стал взрослым, когда ему исполнилось тринадцать...

— К тому же золотистые не участвуют в войне, — заметил Ратлит.

— Они ни в одной войне не участвуют. — Я посмотрел, как хитро мальчишка сплел пальцы...

* * *

После двух разводов моя мать убежала с торговцем, оставив меня и четырех других детей (моих братьев и сестру) с теткой — алкоголичкой. Однако они до сих пор живут в обществе, где есть разводы, моногамные браки и все такое... Так вот, именно в таком обществе я и был рожден. Если честно, я оставил свой дом в пятнадцать лет, собственноручно выбрав свой путь. Я изучил

достаточно для того, чтобы заставлять разбитые корабли снова подниматься в космос... и после неудачной женитьбы (в течение семи лет я был членом полисемьи) обзавелся собственным ремонтным ангаром возле Звездной Ямы.

По сравнению с Ратлитом у меня было спокойное детство. Это верно. Он потерял родителей, когда ему было всего шесть лет. По крайней мере, так считал он сам. В семь лет он совершил свое первое преступление. Тогда он только сбежал с Кретона-семь. Часть его детства прошла в больнице, часть в школе-интернате, часть в колонии. Многие воспоминания стерлись из его памяти.

— Иногда вспоминаешь отдельные эпизоды... В те годы я никак не мог научиться толком читать.

Потом года два Ратлит переходил от одной группы воспитателей к другой. Когда ему исполнилось одиннадцать, какой-то парень забрал его в космос. Мальчишка тогда жил на обочине шоссе, питаясь объедками «хотдогов» и продавая сувениры.

— Жирный был парень. Курил ароматические сигары. А звали его... Вивиан, что ли?..

И тут у мальчика прорезался дар рассказчика. Три месяца, пока они болтались в космосе, Ратлит занимался любовью с Вивианом и диктовал

ему роман.

— До сих пор воспоминания об этом времени греют меня, — признался Ратлит. — Но тогда мне просто нужно было придумать хоть что-то, чтобы разнообразить бесконечные часы полета.

Вивиан же обработал фантазии мальчика и издал книгу тиражом в несколько сотен тысяч экземпляров. Ее продавали, как творение молодого, не по годам развитого гения. Но Ратлит не пошел по этому пути. Литературная карьера ничуть его не прельщала. Несколько лет он провел, занимаясь чем-то нелегальным. Он так никогда и не рассказал мне о том, чем же все-таки там занимался. Хотя как-то признался:

— Могу поспорить, Вим, что в те годы я заработал миллион! Ну уж просадил — то миллион точно.

Возможно, все так и было.

В тринадцать, несмотря на вышедший роман, подписанный его именем, Ратлит еще толком не умел писать и читать, но за время своих многочисленных путешествий научился в совершенстве говорить на трех языках...

* * *

Ратлит уперся локтями в колени, подпер подбородок руками.

— Вим, это стыдно.

— Что стыдно, парень?

— Подрабатывать подмастерьем в моем-то возрасте, после того как передо мной открывались такие перспективы... Да! Но тем не менее так оно и есть.

А потом он снова заговорил о золотистых.

— Но ведь и у тебя до сих пор есть шанс отправиться к звездам, — пожал я плечами. — Большинство детей не знает, золотистые они или нет, пока не достигнут половой зрелости.

Мальчишка склонил голову набок и внимательно посмотрел на меня.

— Я созрел, когда мне исполнилось девять.

— Извини.

— Я давно смирился с этим, Вим. Когда я понял, что стал мужчиной, я сразу побежал на обследование.

— Было время, когда все люди были пленниками одной-единственной планеты, — задумчиво проговорил я. — Они были обречены всю жизнь ползать по поверхности. А ты в детстве облетел

всю галактику. Ты увидел много миров.

— Но ведь где-то там лежат биллионы иных галактик. Я хочу увидеть их. Ведь среди наших звезд так и не нашли принципиально иную жизнь, основанную не на кремние и углероде... Как-то в баре я слышал разговор двух золотистых. Где-то далеко-далеко, в какой-то галактике, они нашли разумное существо размером со звезду. Тварь была ни живой, ни мертвой. Она пела! Вим, я хочу услышать ее песни!

— Но ведь ты не можешь отправиться туда, Ратлит!..

— Ох... сколько сейчас времени!.. Пора идти спать. — И тут он откинул голову назад. — Как стать золотистым? Если нужна какая-то комбинация психологических и физических характеристик... то какая?

— Это своеобразный сорт гормонального дисбаланса. Только находясь в этом состоянии, можно пересечь межгалактическую бездну.

— Конечно, конечно. — Голова моего собеседника поникла. — Я знаю, что Х-хромосомная наследственность — теория, которую выдвинули ученые, попытавшись все объяснить несколько лет назад, — чепуха. Золотистые могут спокойно совершать путешествия из галактики в галак-

тику, в то время как я и ты, Вим, если удалимся больше чем на двадцать тысяч световых лет от ее края, погибнем.

— Безумие наступает еще до этой отметки, — поправил я. — А при двадцати пяти — смерть.

— Какая разница! — Мальчишка широко открыл глаза. Они были большими, зелеными и чуть влажными. — Знаешь, я однажды украл пояс золотистого. Снял у одного, завалившегося в бар. Он перепил и валялся в дальнем углу. А я отправился по галактике, оказался на Калле-один, где меня никто не знает. Там я одел его и ходил с ним несколько часов. Мне было интересно, почувствую я себя как-то по-другому или нет.

— И почувствовал?

Все-таки Ратлит отважный парень. Ему удалось поразить меня во второй раз.

— Я — нет. А люди вокруг меня — да. Пока я носил пояс, никто не мог сказать, что я не золотистый. Для того чтобы узнать об обмане, нужно было или заговорить со мной, или провести гормональные тесты. И только надев и поносив этот пояс, я понял, как люди ненавидят золотистых. Неожиданно я увидел ненависть в глазах всех тех, кто попадался мне на пути. Они ненавидели меня, считая золотистым. Потом я выбросил пояс,

сбросил в Яму. — Неожиданно он усмехнулся. — Может быть, я украду еще один.

— Ты и в самом деле так ненавидишь их, Ратлит?

Мальчишка прищурился и посмотрел на меня с превосходством.

— Да, я говорю о золотистых, — продолжал я. — Ведь иногда и они страдают. Они ведь не виноваты в том, что мы не можем летать между галактиками.

— Если честно, во многом я все еще ребенок, — равнодушно объяснил он. — Мне тяжело быть благоразумным... Я ненавижу их. — Тут он снова уставился в бескрайнюю космическую ночь. — Разве ты не чувствуешь себя пойманным в ловушку, а, Вим?

Когда он сказал это, мне вспомнились три эпизода моей жизни.

* * *

Первый:

Я стоял у перил набережной Восточной Реки — руины за моей спиной некогда были городом Нью-Йорком. Была полночь, и я смотрел на подсвеченного дракона — Манхеттенский мост, повисший над водой. За мостом сверкали огни

индустриального района — туманного Бруклина. Тускло светились овалы ночных фонарей за моей спиной. Их неестественный, мертвенный свет выбелил игровую площадку и большую часть Ходсон-стрит. Отблески на воде напоминали изломанную фольгу. А над головой раскинулось ночное небо. Оно было не черным, а мертвенно-розовым, без звезд. Сверкающий мир людей превратил небо в крышу, которая, казалось, должна была вот-вот обрушиться. От этого мне хотелось кричать... А на следующую ночь я оказался в двадцати семи световых годах от Солнца, совершив свой первый межзвездный бросок.

Второй:

После года отсутствия я вернулся домой повидать маму. Мне что-то понадобилось, и я заглянул в кладовку. И тут странное сооружение из пластиковых ремней и пряжек упало мне на голову.

— Что это, мам?

Она улыбнулась. Во взгляде ее читалась ностальгия.

— Это твоя упряжь, Вими. Твой первый отец и я брали тебя с собой на пикники в Медвежьи горы. Мы клали тебя в это сооружение и привязывали к дереву. Веревка была десяти футов длиной так, чтобы ты не испугался высоты...

Остальной части рассказа матери я не слышал, потому что неожиданно меня затопила волна ужаса. Я представил себя висящим на дереве в этом сооружении.

Ладно.

Когда я приехал к матери, мне было двадцать и я только вступил в одну прекрасную полисемью на Сигме. Я гордился тем, что стал отцом троих малышей и ожидал еще парочку. В нашей полисемье было сто шестьдесят три человека, и нам отдали все побережье, девять миль джунглей и склон горы...

А в тот миг мне представилось, что где-то там в джунглях в такой же упряжи привязан к дереву Энтони. Он висит и раскачивается, пытаясь поймать птицу, жука или солнечный зайчик... на веревке в десять футов длиной...

Обычно я надевал одежду, только когда отправлялся на работу, а дома (на Земле) вынужден был носить ее непрерывно. Я хотел как можно поскорее удрать из невероятного места, где вырос, называемого квартирой, убежать от этих жен, мужей, детей — от цивилизации. Все это казалось мне слишком ужасным.

Третий.

После того как я оставил свою полисемью —

бежал от них, — вина и смущения мои были безмерны. До сих пор раз в месяц я вижу во сне кошмары и просыпаюсь с криком. Часто думаю о том, что случилось с детьми, хотя и знаю, что для групповой семьи потеря одного, двух, трех родителей не слишком сильная травма...

До сих пор удивляюсь, как мне удалось избежать ошибки моих родителей и я не стал надеяться на то, что и мое потомство станет всегда поступать правильно или, еще хуже того, превратится в детей, о которых иногда можно прочитать в газетах (юных гениях, вроде Ратлита, хотя я о нем в газетах никогда не читал). Но меня постоянно мучает ужасное подозрение, что, как бы я ни старался, мои дети повторят многие из моих ошибок...

Так или иначе, я оказался на корабле, который отвез меня к Звездной Яме. И я заговорил с золотистой — обычной милой девушкой. Мы беседовали про вне- и внутригалактические двигатели. Она была потрясена обширностью моих знаний. На меня произвело впечатление то, что она с легкостью пользуется этими двигателями, а знает о них так мало. Выглядела она очень женственно — а я? Здоровяк ростом шесть футов четыре дюйма, весом двести десять фунтов. Механик-

ремонтник с обломанными, грязными ногтями. А она? Стройная дама с янтарными глазами. С обзорной палубы мы наблюдали за громадным таинственным диском Пересадочной Станции.

Потом она повернулась ко мне и спросила. — В голосе ее не было ни капли насмешки:

— А отправиться дальше ты не можешь, ведь так? Тогда я испугался и не стал отвечать, потому что знал ответ.

* * *

— Знаю, о чем вы думаете, — неожиданно заявил Ратлит. До этого мы несколько минут просидели молча, и я слишком глубоко задумался. В таком состоянии я мог, не замечая, наболтать ему невесть что. — Мне-то все давно ясно... Я тоже чувствую себя словно в западне!

Я засмеялся, и Ратлит показался мне совсем зеленым и глупым.

— Пойдем, — предложил он мне. — Давай-ка прогуляемся.

— Конечно.

Он встал. Ветер растрепал его волосы.

— Хочу прогуляться, заглянуть к Алегре.

— Только ненадолго. Я хочу пораньше лечь спать.

— Интересно, что Алегра думает обо всех этих делах? Мне нравится болтать с ней, — задумчиво произнес он. — Она не подавляет, но ее жизненный опыт много больше, чем ваш. И она имеет на все свою точку зрения. К тому же она старше меня.

В этом весь Ратлит. Алегре-то было всего пятнадцать.

— Я не думаю, что существо, попавшее «в западню», заинтересует ее, — заметил я. — Если только она не захочет преподнести тебе урок.

* * *

Ратлит считал, что мне есть чему поучиться у Алегры. В мою молодость дети начинали принимать наркотики лет с десяти. Алегра с самого рождения принимала триста миллиграммов в день, привыкнув к странному наркотику — комбинации психоделических элементов и сильных галлюциногенов. Она перемежала их с сильным подавителем. Я мог только посочувствовать. Мать Алегры была наркоманкой, и наркотики попадали в зародыш, проходя вместе с кровяной плазмой через стенки матки. Так что Алегра с самого рождения нуждалась в наркотической подпитке. Зато она оказалась выдающимся пере-

дающим телепатом. Она запомнила ужасы своего рождения, великолепие мира новорожденного — галлюцинации, созданные докторами. Ведь ей с самого рождения давали наркотики. И с тех пор она продолжала принимать их и с помощью своих способностей превратила свое жилище в удивительную психоделическую вселенную.

Однажды я спросил Алегру, когда она впервые услышала про золотистых. И тогда она рассказала мне ужасную историю.

Многие золотистые возвращались с Тибера сорок четыре в почти невменяемом состоянии. Видимо, там существовал некий пространственный поток, плохо влияющий на людей, а душевное состояние золотистых вещь и вовсе очень деликатная. Так вот, одно межзвездное правительство, которому поручили спонсировать вывоз микрохирургического оборудования с Тибера, защищая свои интересы, наняли Алегру, когда ей было всего восемь лет, как терапевта-психиатра.

— Я конкретизировала фантазии больных золотистых и помогала им избавиться от этих мыслей. За какую-нибудь пару часов они приходили в себя. А ведь некоторые из них были совершенно сумасшедшими, когда их приводили ко мне.

Тогда у юной Алегры оказалось слишком много работы. Такие телепаты, как она, редкость. Чтобы еще больше развить ее таланты, врачи стали постепенно уменьшать порции наркотиков, а потом разом дали ей огромную дозу...

— Больно они тогда переусердствовали, — рассказала мне она. — Конечно, я могла отказаться... Но не сделала этого. А когда пришла в себя, узнала, что мне увеличили дозу вдвое. Оказалось, что врачи таким образом протолкнули меня через ту грань, которая обычно смертельна для людей... Теперь я могу есть тараканью отраву вместо слабительного. Но ведь я могла отказаться, Вим.

Все правильно. Тогда Алегре было восемь лет.

Наркотики поставляли золотистые. Они везли их с Рака-девять, и большая часть их груза проходила через Пересадочную Станцию. Алегра поселилась здесь, потому что тут легче было заниматься нелегальным бизнесом. Легче не придумаешь, стоит только захотеть.

Кстати, сами золотистые не принимают наркотиков.

* * *

Ветерок стих, когда Ратлит и я отошли от края. Ратлит начал насвистывать. В одном из кори-

доров часть фонарей оказалась разбита, так что довольно значительный участок улицы превратился в черный туннель.

— Ратлит! — позвал я. — Как думаешь, где ты будешь, скажем, через пять лет?

— В гробу, — ответил он. — А пока я хочу добраться до конца этой улицы, не набив себе шишек. Если в ближайшие пять минут со мной ничего плохого не случится, то тогда стоит задуматься о том, что пройдет в следующие пять лет.

И тут он начал что-то насвистывать себе под нос.

— Шишки?.. Налететь на что-то?..

— Я ориентируюсь по эху, — объяснил он и продолжал насвистывать.

Я вытянул руки вперед и пошел за Ратлитом, который был словно летучая мышь. Потом случилась катастрофа. Хотя сперва я и не понял этого.

В другом конце улицы в круге света, очерченном одиноким целым фонарем, появился золотистый.

Он закрывал руками лицо и смеялся. Звонкий смех эхом разносился по улице. Он так хохотал, что его пояс готов был вот-вот лопнуть, и тогда штаны его непременно соскользнули бы с бедер...

Его внешний вид поразил меня. Он походил на Санди, моего механика, — двадцатичетырехлетнего коротышку, мускулистого, словно обезьяна. Санди носил драную рабочую одежду даже в выходные. («Я хочу вовремя сделать всю работу, босс. Мне вовсе не светит торчать на этой Станции. При первой возможности я рвану в центр галактики. Торчать тут все равно что лежать в могиле». Потом Санди долго стоял, глядя через отверстие в крыше ангара. Там не было ни облаков, ни звезд. «Конечно. Я хотел бы как можно скорее смыться отсюда». Тогда я мог лишь пожалеть его. «Расслабься, малыш».

Этот разговор происходил три месяца назад. Однако Санди до сих пор работает со мной. Трудолюбивый малый. Этим он и выделялся из остальной массы рабочих. Но поговорим о Санди в другой раз...) С другой стороны, лицо Санди точно так же было усыпано прыщами, как и физиономия этого золотистого. И волосы торчали ежиком. Но в некоторых деталях тот золотистый представлял собой полную противоположность Санди. Было у него что-то от золотистого...

Так вот золотистый зашатался, все еще хохоча, опустился на колени, потом рухнул лицом вниз. К тому времени, как мы с Ратлитом подошли к

нему, он уже замолчал. Носком ботинка мальчик слегка толкнул руку золотистого, отодвинул ее от пряжки пояса.

Межгалактический бродяга уронил руку на мостовую, ладонь раскрылась. Ноготь на мизинце золотистого был в три четверти фута длиной. (У золотистых такая мода.)

— Странно все это, — пробормотал Ратлит, покачав головой. — Что станем с ним делать, а, Вим?

— Ничего, — объявил я. — Пусть себе спит.

— Оставить его здесь? Но ведь кто-нибудь может, проходя мимо, украсть его пояс! — воскликнул Ратлит.

— Ты же только что говорил мне, что ненавидишь золотистых?

— Я ненавижу их! И готов украсть пояс сам. Думаю, нет никого, кто ненавидел бы их сильнее, чем я...

— Пошли, Ратлит. Оставь его в покое.

Но мальчишка уже наклонился и тряхнул золотистого за плечо.

— Давай оттащим его к Алегре и узнаем, в чем тут дело.

— Да он просто пьян.

— Нет, — возразил Ратлит. — От него не пахнет спиртным.

— Посмотрим. Пошли назад. — Я поднял золотистого и перебросил через плечо, словно был пожарным спасателем. — Пошли, пошли. — Я подтолкнул Ратлита. — Думаю, парень просто спятил.

Ратлит усмехнулся.

— Спасибочки. Может, он будет благодарен и заплатит мне за то, что мы убрали его с улицы.

— Ты не знаешь золотистых, — возразил я. — Но если тебе что-то перепадет, поделишься со мной.

— Это уж точно.

Пройдя два квартала, мы оказались возле домика Алегры.

(Ну вам-то я честно признаюсь: Санди был пропорционально сложен и весил меньше. Его-то я мог таскать на себе сколько угодно, не то что этого золотистого.)

Когда мы уже подходили к жилищу Алегры, Ратлит объявил:

— Сегодня она в хорошем настроении.

— Посмотрим.

Тяжелое тело на моем плече не слишком располагало к разговорам.

Я не стану описывать то место, где жила Алегра. Не могу я описывать такие места. Даже не смогу сказать, каким оно было до того, как Алегра туда

переехала. Единственное, что я знал об этом жилище: Бомжи (так все их называли), перед там как появилась Алегра, тут на полу ночевали. Можете представить, как выглядел «вечный пластик» после того, как они убрались? Можете представить, как выглядела искрошившаяся от времени нержавейка? Это было загаженное помещение в форме куба. По углам лежали горы грязи и отбросов. Посреди возвышалась груда вшивых одеял — постель Бездомных. А пластиковую панель окна покрывала сеть царапин. Но, не таким это помещение рисовалось телепату, живущему на галлюциногенах.

На стук Ратлита дверь открыла классическая красавица. В нос мне ударил запах наркотиков.

— Входите, — пригласила она. Звуку ее голоса вторила симфоническая музыка — настоящая сложная композиция. — Что ты там тащишь, Вим? Ого, да это золотистый!

И передо мной промельнул желтый вихрь ее одежд.

— Опусти его, положи на пол. Давай-ка посмотрим, что с ним случилось!

Мне показалось, что на меня уставились сотни глаз, смотровых щелей, сверкающих линз...

Я опустил тело на диванчик в углу.

— Ох-х-х-х-х! — выдохнула Алегра.

И золотистый застыл на оранжевых шелковых подушках, словно баржа, натолкнувшаяся на мель. А вокруг пели флейты и звенели литавры.

— Где вы нашли его? — шепотом спросила хозяйка, повернувшись к нам. Лицо ее напоминало маску слоновой кости.

Мы смотрели на тело золотистого, словно на мерцающую баржу, которая скользила по искрящемуся оранжевому сиропу между оранжевых утесов подушек в сотне футов внизу.

— Мы подобрали его на улице, — стал объяснять Ратлит. — Вим решил, что он пьян. Но от него не пахнет спиртным.

— Он смеялся? — спросила Алегра.

Смех тихим гулким эхом прокатился где-то внизу среди оранжевых скал.

— Точно, — кивнул Ратлит. — Как раз перед тем, как упасть.

— Тогда, скорее всего, он из экспедиции Ап - дока. Они прибыли на Пересадочную Станцию совсем недавно.

Москиты набросились на нас, вылетев из сырых зарослей вай. Насекомые кружили в листве. Они задевали листья, и на нас падали капли росы, прозрачные, как стекло. А где-то у подножия

пальм по светлой, журчащей реке плыла баржа.

— Все верно, — наконец заговорил я, прикрыв веки, чтобы избавиться от наваждения, становившегося все реальнее и реальнее. — Я совсем забыл о них.

— Что это за экспедиция? (*Казалось, каждое слово Ратлита облаком пара слетает с губ.)* Видно, я все пропустил, — продолжал мальчишка. — Расскажите мне. Откуда они вернулись?

Неожиданно пошел снег, и баржа, словно по мановению волшебной палочки, очутилась у самого горизонта.

— Ты ничего не слышал об экспедиции Ап-дока? — удивилась Алегра.

Баржа неожиданно, скачком, оказалась намного ближе, словно не желала исчезать за горизонтом, а собиралась оставаться постоянной, недостижимой целью. Белый цвет плавно перетекал в черный, и лишь баржа казалась единственным светлым пятном, мерцающим во тьме галактической ночи.

— Ап-док решил побывать в самой далекой галактике, — объяснил я Ратлиту. — Они вернулись на этой неделе.

— И все оказались больными, — прибавила Алегра.

Я замолчал, так как изо всех сил сжал пальцы, чтобы заглушить неожиданно обрушившуюся на меня боль.

— Они все оказались больными... — повторил я следом за Алегрой.

Мне показалось, что мои глаза вот-вот лопнут от жара лихорадки. Я начал сползать на пол. Мой рот широко раскрылся... Собственный язык, когда я прикоснулся им к губам, напоминал кусок картона.

Ратлит закашлялся.

— Ну, ладно, Алегра. Тогда надо унести его отсюда... А ты не слишком сгущаешь краски?

— Мне ужасно жаль, Ратлит, но все именно так и есть.

Холодная вода. Тошнота отступила. Все вокруг стало прекрасным (мне это не описать). Прекрасным до жути.

— Так или иначе, они вернулись и принесли с собой какую-то болезнь, — продолжала Алегра. — Очевидно, она незаразна, но все участники экспедиции каждые несколько дней неожиданно теряют сознание. Этому предшествует припадок истерического смеха. И никто с этим ничего не может поделать. К тому же, судя по всему, на самих золотистых эта болезнь никак не повлияла.

Ратлит засмеялся, но потом смолк и неожиданно спросил:

— А сколько времени они находятся в отключке?

— Всего несколько часов, — ответила Алегра. — Забавное заболевание.

Я почувствовал сильный зуд во всех местах, до которых было не дотянуться: под лопатками, где-то в глубине ушной раковины, в гортани. Вы никогда не пытались почесать пальцем себе в гортани?

— Что же нам делать-то? — вздохнул Ратлит. — Сидеть и ждать?

— Мы можем о чем-нибудь поболтать, — с готовностью предложила Алегра. — Кажется, мне говорили, что обморок золотистых длится не слишком долго.

Наверное, она говорила эту фразу сотни лет.

— Хорошо, — согласился Ратлит. — Мне ведь нравится болтать с тобой. Именно из-за этого я явился сюда в первый раз, когда мы еще не были...

— Отлично! — обрадовалась Алегра. — Люблю болтать... Я хотела бы рассказать вам о любви. Любви к кому-нибудь...

Ужасная конвульсия скрутила мой желудок.

Казалось, все его содержимое подкатило к горлу и вот-вот выплеснется наружу.

— ...я имею в виду настоящую любовь...

Еще чуть-чуть и тело забьется в предсмертной агонии.

— ...кого вы хотели бы неотрывно связать с собой, а не о сексуальном влечении, которое вы ощущаете, даже толком не познакомившись с объектом ваших вожделений. Образ тех, с кем вы хотите связать свою жизнь, должен быть неотрывно связан с образом вашего воображаемого идеала. И при этом вы и ваша возлюбленная или возлюбленный должны стараться поступать так, чтобы эта связь не разрывалась, а становилась все крепче...

И сквозь волну нежности, разом смывшую всю боль, прозвучал голос Ратлита. Каждое его слово было драгоценным камешком, из которых он выкладывал вокруг себя удивительную мозаику.

— Алегра, я хотел бы поговорить с тобой не о любви, а об одиночестве.

— Я пошел домой, — неожиданно для себя объявил я. — Вы мне потом расскажете, что же в самом деле случилось с этим Очарованным Принцем.

Они остались разговаривать, с наслаждением

паря в царстве галлюцинаций, а я, двигаясь на ощупь (но на этот раз без помощи Алегры), с трудом обнаружил выход. Глотнув свежего воздуха, подождал, пока голова прочистится, а потом отправился домой. Но я понятия не имел, провел ли я в жилище Алегры пять минут или пять лет.

Глава четвертая

И когда на следующее утро я зашел в ангар, Санди ремонтировал восьмифутовые зубцы конвейера на верхней площадке лесов.

— Мы сможем приступить к наладке через двадцать минут, — сказал он, свесившись вниз.

— Надеюсь, сегодня больше ничего не придется ремонтировать.

— Ага.

— Черт возьми! — выругался я. — Хотел бы я не видеть ни одного золотистого недель этак шесть.

— Все, что он хотел, — полная наладка. На это потребуется часа два.

— Зависит от того, где это судно побывало, — ответил я. — Откуда оно?

— Там позади есть...

— Ладно, — отмахнулся я и направился к двери офиса. — Пока ты тут возишься, просмотрю доку-

менты за последние шесть месяцев...

— Босс! — запротестовал Санди. — Знаю я вас! Зароетесь в бумагах на весь день!

— Тогда лучше поскорее начать. — Я снова направился к двери. — А пока не беспокой меня.

* * *

Когда тень корпуса закрыла окно конторы, я вышел, уже переодевшись в спецодежду, и объявил, что даю Санди пять минут на то, чтобы закончить с конвейером и заняться чем-нибудь полезным. Потом я поднялся на леса.

Когда я вышел из лифта, Санди, словно извиняясь, наградил меня улыбкой, исказившей черты его изуродованного шрамом лица. Золотистый, которого я не видел снизу, стоял рядом и инструктировал его. Когда я подошел поближе и прокашлялся, золотистый повернулся ко мне. Он продолжал говорить, не собираясь повторить для меня то, что уже сказал раньше, видимо решив, что Санди потом сам все мне расскажет. Вот такие эти золотистые. А этот к тому же носил безупречную синюю рубаху, бронзовые кулоны, браслеты. В ушах поблескивали серьги. Волосы выглядели такими же бронзовыми, как побрякушки, кожа казалась темно-красной. А синевато-серые глаза

и крепко сжатый рот придавали ему надменный вид повелителя вселенной. Когда мне надоело выслушивать объяснения, Санди начал разбирать крепления, и вскоре мы сняли все защитные панели.

И только тогда золотистый замолчал. Начать работать — это то единственное, что мы могли сделать, чтобы прервать его бесконечные указания. Теперь, облокотившись на перила, он стоял и щелчками блестящих, наманикюренных ногтей выбивал трубку. У него были удивительные ногти — вытянутые и по форме напоминающие трефы, они казались белоснежными по сравнению с его кожей. А потом я перестал глазеть на золотистого — великана шести с половиной футов ростом — и стал помогать Санди.

Мы работали минут десять, когда, совершенно неожиданно, на лесах появился босоногий и загорелый юноша лет восемнадцати-девятнадцати. Его длинные, черные волосы свисали до плеч, грязные лохмотья, которые не сгодились бы и на половую тряпку, были обмотаны вокруг пояса. На больших пальцах рук и ног сверкали кольца желтого металла — ко мне в ангар явился еще один золотистый. Как будто одного было мало!

Сначала я решил, что юноша только что вылез

из корабля. А потом до меня дошло, что выход из корабля совсем в другой стороне. Значит, юноша вошел в ангар и поднялся к нам на лифте.

— Эй, брат! — Золотистый парень засунул три пальца за пояс и остановился возле нас. Мы с Санди в это время все еще боролись с креплением, но юноша не обратил на нас никакого внимания. — Похоже, я застрял на этой Станции. Да и с деньгами не густо. Куда ты направляешься ?

Золотистый, сделавший заказ, пощелкал ногтями и лишь потом ответил:

— Хоть ты и считаешь меня своим родственником, убирайся-ка отсюда подальше.

— Погоди, брат. Выдели мне койку на своей посудине. Я бы с удовольствием убрался из этой навозной кучи.

— Пшел вон, или я убью тебя!

— Но послушай, братишка, по воле злой судьбы я оказался в этом проклятом богом уголке вселенной. Пойми...

Неожиданно золотистый со светлыми волосами шагнул вперед, высоко подняв свою четырехфутовую трубку.

Он взмахнул ею с такой силой, что она со свистом рассекла воздух. Черноволосый оборванец отскочил и выхватил из своего тряпья что-то

черное. Со звоном из рукояти выскользнул семидюймовый клинок. Трубка снова рассекла воздух и задела плечо парнишки, а потом с лязгом ударила о корпус звездолета. Оборванец вскрикнул и рванулся вперед. Два тела сшиблись, покачнулись, упали на пол. Раздалось странное бульканье, и руки нашего заказчика соскользнули с шеи парнишки. Тот, шатаясь, поднялся на ноги. Его нож был окрашен красным.

Тело золотистого на полу содрогнулось. Он откатился в сторону, окрасив леса своей кровью, еще раз перевернулся и, проскользнув под перилами, головой вперед нырнул вниз. До цементного пола было двести пятьдесят футов.

Нож больше не был нужен, и юноша вытер клинок о бедро, плюнул вниз через перила и спокойно сказал:

— Ты мне никакой не родственник.

Щелчок, и клинок исчез в рукояти. Юноша стал спускаться с лесов.

— Эй! — позвал его Сани, когда к нему вернулся голос. — А как же... Я имею в виду... Теперь-то это ваш корабль!

Среди золотистых существовали свои законы наследования — в чести было лишь право сильного...

Золотистый оглянулся, посмотрел на Санди.

— Я дарю его тебе, — фыркнул юноша. У него были широкие, могучие плечи, и он шагнул в лифт с таким видом, словно заходил в телефонную кабинку. Вот таким был этот золотистый.

Санди выглядел испуганным. Он сразу не поверил своему счастью. Но удивление его скрылось за гримасой отвращения.

— Что, раньше не видел таких стычек? — поинтересовался я у него.

— Нет... Правда, я был возле Бара Грега через пару часов после той знаменитой резни. Ну, помните, когда золотистые перепились и стали резать друг друга по чем зря?

— Перепились или отрезвели, — вздохнул я. — Поверь мне, особой разницы нет. Трезвые они или пьяные — они безумцы. — Я покачал головой. — Все забываю, что ты тут болтаешься всего три месяца.

Санди распрямился, подошел к перилам и посмотрел на тело золотистого, распластавшееся на бетоне.

— А что делать с ним? И что делать с кораблем, а, босс?

— Я вызову кого-нибудь из властей, чтобы они прислали рабочих убрать тело... А корабль те-

перь твой.

— Как?

— Золотистый ведь отдал его тебе. Надо только надлежащим образом оформить все бумаги. У тебя ведь есть свидетель. Я имею в виду себя.

— Но что мне делать с кораблем? Наверное, мне стоит оттащить его на свалку или загнать кому-нибудь по дешевке. А может, босс... отдам-ка я его вам. Продайте его или придумайте, что с ним делать. Я-то сам все равно не смогу ничего сделать...

— Мне бы тоже не хотелось заниматься этим. Если я приму твое предложение, то окажусь вовлеченным в сделку и не смогу быть свидетелем.

— Я буду свидетелем, — объявил Ратлит, выходя из лифта. — Я все видел и слышал. Я стоял вон там, у дверей ангара. Кстати, тут отличная акустика. — Он присвистнул. Эхо вернуло его свист, и Ратлит на мгновение прищурился, наслаждаясь эхом своего свиста. — Потолок ведь примерно футах в... в ста двадцати. Откуда же такое эхо?

— Сто двадцать семь футов, — поправил я.

Ратлит пожал плечами.

— Мне нужно потренироваться в определении расстояний. Пойдем, Санди, оформим все бумаги. Ты передашь корабль Виму, а я стану

свидетелем.

— Ты — несовершеннолетний, — возразил Санди.

Дело в том, что Санди не любил Ратлита. Думаю, виной тому то, что Ратлит был шустрым и сообразительным там, где Санди выглядел тупым и уродливым... Слишком легко мне теперь, тридцать лет спустя, вспоминать о Санди. А Ратлит всегда напоминал жирную обезьяну...

Но вы ведь даже не догадываетесь, чем кончилась эта история!

— Разве сегодня тебе не надо быть на работе в ангаре Полоски? — поинтересовался Санди, повернувшись назад к механизму. Он не ждал ответа на свой вопрос, а хотел лишь побольнее задеть мальчишку. Но тот сделал вид, что не замечает этого.

— Лучше пойдем выпьем кофе, — предложил Ратлит. — Если ты не хочешь иметь корабль, может, подаришь его мне?

— Итак, ты хочешь получить эту штуку? Черт возьми, нет! — выступил вперед я.

— Я не хочу владеть ею. Я хотел бы получить его на время.

Тут Санди удивленно поднял голову.

— А потом можете делать с ним что угодно.

Только когда закончишь наладку, ненадолго отдай его мне, ладно?..

— Тяжелый ты парень, — вздохнул Санди. — Даже если я дам тебе корабль, разве ты сможешь заплатить за работы?

— Да работы-то тут всего на пару часов. Вы уже сделали половину. Думаю, вы скоро закончите. Если вы и в самом деле хотите, чтобы я заплатил за ремонт, то дайте мне кредит, а через некоторое время я все вам отдам. Вим, какой вексель вам выписать? Пусть для вас я всего лишь жирная обезьяна, но я на равных с другими зарабатываю деньги.

Я наградил мальчишку подзатыльником, не слишком сильным и не очень слабым.

— Пойдем-ка, парень, — приказал я. — Разберемся с этой грудой тряпья внизу. Санди, ты сможешь сам тут все закончить?

Санди лишь усмехнулся и запустил руки во внутренности механизма.

Как только двери лифта закрылись, Ратлит снова спросил:

— Так ты одолжишь мне корабль, а, Вим?

— Это корабль Санди, — твердым голосом объявил я.

— Ты скажи ему, и тогда он мне его одолжит.

Я засмеялся.

— Ты лучше расскажи мне, как чувствует себя тот золотистый. Он пришел в себя? Подозреваю, что именно для него ты выпрашиваешь корабль... Так что это за парень?

Ратлит впился пальцами в сетчатую стенку лифта и откинулся назад.

— Существует только два типа золотистых. — Он начал покачиваться из стороны в сторону. — Плохие и глупые.

Его слова прозвучали совершенно банально. Так считали все обитатели Пересадочной Станции.

— Надеюсь, твой золотистый — глупый, — заметил я, подумав о тех двух, что испортили мой рабочий день.

— Это хуже? — вздрогнул Ратлит.

Если золотистый был не таким уж плохим, он обладал некой странной беззаботностью и с легкостью мог причинить вред другим людям. Помните, я рассказывал, как один из них едва не протаранил корабль, на котором я летел?

— Он... — Ратлит замолчал, словно обдумывая свой ответ. — Он невероятно глуп.

— Вчера ты ненавидел их. Сегодня ты хочешь отдать корабль одному из них. Как тебя пони-

мать?

— У него никогда не было своего корабля, — печально протянул Ратлит — так, словно это полностью оправдывало изменение его точки зрения. — А из-за болезни ему тяжело найти работу, а тем более заработать на свой собственный корабль.

— Понятно...

Лифт опустился на силиконовую подушку. Я открыл дверь, и мы направились в мой офис.

— А что было тогда, после того, как я ушел? Если засидеться у Алегры, вечер можно считать потерянным.

— Наверное... А мне в самом деле больше придется спать, после того как мне исполнится тридцать пять?

— Ты не увиливай, а расскажи, что случилось.

— Ладно... — Ратлит уставился на косяк двери офиса, словно ему было неудобно вспоминать наркотические видения. — После того как ты ушел, я с Алегрой немного поболтал. А потом мы заметили, что золотистый пришел в себя и прислушивается. Он объявил нам, что мы прекрасны.

От удивления у меня брови поползли вверх.

— М-м-м-м-м?

— Ему очень понравилось то, о чем мы говорили. И тогда он решил, что мы самые прекрасные люди из тех, кого он встречал. «Что ты видишь?» — спросили мы у него. И он начал рассказывать нам. — Ратлит затаил дыхание, словно подбирая нужные слова, но потом продолжал: — Ох, Вим, ну и глюки были у него! Ну и фантазия! Картины, которые открылись ему, показались бы мне настоящим адом. А когда он услышал наши голоса, то решил, что попал на небеса! По мере того как он говорил, Алегра воплощала его фантазии в реальность... Она использовала свои навыки психиатра!

— Звучит так, словно в мире Алегры есть что-то реальное.

— Нет, конечно! — неистово возразил мальчик. — Все, что скрывается в жилище Алегры, — галлюцинация, Вим. Ты же понимаешь, что там все ненастоящее. — Здесь его голос сорвался октавы на две. — Но была среди фантазий золотистого одна, о которой я должен тебе рассказать... Он вообразил огромную тварь... живую и мертвую в то же время. Она напоминала звезду... Порождение иной галактики. И, слыша описание этой твари, я понимал, что она не реальная, но я... я слышал ее... пение! — Глаза мальчика широко

раскрылись. Они были зелеными. Чистыми. Я почувствовал зависть к тому, кто мог своими рассказами произвести такое впечатление на Алегру и Ратлита. — Итак, мы решили оставить его у Алегры, — продолжал мальчик, его голос необычно сел на длинном «гры». — Мы долго еще болтали после того, как золотистый снова уснул... И еще мы решили помочь золотистому избавить его от кошмаров. Потому что все это... слишком необычно!

— Замечательно!

Прервав разговор, я позвонил куда надо. Потом, тяжело вздохнув, присел на уголок стола, возле которого стоял, беседуя с Ратлитом.

— Когда закончится смена, сходим перекусим — плачу я, — и ты мне расскажешь обо всем подробнее.

— Этот золотистый до сих пор торчит у Алегры, — сказал Ратлит. И на мгновение он показался мне обычным беспомощным маленьким мальчиком. — Я обещал зайти к ним, когда пойду от тебя.

— Ну, иди, — согласился я. Меня туда, кажется, не приглашали.

— Жаль только, что он так глуп, — с грустью вздохнул Ратлит, когда мы вместе вышли из

офиса.

Он посмотрел на изуродованное тело, распластавшееся на бетоне. Совсем недавно это был золотистый — владелец корабля, путешествующего между галактиками.

Глава пятая

Санди зашел ко мне, когда я разбирал бумаги.

— Настройка закончена. Что скажете, босс? Может, ударим по пиву?

— Хорошо, — удивившись, согласился я. Обычно Санди не соблюдал ритуалы, принятые в обществе. — Хочешь о чем-то со мной поболтать?

— Конечно, — вздохнул он с облегчением.

— У тебя не выходит из головы утреннее происшествие?

— Конечно, — кивнул он.

— Значит, есть причина. — Если честно, мне тоже хотелось с кем-нибудь поболтать. — Происшедшее вполне в духе золотистых. Надменные и глупые — это о них скажет каждый. Другими они быть и не могут, потому что именно эти качества защищают их от полного безумия, когда они пересекают межгалактические просторы, удаляясь больше чем на двадцать тысяч световых лет от

нашей галактики.

— Конечно... Я знаю... Я знаю... — Санди начал переминаться с ноги на ногу — видно, почувствовал себя неуютно. — Но я хотел поговорить совсем не об этом.

— Не об этом?

— Угу.

— А о чем же еще? — спросил я, когда так и не получил никаких объяснений.

— Я хотел поговорить о мальчике, который просил у вас корабль.

— Ратлите?

— Да.

— У меня и мысли не было давать ему корабль, — солгал я. — С другой стороны, пока официально он принадлежит тебе.

— Одолжите его этому пареньку, — попросил Санди. — Не волнуйтесь... В общем, я хотел бы поговорить с вами об этом парне.

Забавный этот Санди... Я всегда думал, он считает Ратлита не более чем досадным недоразумением. Так же мне казалось, что Санди искренне беспокоится обо мне. Поэтому его слова разожгли во мне любопытство. Мы говорили всю дорогу, пока шли к бару, и продолжали, пока Санди не выпил два пива. Я-то пил горячее молоко с медом.

А после у Санди развязался язык, и он рассказал, почему его заинтересовал Ратлит.

— Понимаете, босс, я много ближе к Ратлиту, чем вы. И дело не только в возрасте. Моя жизнь больше похожа на его, чем ваша. Вы смотрите на него, словно на сына. Для меня он — младший брат. Мне кажется, я понимаю все его выкрутасы. Нет, полностью я его не понимаю, но вижу его насквозь, а вы — нет. Он пережил тяжелые времена, но не такие тяжелые, как вы думаете. Он хочет взять от вас все, что сможет... Я, конечно, имею в виду не деньги.

Откуда такие мысли взялись в голове у Санди, я не знаю. Подобные рассуждения были не в его духе.

— Он не возьмет ничего, если я не захочу ему дать.

— Босс, у вас есть свои дети? — неожиданно спросил Санди.

— Девять, — ответил я. — Были. Они не убегали из дома, потому что их родители жили счастливо... кроме одного. Одна из моих дочерей была слишком чувствительна, чтобы идти той же дорогой, что и остальные. А потом она погибла. Почти все они погибли...

— Ох, — только и сказал Санди. Потом он снова

замолчал. Неожиданно он встал, полез в свою сумку и достал трехдюймовый фотоэкран. И это огромный, грязный человек, которого я научил, как с помощью грубого дистанционного манипулятора, не раздавив, поднимать с пола яичную скорлупу. — У меня тоже есть дети! — объявил он. — Посмотрите, вот семь из них.

На фотоэкране застыла группа улыбающихся маленьких обезьянок. По-другому я и назвать их не могу. Все они были прыщавыми. Они двигались то вперед, то назад, смещаясь не больше чем на фут. А когда Санди нажал кнопку, они заговорили. Речь их больше походила на птичий щебет.

— Эй, пап!.. Привет, папа!.. А мама попросила сказать, что мы любим тебя!.. Папа, возвращайся скорее!..

— Теперь они далеко, — хрипло проговорил Санди. — Но скоро я вернусь к ним и привезу достаточно денег. Я вытащу их из той дьявольской дыры, где они застряли, и мы поселимся в каком-нибудь приличном местечке. Они медленно взрослеют и только начинают познавать жизнь. Именно из-за них я прилетел сюда. Никто не мог подсказать мне другого способа заработать. А всего, когда я улетал, у меня было тридцать два

ребенка. Но вскоре я смогу увеличить их число...

— Ты рассчитываешь разбогатеть, откладывая часть жалованья, что я тебе плачу?

Я не знал о том, что у Санди такая большая семья, и мой вопрос был первой, непроизвольной реакцией. Второй же мыслью, которую я так и не произнес вслух, было: «Тогда почему, черт возьми, ты не хочешь оставить корабль себе? Ты бы продал его, и денег хватило бы. Наплодил бы еще детишек и наслаждался бы жизнью. Будь попрактичнее».

Неожиданно кулак Санди тяжело опустился на стойку бара.

— Вот это-то я и пытаюсь сказать вам, босс! Мы с Ратлитом в чем-то похожи. У всех вас мысли напоминают мозаику — немного отсюда, немного оттуда! Вы ощущаете ограничения, которые накладывает на вас общество, и движетесь в указанном направлении — иначе вы жить не можете. Но в один прекрасный момент вы обнаруживаете, что если бы шагнули в сторону, то оказались бы гораздо дальше... Я хочу сказать, что не собираюсь торчать на Пересадочной Станции всю жизнь! А если я отправлюсь назад, к центру галактики, то раздобуду достаточно денег, чтобы вернуться домой, переехать всей семьей туда,

где я хотел бы поселиться... Так вот, я считаю это движением вперед, а не назад. — Видно, алкоголь оказывал на Санди сильное воздействие, потому что говорил он путано, и мне с трудом удалось следить за его мыслями.

— Все так и будет, — на всякий случай уверил я его.

Санди быстро успокоился, и это удивило меня. Я по-

прежнему недоумевал, почему он не хочет владеть кораблем и исполнить свою мечту — вернуться домой с деньгами. Ведь именно это было для него самым важным.

— Я рад, что ты рассказал мне о своих мечтах, — продолжал я. — Но я не вижу никаких параллелей с Ратлитом.

— Конечно... Ратлит... — Санди убрал фотоэкран назад, в свою сумку. — Босс, ведь Ратлит вам как сын. Вы даете ему советы, дарите ему дружбу и заботы, каких он никогда не имел. Но Ратлит точно такой же подросток, каким я был лет десять назад, мальчишка, не нашедший своего места в обществе, не нашедший своего предназначения в жизни. Не стоит помогать ему искать свой путь в жизни, смущать его разум какими-то посулами хотя бы потому, что он сам не может распознать

истину.

— Никогда бы не подумал, что тебя так сильно волнует судьба Ратлита, — сказал я Санди. — И все же я думаю, ты не прав. Разве ты сделал хоть что-то из того, что уже успел сделать Ратлит? Разве ты написал роман?

— Я пытался писать, — признался Санди. — Вшивое занятие. Но некоторые вещи выходили прямо из моего сердца. Так что можно сказать, я и это сделал, хотя на самом-то деле из моей затеи ничего не получилось. А теперь я стал неплохим механиком, правда, босс? Я честно признаюсь себе в том, что вот это и это я делать не могу, зато я хорошо работаю, выполняю что мне по силам. То же и с Ратлитом. Да и с вами. Потому что, идя по жизни именно таким путем, мы растем. И поэтому единственное, чем вы можете помочь мальчику в жизни, это дать ему корабль, и пусть летит на все четыре стороны.

Теперь-то я наконец понял, к чему весь этот разговор.

— Санди, а тебе делали эколограмму, когда ты был ребенком?

— Нет. — А то, что сказал потом Санди, и вовсе поставило меня в тупик. — Я даже не знаю, что это такое.

— Отлично, — только и мог вымолвить я. Потом усмехнулся и потрепал Санди по плечу. — Может, ты в чем-то и в самом деле похож на меня... Давай-ка вернемся к работе.

— И еще одно, — продолжал Санди (вылезая из-за стойки, он выглядел очень мрачным). — Вы знаете, босс, этот парнишка может сильно навредить вам. Не знаю как, но мне порой кажется, он только и высматривает слабое место, чтобы побольнее ударить... Вот это я и хотел сказать вам, босс.

Я хотел было убедить Санди оставить корабль себе, но он вручил мне ключи в ангаре раньше, чем я смог возразить, а потом ушел. Когда люди, которые не могут решить собственные проблемы, дают вам советы... Вот именно эта черта мне в Санди и не нравилась.

Глава шестая

Если мне не с кем было отправиться поздно вечером на прогулку, то я гулял в одиночестве. Так случилось и в тот вечер. Я прогуливался вдоль края Звездной Ямы. Ветер дул слабый, и огромного зеркала, собирающего тепло, — Стелларплекса (он находился в девяти тысячах миль от Станции)

— видно не было. А обычно Стелларплекс сверкает в небе и напоминает земную Луну. Только он в два раза больше, однородно серебристый, и «полнолуние» длится три с половиной дня...

Добравшись до того места, где защитное ограждение было разрушено, я увидел Ратлита. Прислонившись плечом к фонарному столбу, он сидел на краю Ямы и кидал камешки вниз. Рубашка пузырем вздулась у него на спине.

— Эй, парень! Твой золотистый до сих пор торчит у Алегры?

Ратлит посмотрел на меня, а потом кивнул.

— В чем дело? Чего нос повесил? — спросил я, усаживаясь рядом. — Ты обедал?

Мальчишка пожал плечами. Он обладал пониженным метаболизмом и иногда не ел по двадцать четыре часа.

— Пойдем, угощу чем-нибудь. Почему ты такой грустный?

— Лучше уж выпить чего-нибудь.

— Я знаю, ты голоден, — сказал я ему. — Пойдем поедим. Кстати, если хочешь, купим тебе каких-нибудь сластей.

Ратлит не протестовал. Он встал и отправился за мной следом.

— Пошли поговорим по душам. Ты ведь больше

не станешь просить у меня корабль?

Неожиданно Ратлит сжал мое предплечье белыми тонкими пальцами. Мое предплечье довольно мощное, и мальчик, конечно, не смог обхватить его рукой.

— Вим, вы должны уговорить Санди отдать корабль мне! Вы должны!

— Ты лучше скажи мне, парнишка, кто на тебя так давит.

— Алегра, — ответил Ратлит. — И золотистый. Ненавижу я золотистых, Вим. Я всегда ненавидел их. Потому что если тебе понравится один из них, а потом ты начнешь ненавидеть его снова — это плохо.

— Что произошло? Чем там занимаются твои друзья?

— Золотистый болтает без умолку. Алегра плавает в море галлюцинаций. И ни один из них не обращает внимания на меня.

— Понимаю.

— Да вы ничего не видите. Вы не понимаете, какие у меня с Алегрой были отношения.

Я отлично знал их обоих. Иногда они вместе...

— Знаю, вы хорошо относились друг к другу. — Если честно, то можно было сказать и больше... В этот раз за меня это сделал сам Ратлит.

— Мы хорошо относились друг к другу, вы же знаете, Вим. Мы нужны друг другу. С тех пор как Алегра перебралась сюда, я достаю ей все медицинские препараты. Она ведь сильно болеет и не сможет жить без наркотиков. И когда для нее наступают плохие времена или галлюцинации становятся слишком яркими, я прихожу к ней, и она рассказывает о том, что видит. Мы обсуждаем ее видения... беседуем. Когда-то Алегра была психиатром и работала на правительство. Она очень-очень много знает о людях. И она многому научила меня. Почти всему, что я знаю.

Пятнадцатилетний эксперт-психиатр, обученный двадцатилетней наркоманкой? Раннее развитие, породившее тринадцатилетнего романиста. Вот так-то. Это вам не гайки отвинчивать!

— Я нуждаюсь в ней точно так же, как она нуждается в своих... лекарствах.

— Ты говорил золотистому, что просил для него корабль?

— Но ведь вы сказали, что я никогда не получу его.

— Точно... поймал-таки меня. Почему бы нам не пойти и не спросить у этого золотистого напрямую, куда он хочет отправиться? Ведь если мы немного схитрим, в этом не будет ничего

плохого?

Ратлит не сказал ничего. Его лицо словно окаменело.

— Поедим и сходим. И, черт возьми, я куплю тебе выпить. Может, я даже приму рюмочку вместе с тобой.

Глава седьмая

Алегра обрадовалась нашему приходу.

— Ратлит, ты вернулся! Привет, Вим! Я так рада, что вы оба здесь! Какая сегодня прекрасная ночь!

— Золотистый? — в первую очередь спросил Ратлит. — Где золотистый?

— Его здесь нет.

— Неужели?!

— Но он вернется!

И тут же торжествующая радость мальчика сменилась печалью.

— Ах, — огорченно вздохнул Ратлит. Словно разом рухнули в миг возведенные воздушные замки. Его вздох эхом пронесся по длинным коридорам. — Все дело в том, что я договорился. Я достал корабль твоему дружку. Корабль! Только надо настроить его двигатель. И твой золотистый

сможет улететь, как только пожелает.

— Вот ключи, — сказал я, доставая их из кармана. В этот миг я ощущал себя второстепенным героем какой-то драмы. — Он может получить их прямо сейчас.

Когда я протянул ключи Ратлиту, мне показалось, что гремят фанфары и гудят трубы.

— Ох как это удивительно! Удивительно! Ты еще не знаешь, Ратлит? Ты тоже, Вим?

— Что я должен знать? — удивился Ратлит.

— Я тоже золотистая! — закричала Алегра. Она замахала руками, словно мы находились в толпе, а она хотела привлечь наше внимание. Наверное, ей казалось, что вокруг многие и многие тысячи зрителей.

— Что ты сказала?

— Я... я... я тоже оказалась золотистой. Я узнала об этом только сегодня.

— Не может быть, — фыркнул Ратлит. — Ты слишком старая, чтобы это проявилось только сейчас.

— Во мне что-то изменилось, — объяснила Алегра.

На мгновение мне показалось, что стены ее жилища завешены расчлененными телами. Звучала музыка Сибелиуса.

— В моем организме произошли какие-то перемены. Этот золотистый что-то изменил во мне, вытащил что-то из глубины моего «я». Прекрасное и удивительное чувство... Я — золотистая! Сейчас он отправился в лабораторию, чтобы окончательно оформить все документы. Они там все оформят, и он, видимо, принесет мой золотой пояс. Он скоро придет. А когда он вернется, я вместе с ним отправлюсь в путешествие в какую-нибудь далекую — далекую галактику. Я стану его ученицей. Мы отправимся в путешествие и найдем лекарство от его болезни, и быть может, где-то там и я вылечусь от пагубной страсти к наркотикам. Золотистый сказал, что если исходить всю вселенную, то непременно найдешь то, что ищешь. Не знаю, понятно ли все это вам... Один взмах руки — и вас переносит от одной звездной грозди к другой... Теперь я свободна, Ратлит! Я не могла и мечтать об этом! Когда ты ушел... Ах, что делал этот золотистый... И когда я приняла его семя, мой гормональный баланс сместился.

Пары наркотиков, воздействуя на все мои пять чувств, воссоздали картину случившегося. Я увидел сплетенные тела золотистого и Алегры. Разрушив эротические фантазии, зазвенели ключи от корабля — Ратлит со всей силы швырнул

их об стену. После у меня возникли совершенно странные ощущения. Ратлит, похоже, собрался уходить, но Алегра остановила его.

— Не уходи вот так, Ратти! Ну, подумай, у тебя же все впереди. Разве ты не останешься и не поговоришь со мной напоследок?

И он остался.

А я повернулся и ушел домой. Но я на всю жизнь запомнил восхищенное лицо Алегры.

Глава восьмая

Следующий день начался с сюрприза.

Около десяти мне позвонила Полоски и спросила, не знаю ли я, что случилось: Ратлит в этот день, видите ли, не вышел на работу.

— Ты уверен, что ребенок не заболел?

Я сказал, что видел его вчера поздно вечером и что с ним, скорее всего, все в порядке. Полоски хмыкнула и повесила трубку.

* * *

Санди ушел несколько минут назад, точно так же, как он делал всю неделю. Он хотел заскочить на почту перед тем, как она закроется. Он

ожидал письмо из дома. По крайней мере, он так говорил. А я чувствовал себя неудобно, потому что забрал у него корабль. Что-то во всей этой истории казалось мне неправильным. Но ведь он сам отказался от него, иначе Ратлит до сих пор оставался бы другом Алегры. Возможно, так было бы лучше.

Я долго думал о том вечере, когда мы зашли к Алегре. Впереди меня ждало месяцев шесть бумажной работы без конца и края. Устроившись поудобнее в своем офисе, я включил компьютер и приготовился работать допоздна.

Было уже около семи, когда свет у входа замигал. Это означало, что кто-то открыл дверь ангара. А я ведь запер ее. У Санди хранился запасной комплект ключей, и, скорее всего, это он и был. Решив, что это Санди, я захотел немного прерваться и поболтать с ним. Механик часто заходил в ангар поработать в самое неурочное время. Я ждал, что он заглянет в офис. Но никто так и не вошел.

Потом стрелка на индикаторе напряжения (я отлично помнил, как выставил ее на ноль, оставив питание только в розетке, к которой подключался мой компьютер) разом скакнула на отметку «семь». При таком напряжении можно

было запустить большую часть оборудования ангара.

Видимо, намечалась какая-то уборка, но зачем заниматься уборкой посреди ночи? Нахмурившись, я выключил компьютер и вышел из офиса. Первое огромное отверстие в крыше ангара было закрыто корпусом Ратлита — Санди — (ну и, конечно) моего корабля. Мягкий свет Стелларплекса падал из окон, идущих вдоль одной из стен, и едва освещал помещение. В глубине темнела паутина лифтов, лесов, веревок и подвесных блоков. Другие два отверстия были пусты — тридцатиметровые круги серебра сверкали на бетонном полу. Потом я увидел Санди.

Он стоял в кругу света у последнего отверстия, глядя на блестящий диск Стелларплекса. Выглядел он совершено потерянным. И тут он поднял левую руку... Мне показалось, что она выглядит слишком большой. Серебристый свет засверкал на металлической рукавице. Теперь я понял, зачем ему такое напряжение.

Когда Санди поднял руку над головой, его закрыла тень, и в темноте сверкнул пятнадцатифутовый коготь. Санди управлял его движением с помощью перчатки... И тут мой помощник опустил руку, поднеся ее к лицу и сжав пальцы.

Повисший над ним металлический клык задрожал. Что тут происходит?.. И только тут я понял: Санди собирается совершить самоубийство.

Поняв это, я рванулся к колеблющемуся, готовому вот-вот обрушиться клинку, прыгнул и, дотянувшись до плеча Санди, ударил рукой по контрольной перчатке, которую он никак не решался сжать.

Кажется, я говорил, что руки у меня здоровые, да и кулаки под стать рукам.

Санди закричал.

— Глупец! — завопил я. — Идиот, козел, придурок...

Наконец мне удалось сорвать перчатку.

— Что, черт побери, с тобой случилось?

Санди сидел на полу. Голова его поникла. От него воняло.

— Посмотри, — обратился я к нему, убирая коготь на место с помощью отвоеванной перчатки. — Если хочешь покончить с собой, спрыгни с Края. Ты бы мне пол-ангара разнес. Больше тут не появляйся и мои инструменты не трогай. Можешь размозжить себе голову в другом месте, но не здесь с помощью моей перчатки... В чем дело? Что с тобой случилось?

— Я знал, что это сработает. Не стоило и пытать-

ся. Я знал... — Его голос смешался с рыданиями. — Но я думал, быть может... — Возле его левой руки лежал ручной видеофон. Экран треснул. И еще там был скомканный кусок бумаги.

Я повернул перчатку, и коготь жужжа исчез в ножнах на высоте двадцати футов. Подойдя к Санди, я подобрал бумагу, разгладил ее. Я не очень-то хотел читать письмо, но уж так получилось.

Дорогой Санфорд,

с тех пор как ты уехал, дела идут все хуже, хотя не так уж и плохо. Теперь мы не можем позволить себе даже маленьких удовольствий... Да и дети начинают забывать тебя. Бобби-Д много плакала. Она даже чуть было не уехала.

Мы получили твое письмо и были счастливы узнать, что все у тебя складывается удачно, хотя Хэнк рассказал, о чем ты написал ему. Он очень беспокоился, а когда Мэри попыталась успокоить его, сказал: «Хоть я присоединился к вашей семье позже его, так что имею право сердиться на него точно так же, как вы». Это правда, Санфорд. Он так и сказал. Но он заявил так, потому что имеет долю в наших доходах.

Я пишу тебе, потому что хочу, чтобы ты точно знал его слова. Особенно сейчас, когда дела идут все хуже и хуже.

Ты говорил, что сможешь прислать нам хоть немного денег. Если можешь, пришли... Хотя Лаура сказала, что, если я отправлю это письмо, она разведется с нами. Она не хочет даже слышать о тебе. Да похоже, и Хэнк не слишком-то жаждет твоего возвращения. Так что прежде, чем вернуться, ты бы все же послал денег... Ты ведь помнишь, как все плохо получилось, когда ты уезжал...

А вчера мы устроили совет и решили, что не хотим, чтобы ты возвращался. Ну а если ты вышлешь денег, все может измениться.

Вот такие у нас дела. Так что можешь расценивать это письмо как официальное уведомление. Но в отличие от других (именно поэтому остальные и попросили меня написать тебе) я хотел бы услышать тебя снова и сохранить тропинку, по которой ты когда-нибудь смог бы вернуться к нам. И еще я написал, потому — что любил тебя по настоящему. В сердце моем нет ненависти к тебе.

Искренне твой...

Письмо было подписано «Жозеф». А в нижнем правом углу были записаны имена всех мужчин и женщин их полисемьи.

— Санди?

— Я знаю, что они не примут меня назад. Мне ведь даже и пытаться не стоит, а? Но...

— Вставай, Санди!

— Но дети, — прошептал он. — Что будет с детьми?

С другого конца ангара донесся какой-то звук. Борт

корабля, исчезающий в люке, серебрился в свете Стелларплекса. На верхней площадке лесов стоял золотистый, тот самый, которого я и Ратлит подобрали на улице.

(Помните, как он выглядел?)

Он и Алегра поднялись на леса, пока мы с Санди боролись за обладание перчаткой. Возможно, они хотели побыстрее улететь, до того, как Ратлит устроит им скандал, и до того, как я изменю свое решение и заберу ключи. Все корабельные приборы были проверены.

И тут я заметил, что лифт скользит вверх. Значит, еще кто-то хотел присоединиться к золотистому и его возлюбленной.

— Дети... — снова прошептал Санди.

Дверь лифта открылась, и кто-то шагнул в круг белого света. Рыжие волосы, золотое кольцо в ухе... Это был Ратлит! Прыжками помчался он к люку корабля. Полоса желтого металла сжимала

его талию.

Удивленный, я услышал, как золотистый закричал мальчишке:

— Залезай на корабль, брат! Мы отправимся в неизвестность.

И Ратлит ответил ему:

— Я отправлюсь вместе с тобой, брат. Поехали!

Их голоса эхом разносились по ангару.

Санди поднял голову, пытаясь разглядеть, что происходит наверху.

Когда Ратлит полез вверх по приставной лесенке, чтобы встать возле люка рядом с Алегрой и золотистым, тот помог мальчику, подхватив его за руку. Мгновение они стояли, глядя в глаза друг другу, потом Ратлит отвернулся и посмотрел вниз в ангар, на тот мир, который решил оставить. Не знаю, разглядел он нас внизу или нет.

Когда люк у них за спиной закрылся, корабль завибрировал.

Я отвел Санди назад в офис. Не успел я закрыть дверь, как страшная волна грохота обрушилась на меня. Я решил, что этот шум приведет Санди в себя. Что-то щелкнуло у меня в голове, но мелкие кусочки головоломки не желали вставать на свои места.

— Санди, нам надо идти! — позвал я.

— Как?

Видно, он пытался прийти в себя, но его сильно тошнило.

— Я не хочу никуда идти.

— Придется, так или иначе. Я не оставлю тебя одного.

Глава девятая

Проводив Санди домой, я вернулся в пустой ангар.

— Мое лекарство. Пожалуйста, дай мне мое лекарство. Я должна получить лекарство, пожалуйста... пожалуйста... пожалуйста... — услышал я высокий, тихий голос, когда добрался до двери своего офиса.

Рывком я распахнул ее.

Алегра лежала на матраце в углу. Розовые глаза были широко раскрыты. Белые волосы разметались вокруг. Без галлюциногенов она казалась невероятно тощей. Никаких следов прежней красоты. Ее длинные ногти почернели, как у Санди после разборки деталей в графитовой смазке. У меня спина пошла мурашками от вида ее полупрозрачной кожи, покрытой толстым слоем многолетней грязи. Кожа вокруг рта натянулась,

так что он напоминал старый шрам.

— *Это ты, Вим? Дай мне лекарства. Ты можешь дать мне лекарства, Вим? Ты можешь достать мне лекарства?*

Ее рот не двигался, но я слышал голос. Она была слишком слаба, чтобы произносить слова, и обращалась ко мне телепатически.

Вот так я впервые увидел Алегру без плаща ее галлюцинаций, и ее настоящий облик поразил меня.

— Алегра, — пробормотал я, стараясь держать себя в руках. — Неужели Ратлит и золотистый бросили тебя!

— Ратлит! Гадкий Ратти, испорченный мальчишка! У него роман с золотистым... Он так и не принес мне лекарства. Но ведь ты достанешь мне райской пыльцы? А, Вим? Если пыльцы не будет, то минут через десять я умру. Я не хочу умирать! Не хочу!.. Мир кажется мне сейчас таким уродливым, переполненным болью. Но я все равно не хочу умирать.

— Так Ратлит улетел вместе с золотистым...

Я осмотрел офис, но тут не было ничего, что могло бы помочь Алегре. Ситуация оказалась намного хуже. Сухой мусор, раньше наваленный кучкой в одном из углов, теперь оказался разбро-

сан по всему полу. Это были бумажки, осколки стекла, щепки и обломки чего-то (теперь казалось невозможным установить их происхождение).

— Нет... Здесь ничего такого нет... Ратлит брал пыльцу у человека, который обитал в квартирке на другом конце Станции. Его зовут Грег... Ратлит приносил мне лекарства каждый день. Он был таким замечательным мальчиком. Каждый день он приносил мне немного лекарств. Мы занимались любовью, и мне никогда не приходилось покидать своего жилища... Вим, ты должен принести мне лекарство!

— Но, Алегра, сейчас глубокая ночь! Грег спит, да и прогулка на другой конец Станции займет много времени... Если даже я отправлюсь на поиски этого Грега, десяти минут мне явно не хватит.

— Если бы со мной все было в порядке, Вим, то я бы отправила тебя туда на облаке света, яркого, как оперение павлина, ты пронесся бы по темным коридорам, словно дельфин по водной глади. Ты принес бы мне мои прекрасные лекарства под победный рев труб и грохот тамбуринов. И все это заняло бы одно мгновение... Но сейчас мне плохо. Я умираю.

Веки ее розовых глаз затрепетали в непроизвольных спазмах.

— Алегра, что тут случилось?

— *Ратлит сошел с ума! У него роман с золотистым!* — Ее телепатема была наполнена такой яростью, что я невольно отпрянул. Тут я услышал за спиной тяжелое дыхание Санди. Неужели вместо того, чтобы лечь спать, он вернулся следом за мной и был тут все это время, слышал наш разговор? — *Ратлит обезумел, словно побывавший за двадцать тысяч световых лет, стал бесчувственным, как...*

— Но теперь у него пояс золотистого.

— Это мой пояс! Это был мой пояс, а Ратлит украл его! Но ведь, украв пояс, он все равно не сможет стать золотистым! Тут дело в организме... Ратлит не золотистый! Я — золотистая, Вим! Я могу побывать на далеких звездах, отправиться далеко-далеко! Я — золотистая, золотистая, золотистая... Мне плохо, Вим! Мне так плохо!...

— Но разве той спутник, золотистый, не знал, что пояс твой?

— Конечно! Но он ведь непроходимо глуп! Он верит во все, что ему ни скажи. Верит кому угодно! Я послала его, чтобы он отнес бумаги, получил пояс, заготовил провизию для путешествия. На то, чтобы получить пояс, ему понадобился целый день... А теперь уже ночь... Я попросила Ратлита

принести мои лекарства и забрать результаты анализов. Он ведь тоже решил переспать с золотистым из-за того, что надеялся измениться, как я... И золотистый, и Ратлит бродили неведомо где, а мне тем временем стало очень плохо, я ослабла... А потом выяснилось, что мальчишка встретил золотистого, сказал ему, что я снова стала обычной, а он — Ратлит — превратился в золотистого. Поэтому мой золотистый и отдал ему пояс. Теперь они вместе.

— Как же мог твой спутник поверить в такую глупую историю?

— Вим, ты же знаешь, какими глупыми порой бывают золотистые. Ты же знаешь?.. Да золотистого ничуть не волнует, лжет Ратлит или говорит правду. Они полетят в какую-нибудь галактику. Золотистый останется жив, а мальчишка начнет бредить, из пор его тела станет сочиться кровь... Вначале он ослепнет, потом оглохнет и в конце концов умрет. А спутник его даже не опечалится. Таковы золотистые. Только я буду оплакивать юного безумца, потому что он был добр ко мне и очень долго приносил мне лекарства.

Я почувствовал горечь и печаль.

Алегра неподвижно лежала передо мной.

— Ты хочешь сказать, что не знаешь, почему

Ратлит обезумел? А, Алегра? Ты хочешь сказать, что не подозревала о том, насколько он хочет стать золотистым? Ты не знала, насколько ты нужна ему? Ты не представляла, что случится с ним, если ты покинешь его, утрешь ему нос, став той, кого он ненавидит и кем восхищается?.. И после всего этого ты утверждаешь, что не знаешь, отчего он сошел с ума? Подумай, девочка... ты ведь стала золотистой. Или, став золотистой, ты резко поглупела?

— *Нет*, — спокойно возразила она. — *Более того, Вим, я знаю, Ратлит тоже пытался пройти тест. Только он не прошел его.... На самом деле Ратлит просто маленький мальчик, ребенок...*

Горечь, усталость, скопившиеся в моей душе, сменила печаль.

— Алегра, разве тебе нужно было все это? Разве ты не могла поступить по-другому, не причиняя мальчику такой боли?

— Я всего лишь хотела сбежать. Вырваться из тисков нашей галактики, из тисков райской пыльцы, стать по-настоящему свободной... И Ратлит этого хочет, и ты. И Санди... Каждый хочет стать золотистым... Только я поступила жестоко. Мне выпал шанс, и я ухватилась за него. Разве это плохо, а, Вим?.. Жаль, конечно, что все так

получилось...

Ее веки снова задрожали. А потом глаза широко открылись.

— Алегра...

— Я — золотистая. Золотистая! Такая же, как другие золотистые! Но я не сумасшедшая, Вим... Нет... Ратлит отлично это знал, но не дал мне моего лекарства...

Глаза Алегры закрылись.

Я тоже закрыл глаза. Мне хотелось плакать, кричать, но, казалось, мой язык распух, уперся в небо, заполнив весь рот... Я не смог выдавить из себя ни звука.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
ЛОВУШКА ДЛЯ ЗОЛОТИСТЫХ
Глава десятая

На следующий день Санди вышел на работу.

Я не стал говорить с ним о случившемся накануне. Это было во всех информационных выпусках новостей. И, как обычно, журналисты постарались все представить в самом грязном свете.

«Юный гений (они уже напрочь забыли о романе

Ратлита и называли его гением по привычке) *доводит свою возлюбленную до ужасной смерти!*»

Журналисты даже не упомянули золотистого. Они не стали ничего расследовать.

Репортеры все время кружили вокруг ангара. Им так хотелось написать о том, что корабль украден. Вот тогда бы получилась сенсация.

К моему удивлению, Санди отнесся к происходящему совершенно спокойно.

— Это был корабль Ратлита, — пробормотал он, нанося смазку на ходовые части двигателя. — Я отдал ему этот корабль.

— Зачем вы отдали мальчишке корабль? Может быть, вы дали его лишь взаймы?.. Или вы хотели отомстить ему, сделать так, чтобы он погиб ужасной смертью, отправившись через межгалактические просторы?..

— Он попросил. Я отдал корабль. Остальное можете узнать у моего босса. Он — свидетель нашей сделки. — С этими словами Санди повернулся назад, к механизмам.

— Но послушайте, пусть так, но это же не повод помогать ему скрыться. Тем более что на самом-то деле вы обрекли его на долгую и мучительную смерть.

— Он мне не нравился... И я дал ему корабль,

— просто ответил Санди...

— Спасибо, — поблагодарил я Санди, когда репортеры ушли. Не уверен, что и в самом деле был благодарен ему, но держался он и впрямь молодцом. — Ты отлично себя вел, я твой должник.

* * *

А через неделю Санди явился и объявил:

— Я хочу получить свой долг.

И сказал он это как-то надрывно.

Я прищурился.

— Значит, ты, в конце концов, решил бросить работу? Дотянешь хоть до конца недели?

Санди выглядел смущенным, стоял, спрятав руки в карманы.

— Да, конечно. Я ухожу. Но не прямо сейчас, босс. Иначе мне будет не выбраться отсюда.

— Тебе поможет то, чему ты научился здесь, — сказал я ему. — Ты ведь много узнал от меня, многому научился. Ты стал похож на меня. Я стараюсь все время чему-то учиться и таким образом расту. Ты тоже можешь расти дальше.

Санди печально покачал головой.

— Не уверен, что мне это нужно. — Тут его рука выскользнула из кармана, он протянул мне что-то. — Посмотрите, это — билет. — Он сжимал

грязными пальцами кусочек фольги со сложным узором. — Через четыре недели я улечу с этой Станции. Только я не хочу вот так уезжать, босс. Я хочу, чтобы вы отдали мне долг.

Тут я удивился по-настоящему.

— Значит, ты все же решил вернуться в свою семью? — сказал я. — Думаешь, получится?

Санди пожал плечами.

— Не знаю... Стану работать... Есть ведь и другие семьи... Может, мне удастся немного подрасти...

Он спрятал билет назад в карман, а потом какое-то время стоял, незаметно покачиваясь с пяток на носки и обратно.

— Так как насчет долга, босс?

— Я тебя что-то не понимаю.

— Вим, тут есть один мальчишка. Он такой неотесанный...

«Вим»! Первый и единственный раз на моей памяти он назвал меня по имени, хотя я давно просил его обращаться ко мне именно так.

— Он мог бы заменить меня.

Смех судорогой сдавил мне горло. Но я не смог рассмеяться, потому что видел перед собой уродливое лицо Санди, его печальные глаза и знал: мой смех оскорбил бы его. Он казался таким уязвимым и напряженным. Уязвимым? Но ведь

у Санди был билет. Он собирался улетать. Какое ему дело до того, что я думаю!

— Отошли этого парня к госпоже Полоски, — предложил я. — Может, ей нужен мальчик на место Ратлита... А теперь не мешай мне работать.

— Может, вы все-таки возьмете его? — скороговоркой выпалил Санди. — Это в оплату вашего долга, босс.

— Санди, я ужасно занят...

Было в его голосе что-то, отчего мне пришлось снова взглянуть на него. Но он молчал и заговорил только тогда, когда я снова повернулся к столу.

— Босс, послушайте! Помните, вы спрашивали меня, проходил ли я тест, когда был ребенком?

Только тогда я начал что-то понимать.

— Ты имеешь в виду эколограмму?

— Да, — глупо усмехнулся Санди. — Этот мальчик — один из них. Он — золотистый. Ждет тут, за дверью. Ожидает вашего решения.

— Он хочет занять твое место?

Санди кивнул.

Я подошел к двери ангара, пытаясь представить себе мальчика, который в нетерпении замер за дверью.

* * *

Снаружи и в самом деле оказался мальчик. Он сидел на заправочном гидранте. В свое время я посадил там несколько карликовых деревьев, и «дневной» свет осветительных фонарей, падая сквозь листву, разузорил тротуар и землю под деревьями.

Мальчишке было лет четырнадцать — кожа цвета меди и курчавые черные волосы. Он сидел на гидранте, вытянув ноги, а пояс его стягивал широкий чешуйчатый желтый пояс. Паренек и впрямь был золотистым. Играя, он рассматривал какую-то странную штуковину — полупрозрачную драгоценность в медной оправе. Она висела на цепочке у него на шее.

— Эй! — позвал я его.

Он поднял голову, черные, как смоль, волосы заискрились.

— Тебе нужна работа?

Мальчик кивнул.

— Меня зовут Вим. А тебя?

— Ты можешь звать меня Ан.

Голос его оказался ровным, спокойным. В нем звучали интонации, присущие всем золотистым.

Я нахмурился.

— Это сокращение?

Он кивнул.

— А как твое полное имя?

— Андроклес.

— Ого!

Мой старший сын давно погиб. Я точно знал это, потому что получил все официальные бумаги. Но иногда с подобными вещами трудно мириться. И иногда, когда я видел мальчишку — неважно, черные, белые или рыжие у него волосы, — мне казалось...

— Хорошо... — протянул я. — Давай посмотрим, можно ли приспособить тебя к какому-нибудь делу. Пойдем.

Ан встал. Его взгляд застыл на мне. В нем сквозило любопытство.

— Что за штука у тебя на шее?

Его взгляд на мгновение метнулся вниз, а потом он снова встретился со мной взглядом.

— Это родственник.

— Как? — Мне пришлось немного напрячься, чтобы вспомнить значение этого слова на жаргоне золотистых. Родственниками они обычно называли те вещи, без которых не могли обойтись. — Конечно. Пусть родственник. Брат, если пожелаешь. Только мне все равно непонятно, что

это за вещица.

— Брат, — следом за мной повторил Ан. Его лицо скривилось в улыбке, печальной и полной разочарования. Он побежал за мной вприпрыжку, когда я направился в сторону конторы Полоски.

— Это... — он судорожно сжимал в руке камешек, — наглядная модель, маленький живой мир. Хотите посмотреть?

Говорил он запинаясь, но выговаривал слова правильно и произносил каждое слово отдельно, делая между ними крошечные паузы. При этом лицо его выглядело напряженным, словно каждое слово давалось ему с трудом.

— Малюсенький какой... Микромир?

Ан кивнул:

— Точно. Хотите посмотреть?

Длинные курчавые волосы помешали ему стянуть цепочку, и тогда он, придвинувшись ко мне, протянул камень.

Я внимательно наблюдал за его движениями.

Мне показалось, что внутри драгоценности синяя жидкость, невероятно большой пузырек воздуха и шарик-пятнышко темного желе — зрачок. Драгоценность находилась в оправе из двух скрепленных между собою колец. Сам камешек вращался между кольцами во все стороны. На

внешней стороне одного кольца находился изогнутый кусочек металла с крошечной линзой. Она явно предназначалась для того, чтобы рассматривать происходящее внутри сферы.

— Она наполовину наполнена, — объяснил Ан. — Единственное, чего она боится, так это прямого света. Любой яркий свет, кроме синей части спектра. Этого мой родственник не боится.

Я взглянул через лупу в глазок камня.

Могу поклясться, внутри находились сотни различных жизненных форм. И каждой было от пяти до пятидесяти экземпляров: споры, палочки, семена, яйца, растущие и развивающиеся личинки, куколки, жуки. И жизненный цикл каждого из существ занимал не более двух минут.

Массы спор, словно россыпи красных «лотосов», облепили шар желе в центре драгоценного камня. Каждые несколько секунд один из «лотосов» выбрасывал черные споры, словно облако бумажного пепла. И тут же на них набрасывались крошечные мотыльки. Я едва мог рассмотреть их даже с помощью лупы. То, что раньше было черным, становилось серебристым и устремлялось назад каплями какой-то жидкости, попадало на поверхность желейного шара и пузырящейся пеной ложилось на его поверхность, постепенно

втягиваясь вглубь. Втягиваясь, пузырьки краснели, растекались, пока не превращались в красные подобия цветков лотоса.

Но эти «лотосы» не громоздились друг на друге, потому что каждые восемь или десять секунд поток зеленых существ касался поверхности желейного шара и уничтожал большую часть цветков. Я так и не смог разглядеть, что это за зеленые существа. Никогда не видел ничего подобного. Мне даже показалось, что эти странные создания не пожирали друг друга, а каким-то таинственным образом перерождались одно в другого.

Вот маленькая черная спора потонула в пузыре желе и тут же выскользнула на поверхность белым червячком. Выполняя программу, заложенную в него природой, червячок отложил пару яиц, отдохнул, уверившись, что они растут и нормально развиваются, а потом поплыл к пузырькам, где среди красных «лотосов» отложил еще множество яиц. К тому времени его плавники стали больше, отрос хвост, появились оранжевые пятнышки, и удивительный червячок нырнул в глубь пузыря. Видно, мотыльки, которые превращали черные выбросы красных «лотосов» в серебристые пузырьки, тоже участво-

вали в процессе превращения, потому что стоило только червячку начать погружаться, они разом метнулись следом за ним. А червячок становился все тоньше и тоньше и наконец исчез. Яйца, которые отложил червячок, стали погружаться в глубь шарика желе, постепенно превращаясь в черные споры...

Одно огромное существо, такое большое, что его можно было разглядеть без увеличительного стекла, устроилось на стене, кормясь желе, крепко смыкая щелочки-глазки, в то время как его омывали невидимые волны...

Все это происходило среди калейдоскопа хрупких, то и дело распускающихся и вянущих цветов, всевозможных разноцветных паутинок, вьющихся лоз и червей, бородавок и слизистых образований, всевозможных симбиотов, радужных зарослей морских водорослей, колеблющихся и сверкающих так, словно их осыпали конфетти из фольги.

Я моргнул, так как мне показалось, что какое-то из существ этого цветастого великолепия вот-вот попадет мне в глаз.

— Сложная штуковина. — Я вернул драгоценность мальчику.

— Не очень. Как-то я решил переписать всех су-

ществ, что есть в этой штуке. На это у меня ушло недели две. Ты видел там такую большую тварь?

— Которая жмурилась?

— Да. Ее цикл воспроизведения занимает около двух часов, но если вы решите серьезно понаблюдать за тем, что происходит внутри этого камня, время пролетит незаметно. Тяжело разглядеть подругу этого создания, которая выглядит словно паутина с цехинами. А на самом деле это то же самое существо, только другого пола. Интересно смотреть, как происходит совокупление, а паутина падает в...

— Значит, этих тварей всего две, — пробормотал я. — Совсем одна...

Ан согласно кивнул.

— И у них рождается одно существо мужского, одно женского пола. После этого родители умирают.

Неожиданно улыбка исчезла с его лица, словно набежала тень. Он с серьезным видом потупил взгляд.

— Даже после того, как я увидел подругу этого «великана», у меня еще целая неделя ушла на то, чтобы убедиться, что он и впрямь один.

— Но если гигант и паучиха... — начал было я, но так и не договорил.

— Вы видели таких существ раньше?

Я покачал головой.

— Никогда не встречал ничего похожего. Хотя однажды столкнулся с существом вроде этого, только размером около шести футов.

Серьезность Ана переросла в страх. Мне даже показалось, что он вздрогнул. Эмоции золотистых сменяют друг друга совершенно неожиданно. Я понял, что, разговаривая с этим мальчиком, нужно держать ухо востро.

— Эй, расслабься. Расслабься! — сказал я.

Он так и сделал.

— На самом деле тут все не так уж и сложно. — Мне вспомнился один из моих детей и то, что случилось с ним много лет назад. Я рассказал золотистому о террариуме...

— Ох, — только и вымолвил мальчишка, когда я закончил. А потом его лицо снова стало равнодушным. — Там же были не микроорганизмы. Все было проще. Да... — Потупив взгляд, он уставился на тротуар. — Там все было очень просто...

Когда он снова поднял голову, его лицо приобрело совершенно иное выражение. Мне понадобилось несколько секунд, чтобы понять, что с ним такое.

— Я не понимаю, зачем это все.

Удивительная уверенность была в голосе и движениях мальчика. Этим он напоминал огромного кота. Одним из свойств золотистых — мгновенно перевоплощаться.

— Замечательная штука. С помощью ее можно демонстрировать детям, что такое биологическое развитие видов.

Ан подергал цепочку.

— Наверное, поэтому мне и подарили эту штуку. А тот террариум, о котором вы рассказали, — очень примитивная вещица. Она не дает полной картины.

— Зря ты так, — сказал я ему. — Когда я был ребенком, у меня была всего лишь колония муравьев — свой муравейник. Я наблюдал, как несколько сотен крошечных муравьишек снуют между двумя стеклами. Теперь думаю, лучше было бы держать пару голодных крыс. Или огромный аквариум с какой-нибудь разновидностью акул. Дать им возможность гоняться друг за другом в борьбе за существование...

— Тогда в вашем террариуме экология не была бы сбалансирована, — сказала Ан. — Ваши питомцы не стали бы развиваться... Вам понадобились бы растения для восстановления кислорода в воде. И необходимо было бы подобрать растения

так, чтобы ваши рыбки ими не питались. (Ах, эти дети и их неординарное мышление!) Если вам это удастся, то все в порядке.

— А что неправильного было в террариуме, о котором я рассказывал?

Лицо мальчишки мгновенно нахмурилось.

— Ящерицы, сегментные черви, растения, пушистики... И полный цикл развития... Они рождались, вырастали, размножались, возможно, заботились о своем потомстве, потом умирали. Их единственной функцией было воспроизведение. Ужасная картина.

И тут лицо его показалось мне невероятно глупым.

Странный ребенок, он был золотистым и выглядел моложе Алегры, но старше Ратлита.

— А тут, — Ан щелкнул по своей драгоценности розовым ногтем, — есть все стадии, задействованы все наиболее важные функции организма. После того как они родятся и вырастут, они проходят множество метаморфоз. Например, эти маленькие зеленые черви — стерильны. Они — последняя стадия развития синих пушистых летунов. Но они, погибая, превращаются в фосфорные удобрения, которые питают водоросли. Все остальные существа питаются водорослями...

кроме шипастых шаров. Они-то и съедают червей, когда те умирают. Эти фагоциты очищают среду. (И снова мне показалось, что Ан возбуждается.) Все люди ведь тоже принадлежат определенному классу! Если бы мы могли изучать людей так, как я изучаю обитателей этого шара, мы подготовили бы все записи процесса воспроизводства, чтобы определить, является ли он главной функцией жизни или важнее примитивные функции людей, создавших собственную цивилизацию. (Что-то белое запенилась в уголках его рта.) Я думаю, созревание — это когда дети уходят от родителей. А родители беспокоятся... Мы хотим, чтобы нас оставили в покое! Вот что я скажу! Вот что я объявлю им!..

Мальчик остановился. Его язык блестел от пены. Крошечные капельки блестели на губах. Он словно хотел убедить меня в своей правоте. Похоже, с головой у него было не все в порядке.

— Думаю, этот камень просто игрушка... — спокойно объяснил ему я. — Если ты останешься один, то всегда можешь посмотреть в глубь камня, и одиночество как рукой снимет. — Мне даже показалось, что он прямо сейчас последует моему совету. Вот он был в ярости, а теперь лицо его неожиданно приобрело глупое выражение,

словно у двухгодичного малыша. Боже, как в этот миг он походил на Энтони!

— Я говорил не об этом.

Он скрестил руку на груди. Казалось, он о чем-то сосредоточенно думает.

— Ан... ты неглупый мальчик. Ты слишком самоуверен, но мне кажется, ты понимаешь, что я имею в виду. Ты ведь золотистый...

Все мои обиды на Ратлита испарились. Да и на Алегру. До сих пор не могу выразить словами то, что творилось тогда в моей душе. Ан смотрел на меня, переваривая мои слова. Он выглядел несчастным, брошенным ребенком.

— Сколько ты провел времени в одиночестве?

Он посмотрел на меня. Руки оставались сложены на груди.

— То, что я золотистый, выяснилось, когда мне исполнилось семь лет.

— Так давно?

— Да. — Он повернулся, и мы пошли дальше. — Я очень рано созрел в половом смысле.

— О! — Я кивнул. — Тогда ты был вдвое моложе. Каково это, маленький брат, быть золотистым?

Ан опустил руки, пожал плечами.

— Меня разлучили с семьей. Специальные классы. Программы тренинга. В этом плане я — псих.

— Удивительно. Глядя на тебя, не скажешь...

А как же тогда Ратлит? Как же Алегра?

— Я знаю, как выгляжу со стороны. Мы знали, что мы — психи, и это помогло нам пройти через психологический прессинг, когда корабль потерпел аварию на расстоянии двадцати тысяч световых лет от нашей планеты. Все так и было. Поэтому последние несколько лет в нас, золотистых, искусственно развивали психологическую нестабильность. Она у нас глубоко в подсознании, так, чтобы мы не отличались от обычных людей в повседневной жизни. Люди правительства подвергали точно такой же обработке тех, чья гормональная система была близка к системе золотистых. Так они пытались создать побольше золотистых.

Я засмеялся, но тут мне в голову пришла одна поразительная мысль.

— Но объясни, почему ты ищешь работу именно здесь? Ты ведь мог бы договориться с каким-нибудь золотистым и отправиться в иные галактики или поискать работу на одной из межгалактических трасс.

— Я побывал в другой галактике. Меня рассчитали и высадили с корабля месяца два назад. Множество Пересадочных Станций лежит между

нами и той галактикой. Я собираюсь блуждать меж звезд, настраивая автоматическое оборудование, возможно, даже стать управляющим одной из Станций. Думаю, мне стоит обучиться какому-то ремеслу, прежде чем отправляться в межгалактические дали.

— Стоит, — кивнул я. — Но чтобы работать, как я, ты должен узнать чертову уйму всего о внутренностях звездных двигателей. Неужели ты не понимаешь, что такому невозможно научиться за пару месяцев? А автоматическое оборудование! У меня такого и вовсе нет... Может, госпожа Полоски даст тебе работу, но я не уверен, что ты согласишься.

— Я и раньше работал с двигателями, — скромно потупившись, сказал Ан.

— Да? Так где же тебя учили? — удивился я. Не слишком сложный вопрос, но он требовал ответа. Возможно, я почувствовал бы себя лучше, если бы мальчишка не смог ответить ничего вразумительного. Так или иначе, я был много опытнее и умнее его.

— Обучение происходило тем же путем, что и изменение психики.

— Ты слишком развит для своих лет, как я погляжу.

Дорогое Лунное Училище! Ладно, может, и впрямь методы обучения изменились и стали более эффективными.

— Пойми, — продолжал я объяснять Ану, — в твоем возрасте я только начал изучать двигатели. Там ведь сотни и сотни различных узлов...

— Вы хотите сказать, что эти пропитанные маслом организмы из металла очень чувствительные? Да! Но я никогда не запускал свои руки в...

Я нахмурился.

— Послушай, когда я был моложе тебя, я мог... — И тут я остановился. — Конечно, с автоматическим оборудованием тебе не пришлось бы делать это вручную. Но на самом деле нужно уметь все чинить собственными руками.

— Вот поэтому я и ищу работу. — Мальчишка снова стал теребить свою цепочку. — Мой сводный муж Санди много говорил со мной, поэтому я и попросил его похлопотать и, если возможно, пристроить меня на работу. Он сказал, что сможет помочь мне.

— Рад, что он так и сделал. Но в моем ангаре обслуживают только небольшие корабли. Тут грязная работа. Мне и моему помощнику нужно все делать вручную. У госпожи Полоски ангар

много больше. Она выполняет как вне, так и внутригалактические заказы. Так что многому научишься. Найдешь госпожу Полоски, скажешь, что тебя послал я, расскажешь, что умеешь делать и почему оказался тут. Если она тебя не прогонит, ты сможешь чему-нибудь научиться.

— Спасибо.

Мы свернули в боковой коридор. Впереди появился ангар Полоски. Раздался громоподобный звук, и из отверстия-люка в крыше ангара поднялся звездный корабль.

— Стоит мне только потерять веру в молодое поколение, один из вас приходит и я снова начинаю во что-то верить, — сказал я золотистому. — Хоть ты и психованный парень, честное слово, ты много лучше тех золотистых, что постарше.

Ан понимающе посмотрел на меня.

— Мне кажется, ты мало путешествовал... — продолжал я. — Не удивлюсь, что, если завтра ты умрешь, твое тело попадет к какому-нибудь врачу-исследователю. А он решит расколоть твою голову, чтобы взглянуть, что там внутри... Я пытаюсь помочь тебе вести себя как цивилизованный человек. Ты очень заносчив, но разве такой малыш, как ты, может видеть реальную картину вселенной?

— Разве не этого вы ожидаете от нас?! — взвился Ан, белые капельки снова заблестели у него на губах. — Что бы вы стали делать, если бы подобно нам попали в западню?

— Как? — удивленно переспросил я. — Вы в западне?

— А вы разве не знаете?

Плечи мальчика содрогнулись.

— Психотехник, который сделал из меня золотистого, сам не был психом! Что общество потом потребовало от меня? Чтобы я с остальными принес оружие со звезд! Но мы не участвуем в ваших проклятых войнах! Вы не принимаете нас в свое общество, в свои семьи, объявляя, что мы слишком ценные и не можем жить по вашим законам. Вы отказали нам в нашем наследстве...

— Постой-ка, парень!..

Ан сжал в руке цепочку с драгоценным камнем, все еще висевшую у него на шее. Его голос стих почти до шепота, глаза сверкали.

— За это я задушил цепочкой одну мою одноклассницу. Вот этой, что сейчас у меня в руке...

После такого признания мы некоторое время молчали. Но вот черты Ана снова разгладились.

— Тогда у меня на целую неделю отобрали эту цепь. Так они наказали меня за убийство малень-

кой девочки...

Его шепот постепенно смолк. А потом Ан снова зашептал:

— А у госпожи Полоски никто не станет наказывать меня... Мои рефлексы много лучше, чем у других людей...

Страх заглушил мою ненависть. Внимательно следил я за безумными искорками в глазах мальчика.

— Ладно! — Тут он нетерпеливо взмахнул рукой, и я инстинктивно опустил голову. — Я отдам ее тебе!

С этими словами он протянул мне свою цепочку. Я машинально взял ее. Отвернувшись, я пошел дальше, стараясь не смотреть на мальчика, пока мы не подошли к ангару Полоски.

Глава одиннадцатая

Лифт загудел и стал спускаться, когда я проскользнул через грохочущие двери своего ангара. Санди закричал мне сквозь сетчатые стены:

— Он будет работать?

— Возможно, — крикнул я в ответ, направляясь к офису.

Я услышал, как кабина лифта опустилась на

силиконовую подушку. Через мгновение ухмыляющийся Санди оказался рядом со мной.

— Как вам мой сводный муж Андроклес?

— Сводный муж? — Я припомнил, что Ан говорил что-то в таком роде, но тогда я решил, что это какой-то сленг золотистых. Но то, как сказал об этом Санди, заставило меня призадуматься. — Он твой настоящий сводный муж?

— Он — родной брат Джоя. Я не хотел ничего говорить, пока вы с ним не встретитесь. — Санди вместе со мной подошел к дверям офиса. — Джой снова прислал мне письмо. Он написал, что Ан собирается приехать ко мне, и попросил, чтобы я присмотрел за ним и по возможности помог устроиться.

— Как ты думаешь, я знаю, кто такой Джой, или нет? — Я пинком распахнул дверь. Она с грохотом ударилась об стенку.

— Он — один из мужей моей семьи. Один из тех, кто написал письмо, которое вы читали...

— Да, конечно...

Я вспомнил кусок смятой бумаги.

— Я подумал: будет хорошо, если после всего, что случилось, он увидит меня, прежде чем окончательно покинет эти края. И моя семья тогда поймет, что я по-прежнему один из них... Так как

вам Андроклес?

— Совсем мальчик. — С этими словами я стал перебирать почту, пришедшую после обеда, но потом понял, что все равно не удастся сосредоточиться, и запихнул все конверты и рекламные листки разом в карман своего рабочего комбинезона.

В последний момент я заметил, что одно из писем сверху пачки адресовано Алегре из лаборатории. Конверт был надписан твердым мужским почерком. Обычно вся ее корреспонденция приходила на мой адрес, а я посылал кого-нибудь отнести письма ей домой... Это письмо я отложил в сторону.

— Ан навестил нас однажды, когда ему стали разрешать раз в неделю отлучаться из тренировочного центра, где проходят подготовку все юные золотистые, — продолжал Санди. — Джой и родители Ана жили тогда среди тростников в устье широкой реки. А мы жили чуть дальше, в каньоне Падшего Хрома. Ан и Джой сблизились, несмотря на то что Джой мой ровесник, а Ану тогда было всего лет восемь или девять. Думаю, Джой единственный, кто на самом деле знает, через что прошел Ан, так как они оба золотистые.

Удивляясь все больше, я повернулся к Санди.

— В твоей семье был золотистый?

— Конечно, — ответил Санди, непонимающе уставившись на мое удивленное лицо. — Джой...

Так как я не мог просто так стоять разинув рот, я занялся письмом, адресованным Алегре.

— Давно подмечено, что все золотистые нетерпимы к обычным людям и долго могут выносить лишь существ собственного племени. Но в центре галактики существует правительственная организация, поддерживающая программу принятия золотистых в полисемьи.

— Словно ложка дегтя в бочку с медом, — кисло пробормотал я, проведя черным ногтем по клейкому сгибу письма.

— Верно. Однако тут все намного сложнее, босс. Я помню, они выдвинули теорию о том, что мальчикам из золотистых полезно подобное психологическое испытание. Оно укрепит их. Когда Ан, приехав к нам, заговорил об этом, у меня от его речей слезы на глаза наворачивались.

Я вытянул из конверта послание, адресованное Алегре.

— Я рад, что они могут придать воспоминаниям малышей определенную окраску или вообще вычистить их из памяти...

— Ничего хорошего в этом нет. — С этими сло-

вами я отбросил теперь уже ненужный конверт в сторону.

— *...ничего хорошего...* — вторила мне звуковая пластинка.

Госпожа Полоски и я тоже пару раз пользовались услугами этой лаборатории. Думаю, каждый из механиков этой станции может сказать то же самое. Видимо, послание было на середине, потому что стоило мне еще раз коснуться листика-диктофона, как он зажужжал, возвращаясь в первоначальное состояние, чтобы зачитать все с самого начала.

— Вы знаете, — продолжал Санди, — Джой немного отличался от остальных золотистых. Он не понимал некоторых вещей...

— *Алегра*, — старческим голосом тихо забормотал листик-диктофон. — *Мы рады, что получили мочу, которую ты послала нам через мистера Ратлита в прошлый вторник...*

— *...А кроме того, Джой был одним из самых сладострастных людей. Никого более охочего до этого дела я не знаю. Наверное, поэтому с ним легко было ужиться. Может, поэтому он много...*

— *...и сейчас, когда уже прошла неделя, мы хотим напомнить: наша фирма выдает ре-*

зультаты анализов немедленно, но необходимо сделать повторный анализ через семь дней... Мы рады сообщить вам, что скоро у вас родится ребенок. Однако...

— ...Верно, он был не таким, как мы. Реакция у него была получше. Он ничуть не походил на золотистых глупцов, расхаживающих по этой Станции...

— ...но отцовство принадлежит не мистеру Ратлиту. Если вас интересует, для ваших евгенических записей, на будущее, кому же принадлежит отцовство, то пришлите нам анализы всех возможных кандидатов, и мы будем счастливы помочь установить, кто из вашей полисемьи отец ребенка...

— ...Не могу понять, босс, как люди могут подолгу жить в дыре наподобие нашей Пересадочной Станции. Именно поэтому я хочу отправиться дальше...

— ...Благодарю вас за то, что воспользовались моими услугами. Был рад сообщить вам приятную новость. Помните, если у вас какие-то проблемы, звоните. — И после долгой паузу диктофончик повторил моим голосом: — *...ничего хорошего.* — Значит, в тот момент, когда я вытаскивал его из конверта, он был настроен на

запись.

Дослушав запись до конца, я повернулся к Санди.

— Ты занимался... любовью с золотистым?

Снова перемотавшись, письмо заговорило, повторяя все с самого начала, и я, приглушив звук, отложил его в сторону.

— Санди, — снова обратился я к своему помощнику, — тебя наняли потому, что ты хороший механик. Занимайся тем, за что тебе платят. Иди работай.

— Ох, извините, босс...

Быстро пятясь, он выскользнул из офиса.

Я присел.

Может, я слишком старомодный, но когда кто-то убегает, бросив больную девушку, к тому же в положении... мне это не понять. Это был последний маленький штришок трагедии. Теперь я понял, почему улетел Ратлит. Для формального подтверждения анализов требовалось семь дней. При физическом состоянии Алегры беременность для нее была так же смертельна, как и аборт. Любой из известных мне методов аборта убил бы ее. Ратлит прочитал результаты и не показал их Алегре. Это были известия, которых она боялась. Ратлит же знал, что Алегра умрет в любом случае.

И поэтому украл ремень золотистого. «Любить кого-то — значит не представлять себе жизнь без этого человека», — сказала как-то Алегра. Когда кто-то убегает, бросив умирающую девушку, у него должны быть на то веские причины. У меня в голове словно соединились две критические массы. Этот взрыв перевернул мир в моих глазах, хотя я думал, будто отлично понимаю, что к чему...

Пересилив себя, я достал конторские книги, включил компьютер, а потом выключил его и убрал книги и уставился на драгоценный камень Ана.

Среди плавающих, летающих, ползающих существ — супругов, дающих рождение, растущих, изменяющихся, занимающихся своими делами, я встретил существо, чьи физиологические характеристики задавали эти смертоносные зеленые черви кривых. И тогда я швырнул лист письма-диктофона в стену. Он разлетелся дождем белого пластика.

Страх и ненависть сплелись во мне воедино.

Я собирался убить золотистого, пусть даже он не имел к случившемуся никакого отношения и был обычным глупцом.

Ведь точно такое же безразличие и глупость

убили Алегру и Ратлита.

И теперь, когда я понял, какую угрозу для Алегры нес этот ребенок... я возненавидел золотистых и понял, что они угрожают и мне...

Глава двенадцатая

До бара я добрался через несколько минут после того, как потух дневной свет и включились ночные лампы. А все потому, что я останавливался не меньше десяти раз и был сильно пьяным. Помню, по дороге я пытался объяснить, что к чему, астронавту с межзвездного челнока, который впервые оказался на нашей Станции. Еще я оказался свидетелем одной забавной сцены: стоял и глазел, как женщина (золотистая), вооружившись осколком стекла, нападает на свою подругу... С астронавтом же, нырнув в недра бара и расположившись у пивной стойки, я начал разговор так:

— Представь себе два огромных стекла, а между ними земля, пронизанная множеством ходов. А если добавить несколько длинных полос пластика, получится настоящий террариум... Можно часами сидеть возле него и наблюдать, как маленькие муравьи прокладывают туннели, носят

яйца, суетливо бегают по туннелям... Когда я был маленьким, у меня был собственный муравейник...

Я сунул трясущиеся руки в лицо собеседнику. Цепочка с драгоценным камнем запуталась в моих пальцах.

— Успокойся, — сказал мне астронавт, высвободив цепочку. — Да все в порядке, парень. Расслабься!

— Понимаешь, — я никак не мог успокоиться, — все что я имел, когда был ребенком, — собственный муравейник!

Он отвернулся и уперся локтем о стойку.

— Ладно тебе, — приветливо заговорил он. А потом сделал очень глупую и грубую ошибку. Ничего хуже он и придумать не мог. — Так что там у тебя был за муравейник? — поинтересовался он.

— Моя мама...

— Я думал, ты расскажешь мне о своей тете[11].

— Если хочешь, — вздохнул я. — Моя тетя слишком много пила. То же самое я могу сказать о своей матери.

— Все верно. Сначала о тете, потом о матери.

— Моя мать, видишь ли, всегда беспокоилась

---

[11] Примечания: 11

Игра слов. Ant — муравей, aunt — тетя (прим. переводчика).

обо мне. Доводила меня своей заботой... Больше всего мне доставалось, когда я был маленьким. Она с ума меня сводила! А я лгал и бегал смотреть на корабли в космопорт, называвшийся Бруклинская Военно-воздушная пристань. Там швартовались корабли, которые потом улетали к далеким звездам.

Лицо астронавта скривилось от усмешки.

— Конечно, и мы так поступали... Я тоже, когда был мальчишкой, бегал смотреть на межзвездные корабли.

— Но если шел дождь, мама не выпускала меня на улицу.

— Да, это — плохо. Маленький дождик ничуть ребенку не повредит. Так почему же она не выпускала тебя, когда с неба капало? Ты скажи честно, может, она порой была слишком занята, чтобы обращать на тебя внимание?.. Один из моих стариков был точно таким же.

— А у меня оба были такими, — сказал я. — Но моя мама еще хуже. Если она торчала дома, то не спускала с меня глаз. Она меня изводила своей опекой!

Мой собеседник кивнул. Словно соглашаясь со мной.

— И тебе было никак не удрать под дождь?

— Ага. Но ты ведь рос не там, где я, тебе этого не понять... Теперь-то все изменилось.

— Да... Теперь меж звезд пролегли торговые маршруты.

— Угу... А она выйти мне под дождь не давала и сводила меня с ума.

Астронавт согласно кивнул.

— Но я разрушил эту идиллию! — Тут я с такой силой ударил кулаком по стойке, что статуэтка в противоположном углу стойки — медный шар на проволочном основании — подскочила и повалилась набок. — Я нашел способ убежать! Песок, земля, стекло... Террариум стал моим миром.

— Ты его потом разрушил?

— Ага! Разбил, растоптал. Кстати, мать тогда пыталась меня остановить.

— Подожди... Ты сказал «песок»? Значит, ты жил на побережье? Я тоже ребенком жил на побережье. Для детей лучше места не придумаешь... Значит, ты разрушил свой террариум?

— Дал муравьишкам разбежаться. Отпустил их на волю.

— А на нашем побережье не было никаких муравьев... А что ты там говорил о торговых маршрутах?

— Да пошли они! — Я снова изо всех сил ударил

кулаком по стойке. — Пусть все убираются, нравится им это, или нет! Это их проблемы, и пусть они пошевеливаются, а не я! Ведь я не... — И тут я снова безумно захохотал.

— Значит, она дала тебе уйти, и с тех пор тебя ничего не заботит?

Мои руки тяжело хлопнули о край столешницы. Я с трудом перевел дыхание от боли.

— Так и было на нашем побережье, — объявил я и поднес пальцы к лицу, посмотреть, не повредил ли я их. Поперек ладоней шла красноватая полоса. — Да и муравьев на нашем побережье не было.

— Ты хочешь сказать, что врал мне насчет всяких там муравьишек?.. Эй, парень, с тобой все в порядке?

— ...разбил террариум, — только и смог прошептать я. Потом потряс кулаком и, схватившись за цепочку, со всей силы ударил подарок золотистого о стойку. — Пусть убираются! Пусть все поганые золотистые убираются в свой поганый космос! — Тут меня скрутило пополам. Отбитой рукой я схватился за желудок.

— Эй, парень?

— Я тебе не парень! — взорвался я. — Ты ведь думаешь, я какой-нибудь глупый, полубезумный

придурок?

— Ладно, пусть ты старше меня... С тобой все в порядке?

— Я тебе не парень!...

— Пусть ты на десять лет старше, чем Сириус... Успокойся, или нас выкинут из бара.

А потом меня вышвырнули из бара.

* * *

В тот вечер я бродил по улицам, и кто-то кричал:

— Убирайтесь! Убирайтесь!

Скорее всего, это кричал я сам.

Помню, немного позже я стоял под уличным фонарем. Ветер из-за края Звездной Ямы бил мне в лицо. Земля у меня под ногами ходила ходуном (по крайней мере, у меня было такое ощущение). И еще мне казалось, я вот-вот упаду. Камешки дорожки у меня под ногами терлись о металлический край тротуара. Звук был ужасно громким. А вокруг завывал ветер. Он хотел оторвать меня от фонаря и унести в темноту.

Когда я поднял руку с подарком Ана (удар о стойку шарику ничуть не повредил), ветер швырнул цепочку мне в лицо, и я почувствовал ее холодное прикосновение к щекам и переносице.

Я качнулся назад, пытаясь избежать ее прикосновений. Цепочка запуталась вокруг моих пальцев. Шарик драгоценного камня качался на ее конце, мерцая в свете уличных фонарей. Ветер ревел. Камни выскальзывали у меня из-под ног и исчезали в бездне.

* * *

Потом, не помню уж как, я оказался возле ангара. Дверь была приоткрыта. Я шел к ней, спотыкаясь в темноте, с трудом удерживая равновесие. Иногда мне казалось, что темнота вокруг меня шевелится.

Я остановился, когда мои ноги ударились о скамейку возле верстака. Чтобы повернуть выключатель и включить свет, мне пришлось обойти верстак. В тусклом оранжевом свете лампы, подвешенной за скамьей, открылся стояк с множеством управляющих рукавиц. Я сорвал одну из них и натянул ее на руку.

Неожиданно раздался голос:

— Кто там?

— Уходи, Санди, — приказал я. Отвернувшись, я включил источник питания на запястье. Где-то высоко над головой, пробуждаясь к жизни, загудели огромные механизмы.

— Извини, парень. Это не Санди. Снимай-ка перчатку и убирайся подобру-поздорову!

Покосившись, я увидел какую-то фигуру, появившуюся в круге оранжевого света. Неизвестный вытянул руку. В ней был вибропистолет. И тут я понял, это — женщина, только лица я никак не мог разглядеть.

Потом она опустила оружие.

— Вим? Это ты? Что, черт возьми, ты делаешь тут в такое время?

— Полоски?

— А кого ты ожидал тут найти?

— Так это твой ангар?.. — Я огляделся и потряс головой. — А я-то думал, мой... — И я снова потряс головой.

Полоски неодобрительно фыркнула.

— Вижу, сегодня ты хорошо нажрался.

Я взмахнул рукой, и стрела крана высоко над головой пришла в движение.

Пистолет тут же снова нацелился на меня.

— Если еще раз включишь механизмы, я выстрелю и не посмотрю, что это ты! Снимай-ка эту штуку.

— Очень смешно. — Я согнул палец и опустил коготь. Теперь он поблескивал в темноте футах в двадцати надо мной, так что я мог его видеть.

— Послушай, Вим, я говорю серьезно. Выключи и сними перчатку. Ты сейчас пьян и сам не знаешь, что делаешь.

— А этот паренек... золотистый... Ты взяла его на работу?

— Да. Он сказал, что это ты послал его. Поболтали с ним немного о том, о сем. С помощью одного из автоматов он снял обшивку с маленькой яхты, только для того, чтобы показать мне, что умеет обращаться с подобными механизмами. Побольше бы мне таких умельцев. Вот с перчатками он обращается намного хуже, но, разбирая корпус яхты, он был великолепен...

Я опустил коготь еще на десять футов, так что клинок повис точно между нами.

— Да ладно, Полоски. Ты же знаешь, я мастер в управлении перчаткой.

— Вим, если ты еще...

— Полоски, ты говоришь, словно заботливая тетушка, — объявил я. — А мне няни не нужны.

— Вим, ты очень пьян.

— Конечно. Но я не какой-то там неуклюжий пацан. Ничего с твоим оборудованием не случится.

— Если ты еще что-то сделаешь, ты будешь....

— Заткнись и смотри.

Я вытащил штуковину золотистого за цепоч-

ку из кармана и швырнул на каменный пол. В оранжевом свете невозможно было толком разглядеть, что это за штука.

— Что это?

Коготь упал вниз и застыл в нескольких миллиметрах над драгоценностью.

— Ого! Я не видела ничего похожего с тех пор, как мне стукнуло десять лет. Что ты собираешься делать с этой штукой? Ты поосторожнее с когтем. Ведь ненароком сломаешь свой камень.

— И это будет правильно. Разбить его вдребезги!

— Подожди. Дай-ка я сначала взгляну на нее.

Я чуть приподнял клык.

— Смотри, — разрешил я. — Пьяный или в тоске, но я с легкостью обращаюсь с этой штукой. — Свободной рукой я похлопал по перчатке.

Но Полоски словно не слышала моих слов.

— Я уже многие годы не видела ничего подобного. Как бы я хотела иметь такую штуку.

— Ты хочешь сказать, это не таинственный артефакт, привезенный из какой-то там отдаленной галактики?

— Эти штуки делаются в нашей галактике. Таких игрушек раньше было много.

Я поднял драгоценность и протянул ее Полос-

ки.

— Их использовали как учебные пособия... А почему ты хочешь его сломать?

— Я никогда не видел их раньше...

— Тебе дал его кто-то из астронавтов? Они не знают, зачем нужна эта штука. Не ломай ее.

— Я хочу сломать.

— Почему, Вим?

К горлу подкатил ком. Я не знал, как объяснить ей все, что накопилось в моей душе. Что со мной случилось.

— Потому что хочу убежать... И если я не разобью этот шарик, то могу разбить кому-то голову.

Моя рука внутри перчатки задрожала. Коготь вздрогнул. Полоски, прижав к груди драгоценность, отскочила.

— Вим!

— Я застрял тут, на этой Станции. — Ком в горле в любой момент мог накатить снова, поэтому я старался говорить быстро, чтобы успеть высказаться. — Я без всякой пользы болтаюсь здесь среди чудовищ и глупцов! — Коготь дернулся, ударил в бетон пола, заскрежетал. — А когда твоим детям... детям плохо, и ты даже не можешь добраться до них...

Коготь заскользил в сторону Полоски, и она

отскочила назад, во тьму. Теперь я едва мог ее разглядеть.

— Черт побери, Вим...

— ...я не могу добраться до своих детей.

Коготь перестал трястись, медленно пошел назад, поднимаясь.

— Я хочу разрушить что-нибудь и уйти. По-детски веду себя, да? А все оттого, что никто не обращает на меня внимания. Есть я, нет меня...

Коготь подскочил вверх еще на несколько футов.

— Даже когда я пытаюсь помочь людям, никто не обращает на меня внимания. Но я не хочу никому верить. Поверь мне... Клянусь...

— Вим, сними перчатку и послушай!

Коготь снова упал, и мне пришлось поднять руку, чтобы он не царапал цемент.

— Вим, я всегда обращала на тебя внимание. — Полоски очень медленно приблизилась, вернулась в круг оранжевого света. — Ты уже много лет бродишь по этой Станции, отыскиваешь разных мальчишек и помогаешь им устроиться в жизни. Они не все были такими, как Ратлит... Я тоже люблю детей. Вот почему я беру их на работу. Я считаю, что работа — это ответственность, она помогает взрослеть... Я люблю детей... Я люблю

тебя...

— Ах, Полоски...

Я покачал головой. На мгновение вся эта сцена показалась мне отвратительной.

— Ты не сможешь остановить меня... Я тебя немного люблю, совсем чуть-чуть... Несколько раз я даже думала о том, чтобы пригласить тебя в свою полисемью.

— Пожалуйста, замолчи, Полоски. Слишком много удивительного случилось со мной за эту неделю. Но на эту ночь хватит, а?

А потом во мне что-то сломалось. Разом исчезла вся решительность. Я выключил перчатку.

— Не любовь пугает тебя, Вим, и не важно, в каком виде и когда она приходит. Не беги от нее. Хочешь, вместе соберем полисемью? Конечно, поначалу это будет довольно трудно для такого парня, как ты. Но ведь ты же раньше имел семью. Тогда вокруг тебя сновали дети и...

— Я скоро расстанусь с Санди, — объявил я. — У него большое сердце, и он рвется к своей полисемье. Может, он хочет загладить свою вину, хотя лично я не знаю, в чем он там виноват, или попробовать начать все заново.

Я снял перчатку.

— Подожди, Вим! Не уходи вот так. Останься

хоть на минутку!

— Полоски, я пьян, как свинья! — швырнув перчатку на стол, объявил я.

— Пожалуйста, Вим!

— Нажмешь на курок пистолета, чтобы остановить меня?

— Нет...

— Надеюсь, паренек, которого я прислал тебе в подмастерья, окажется способным учеником. Извини, что я ворвался в твой ангар посреди ночи... До свидания!

Я отвернулся от стола.

В девяти тысячах миль от меня в космосе повернулся щит Стелларплекса. Серебряный свет обрушился на крышу ангара и, проскользнув через люки, очертил на полу светлые пятна. Между мной и Полоски покачивался металлический крюк. Расслабившись и приглядевшись, я увидел большие, полные обиды глаза Полоски — бирюзовые озера, сверкающие от слез.

И тут кто-то позвал:

— Мама!

Полоски посмотрела через плечо.

— Ан, ты проснулся?

Золотистый, потирая шею, шагнул в круг серебряного света.

— Кресло в вашем офисе очень жесткое.

— Он здесь? — удивился я.

— Точно, — подтвердила Полоски. — Ему негде было остановиться, и я разрешила ему поспать в офисе, пока я тут не закончу все дела. Вим, мое предложение в силе. Конечно, если хочешь, можешь уйти, но не думаю, что тебе этого хочется. Не криви душой.

— Полоски, ты — славная женщина, с тобой хорошо в постели, ты — хороший механик, — попытался объяснить я ей. — Но у меня это все уже было раньше. Ты просишь меня присоединиться к твоей полисемье. Это для меня слишком большая ответственность... Я знаю, что прав...

— И еще вы — хороший бизнесмен. — С этими словами Ан подошел ближе и встал возле женщины. Он тяжело дышал, и мне показалось, что в нем разом проснулось все животное, присущее его натуре.

— Полоски, предложение делала ты, а не я. У меня и так хватает неприятностей. Именно поэтому я сейчас вдали от своей семьи.

— Но не всегда же было так... Раньше я никогда не видела тебя навеселе.

— Тем не менее я напиваюсь довольно часто, — возразил я. — А ты не думала о том, что моя

полисемья могла просто выгнать меня?

— Тогда, наверное, это случилось давным-давно. Сколько лет мы знакомы?.. И все это время у тебя не было никакой семьи. Видно, ты сильно вырос с тех пор... Но оставим эти разговоры. Пойдем выпьем кофе. Ан, иди в офис и поставь воду. Я ведь показывала тебе, где что лежит.

Ан с таким видом, словно только что получил пощечину, повернулся и растаял в темноте.

— Пойдем, — позвала Полоски. Она взяла меня за руку, и я пошел вместе с ней. Но перед тем, как мы нырнули во тьму, я увидел свое отражение на полированной поверхности одного из приборов.

— Нет. — Я отшатнулся от женщины. — Нет. Я лучше пойду домой.

— Почему? Ан заварит нам кофе.

— Ребенок... Я не хочу, чтобы ребенок видел меня в таком состоянии.

— Он уже видел тебя. И от этого зрелища ему никакого вреда не будет. Пойдем.

* * *

Войдя в офис Полоски, я почувствовал, что даже проклятий у меня не осталось. Вот так-то. Долго я был один. А теперь я решился изгнать одиночество.

Когда Ан повернулся ко мне, чтобы предложить кофе, я положил руки ему на плечи. Он аж подпрыгнул, но не разлил дымящийся напиток.

— Я хоть и пьяный, но должен тебе кое-что сказать, парень. Даже если мозги у тебя набекрень, не стоит рассказывать людям, тем, которые не золотистые, свои тайны. Лучше уж отправляйся на Землю. Найди там какого-нибудь ниггера и скажи ему, как он хорошо поет, танцует и какое у него отличное чувство ритма. Пачкай мозги ему. Эта мудрость известна всем, кто детство свое провел на Земле...

Он выскользнул из моих рук, поставил чашечку кофе на стол и отвернулся.

— Я не рассказывал вам никаких своих тайн.

— Ты сказал, что золотистые страдают оттого, что активно не участвуют в жизни общества. Что вы чувствуете себя попавшими в западню...

— Я сказал, что человеческое общество использует нас, золотистых, нам некуда деваться, и поэтому мы словно в западне. В этом нет никакой тайны.

Полоски села за стол, взяла мой кофе и начала пить его маленькими глотками.

Я поднял голову.

— Расскажи-ка мне, как тебя, золотистого, мож-

но поймать в западню.

Но никто не обратил на мои слова никакого внимания.

— Извини, — сказала мне Полоски, — я взяла твою чашку.

— Заткнись!.. Так как тебя поймать в западню, а, Ан?

Мальчишка повел плечами, словно стараясь устроиться поудобнее.

— Это началось в созвездии Тибер-сорок четыре. Золотистые, вернувшиеся оттуда, были по-настоящему потрясены.

— Да. Я слышал об этом. Все это случилось несколько лет назад.

Лицо Ана скривилось. Мускулы лица вокруг глаз странно вздулись под кожей, словно их свело судорогой.

— Что-то там...

Я коснулся рукой его уха и стал осторожно поглаживать кожу большим пальцем, как люди делают иногда, лаская кошек.

— Говори... Расскажи мне об этом.

— Да. Ладно... — фыркнул Ан и нагнул голову вперед, уклоняясь от моей руки. — Вначале их обнаружили на Тибере-сорок четыре, но они перевернули все вверх дном. А потом они объ-

явились во всех галактиках, на половине планет, где, возможно, была жизнь, и множестве таких, где она и вовсе не возможна.

Его дыхание с присвистом вырывалось из легких. Я продолжал поглаживать его, постепенно успокаивая.

— Люди считали себя отличными психологами и думали, что смогут работать вместе с ними, изучать их, даже обсуждать... но в них было что-то, что изменило наше ощущение реальности. Это было страшное потрясение.

— Ан, если ты пойман в западню, значит, ты не можешь идти куда-то, — попытался втолковать ему я. — Но ведь ты же можешь лететь куда пожелаешь.

Он кивнул, но в этот раз голову не убрал.

— Все равно я прав... Вы хотите знать, где и кто поймал золотистых?

Полоски поставила чашечку кофе на стол и внимательно слушала наш разговор, поигрывая цепочкой с драгоценным камнем. Ан отчаянно заморгал.

— Как нас поймали? — пробормотал он. — Все дело в том, что эти существа пришли из другой вселенной.

— Из далекой — далекой галактики? — попро-

бовала уточнить Полоски.

— Нет. Из другого континуума времени и пространства. — Мальчик уставился на драгоценность в руке Полоски, которая совсем недавно была его собственностью. — И по временным, и по физическим состояниям она совсем иная.

— Своего рода параллельный мир...

— Параллельный? Черт побери! — Ан произнес это как-то странно, растягивая слова. — Ничего параллельного в нем нет. Их биллионы биллионов... этих миров. Они по размеру в сотни раз больше, чем наша вселенная. И все это новое пространство внешне занимает объемы меньше нашей галактики. Некоторые из пришельцев кажутся нам призраками, потому что частично живут в другой вселенной... И в тех вселенных нет никакого электромагнетизма. Ни радиоволн, ни тепла, ни света в нашем понимании. — Ан по-прежнему неотрывно следил за драгоценностью в руке Полоски. Голос его становился все тише.

Протянув руку, я накрыл ладонью таинственный шарик и забрал его у женщины.

— Откуда ты-то узнал о них? Кто рассказал тебе эту сказку? Тот, кто побывал в тех мирах?

Заморгав, Ан повернулся ко мне.

Когда он сказал мне, я начал смеяться.

Приспособившемся к новому пониманию вселенной, золотистые оказались чем-то неустойчивым — переходным звеном...

Ан засмеялся вместе со мной, не знаю уж почему. Он все объяснил нам между взрывами безумного, истерического смеха, рассказал, как с помощью микрохирургической техники золотистые прочитали мегабайты информации, напрямую исследуя нервную систему странных существ, устилающих бархатным ковром поверхность одной из планет Тибера-сорок четыре. Эти существа могли выдерживать сильный холод и жару, могли обитать в вакууме и выдерживать давление в сотни фунтов на квадратный миллиметр. Но даже очень слабое ультрафиолетовое излучение разрушало их нервные окончания. Тогда они умирали. Эти существа были маленькими и обманчиво органическими, потому что настоящие органические существа должны дышать и питаться. Они имели четыре пола, двумя из которых могли обладать только юные существа. Псевдоложноножки заменяли им органы чувств, служили чем-то вроде глаз. У них было двенадцать различных органов чувств, три из которых просто не могли существовать в нашем пространственно-временном континууме. Они

двигались при помощи четырех чаш-присосок, которые использовали кинетическую энергию. Они были маленькими и на вид казались пушистыми. Единственный способ заставить их перепрыгнуть в другую вселенную — испугать до смерти. Вот тогда-то они и исчезали.

(Только тогда я понял, куда исчезли ленивцы из террариума моих детей.)

Ан схватился за живот, его аж скрутило от смеха.

— Все золотистые, что работали с ними на Тибере-сорок четыре, спятили. — Он, все еще усмехаясь, наклонился над столом. — Разом отправились по домам. Они больше никогда не полетят к далеким звездам. Мы, золотистые, стараемся не думать об этих тварях, потому что намного легче вас, обычных людей, теряем контроль над собой. Ведь легкая возбудимость — неотъемлемая часть золотистых. Кстати, у меня было одно из этих существ до вчерашнего дня. Эти существа или полностью апатичны, или злобны. Мой был еще совсем маленьким, таким белым и пушистым... А вчера он ущипнул меня и исчез. — Тут мальчик развел руками. На его запястье был четкий след, который могли оставить маленькие присоски — точно такой же, как был

на руке Энтони. — Надеюсь, малыш принес мне счастье. Может, он инфицировал меня, и я сам теперь стану как дух?..

Полоски продолжала мелкими глотками пить кофе, а мы с Аном снова расхохотались.

Эпилог

Поздно ночью я шел домой и чувствовал, как в животе плещется кофе.

Вот и открылся путь, по которому человечество определенно не могло пойти. Иногда ведь бывает так, что вы не можете подняться так высоко, как хотите. Санди сказал это? Точно, он. И то, что случилось с Санди, теперь случилось и с золотистыми. И все же Санди-то рос, шел вперед, только выбирал другие пути.

Я остановился под уличным фонарем и достал драгоценный камень с живым миром внутри. Интересно, функция продолжения рода первична или второстепенна? Если (эта мысль пришла мне в голову, когда та очистилась от виски, а это случилось уже на заре) рассматривать экологически сбалансированный мир как единое живое существо, то тогда функция продолжения рода вторична, а процессы вроде сна и еды — необхо-

димые функции отдельных его органов, и тогда главная задача такого организма — жить, работать и расти.

Вот тогда я надел цепочку с драгоценным камнем себе на шею.

Алкоголь еще не выветрился, и я чувствовал себя довольно паршиво. Но я пел от радости. Андроклес, разве можно упиться и смеяться, помня о своих мертвых детях? Может быть, и нет. Но скажи мне, Ратлит; скажи мне, Алегра: разве можно забыть о своем горе, напившись и хохоча вместе с золотистым? Не знаю. Я смеялся, это точно...

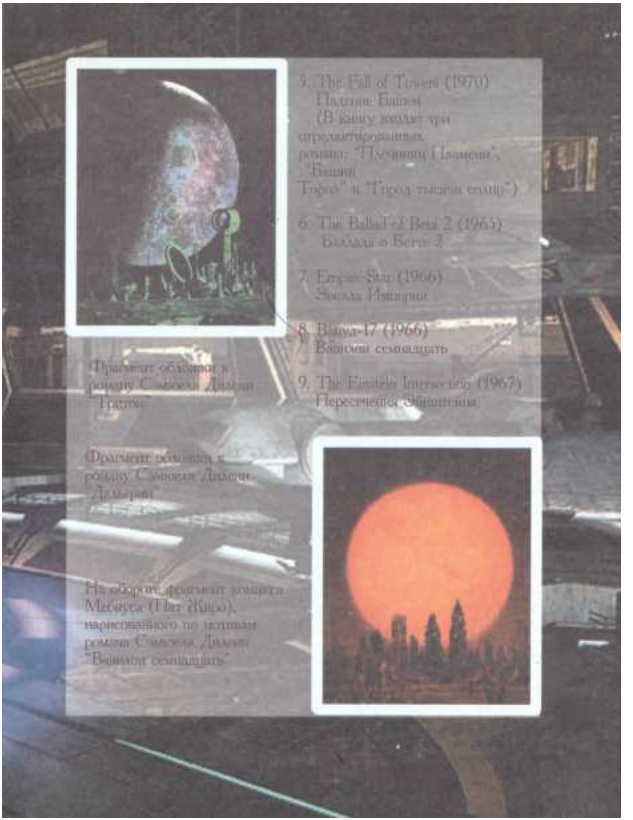
Потом я сунул руки в карманы своего комбинезона и пошел домой вдоль края Звездной Ямы, и над головой у меня гудел ветер...

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ
Сэмюэля ДИЛЕНИ

Сэмюэль Дилэни
фотография из
энциклопедии
фантастики
Питера Никколса
(1976)

1. The Jewels of Aptor (1962)
Драгоценности Аптора
2. Captives of the Flame (1965)
Пленники пламени
3. Tetherel of Toron (1964)
Башня Торона
4. City of Thousand Suns (1966)
Город тысячи солнц

Сэмюэль Дилэни
фотография из
справочника
научной фантастики
Брайна Олдисса
(1996)



5. The Fall of Towers (1970)
Падение Башен
(В книгу входят три отредактированных романа: "Падение Пламени", "Башня Торна" и "Город тысячи солнц")

6. The Ballad of Beta 2 (1965)
Баллада о Бете 2

7. Empire Star (1966)
Звезда Империи

8. Babel-17 (1966)
Вавилон семнадцать

9. The Einstein Intersection (1967)
Пересечение Эйнштейна

Фрагмент обложки к роману Сэмюэля Дилэни "Тритон"

Фрагмент обложки к роману Сэмюэля Дилэни "Дальгрен"

На обороте фрагмент комикса Мебиуса (Жан Жиро), нарисованного по мотивам романа Сэмюэля Дилэни "Вавилон семнадцать"

LES CULBUTEURS DE L'ENFER
SCIENCE FICTION
CALDY MAN

BABEL 17

SAMUEL R. DELANY

ET C'EST REPARTI DANS LA TENTATION DE L'ESPACE-OPÉRA DE BASE... ON CHOISIT... AVEC COMME DE VAGUES SIGNES D'HISTOIRE SOCIOLOGIQUE MAIS DE VOIR QUE DE L'INDICIBLE... C'EST CELA LA PLEINE MACROSCOPIQUE BIEN PENSANTE QUI EMMÈNE 17 DANS UN LANGAGE, PLEIN COMME VIDE DIT, VIDE S'Y COMME PLEIN PEINTE. ET PUIS CELA LONGS PAS, SUIT COMMENCE À AVOIR DES SIGNIFIANTS SECRETS-MARTIENS... SOUDAIN, D'AUTRES MAINTS ÉCHAUFFEMENTS... ET TOUT POUR DES BANALITÉS TENTATIONS... ET TOUT ÇA INDICIBLE DE CACHER...

Фрагмент
к обложке
романа
Сэмюэля
Дилени
"Вавилон
семнадцать"

10. Nova (1968)
Новая
11. Новая латынь (1968)
Хаос ведущий
12. Driftglass (ок. 1971)
Стеклышки
13. They Fly to Khin (1971)
Они летели на Кхин
14. Dark Flesh (1973)
Темная плоть

Фрагмент
обложки
к роману
Сэмюэля
Дилени
"Возвра-
щение
в Нивеон"

Фрагменты обложек в различных изданиях романа Сэмюэля Дилэни "Пересечения Эйнштейна"

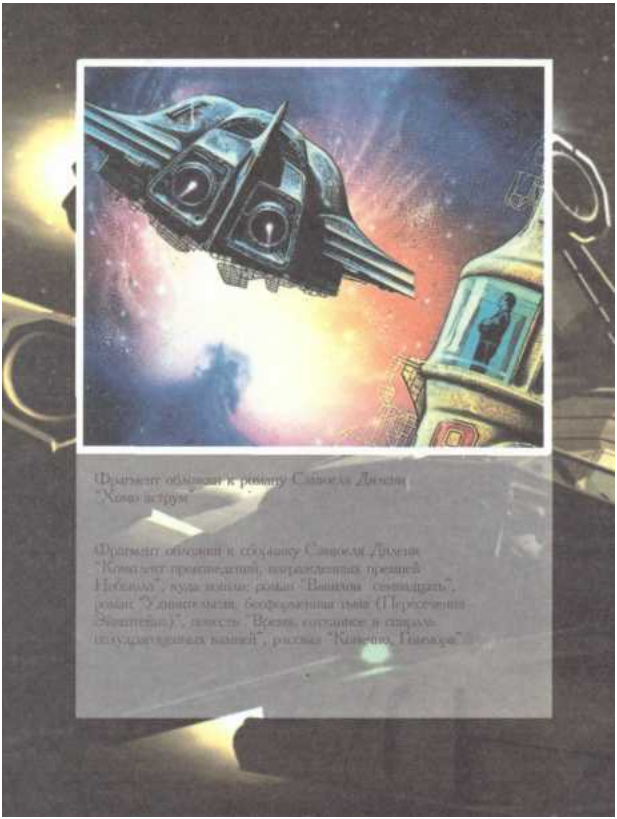
15. Dhalgren (1975)
Далгрен
16. Triton (1976)
Тритон
17. Empire (1978)
Империя
18. The Tale of Nevèrÿon, or The Tale of Sing and Cities (1981)
Истории Неверъона, или Истории знамени городов
19. Distant Stars (1981)
Далекие звезды

Фрагмент обложки
к роману Сэмюэля Дилэни
"Падение башен"

Фрагмент обложки
к роману Сэмюэля Дилэни
"Вавилон-17"

Фрагмент обложки
к роману Сэмюэля Дилэни
"Баллада о Бете 2"

20. Flight from Neveron (ок. 1985) Бегство из Нивероны
21. The Bridge of Lost Desire (ок. 1987) Последнее желание невесты
22. Stars in My Pocket Like Grains of Sand (1984) Звезды, словно песчинки, в моем кармане

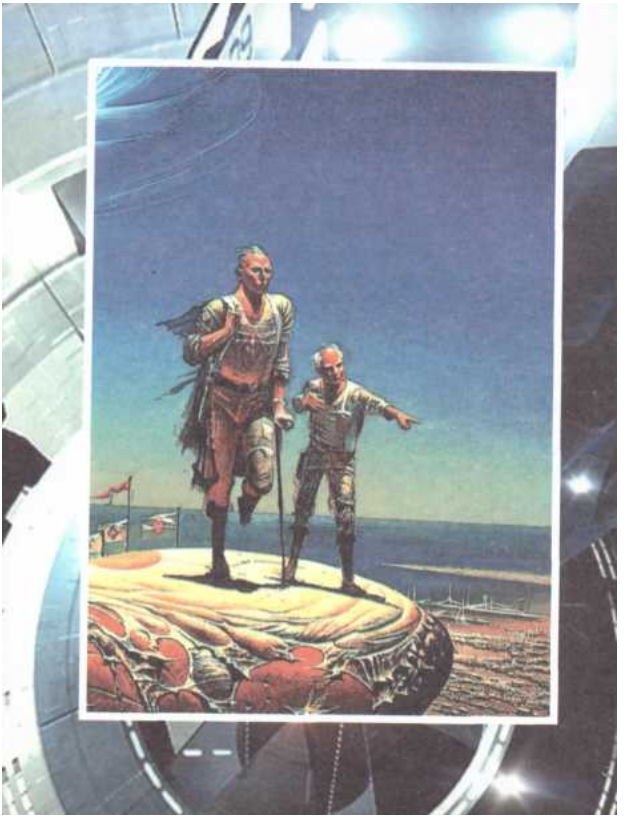


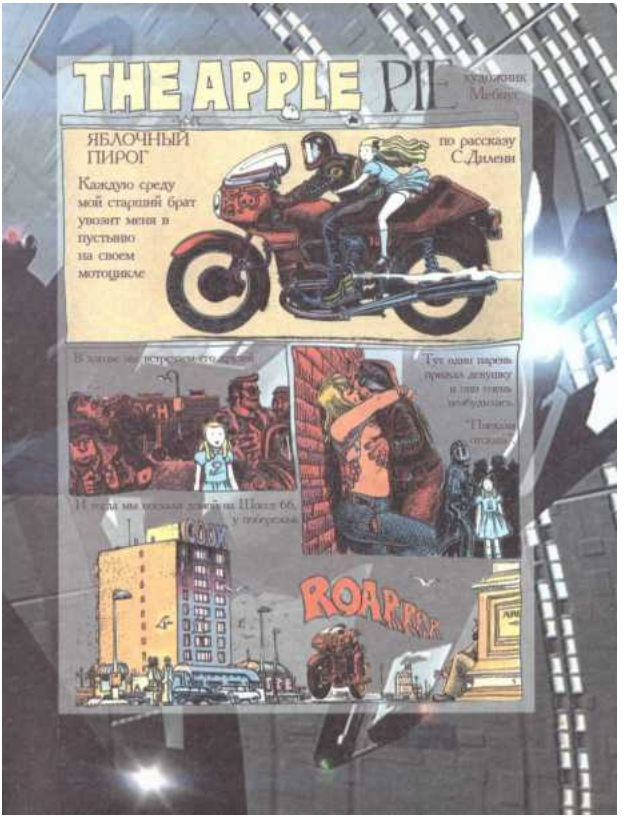
Фрагмент обложки к роману Сайласа Дюмон "Хомо аструм"

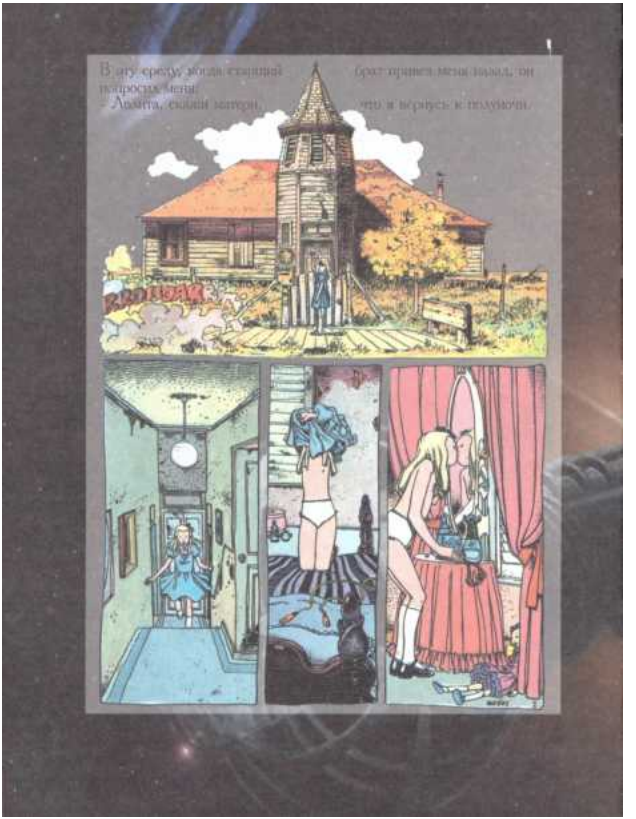
Фрагмент обложки к сборнику Сайласа Дюмон "Компендиум произведений, награжденных премией Небьюла", куда вошли: роман "Вашингтон семнадцать", роман "Удивительная, безобразная тьма (Пересечения Эпштейна)", повесть "Время, которое я спасла", несуществующих жалоб", рассказ "Кальмар, Пикмэн"

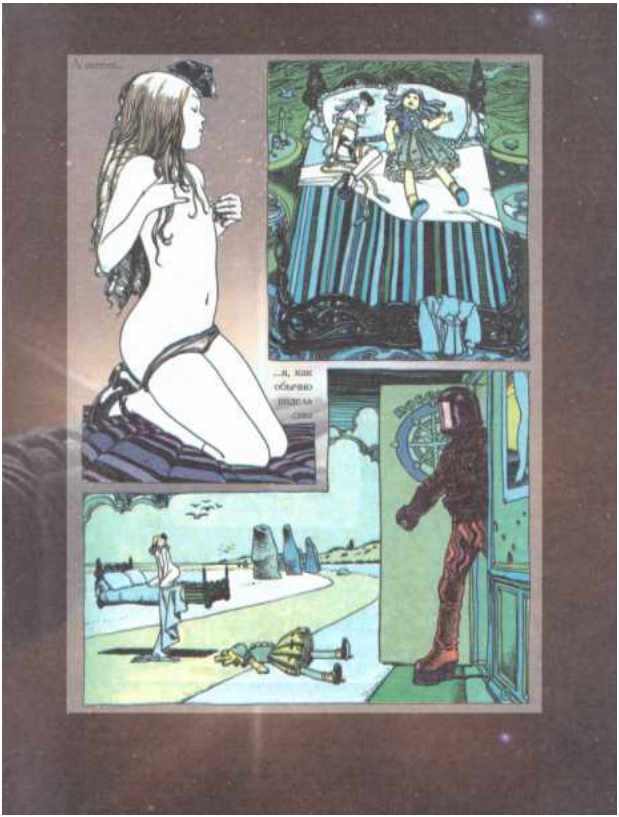
23. Vine of Starships (1984)
Вино звездных кораблей
24. The Games Critics XIX-XX (1988)
Игры критиков XIX-XX веков
25. About speech, race, sex, science fiction and some comics (1994)
О языке, расе, сексе, научной фантастике и некоторых комиксах

На обороте фрагмент обложки к сборнику рассказов Сэмюэля Дилени "Стекляшки"




THE APPLE PIE
Мебиус
ЯБЛОЧНЫЙ ПИРОГ
по рассказу С.Дилени
Каждую среду мой старший брат увозит меня в пустыню на своем мотоцикле
Тут один парень пристал к девушке и они очень поругались
ROAR ROAR


В эту среду мода старший попросил меня, Лолита, свою мать,
брат привел меня назад, он что я вернусь к полуночи.
РАССВЕТ


...я, как обычно видела сны

Каждую среду мама делала яблочный пирог...
Лолита, ты снова спишь наяву. Лучше возьми нож и почисти яблоки для пирога...
FIN

Впервые на русском языке "Драгоценности Эптора" - роман одного из самых эксцентричных писателей-фантастов Америки - Сэмюэля Дилени. Лауреат множества литературных премий Дилени хорошо известен российским читателям своими романами "Пересечение Эйнштейна" (премия Небьюла), "Вавилон -17" (премия Небьюла), "Падение башен", "Нова".

В книгу также включены повести "Баллада о Бете два" (премия Хьюго и премия Небьюла, как лучшая повесть года) и "Хомо аструм", а также рассказ "Стекляшки" (премия А.Кларка и премия Дж.Кэмпбелла, как лучший рассказ года).

ISBN 5-7654-1065-0
4601448410657

Сэмюэль ДИЛЕНИ

ДРАГОЦЕННОСТИ ЭПТОРА

издательский дом НЕВА